

«Издательский дом «Юр-ВАК»

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том / Vol. 13. № 1. 2023

SOCIOPOLITICAL SCIENCES

Publishing house «Yur-VAK»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

16+

Рецензируемый научно-практический журнал

Том 13. № 1. 2023 г.

Концепция журнала

Научный рецензируемый журнал «Социально-политические науки» публикует материалы по актуальным вопросам социально-политической стабильности в обществе; политической социализации в современной России и в мире; формированию национально-государственной идентичности в России; истории социально-политических учений; правовой социализации; правам и свободам человека и гражданина и гарантиям их обеспечения.

Миссия журнала – содействие развитию гражданского демократического общества в России, системы социально-политических ценностей, свободы, прав человека, законности и сильного государства.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 28.12.2018 г. журнал «Социально-политические науки» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. (<http://vak.ed.gov.ru/>). Журнал входит в Перечень ВАК с 01.12.2015 г.

Журнал публикует научные рецензируемые статьи по следующим научным специальностям:

5.5 – Политические науки

5.7 – Философские науки

5.4 – Социологические науки

5.1 – Юридические науки

Научное цитирование журнала: Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных в Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Рецензирование

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят двойное рецензирование, а также проверяются программой Антиплагиат по базам РИНЦ, РГБ. Подробные правила рецензирования представлены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» www.urvak.ru.

Главный редактор – *Ястребова Елена Владимировна*, канд. физ.-мат. наук, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Заместитель главного редактора – *Чистяков Владимир Всеволодович*, профессор, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Главный научный редактор раздела «Политические науки» – *Шабров Олег Федорович*, д-р полит. наук, профессор; Президент Академии политической науки; профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Главный научный редактор раздела «Философские науки» – *Петрий Петр Владимирович*, д-р филос. наук, профессор; зав. кафедрой философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Компьютерная верстка номера – *Попова Н.А.*

Дизайн обложки – *Бородин П.А.*

Переводчик – *Кожалиева А.Е.*

Журнал выпускается при участии: Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Мордовского Государственного университета им. Н.П. Огарева, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Российского университета дружбы народов (РУДН), Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития российской Федерации.

Журнал рекомендован Финансовым университетом при правительстве РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-46782 от 30.09.2011

ISSN 2223-0092 (print)
2310-7065 (online)

Периодичность 6 раз в год

Учредитель и издатель «Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 23А/21

Типография ТИРАЖИ.RU г. Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 5, тел. (495) 585-08-95

Сайт <http://www.urvak.ru>

E-Mail urvak@urvak.ru

Адрес редакции 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 23А/21

Телефон редакции 8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Подписка и распространение Журнал распространяется только по подписке.

Индекс по каталогу агентства «Почта России»: ПП613

«Социально-политические науки». Свободная цена

Агентство «Урал-Пресс», <http://www.ural-press.ru>

Тираж 140 экз. Формат 60×84 1/8.

Дата выхода в свет Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,875

28.02.2023

16+

SOCIOPOLITICAL SCIENCES

Peer-reviewed journal of research and practice

Vol. 13. No. 1. 2023

Journal concept

The peer-reviewed scientific journal "Sociopolitical Sciences" publishes materials on relevant issues of socio-political stability in society; political socialization in modern Russia and in the world; the formation of national-state identity in Russia; history of socio-political teachings; legal socialization; rights and freedoms of man and citizen and guarantees for their provision.

The mission of the journal is to promote the development of a civil democratic society in Russia, a system of socio-political values, freedom, human rights, the rule of law and a strong state.

In accordance with the decision of **the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia dated 12.28.2018, the journal "Sociopolitical Sciences" is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications** in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences should be published (<http://vak.ed.gov.ru/>).

The journal publishes peer-reviewed scientific articles on the following scientific specialties

- 5.5 – Political sciences
- 5.7 – Philosophic sciences
- 5.4 – Sociological sciences
- 5.1 – Juridical sciences

Scientific citation of the journal: Russian Science Citation Index (RSCI), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

The editorial policy of the "Yur-VAK" Publishing House is based on the principles formulated by the Association of Science Editors and Publishers (ASEP) Declaration "Ethical Principles of Scientific Publications".

Peer review

All articles published in the journal undergo double peer review, and are also checked by the Anti-Plagiarism program at the RSCI and RSL bases. Detailed review rules are presented on the website of the "Yur-VAK" Publishing House www.urvak.ru

Editor-in-chief – *Elena V. Yastrebova*, Cand. of Sci. (Phys.-Math.), "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief – *Vladimir Vs. Chistyakov*, professor, "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Editor-in-Chief of Philosophical science section – *Petr V. Petriy*, Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Editor-in-Chief of Political Science section – *Oleg F. Shabrov*, Dr. Sci. (Polit.), Professor; President of the Academy of Political Science; Professor at the Department of Public Policy of the Faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Computer layout of the number – *Popova N.A.*

Translator – *Kozhalieva A.E.*

Cover Design – *Borodin P.A.*

The journal is published with the participation of: Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Ogarev Mordovia State University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), RUDN University, Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation.

Name of the authority that registered the publication The publication is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Media Registration Certificate: PI No. FS77-46782 dated 09.30.2011

ISSN 2223-0092 (print)
2310-7065 (online)

Publication Frequency 6 times a year

Founder "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Printing House ТИРАЖИ.RU Moscow, Pravda str., 24, bld.5, phone: (495) 585-08-95

Web-site <http://www.urvak.ru>

Postal address 23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

E-Mail urvak@urvak.ru

Editorial address 23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Tel. 8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Subscription The magazine is distributed by subscription only.

Index according to the catalog of the "Russian Post" agency: **PP613**
"Sociopolitical sciences". Free price

Circulation 140 copies. Format 60x84 1/8. Offset printing.
Offset paper No. 1 Pr. sh. 10,875

The official public release date 28.02.2023

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДСОВЕТА ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Председатель редакционного совета журнала «Социально-политические науки»

Грязнова Алла Георгиевна – д-р экон. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; Президент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Сопредседатели редакционной коллегии журнала «Социально-политические науки»

Сушкова Юлия Николаевна – д-р ист. наук, доцент; заведующая кафедрой межкультурной и европейского права, декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Чистяков Владимир Всеволодович – профессор; главный редактор Издательского дома «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Главный редактор раздела «Политические науки»

Шабров Олег Федорович – д-р полит. наук, профессор; Президент Академии политической науки; зав. каф. политологии и политического управления ФГУ РАНХиГС; профессор кафедры МГУ им. Ломоносова, г. Москва

Главный редактор раздела «Юридические науки»

Серебrennikova Анна Валерьевна – д-р юрид. наук, профессор, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор раздела «Философские науки»

Петрий Петр Владимирович – д-р филос. наук, профессор; зав. кафедрой философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционной коллегии журнала «Социально-политические науки»

РОССИЯ

Андреев Валерий Витальевич – д-р ист. наук, профессор, Заслуженный работник культуры Чувашской Республики; главный научный сотрудник Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Чебоксары. ORCID: 0000-0001-5238-5385

Аринин Евгений Игоревич – д-р филос. наук, профессор; заведующий кафедрой философии и религиоведения, Владимирский государственный университет, г. Владимир

Бахлов Игорь Владимирович – д-р полит. наук, доцент; ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения; профессор кафедры государственного и административного права, руководитель Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем», г. Саранск

Буянова Марина Олеговна – д-р юрид. наук, профессор; профессор кафедры Трудового права и права социального обеспечения НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

Бельский Виталий Юрьевич – д-р филос. наук, профессор; начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Володина Нина Витальевна – д-р филос. наук, д-р юрид. наук; профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и информационно-правовых дисциплин Университет прокуратуры РФ, г. Москва

Гиззатулин Равиль Хасанович – д-р юрид. наук; профессор кафедры финансового и экологического права Башкирского государственного университета, г. Уфа

THE EDITORIAL BOARD AND THE EDITORIAL COUNCIL OF “SOCIOLOGICAL SCIENCES” JOURNAL

Chairman of the journal Editorial Council “Sociological Sciences”

Alla G. Gryaznova – Dr. Sci. (Econ.), Professor; Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Co-chairs of the Editorial Board of “Sociological Sciences” journal

Julia N. Sushkova – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor; Head of the Faculty of International and European Law, Dean of the Law Faculty of Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Vladimir V. Chistyakov – Professor; Editor-in-Chief of the “Yur-VAK” Publishing House, Moscow, Russian Federation

Editor-in-Chief of Political Science section

Oleg F. Shabrov – Dr. Sci. (Polit.), Professor; President of the Academy of Political Science; Head of the Department of Political Science and Political Administration of the FSI RANEP, Moscow

Editor-in-Chief of Jurisprudence section

Anna V. Serebrennikova – Dr. Sci. (Law); Professor of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Editor-in-Chief of Philosophical science section

Petr V. Petriy – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Members of the Editorial Board of “Sociological Sciences” journal:

RUSSIA

Valery V. Andreev – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honoured Cultural Worker of the Chuvash Republic; chief researcher at the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary. ORCID 0000-0001-5238-5385

Evgeny I. Arinin – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University, Vladimir

Igor V. Bakhlov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor; FSBEI HE “Ogarev National Research Mordovia State University”, Head of the Department of World History, Political Science and Regional Studies; Professor of the Department of State and Administrative Law, Head of the Scientific and Educational Center “Political Analysis of Territorial Systems”, Saransk

Marina O. Buyanova – Dr. Sci. (Law), Professor; Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Vitaliy Yu. Belsky – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Sociology and Political Science of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow

Nina V. Volodina – Dr. Sci. (Philos.), Dr. Sci. (Law); Professor of the Department of Humanitarian, Social, Economic and Information-Legal Disciplines, University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Moscow

Ravil Kh. Gizzatulin – Dr. Sci. (Law); Professor of the Department of Financial and Environmental Law, Bashkir State University, Ufa

Гладилин Алексей Петрович – д-р филос. наук, профессор; профессор Академии управления МВД РФ, г. Москва

Головнев Андрей Владимирович (ORCID) – член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор; главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнологии исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Грачёв Михаил Николаевич – д-р полит. наук, профессор, действительный член Академии политических наук; профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Долгорукова Ирина Владимировна – д-р социол. наук, доцент; профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета, г. Москва

Доленко Дмитрий Владимирович – д-р полит. наук, профессор; зав. кафедрой регионоведения и политологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Ермаков Дмитрий Николаевич, д-р полит. наук, д-р эконом. наук, канд. истор. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный деятель науки и техники; главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук

Жаворонкова Наталья Григорьевна – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва

Женетль Светлана Закошуовна – д-р юрид. наук, профессор; Российский государственный университет правосудия, кафедра гражданского и административного судопроизводства, г. Москва

Залысин Игорь Юрьевич – д-р полит. наук, профессор; зав. каф. политологии РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва

Забияко Андрей Павлович – д-р филос. наук, профессор; заведующий кафедрой религиоведения и истории факультета международных отношений, Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Ильичева Людмила Ефимовна (гл. редактор раздела «Государственное управление; Политические институты и технологии») – д-р полит. наук, канд. филос. наук, профессор; профессор кафедры управления проектами и программами; директор Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Калинина Галина Викторовна – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки Чуваш. Респ.; директор Чебоксарского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, г. Чебоксары. ORCID: 0000-0003-4174-1115

Калинкина Любовь Даниловна – канд. юрид. наук, доцент; зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Каменева Татьяна Николаевна – д-р социол. наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета социологии и философии Курского государственного университета; руководитель Центра общественного здоровья и медицинской профилактики, г. Курск

Кафтан Виталий Викторович – д-р филос. наук, профессор; заместитель руководителя по научной работе департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Кибакин Михаил Викторович – д-р социол. наук, профессор; профессор департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна – д-р соц. наук, канд. экон. наук; зав. сектором эволюции социально-экономических систем ФГБУН Института экономики РАН, г. Москва

Alexey P. Gladilin – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Andrey V. Golovnev (ORCID) – Corr. Member, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Hist.); Chief Researcher of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Archeology and Ethnology of the Faculty of History, Ural Federal University, Yekaterinburg

Mikhail N. Grachev – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Full Member of the Academy of Political Sciences; Professor at the Department of Political Science of the Russian State University for the Humanities, Moscow

Irina V. Dolgorukova – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor; Professor of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow

Dmitry V. Dolenko – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Head of the Department of Regional Studies and Political Science, Ogarev Mordovia State University, Saransk

Dmitry N. Ermakov, Dr. Sci. (Polit.), Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Hist.), Professor, Honorary Employee of the higher professional education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation; chief researcher at the Center for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences

Natalya G. Zhavoronkova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Svetlana Z. Zhenetl – Dr. Sci. (Law), Professor; Russian State University of Justice, Department of Civil and Administrative Procedure, Moscow

Igor Yu. Zalysin – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Head of the Department of Political Science of RGAU-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Andrey P. Zabiylko – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Religious Studies and History of the Faculty of International Relations, Amur State University, Blagoveshchensk

Lyudmila E. Ilyicheva (Editor-in-Chief of Section “Public administration; Political Institutions and Technology”) – Dr. Sci. (Polit), Cand. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Department of Project and Program Management; Director of the Center for Public-Private Partnership of the Institute of Public Service and Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation

Galina V. Kalinina – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Honored Science Worker of the Chuvash Republic; Director of the Cheboksary Institute (branch) of the Moscow University of Humanities and Economics, Cheboksar. ORCID 0000-0003-4174-1115

Lyubov D. Kalinkina – Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Head of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision of Ogarev Mordovia State University, Saransk

Tatyana N. Kameneva – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor; Professor at the Department of Sociology of the Faculty of Sociology and Philosophy, Kursk State University; Head of the Center for Public Health and medical prevention, Kursk

Vitaly V. Kaftan – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Deputy Head for the Scientific Work at the Department of Mass Communications and Media Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Mikhail V. Kibakin – Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Professor at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Svetlana G. Kirdina-Chandler – Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.); Head of the Sector of Evolution of Social and Economic Systems, Federal State Budgetary Institution, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

Ковлер Анатолий Иванович – д-р юрид. наук, профессор; зав. центром зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва
Ксенофонтов Владимир Николаевич – д-р филос. наук, профессор; профессор МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва

Курюкин Андрей Николаевич (научный редактор раздела «Политическая социология») – канд. полит. наук, профессор РАЕ; ст. науч. сотр. отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН, г. Москва

Латов Юрий Валерьевич – д-р социол. наук, профессор, канд. экон. наук; главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Лабин Дмитрий Константинович – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой публичного права, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, г. Москва

Лебедева Маргарита Леонидовна – канд. полит. наук, доцент; доцент кафедры политологии Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва

Летова Наталья Валерьевна – д-р юрид. наук, профессор; ведущий научный сотрудник секции гражданского права, арбитражного и гражданского процесса ИГП РАН, г. Москва

Лопашенко Наталия Александровна – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции руководитель научной социальной сети Crimpravo.ru, г. Саратов

Маркушина Наталья Юрьевна – д-р полит. наук, доцент; профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского Государственного Университета

Мокшин Николай Федорович – д-р ист. наук, профессор; зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Нефедов Борис Иванович – д-р юрид. наук, доцент; зам. зав. кафедрой международного права МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва

Носкова Антонина Вячеславовна – д-р социол. наук, профессор; профессор кафедры социологии Университета МГИМО Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Озеров Александр Алексеевич – канд. филос. наук, доцент; доцент кафедры философии и религиоведения, Военный университет Министерства Обороны РФ, г. Москва

Опенков Михаил Юрьевич – д-р филос. наук, профессор; профессор кафедры философии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Плаксий Сергей Иванович – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; ректор Национального института бизнеса, г. Москва

Попова Ирина Петровна – канд. социол. наук; ведущий научный сотрудник сектора социальной мобильности Института социологии РАН, г. Москва

Пихоя Рудольф Германович – д-р ист. наук, профессор; заведующий Историческим отделением ФГУ РАНХиГС, профессор, главный государственный архивист России, г. Москва

Разов Павел Викторович (главный редактор раздела «Экономическая социология») – д-р социол. наук, профессор, член-корр. Академии военных наук; профессор департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Сильвестрова Тамара Яковлевна – д-р филос. наук, профессор; профессор кафедры информационных технологий Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Чебоксары

Скачкова Галина Семеновна – д-р юрид. наук, профессор; зав. сектором ИГП РАН, г. Москва

Талынёв Валерий Егорович – д-р социол. наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж

Anatoly I. Kovler – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Center for Foreign Legislation and Comparative Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

Vladimir N. Ksenofontov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Andrey N. Kuryukin (Scientific Editor of Section “Political Sociology”) – Cand. Sci. (Polit.) Professor of RANH; Senior Researcher of the Department of Analysis of Socio-Political Processes, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow

Yuri V. Latov – Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Cand. Sci. (Econ.); chief researcher at the Center for Integrated Social Research Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Dmitry K. Labin – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Public Law, Professor of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Margarita L. Lebedeva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Political Science of RSAU-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Natalya V. Letova – Dr. Sci. (Law), Professor; Leading Researcher of Civil Law, Arbitration and Civil Procedure Section in ISL RAS, Moscow

Natalia A. Lopashenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy, Director of the Saratov Center for the Study of the Problems of Organized Crime and Corruption, Head of the scientific social network Crimpravo.ru, Saratov

Natalya Y. Markushina – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor; Professor of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University, St. Petersburg

Nikolay F. Mokshin – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Head of the Department of Pre-revolutionary Russian History, Archeology and Ethnography of Ogareva Mordovia State University, Saransk

Boris I. Nefedov – Dr. Sci. (Law.), Associate Professor; Deputy Head of the Department of International Law, MSIR (U), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Antonina V. Noskova – Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Professor at the Department of Sociology of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Alexander A. Ozerov – Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; associate professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Mikhail Y. Openkov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor at the Department of Philosophy of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

Sergey I. Plaksiy – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation; rector of the National Institute of Business, Moscow

Irina P. Popova – Cand. Sci. (Sociol.); leading researcher at the Social Mobility Sector of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Rudolf G. Pihoya – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Head of the Historical Department of the FSI RANEPА, Professor, Chief State Archivist of Russia, Moscow

Pavel V. Razov (Editor-in-Chief of section “Economic Sociology”) – Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Cor. Member of the Academy of Military Sciens; Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Tamara Ya. Silvestrova – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Department of Information Technology, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary

Galina S. Skachkova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Sector of ISL RAS, Moscow

Valery E. Talynev – Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Professor at the Department of Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh

Тен Юлия Павловна – д-р филос. наук; профессор департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Тулчинский Григорий Львович – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; профессор НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург

Умнова-Конюхова Ирина Антольевна – д-р юрид. наук, профессор; зав. отделом конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, г. Москва

Шульженко Юрий Леонидович – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; зав. кафедрой Конституционного права ИГП РАН, г. Москва

Яблоков Игорь Николаевич – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; кафедра философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, академик Российской Академии естественных наук, г. Москва

Якушева Ирина Петровна – канд. полит. наук, доцент; кафедра правоведения Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А.Тимирязева, г. Москва

Зарубежные члены редколлегии журнала

GERMANY

Зигмунт Ольга – PhD по праву, доцент; Университет Фехта, г. Фехта

ВЬЕТНАМ

Сао Ngoc Anh – PhD, преподаватель, вице-декан факультета консультирования по вопросам безопасности и лидерства Академии народной безопасности, г. Ханой

ИРАК

Hunar Ameen Hasan – PhD, канд. юрид. наук; декан факультета государственного управления и рационального использования природных ресурсов, Университет Чармо, Sulaimani Kurdistan region

ИТАЛИЯ

Марино Иван – канд. юрид. наук; доцент Департамента Восточной Европы Государственного Университета Università degli studi di Napoli l'Orientale, член Союза журналистов России, корреспондент журнала «Представительная власть XXI век», руководитель Фонда Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa, координатор проекта «Школа российского конституционализма на Капри», эксперт Фонда конституционных реформ, г. Милан

КИТАЙ

Wang Zan – Ph.D., доцент; Юридический факультет Далянского морского университета, провинция Ляонин, г. Далянь, Китай

Yue Qiang – PhD; Шанхайский политико-юридический университет; Комиссия по юридическим услугам для ШОС (Китай); Восточно-китайский политико-юридический университет, старший преподаватель; заместитель начальника Центра обмена и сотрудничества; научный сотрудник пост-докторской станции, г. Шанхай

ЛИТВА

Edita Gruodyte – PhD, профессор; Заместитель декана по научным исследованиям Университета Витаутаса Магнуса, юридический факультет, г. Каунас

ПОЛЬША

Rafal Adamus – д-р юрид. наук, профессор; Опольский университет, руководитель факультета экономики и коммерческого права, г. Ополье

Jarosław Turłukowski – PhD; доцент Института гражданского права, юридический и административный факультет Варшавского университета, юридический и административный факультет Варшавского университета, г. Варшава

Jacek Zieliński – PhD (Полит), профессор, Университет Седльце естественных наук и гуманитарных наук, Седльце

Julia P. Ten – Dr. Sci. (Philos.); Professor at the Department of Management and Innovation of the Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation

Grigory L. Tulchinsky – Honored Science Worker the Russian Federation, Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the NRU Higher School of Economics (St. Petersburg), St. Petersburg

Irina A. Umnova-Konyukhova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Constitutional Legal Studies of the Russian State University of Justice, Moscow

Yuri L. Shulzhenko – Dr. Sci. (Law); Head of the Department of Constitutional Law, ISL RAS, Lawyer of the Russian Federation, Moscow

Igor N. Yablokov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow

Irina P. Yakusheva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor; the Department of jurisprudence of the Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Foreign members of the Editorial Board of the journal

GERMANY

Olga Zigmunt – PhD (Law), Associate Professor; University of Vechta, Vechta

VIETNAM

Cao Ngoc Anh – PhD (Law); Lecturer, Vice Dean of the Security and Leadership Advisory Department, People's Security Academy, Hanoi

IRAQ

Hunar Ameen Hasan – PhD (Law); Dean of the Faculty of Public Administration and Rational Use of Natural Resources, Charmo University, Sulaimani Kurdistan region

ITALY

Ivan Marino – PhD (Law), Associate Professor; Department of Eastern Europe, State University Università degli studi di Napoli l'Orientale, member of the Union of Journalists of Russia, Correspondent of the journal "Representative Power of the 21st Century", Head of the Foundation "Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa", coordinator project "School of Russian Constitutionalism on Capri", expert of the Fund for Constitutional Reforms, Milan

CHINA

Wang Zan – PhD (Law), Associate Professor; Faculty of Law, Dalian Maritime University, Liaoning Province, Dalian, China

Yue Qiang – PhD, Shanghai Political and Law University; SCO Legal Services Commission (China); East China Political and Law University, Senior Lecturer; Deputy Head of the Center for Exchange and Cooperation; Postdoctoral Research Fellow, Shanghai

LITHUANIA

Edita Gruodyte – PhD (Econ.), Professor; Deputy Dean for Research, Vytautas Magnus University, Faculty of Law, Kaunas

POLAND

Rafal Adamus – Dr.Sci (Law), Professor; University of Opole, Head of the Faculty of Economics and Commercial Law, Opole

Jarosław Turłukowski – PhD (Law), Associate Professor; Institute of Civil Law, Faculty of Law and Administration of the University of Warsaw, Law and Administrative Department of the University of Warsaw, Warsaw

Jacek Zieliński – PhD (Polit), Professor, University of Siedlce of Natural Sciences and Humanities, Siedlce

СЛОВЕНИЯ

Kraljić Suzana – PhD (Law), доцент; Мариборский университет, юридический факультет, г. Марибор

США

Louise Shelley – PhD, профессор; Университет Джорджа Мейсона, г. Арлингтон, Вирджиния

ФИНЛЯНДИЯ

Тойдыбекова-Мустонен Лидия Семеновна – доктор филологии; Университет г. Хельсинки

ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пророк Владимир – PhD, доцент; Университет Яна Амоса Коменского Прага (УЯК), Чешская республика, г. Прага

РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН

Алиев Айдын Джамиль оглы – д-р философии по праву (Ph.D), доцент; старший научный сотрудник отдела «Уголовное право и уголовный процесс» Института Права и Прав человека НАН Азербайджана, г. Баку

Гурбанов Рамин Афад оглы – д-р юрид. наук, профессор; Вице-президент, Европейская Комиссия по эффективности правосудия Совета Европы (СЕПЕJ), г. Баку

Касумов Алыш Мамиш оглы – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой Гражданского процесса, трудового и экологического права Бакинского Государственного Университета, г. Баку

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Макарова Тамара Ивановна – д-р юрид. наук; профессор юридического факультета Белорусского государственного Университета, г. Минск

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Жалыбин Сергей Михайлович – д-р юрид. наук, профессор; академик Международной академии информатизации, директор НИИ института экономики и права Костанайского социально-технического университета им. акад. З. Алдамжара, г. Костанай

РЕСПУБЛИКА КИРГИЗИЯ

Осмоналиев Кайрат Медербекович – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Кыргызской Республики; внештатный профессор Шанхайского университета политических наук и права, адъюнкт-профессор Чженжанского университета (КНР), член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор факультета переподготовки и повышения квалификации кадров Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Член ЦИК КР, г. Бишкек

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН

Насурдинов Эмом Сайфидинович – канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета Таджикского национального университета, член Российской Академии Естествознания, г. Душанбе

Редакционный совет журнала:

Агафонов В.Б., Андриановская И.И., Бахлова О.В., Беликова К.М., Ботнев В.К., Бринчук М.М., Букалерева Л.А., Воронов А.Ф., Воронин Е.Р., Воскобитова Л.А., Выпханова Г.В., Горбунова О.Н., Джафаров А.М.о, Доленко Д.В., Ершова И.В., Журавлев Д.А., Зиядова Д.З., Кудрявцева Е.В., Лепешко Б.М., Мещерякова О.Н., Мокшина Е.Н., Морозова Е.Г., Павельева Т.Ю., Рассолов И.М., Северин В.А., Хатунцев О.А., Шмалый О.В., Шашкова А.В.

SLOVENIA

Suzana Kraljić – PhD (Law), Associate Professor; University of Maribor, Faculty of Law, Maribor

USA

Louise Shelley – PhD (Law), Professor; George Mason University, Arlington, Virginia

FINLAND

Lidia S. Toydybekova-Mustonen – Doc. (Phil.); University of Helsinki, Helsinki

CZECH REPUBLIC

Vladimir Prorok – PhD (Phil), Associate Professor; Jan Amos Komenský University of Prague (UYAK), Prague

REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Aydin Jamil oglu Aliyev – Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Senior Researcher of the Criminal Law and Criminal Procedure Department of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku

Ramin Afad ogly Gurbanov – Dr. Sci. (Law), Professor; Vice-President, European Commission for the Efficiency of Justice of the Council of Europe (CEPEJ), Baku

Alysh Mamish ogly Kasumov – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Civil Process, Labor and Environmental Law, Baku State University, Baku

EPUBLIC OF BELARUS

Tamara I. Makarova – Dr. Sci. (Law); Professor of the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk

RREPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Sergey M. Zhalybin – Dr. Sci. (Law), Professor; Academician of the International Academy of Informatization, Director of the Research Institute of the Institute of Economics and Law of Kostanai Social-Technical University named after academician Z. Aldamzhar, Kostanay

REPUBLIC OF KYRGYZSTAN

Kairat M. Osmonaliev – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic; non-tenured professor at Shanghai University of Political Science and Law, Adjunct professor at the University of Zhenzhen (PRC), corresponding member of the Russian Academy of Natural History, professor at the faculty of retraining and advanced training of personnel of Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the CEC of the Kyrgyz Republic, Bishkek

REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Emom S. Nasurdinov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Dean of the Law Faculty of the Tajik National University, Member of the Russian Academy of Natural History, Dushanbe

Journal Editorial Council:

Agafonov V.B., Andrianovskaya I.I., Bakhlova O.V., Belikova K.M., Botnev V.K., Brinchuk M.M., Bukalereva L.A., Voronov A.F., Voronin E.R., Voskobitova L.A., Vyphkhanova G.V., Gorbunova O.N., Dzha-farov A.M., Dolenko D.V., Ershova I.V., Zhuravlev D.A., Ziyadova D.Z., Kudryavtseva E.V., Lepeshko B.M., Mescheryakova O.N., Mokshina E.N., Morozova E.G., Pavelieva T.Yu., Rassolov I.M., Severin V.A., Khatuntsev O.A., Shmaly O.V., Shashkova A.V.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА КАК МЕТОДОЛОГИЯ
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ..... 15

Юрченко И.В., д-р полит. наук, проф.

РОССИЯ И КОНФЛИКТ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ:
ДЕБАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ
(1-я СЕССИЯ 1-го СОЗЫВА – ВЕСНА 1994 г.) 21

Фомичев Н.Н., канд. истор. наук,

Урывский А.П., канд. истор. наук,

Крупская С.Ю., канд. истор. наук

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ПОЛИТИКА

УЧЕНИЕ ИИСУСА ХРИСТА КАК АЛЬТЕРНАТИВА
СОВРЕМЕННОМУ ЗАПАДНОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ
В ВОПРОСАХ ПОЛИТИКИ
И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 31

Ковалев А.А., канд. полит. наук, доцент,

Катанандов С.Л., канд. филос. наук

НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ ТИП НАЦИОНАЛИЗМА:
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 38

Булуқтаев Ю.О., д-р полит. наук, доцент (Республика Казахстан)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ
(НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)..... 45

Борокова И.Д.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
В АСПЕКТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 52

Кабазиев М.Ш.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЙЕМЕНЕ..... 58

Керимов А.А., д-р полит. наук, доцент, **Альаруси З.М.М.**

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ
КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТА: НЕЙРОСЕТЕВОЙ ПОДХОД 64

Габриелян О.А., д-р филос. наук, проф.,

Сулейменов И.Э., д-р хим. наук, канд. физ.-мат. наук, проф.,

Габриелян А.М., канд. полит. наук

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЛИ СМИ
В ФОРМИРОВАНИИ ДОВЕРИЯ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ..... 74
Разов П.В., д-р социол. наук, проф., **Гараганов А.В.**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- «КАРЬЕРНЫЙ ПОРТФЕЛЬ»: ВЛИЯНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ ТРУДА
И НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
НА УРОВЕНЬ ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ 80
Охременко И.В., канд. социол. наук, доцент

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТОДИК
В ОБЛАСТИ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 87
Деникин А.В., д-р филос. наук, проф.,
Деникина З.Д., д-р филос. наук, проф.,
Саблуков А.В., д-р социол. наук, проф.
- НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 93
Разов П.В., д-р социол. наук, проф.,
Юшкова С.А., канд. эконом. наук, доцент

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- НАЦИЯ, НАРОД, НАСЕЛЕНИЕ:
«НАЦИОНАЛЬНАЯ» ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 99
Мальцев К.Г., д-р филос. наук, проф.,
Алавердян А.Л., канд. филос. наук
- ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 111
Левитская Е.Ю., канд. пед. наук, **Аквит В.С.**,
Башлуева Н.Н., канд. пед. наук

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОВЕРИИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ БАКАЛАВРИАТА МОСКОВСКИХ ВУЗОВ 119
Воеводина Е.В., канд. социол. наук, доцент,
Тен Ю.П., д-р филос. наук,
Тюриков А.Г., д-р социол. наук, проф.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПЯТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ..... 129
Ханин Ф.Г., канд. пед. наук, доцент,
Почетный консул республики Фиджи в Санкт-Петербурге

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ В НАЧАЛЕ XXI в.	138
Гутенёв Ю.Ю.	
ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ	145
Маркушина Н.Ю. , д-р полит. наук, доцент, Парфенёнок Н.Л.	
СТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	155
Лю Сяо, Лю Чжаои (Китайская Народная Республика)	
ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: КЛЮЧЕВОЙ КОД ДЛЯ ПОНИМАНИЯ КИТАЙСКОГО ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	163
Чу Дэфэн , д-р юрид. наук, доцент (Китайская Народная Республика)	
ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ», ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ АВТОРОВ	172

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

DISCOURSE THEORY AS A METHODOLOGY FOR CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS
OF REGIONAL ETHNOPOLITICAL PROCESSES 15
I.V. Yurchenko, Dr. Sci. (Polit.), Prof.

RUSSIA AND THE CONFLICT IN THE FORMER YUGOSLAVIA:
THE DEBATES IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION
(THE 1ST SESSION OF THE 1ST CONVOCATION – SPRING 1994)..... 21
N.N. Fomichev, Cand. Sci. (Hist.),
A.P. Uryvsky, Cand. Sci. (Hist.),
S.Yu. Krupskaya, Cand. Sci. (Hist.)

PUBLIC AND REGIONAL POLITICS

THE TEACHINGS OF JESUS CHRIST AS AN ALTERNATIVE
TO MODERN WESTERN LIBERALISM IN POLITICS AND GOVERNMENT 31
A.A. Kovalev, Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.,
S.L. Katanandov, Cand. Sci. (Philos.)

NATIONALIZING TYPE OF NATIONALISM: SPECIFIC CHALLENGES
OF STATE BUILDING IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 38
Yu.O. Buluktaev, Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. (Republic of Kazakhstan)

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

POLITICAL MODERNIZATION IN TRADITIONAL SOCIETIES
(BY THE EXAMPLE OF THE NORTH CAUCASUS)..... 45
I.D. Borokova

INVENTION OF TRADITIONS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
IN THE ASPECT OF ETHNIC IDENTITY 52
M.Sh. Kabaziyev

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE FORMATION OF STATEHOOD IN YEMEN..... 58
A.A. Kerimov, Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.,
Z.M.M. Al Arusi

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

LEARNING AS A TRANSFORMATION OF THE INTELLECT:
NEURAL NETWORK APPROACH..... 64
O.A. Gabrielyan, Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
I.E. Suleimenov, Dr. Sci. (Chem.), Dr. Sci. (Phys.-Math.), Prof.,
A.M. Gabrielyan, Cand. Sci. (Polit.)

SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE ROLE OF THE MEDIA
IN THE FORMATION OF TRUST IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE 74
P.V. Razov, Dr. Sci. (Sociol.), *A.V. Garaganov*

ECONOMIC SOCIOLOGY

- CAREER PORTFOLIO: IMPACT OF ALTERNATIVE TYPES OF LABOR
AND NON-STANDARD FORMS OF LABOR BEHAVIOR
ON THE LEVEL OF SECONDARY EMPLOYMENT IN RUSSIA 80
I.V. Okhremenko, Cand. Sci. (Sociol.)

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- ANALYSIS OF MODERN FOREIGN METHODS
IN THE FIELD OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT ASSESSMENT 87
A.V. Denikin, Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Z.D. Denikina, Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
A.V. Sablukov, Dr. Sci. (Philos.), Prof.
- NATIONAL PROJECTS AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE STRATEGY
OF SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION 93
P.V. Razov, Dr. Sci. (Sociol.), Prof.,
S.A. Yushkova, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- NATION, PEOPLE, POPULATION:
"NATIONAL" POLITICAL FORM OF CIVIL SOCIETY 99
K.G. Maltsev, Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
A.L. Alaverdyan, Cand. Sci. (Philos.)
- THE PECULIARITIES OF AESTHETIC EDUCATION OF CADETS
OF HIGHER EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING 111
E.Yu. Levitskaya, PhD in Pedagogy, *V.S. Akvit*,
N.N. Bashlueva, PhD in Pedagogy

SOCIOLOGY OF CULTURE

- SOCIO-COMMUNICATIVE ASPECTS
OF TRUST CONCEPTS AMONG BACHELOR STUDENTS
OF MOSCOW UNIVERSITIES 119
E.V. Voevodina, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.,
Yu.P. Ten, Dr. Sci. (Philos.),
A.G. Tyurikov, Dr. Sci. (Sociol.), Prof.

INTERNATIONAL RELATIONS

- THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE FORMATION
OF THE MODERN EDUCATION SYSTEM
IN THE CONTEXT OF THE FIFTH TECHNOLOGICAL REVOLUTION 129
Ph.G. Khanin, PhD in Pedagogy, Assoc. Prof.,
Honorary Consul of the Republic of Fiji in St. Petersburg

CHANGES IN THE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO THE INTERNATIONAL TERRORIST THREAT AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY.....	138
Yu.Yu. Gutenev	
PUBLIC DIPLOMACY OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS ON THE EXAMPLE OF SWEDEN	145
N.Yu. Markushina , Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., N.L. Parfenenok	
THE FORMATION OF CHINA'S DIPLOMACY AND ITS FEATURES	155
Liu Xiao, Liu Zhaoyi (People's Republic of China)	
TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT: THE KEY CODE TO UNDERSTAND THE CHINESE MODERNIZATION ROAD.....	163
Chu Defeng , Doctor of Law, Assoc. Prof. (People's Republic of China)	

Теория дискурса как методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов

И.В. Юрченко ©

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ФИЦ ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация

E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Аннотация. *Целью написания данной работы* является определение методологических подходов к решению фундаментальной научной задачи конфликтологического анализа проблем регионального развития под влиянием этнополитических факторов. В условиях современной информационной эпохи распространения новых социальных медиа и резкого повышения роли СМИ наиболее значимым является процесс дискурсивного конструирования социальной реальности, что актуализирует рассмотрение методов дискурс-анализа как объяснительной модели возникновения и динамики конфликтов, как способ выявления традиционных и новейших факторов, влияющих на этнополитические процессы в полиэтничной социальной среде.

Ключевые слова: дискурс, социальное познание, воспроизводство информации, уровни социального пространства, акторы социально-политического дискурса

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания ФИЦ ЮНЦ РАН № гос. регистрации 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юрченко И.В. Теория дискурса как методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 15–20. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-15-20

Discourse Theory as a Methodology for Conflictological Analysis of Regional Ethnopolitical Processes

I.V. Yurchenko ©

Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russian Federation

Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation

E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Abstract. *The purpose of writing this paper* is to identify methodological approaches to solving the fundamental scientific problem of conflictological analysis of regional development problems under the influence of ethno-political factors. In the context of the modern information age of the spread of new social media and a sharp increase in the role of the media, the most significant process is the discursive construction of social reality, which actualizes the consideration of discourse analysis methods as an explanatory model for the emergence and dynamics of conflicts, as a way to identify traditional and new factors influencing ethnopolitical processes in a multiethnic social environment.

Key words: discourse, social cognition, reproduction of information, levels of social space, actors of social and political discourse

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the State Assignment of the FRC SSC RAS No. state. registration 122020100306-9 "Conflict Analysis of the Problems of Regional Security and Stability in the South of Russia in the Third Decade of the 21st Century".

FOR CITATION: Yurchenko I.V. Discourse Theory as a Methodology for Conflictological Analysis of Regional Ethnopolitical Processes. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 15–20. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-15-20

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Исследование взаимосвязи между дискурсом и процессом социального познания в условиях, когда коммуникационное начало присуще любому социальному действию, представляется одним из значимых концептуальных подходов к изучению природы межэтнических, межконфессиональных, демографических, социально-политических и других конфликтов. Коммуникативное взаимодействие субъектов дискурса отражает их интенции, мотивы, цели и предполагаемые возможности достижения задуманного. Стратегическая рациональность, присутствующая в содержательном плане анализируемого дискурса, отражается в соотношении с ситуационным контекстом. Создают этот контекст события, которые в информационную эпоху имеют очень высокий темп распространения в мировом сообществе. Особая актуальность темы конфликтологического исследования обусловлена тем, что именно «Россия оказалась в центре притязаний глобальных игроков как огромная кладовая природных ресурсов и как страна, обладающая значительным ядерным потенциалом» [Шабров, 2022: 498]. Для того, чтобы определить различные теоретические подходы к конфликтологическому анализу региональных

этнополитических процессов, необходимо учитывать значение современных информационных технологий в современном обществе, «зависимость соотношения сил порядка и хаоса не только от объективных факторов и от случайностей, но и от свободы воли исторических деятелей, микро- и макрогрупп» [Юрченко, 2009: 24], для которых важное значение имеет возможность получения доступа к актуальному медиа дискурсу, и оказание влияние на конструирование актуальной политической повестки. В создании теории дискурса наибольшую роль сыграли такие социальные философы как Поль Рикер [Рикер, 2002], Мишель Фуко [Фуко, 2002], Юрген Хабермас [Хабермас, 2000; 2001] и Тён ван Дейк [ван Дейк, 2014] и др. В контексте соотношения с конфликтологической парадигмой в современной дискурсологии необходимо также использовать научный инструментарий современной синергетики и теории социальных напряжений, которые отражают сложные межиндивидуальные взаимодействия внутри социальных групп и борьбу за доминирование социальных общностей, в том числе этносов в информационном пространстве в процессе геополитических трансформаций. Психоэмоциональные изменения и состояние знаний, убеждений и ценностей в обществе во многом обусловлены когнитивными моделями медиа-дискурса, политикой идентичности,

проводимой элитой в целях интеграции и консолидации этнических групп. Тем не менее, в полиэтничном социуме сохраняется этноконфессиональная, лингвистическая, демографическая и мировоззренческая неоднородность, отражается в параметрах конкретных регионов. Многосоставная и многоуровневая структура региональной идентичности объясняет наличие противоречивых, неоднозначных оценок принимаемых властью политических решений, происходящих событий, оценочных суждений по поводу позиций различных лидеров общественного мнения. Это то, что П. Рикер охарактеризовал как «конфликт интерпретаций» [Рикер, 2002]. Интеллектуальные элиты, практически осуществляющие дискурсивное конструирование социальной реальности, имеют особое значение в современном политическом процессе [Фуко, 2002], в том числе и в провоцировании различных этнических конфликтов, их возникновении в политико-идеологической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сферах. Научная задача конфликтологического анализа проблем региональной безопасности и стабильности заключается в отработке и апробировании конкретных методов диагностики этнополитической ситуации в геополитически значимом регионе, а для этого разрабатывается теоретическое обоснование принципа полипарадигмальности в социальном исследовании, который, наряду с другими научными направлениями, сфокусирован в дискурсологии, поскольку теория дискурса имеет ярко выраженный междисциплинарный характер. В рамках этой теории «необходимо объединить индивидуальную уникальность и вариативность политического дискурса и политических интеракций с социально разделяемыми репрезентациями политических групп и институтов» [ван Дейк, 2014: 193], что включает психологические, социологические, политологические, лингвистические и другие объяснительные модели.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ, ПОЗНАНИЕМ И ДИСКУРСОМ

Рассматривая эту проблему, подчеркнем обусловленность социальных процессов политикой, поэтому говоря о дискурсе, сфокусируем внимание на политическом дискурсе, особенно его когнитивных основаниях. Для проведения конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов важно выявить социально-разделяемые ментальные репрезентации, которые формируются у людей, проживающих в данном регионе, на данной территории, но одновременно находящихся в социальном пространстве под влиянием различных информационных потоков. Соотнесение различных уровней и структурных элементов социально-политического пространства предполагает определение механизмов формирования «нижнего», то есть индивидуального уровня социальных и политических агентов, характеристику их убеждений, дискурсов и активности в конкретных ситуациях. На основе этого уровня формируется «средний», включающий различные социальные, в т.ч. этнические, идеологические, политические группы и институты. И уже на основе институционально-группового уровня формиру-

ется социально-политическая система, включающая нормативные и идейные установки, дискурсивные, социально-политические и культурно-исторические процессы. Различные многоуровневые связи и отношения реализуются постоянно, и в исследовании причин, природы и динамики конфликтов можно рассмотреть взаимосвязь нижнего, т.е. индивидуального уровня и социально-группового, а затем – институционального. Детальное изучение социально-политического контекста необходимо для понимания возможностей участников дискурса влиять на динамику конфликтности и условия для создания пространства взаимопонимания. Актуальные политические речи и тексты в условиях современной глобальной турбулентности являются основным предметом политического познания в ракурсе взаимосвязи дискурса и политики, в том числе, воспроизводства этнополитического дискурса. Так, по мнению Т.А. ван Дейка, необходимо выявлять различные виды этой взаимосвязи, по крайней мере на двух уровнях. «Первый – на социополитическом уровне описания, где политические процессы и структуры формируются из событий, интеракций и дискурсов политических агентов, действующих в политических контекстах. Второй – на социокогнитивном уровне описания, где социально разделяемые политические репрезентации соотносятся с индивидуальными репрезентациями дискурсов, интеракций и контекстов» [Там же: 194]. Анализ и теоретическое моделирование дискурсивного взаимодействия влиятельных акторов политического процесса показывает, что важнейшее значение в интеграционных практиках имеет политика исторической памяти, способствующая формированию общегражданской социальной идентичности. С целью комплексного конфликтологического анализа проблем региональной безопасности и стабильности в современных условиях информационной эпохи, широкого распространения новейших информационных технологий и новых социальных медиа, необходимо концептуальное определение важнейших «каналов и механизмов политической обратной связи в цифровом пространстве, позволяющих власти своевременно и максимально точно понимать социальные запросы и актуальное проблемное поле общества, а также не допускать искажения информационной картины социально-политической реальности» [Гаджиев, 2022: 22]. На основе критического дискурс-анализа ситуации на Юге России, разработки сценариев развития этнополитических процессов выявляются особенности регионального развития субъектов федерации в ЮФО и СКФО в контексте российской макро- и микрополитики. Как отмечал В.П. Пугачев, в России с 90-х гг. XX в. преобладание микрополитики вызывало действие множества факторов, снижающих эффективность государственного управления, социально-экономического и культурного развития общества [Пугачев, 2006]. Отражение этих тенденций в постсоветском политическом дискурсе дает возможность провести конфликтологический анализ регионального развития на основе синергетической парадигмы. При флуктуациях порядка и хаоса лица, принимающие решения, не бездействуют, так как их ответственность за реализацию социальной власти в условиях ограниченный предопределяет устойчивость или неустойчивость

социально-политической системы. Все эти процессы находят отражение в дискурсе власти. И когда мы видим понимание управляющей элитой нелинейности, внутренней сложности процесса упорядочения, это позволяет ей определять конструктивные механизмы формирования новых эффективных управленческих технологий и задействовать их на региональном уровне, с учетом специфики субъектов федерации. В свою очередь региональные процессы, формирующиеся под влиянием микро- и макро политических тенденций, в сложном взаимодействии локальных и глобальных, социальных, экономических и геополитических факторов, в дискурсивном противоборстве разнообразных лидеров общественного мнения, требуют использования научного инструментария, сочетающего количественные и качественные методы анализа ментальных структур населения каждого региона.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И МЕДИАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Производство и воспроизводство актуальной социальной информации формирует групповые идентичности, политические представления, общественное мнение по отношению к иным социокультурным группам и этническим идентичностям. В этом плане оно является значимым конфликтогенным фактором. И поэтому фокусирование внимания на ментальных моделях, которые служат когнитивной основой этнополитического дискурса на групповом и институциональном уровне в совокупности с микроструктурами индивидуальных акторов этнополитики, позволяют провести анализ когнитивных процессов и применяемых дискурсивных практик, объясняющих механизмы и технологии проводимой в исследуемом социуме политики памяти [ван Дейк, 2014: 197]. На основе методов дискурсологии в процессе исследования природы региональных этнополитических процессов необходимо перейти от анализа аргументов, подкрепляющих ту или иную политическую картину мира, к рассмотрению типов сообществ, являющихся носителями определенных стилей мышления. Для методологии конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов на основе теории дискурса важно различать типы идентичности: этническую, идеологическую, профессиональную и др. Противоречивые коммуникативные процессы отражаются в различных смысловых трактовках происходящих событий. Методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов формируется как междисциплинарная сфера исследования. Анализ факторов конструирования дискурсивного поля по актуальной для исследуемого региона тематике «дает возможность определения характера и прогнозирования потенциала его влияния на социально политические процессы и управления ими» [Рябченко, 2022: 378]. В ходе дискурса «возникает особый диалогичный процесс, в результате которого образуется особое консенсусное пространство, так называемое герменевтическое поле, позволяющее участникам диалога достигнуть взаимопонимания» [Юрченко, Юрченко, 2010: 204], что важно для исследования взаимоотношений представителей различных демо-

графических, этноконфессиональных, политических и идеологических групп и индивидуальных акторов конфликтного взаимодействия. Научная проблема определения содержания методологии конфликтологического анализа этнополитических конфликтов включает такой существенный аспект, как роль и возможности медиации, понимаемой по крайней мере в трех значениях:

- 1) как процедура для разрешения конфликтов;
- 2) как переговорный процесс между сторонами;
- 3) как процесс работы с конфликтом при участии медиатора, нейтрального посредника [Иванова, 2015: 412].

Эффективным теоретическим инструментом конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов является ивент-анализ, на основе которого выстраиваются модели конфликтных ситуаций, получившие в научной литературе названия «ситуативные модели», «событийные модели», «контекстные модели», а также «коммуникативные ситуации» [ван Дейк, 2014: 203]. Метод дискурс-анализа основан на исследовании индивидуального уровня дискурса, субъективных моделях информационно-коммуникативных взаимодействий, которые в информационном пространстве в моменте фиксации данных дают знания о текущей ситуации конфликтного процесса, о целях, убеждениях, и действиях его участников. В тематизации современного дискурса актуальной проблемой является феномен государственности, который необходимо анализировать как явление ментального уровня, отражающее наличие интеграционного и конфликтного потенциала в обществе. Научный инструментарий дискурсологии позволяет выявить производящую функцию журналистики в контексте социальной роли использования слов и построения текстов, когда новости не просто являются отражением происходящего, а создают смыслы в контексте определенной социально-политической, нравственно-духовной, культурно-исторической и международной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Итак, мы говорим об этнополитическом конфликте как о таком типе социального конфликта, в котором субъектами выступают группы, различающиеся по этническим и конфессиональным признакам, которые могут препятствовать процессам формирования общероссийской гражданской идентичности. В этом случае этнополитический конфликт функционирует и отражает себя через политический язык, являющийся совокупностью конфронтационных проявлений, которые демонстрируют стороны конфликта. Задача заключается в том, чтобы выявить наличие консенсусного потенциала в этой политической риторике и перевести его в политическую практику. В этом подходе необходимо использовать творческий потенциал научного дискурса, актуализирующего сегодня необходимость изучения кардинально изменившегося глобального социального пространства, что в свою очередь требует новых объяснительных моделей познания, которые будут способствовать значительному повышению эффективности социально-политического управления.

Юрченко И.В.

Как считают исследователи информационного пространства, «непрерывный процесс генерирования, воспроизводства и распространения сетевых дискурсов, усиленный информационно-коммуникационной составляющей сетевого общества (Интернет, социальные медиа, микроблогинги, мессенджеры), приводит к формированию и неконтролируемому функционированию дискурсивных полей, как конструктивного, так и деструктивного потенциала – формированию неустойчивой сетевой архитектуры» [Рябченко, 2022: 378]. В современном информационном обществе возникновение этнополитических конфликтов чаще всего связано с различными, а порой и взаимоисключающими, оценками и интерпретациями происходящих событий. В условиях информационного противоборства особенно важно уметь адекватно диагностировать состояние собственной позиции, прочность и стабильность своей системы и правильно оценить положение противника. Дискурс и информация в социальном взаимодействии являются во многом определенным средством борьбы, возможностью воздействия на общество, массовые настроения, общественное мнение, что обеспечивает укрепление ментальных основ безопасности и усиление влияния со стороны интеллектуальной элиты на поведение различных демографических, этнических и конфессиональных общностей, от которых зависят

ментальные основы государственности. Таким образом, выявление социокультурных факторов и механизмов урегулирования противоречий и профилактики деструктивного конфликтогенного развития этнополитического процесса может базироваться на концепции и традициях этико-субъективной научной школы российской дореволюционной социологии. В этих идеях в истории русской классической социально-политической мысли заложен концепт добродетели, включающий такие идеалы и ценности, как справедливость, честь, достоинство. Иначе говоря, это конкретные оценочные суждения. Отсюда следует вывод о том, что социология конфликта и этнополитики являются теоретической основой определения механизмов обеспечения социально-политической безопасности, а поэтому они не должны придерживаться принципа аксиологической нейтральности, а должны ориентироваться на гуманистические и духовно-нравственные ценности. Актуализация существенной оптимизации региональной информационной политики объясняется необходимыми изменениями в направлении совершенствования информационно-коммуникационной системы и повышения ее эффективности в условиях ярко выраженной тенденции усиления власти медиакратии и роли медиадискурса в повседневной жизни регионов со сложной этноконфессиональной структурой населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев Х.А. Цифровое пространство и политическая стабильность России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 6. С. 22–28.
2. Ельмеев В.Я. Социальная феноменология (к вопросу о феноменологии объективного социального мира) // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. С. 103.
3. ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 344 с.
4. Иванова Е.Н. Медиация: возможности vs ограничения // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. С.-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2015. С. 412–432.
5. Лугачев В.П. Микрополитический аспект государственного управления человеческими ресурсами // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. М.: РОССПЭН, 2006. С. 1077.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер с фр. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково Поле, 2002. 624 с.
7. Рябченко Н.А. Политическая коммуникация в период информационных кризисов: как управлять дискурсивными полями // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: матер. Всерос. конф. РАПН с междунар. участием. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 378–379.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. М.: Практис, 2002. 384 с.
9. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер с нем. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
11. Шабров О.Ф. Новая мировая перестройка и новые факторы политического управления // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: матер. Всерос. конф. РАПН с междунар. участием. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 498.

REFERENCES

1. Gadzhiev Kh.A. Digital space and political stability in Russia. *Socio-political Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 6. Pp. 22–28. (In Rus.)
2. Elmeev V.Ya. Social phenomenology (to the question of the phenomenology of the objective social world). In: *Problems of theoretical sociology*. St. Petersburg: LLP TK “Petropolis”, 1994. P. 103.
3. van Dijk T.A. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Transl. from English. Moscow: Book house “LIBROKOM”, 2014. 344 p.
4. Ivanova E.N. Mediation: opportunities vs limitations. In: *Conflict as a problem. Essays on modern theoretical and applied conflictology*. St. Petersburg: Conflictology Development Fund, 2015. Pp. 412–432.
5. Pugachev V.P. Micropolitical aspect of public management of human resources. In: *Public administration in the XXI century: Traditions and innovations*. Moscow: ROSSPEN, 2006. P. 1077.
6. Riker P. Conflict of interpretations. *Essays on hermeneutics*. Transl. from French. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo Field, 2002. 624 p.
7. Ryabchenko N.A. Political communication during information crises: how to manage discursive fields. In: *Political challenges and political dialogue in the context of global turbulence: Proceedings of the All-Russian Conference of RAPN with international participation*. Moscow: Aspect Press, 2022. Pp. 378–379.
8. Foucault M. Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews. Transl. from French. Moscow: Praxis, 2002. 384 p.
9. Habermas Yu. Involvement of another. *Essays on political theory*. Transl. from German. St. Petersburg: Nauka, 2001. 417 p.
10. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. Transl. from German. St. Petersburg: Nauka, 2000. 380 p.
11. Shabrov O.F. New world perestroika and new factors of political management. In: *Political challenges and political dialogue in the conditions of global turbulence: Proceedings of the All-Russian Conference of RAPN with International Participation*. Moscow: Aspect Press, 2022. P. 498.

12. Юрченко В.М., Юрченко И.В. Локально-региональные аспекты геополитики России в Черноморском макрорегионе // Вестник российской нации. 2010. № 6. С. 202–218.
13. Юрченко И.В. Теоретико-методологические основы политологического исследования проблем безопасности в полиэтничном социуме // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. С. 22–28.
12. Yurchenko V.M., Yurchenko I.V. Local and regional aspects of Russia's geopolitics in the Black Sea macroregion. *Bulletin of the Russian Nation*. 2010. No. 6. Pp. 202–218. (In Rus.)
13. Yurchenko I.V. Theoretical and methodological foundations of the political science study of security issues in a multi-ethnic society. *Bulletin of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009. Vol. 5. No. 3. Pp. 22–28. (In Rus.)

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 86,15%

Рецензент: Шабров О.Ф., доктор политических наук, профессор; президент Академии политической науки; профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Статья поступила в редакцию 20.01.2023, принята к публикации 22.02.2023

The article was received on 20.01.2023, accepted for publication 22.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрченко Инна Вадимовна, доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (ФИЦ ЮНЦ РАН). Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры политологии и политического управления (базовой кафедры ФИЦ ЮНЦ РАН) факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. Краснодар, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4834-9338>; E-mail: ivyurchenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Inna V. Yurchenko, Doctor of Political Sciences, Professor; chief researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS). Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor at the Department of Political Science and Political Management (basic Department of SSC RAS) of the Faculty of Management and Psychology of the Kuban State University. Krasnodar, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4834-9338>; E-mail: ivyurchenko@mail.ru

5.5.1

История и теория политики
History and Theory of Politics

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-21-30

УДК: 327.56

Россия и конфликт на территории бывшей Югославии: дебаты в Государственной Думе РФ (1-я сессия 1-го созыва – весна 1994 г.)

Н.Н. Фомичев^а ©, А.П. Урывский^б ©,
С.Ю. Крупская^с ©

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»),
г. Белгород, Российская Федерация

^а E-mail: fomichev@bsu.edu.ru

^б E-mail: uryvsky@bsu.edu.ru

^с E-mail: krupskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дебаты в Государственной Думе Российской Федерации 1-й сессии 1-го созыва по вопросам политики России в отношении конфликтов на территории бывшей Югославии. В ходе прений обсуждались расхождение позиций исполнительной и законодательной власти России по югославским делам, велась борьба за отмену санкций против СРЮ, рассматривалось общественное и экспертное мнение по указанным проблемам. Была прослежена основная линия коррекции внешнеполитической линии России на балканском направлении на данном этапе. Рассмотрены отношения РФ с иностранными государствами и международными организациями в контексте конфликта на территории бывшей Югославии. В качестве источников выступают стенографические отчеты заседаний Государственной Думы Российской Федерации.

Ключевые слова: Югославия, СРЮ, Государственная Дума РФ, санкции, ООН, НАТО, Босния и Герцеговина, конфликт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фомичев Н.Н., Урывский А.П., Крупская С.Ю. Россия и конфликт на территории бывшей Югославии: дебаты в Государственной Думе РФ (1-я сессия 1-го созыва – весна 1994 г.) // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 21–30. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-21-30

Russia and the Conflict in the Former Yugoslavia: The Debates in the State Duma of the Russian Federation (the 1st Session of the 1st Convocation – Spring 1994)

N.N. Fomichev^a ©, A.P. Uryvsky^b ©, S.Yu. Krupskaya^c ©

Belgorod State National Research University (National Research University "BelSU"),
Belgorod, Russian Federation

^a E-mail: fomichev@bsu.edu.ru

^b E-mail: uryvsky@bsu.edu.ru

^c E-mail: krupskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the Duma of the Russian Federation debate (the 1st session, the 1st convocation) on the Russian policy to the former Yugoslavia conflict. During the debate, the divergence of positions of the Executive and legislative authorities of Russia on Yugoslav affairs was discussed, the struggle for the lifting of sanctions against the Yugoslavia was conducted, public and expert opinion on these problems was considered. The relation of the Russian Federation with foreign States and international organizations in the context of the conflict in the territory of the former Yugoslavia is considered. The documents are the verbatim records of the State Duma meetings.

Key words: Yugoslavia, the State Duma of the Russian Federation, sanctions, UN, NATO, Bosnia and Herzegovina, conflict

FOR CITATION: Fomichev N.N., Uryvsky A.P., Krupskaya S.Yu. Russia and the Conflict in the Former Yugoslavia: The Debates in the State Duma of the Russian Federation (the 1st Session of the 1st Convocation – Spring 1994). *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 21–30. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-21-30

ВВЕДЕНИЕ

Советская и позже российская позиция, по Югославии с 1991 г., в ходе проходившего в стране процесса национального политического разделения, постепенно эволюционировала от поддержки территориальной целостности страны [20: 59], до расплывчатых заявлений «осуждения применения силы в разрешении конфликта», без упоминаний о необходимости разрешения противоречий в конституционном поле СФРЮ [38: 60]. Советской дипломатией летом-осенью 1991 г. были предприняты значительные усилия по примирению сербской и хорватской стороны, в соответствии с идеей поиска формы совместного существования сербов и хорватов в рамках единого государства, что на тот момент, уже было маловероятно. В заявлении Советского правительства, указывалось на необходимость сохранения единой Югославии как одной из важнейших задач в преодолении кризиса (2 августа 1991 г.) [19: 60]. Признание сторон конфликта, как правомочных участников переговоров было равнозначно признанию распада государства и факта существования независимых республик, как международных акторов.

30 мая 1992 г. президент Сербии С. Милошевич направил послание на имя президента России Б. Ельцина и президента США Дж. Буша с предложениями прекращения огня и взятия под совместный российско-амери-

канский контроль вооруженных сил всех вовлеченных в боснийский конфликт сторон. Важно отметить, что Милошевич указал на неэффективность, по его мнению, санкций в отношении только одной из сторон – СРЮ и боснийских сербов (резолюция СБ ООН № 757) [32: 60]. Несмотря на это в тот же день, Россия присоединилась к санкциям ООН против Союзной Республики Югославии. Помимо прочего она теряла крупные торговые контракты, заключенные с СРЮ в 1992 г. [11]. Как отмечал Г.Н. Энгельгардт «Ельцин отчасти разделял иллюзию А.В. Козырева о том, что, если договориться с Америкой – все проблемы будут решены». В то же время Москва в тот период открыто защищала территориальную целостность Боснии и Герцеговины (БиГ), выступая против независимости Республики Сербской и провозглашенной 3 июля 1992 г. хорватской Республики Герцег-Босна [46: 28, 30]. Ранее Россия признала независимость Республики Хорватия 17 февраля 1992 г. (почти на 2 месяца до признания США и через месяц после признания 12 странами-членами ЕС) [31: 207].

Учитывая давнюю традицию дружественных российско-сербских, и советско-югославских отношений этот внешнеполитический шаг с позиций сегодняшнего дня выглядит по-настоящему «революционно». Тяжелый политико-экономический кризис, в котором находилась страна, потеря позиций на международной арене, переориентация внешней политики на тесные

отношения со странами Запада, стали главными причинами этого феномена в истории российско-сербских отношений. В своих воспоминаниях (1994 г.) Б.Н. Ельцин, суммируя причины «равноудаленной» позиции Москвы после начала масштабных боевых действий в Боснии и Герцеговине (апрель 1992 г.), заявлял, что Россия имеет право на самостоятельную внешнюю политику – не «отягощенную» моральным и историческим долгом перед «братьями славянами». «Мы их и защищаем! Защищаем, причем в условиях международной изоляции. Кроме как на меня и на Козырева – сербам сейчас реально не на кого в мире положиться... В этой войне правых и виноватых нет», – формулировал свою позицию первый президент России [13: 127].

ДЕБАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ ПО СИТУАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ (январь-февраль 1994 г.)

Изначально в российских политических кругах существовала мощная оппозиция внешнеполитическому курсу Ельцина-Козырева в отношении Югославии. В значительной степени олицетворением такой «опозиции» стала Государственная Дума РФ. Государственная Дума 1-го созыва работала с 11 января 1994 г. по 15 января 1996 года 1 сессия (весна 1994 г.) пришлось на время обострения кризиса в республиках бывшей Югославии, проходила в условиях сохранения международных санкций против СРЮ при угрозе иностранного военного вмешательства против боснийских сербов. Работала в составе следующих фракций:

- «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) – 64 депутата;
- «Выбор России» – 64 депутата;
- «Аграрная партия России» – 57 депутатов;
- «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) – 42 депутата;
- «Яблоко» – 27 депутатов;
- «Женщины России» – 23 депутата;
- «Партия Российского Единства и Согласия» – 22 депутата;
- «Демократическая партия России» – 14 депутатов.

Остальные депутаты представляли избирательные округа [21].

На заседании Государственной Думы 1-й сессии 1-го созыва 13 января 1994 г. события в Югославии назывались в качестве антипримера для России. Депутат Ю.П. Власов (Северо-Западный избирательный округ, г. Москва), отметил, что российское общество также близко к гражданской войне и «балканизации», что показали события октября 1993 г. [5]. 20 января 1994 г. председатель Государственной Думы И.П. Рыбкин поставил вопрос об обсуждении вопроса по событиям в бывшей Югославии в связи с возможными военными ударами сил НАТО по позициям боснийских сербов [33].

«Югославский вопрос» был рассмотрен на заседании Государственной Думы РФ также 21 января 1994 г. Л.Н. Петровский (избирательное объединение «Коммунистическая партия России») внес предложение обсудить вопрос о ситуации в бывшей Югославии. Причем вопрос был согласован с «Либерально-демо-

кратической партией России» (далее ЛДПР) и «Аграрной партией» [30]. Депутат от «Блока: Явлинский–Болдырев–Лукин» Е.А. Амбарцумов [1] согласился с этим в принципе, однако указал на необходимость обращения к этому вопросу лишь после выступления представителя МИД РФ В.И. Чуркина, который должен был представить экспертное мнение. В итоге на текущем заседании депутаты заслушали мнение С.В. Лаврова, первого заместителя министра МИД РФ, который в своем выступлении опирался и на данные, поступавшие от Чуркина, находившегося в Женеве в качестве представителя от России в переговорах сторон боснийского конфликта. Депутаты высказали особое опасение возможным началом воздушных ударов американских вооруженных сил (с санкции ООН) по позициям боснийских сербов. Лавров отметил, что Россия в принципе против такого подхода к решению югославского кризиса. Что подобные предложения исходили в основном от мусульманских стран. Представитель МИД также акцентировал внимание депутатов на том, что рассматриваемая ситуация возможна только в случае: нападения на миротворцев ООН, конвои с гуманитарной помощью, прямое воспрепятствование силам ООН в осуществлении их мандата – т.е. весьма маловероятно. Помимо этого, он разъяснил, что силовые меры могут быть применены равно ко всем сторонам конфликта, и во всех документах Совбеза ООН по боснийскому конфликту прямых анти-сербских резолюций нет. Наконец, он особо подчеркнул – что начать бомбардировки без санкции всех членов Совбеза, в т.ч. и России – невозможно. Продолжая мысль Лавров говорил о том, что фактор НАТО в конфликте появился только в августе 1993 г. Ответственные лица этой региональной международной организации допускали в высказываниях упрощенное толкование упомянутых резолюций, с чем российская дипломатия решительно боролась. Против применения сторонних вооруженных сил в Боснии высказался по словам Лаврова командующий войсками ООН в Боснии генерал Брикман и министр иностранных дел Великобритании Херд. На вопрос депутата А.Н. Михайлова не считает ли С.В. Лавров, что действия Правительства и МИД в отношении санкций против СРЮ привели к крайне нежелательным последствиям для внешней политики России, последний ответил, что разделяет эту точку зрения и причин, по которым были введены санкции – вмешательство Белграда в боснийские события – больше нет. Однако он констатировал, что Россия связана решением Совбеза, а позиция стран Запада и развивающихся стран – прекратить политику санкций, только после достижения политического соглашения по Боснии [7].

На дебатах 4 февраля 1994 г. председатель ЛДПР В.В. Жириновский развивал мысль о международном наполнении югославского кризиса, рассматривая его как «наступление на Россию и православие». «Это наши братья-славяне и православные братья. Идет целенаправленное уничтожение славян, в первую очередь православных. Тех, кто поддались, так сказать, «озападниванию», стали католиками, щадят: поляков, чехов», – отмечал выступающий, выводя, тем самым, причины конфликта из сложившейся геополитической ситуации. Особенно силен в его выступлении был мотив славянской солидарности, апелляция к страданиям

мирного населения, причина которого – мягкая позиция России по отношению к агрессивным действиям западных стран [15]. Как отмечается в исследовании Н.В. Васильевой и В.А. Гаврилова, важнейшим препятствием на пути разрешения конфликта на основе разделения БиГ по этническому признаку стала дипломатическая помощь мусульманской стороне США.

11 февраля 1994 г., после взрыва на рынке в Сараево, в котором были обвинены боснийские сербы Совет НАТО ультимативно потребовал от сербской стороны отвести тяжелое вооружение от линии соприкосновения сторон, что и было позже выполнено [4: 368]. На заседании 11 февраля 1994 г. депутат В.А. Марычев (ЛДПР) высказался за направление в республики бывшей Югославии делегации Государственной Думы РФ. Решение не было принято [27]. Впоследствии депутаты пришли к выводу, что данных об однозначном обвинении в этом преступлении одной из сторон явно недостаточно [40]. На предложение депутата А.В. Митрофанова об обсуждении позиции России в Совете Безопасности ООН по бомбардировкам расположения боснийских сербов решение также не было принято, и вопрос не был вынесен в повестку дня. Депутат указывал на то, что есть угроза того, что Россия не вотирует возможное решение Совбеза. Предложение заслушать министра иностранных дел А.В. Козырева, находившегося в зале заседания, также не встретило поддержки [28]. На заседании 16 февраля 1994 г. позицию МИД РФ изложил представитель С.В. Лавров, который отвечал на вопросы депутатов и заявил, что дипломаты и президент делают все, чтобы удары НАТО не состоялись, а также что ультимативный тон заявлений западных лидеров не рассматривается как верный подход к конфликту. С.В. Лавров [24] отметил, что представитель МИД В.И. Чуркин находится непосредственно на месте событий.

На заседании 18 февраля 1994 г. депутат К.Ф. Затулин заявил, что у России нет возможностей активно влиять на события в Югославии, что необходимо сосредоточиться на внутренних проблемах. С ним солидаризовалось несколько депутатов. Депутат С.А. Готов отметил, что инициативу о пересмотре внешней политики России в отношении югославских событий выдвигали партии ЛДПР», КПРФ, «Аграрная партия России», некоторые представители партии «Яблоко». В результате был подготовлен совместный проект, вынесенный на заседание, включавший следующие положения: продвижение инициативы отмены санкций ООН против СРЮ, вето против бомбардировок позиций боснийских сербов, усиление экономических связей с балканским регионом, направление парламентской делегации в Югославию. Депутат А.М. Доровских заявил на этом же заседании, что народам России хотят преподать урок о том, чтобы «мы, живущие в России, ни в коем случае не могли поднимать вопрос о воссоздании единого российского государства». После дебатов, вынесенный проект, тем не менее, принят не был [18].

ДЕБАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ ПО СИТУАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ (апрель-май 1994 г.)

10 апреля силы НАТО бомбардировали сербские объекты близ города Горажде. В тот же день депутаты Государственной Думы РФ выступили с протестным за-

явлением. Причем позиция президента, правительства и МИДа полностью совпали по этому вопросу. Возмущение было столь велико, что депутат Т.И. Лета (Вологодский избирательный округ, Вологодская область) предложила включить в повестку дня проект постановления о нанесении авиаударов по Боснии. Депутат отметил, что удар по сербским позициям в Горажде преподносится как оборонительный, несмотря на то, что атаку спровоцировали ранее хорватско-мусульманские силы. Помимо этого, Горажде – охранный зона ООН, которая не может быть использована как плацдарм для наступления. Таким образом ООН демонстрирует свою полную недееспособность. Символично, что военная операция была проведена 10 апреля – день провозглашения Независимого государства Хорватия в 1941 г. Были и иные мнения. Депутат В.С. Липицкий, (Заельцовский избирательный округ, Новосибирская область) заявил, что Россия не только великая славянская, но и великая мусульманская страна. Однозначно про-сербская позиция ухудшит отношения с мусульманским миром. Депутат Центрального избирательного округа, (Санкт-Петербург) рекомендовал более четко прояснить позицию Думы по этому вопросу [34]. 20 апреля за подписью Председателя Государственной Думы 20 апреля 1994 г. было направлено письмо на имя председателя Веча граждан Скупщины Союзной Республики Югославия господина Радомана Божовича. На этом же заседании был согласован состав делегации Государственной Думы РФ для поездки в республики бывшей Югославии (по 1 человеку от каждой фракции) [35]. Это была уже 3-я делегация за предшествующее полгода (до этого поездки совершили независимая делегация Думы и делегация по линии российско-сербской дружбы). На заседании 26 апреля 1994 г. депутат А.В. Митрофанов (избирательное объединение «Либерально-демократическая партия России») обвинил МИД РФ в «работе на четыре руки» с американцами: изменив на словах позицию на про-сербскую российская дипломатия вселила в сербов излишний оптимизм и спровоцировала их на действия, которые дали предлог НАТО для авиаударов [29].

С.А. Готов (Краснодарский избирательный округ, Краснодарский край) отметил, что на голосовании в апреле 1993 г. Россия при голосовании по отмене «драконовских санкций» в ООН воздержалась [9]. Депутатом избирательного объединения «Выбор России» был задан вопрос о возможном признании Россией Республики Сербской и Сербской Краины [44]. С.В. Лавров ответил отрицательно, ссылаясь на позицию официального Белграда, который в текущей международной ситуации считал такой шаг со своей стороны невозможным и противоречащим плану «Вэнса–Оуэна», принятому в декабре 1993 г. (поддержанному СРЮ, но отвергнутому боснийскими сербами). В продолжение заседания В.В. Жириновский (председатель избирательного объединения ЛДПР) потребовал отставки министра иностранных дел А.В. Козырева, как главного, по его мнению, виновника сложившейся ситуации. А также вывода войск ООН с территории Боснии, что позволило бы сербам переломить военную ситуацию в свою пользу [14]; (по состоянию на 24 апреля 1992 г. численность СООНО (миротворческой миссии в республиках бывшей Югославии) составляла

8332 человека, в том числе 7975 военнослужащих (в составе которых находился и т.н. Русский батальон – Русбат, дислоцировавшийся в Хорватии и Боснии и Герцеговине). На заседании Государственной Думы РФ 16 марта 1994 г. его численность определялась 1200 чел. (потом добавилось еще 300 человек – Русбат-2) [41]. В средствах массовой информации в тот период активно обсуждалась возможность замены контингентов СООНО силами НАТО [6: 365]. По итогам очередного заседания было проведено голосование, на котором депутаты приняли решение (170 – «за», 44 – «против», 9 – «воздержались») о поручении представителю России в ООН внести резолюцию об отмене санкций в отношении СРЮ [36]. После внесения дополнительных поправок заявление было принято. Результаты голосования: «за» – 280 чел. (63,1%), «против» – 2 чел. (0,5%), «воздержались» – 8 чел. (1,8%) [39; 45]. Отмечалось, что решение не направлено против хорватов, или иных действующих сторон конфликта.

Председатель избирательного объединения ЛДПР В.В. Жириновский упомянул о том, что в Югославии «под обстрелом мусульманских экстремистов» находится депутат Государственной Думы капитан российской армии Е.Ю. Логинов. Он также высказывался за немедленное обсуждение вопроса по Югославии [16]. 6 апреля 1994 г. на заседании Государственной Думы РФ был включен в повестку дня вопрос об отмене экономических санкций против СРЮ [42]. Присутствие на заседании 8 апреля 1994 г. депутатов Народной Скупщины СРЮ было встречено аплодисментами. На этом же заседании депутат С.Н. Бабурин [2] (Центральный избирательный округ, Омская область.) выступил с протестом в отношении заявлений Правительства РФ, что оказать гуманитарную помощь Югославии невозможно ввиду международных санкций. Гуманитарная деятельность не может носить разрешительного характера, заявил депутат.

То, что текущий внешнеполитический курс в отношении стран бывшей Югославии находился в явном противоречии с общественным мнением и мнением подавляющего числа депутатов Государственной Думы, подтверждают дебаты в нижней палате Российского Парламента 13 мая 1994 г. Депутат от Санкт-Петербурга заявлял: «...вопрос о сербах – это вопрос не политический. Для всех нас это вопрос чести и вопрос родственности. Да, мы не скрываем, и большинство парламента не скрывает своих симпатий к сербам. Поэтому я предлагаю с этого начать и особо это не обсуждать» [10].

На заседании 14 мая 1994 г. был заслушан доклад руководителя делегации Государственной Думы о поездке в республику Югославия генерала Н.М. Безбородова с 21 по 28 апреля 1994 г. Члены дипломатической миссии посетили Союзную Республику Югославию, Хорватию, Боснию и Герцеговину, города Белград, Загреб, Вуковар, Книн, Пале. Комиссия пришла к следующим выводам.

1. Информационное представление конфликта в мировых СМИ существенно искажено. Ответственность за эскалацию боевых действий целиком возлагается на сербов, однако часто сербские общины в Хорватии и Боснии и Герцеговине лишь защищались вооруженным путем. Поэтому обвинения не соответствовали действительности. Сербская сторона трижды обращалась в ООН с призывом остановить

мусульманское наступление политическими методами. Однако безрезультатно. Также в докладе было отмечено, что на стороне боснийских мусульман в боевых действиях все активнее участвуют вооруженные силы НАТО.

2. Односторонние экономические санкции только обостряют конфликт, т.к. они выгодны хорватской и мусульманской стороне. Последние заинтересованы эскалации боевых действий в надежде на дальнейшее давление мирового сообщества на СРЮ, боснийских и краинских сербов.
3. Был сделан вывод о непоследовательности и поспешности признания унитарного характера Боснии и Герцеговины, поддержки решений ООН об ужесточении односторонних санкций против Союзной Республики Югославия. Подобный внешнеполитический курс серьезно ослабляет позиции России на Балканах и идет вразрез с традиционной поддержкой сербов.

В качестве рекомендаций Комиссия выработала следующие положения. Создать постоянную комиссию по отслеживанию ситуации в регионе с целью оперативного реагирования на политические и военные события. Обратит внимание Министерства иностранных дел РФ на то, что государственные интересы в регионе России далеко не всегда могут совпадать с интересами США, ФРГ, Австрии и все более усиливающей свои позиции на Балканах Турции. Начать работу над законопроектом по обращению в ООН с предложением об отмене односторонних санкций против СРЮ. В случае неудачи попытки отменить санкции на уровне мирового сообщества, выйти из режима санкций в одностороннем порядке. Н.М. Безбородко указал на то, что все члены Комиссии, представлявшие различные парламентские группы и фракции солидарны в выводах и предложениях. За исключением мнения члена партии «Выбор России» А.Н. Сарычева, который считает, что Государственная Дума не вправе ставить вопрос подобным образом, обвинять МИД в непродуманности политики, а отменять санкции преждевременно [12].

Показательно, что доклад не только не вызвал возмущений, но, напротив, последовали заявления об излишней мягкости его формулировок. Доклад депутата Центрального избирательного округа (Санкт-Петербург) назвал происходящее геноцидом сербов. Отметив, что войну провоцируют, прежде всего хорваты, «имеющие богатый опыт уничтожения сербов в период Второй мировой войны» [10]. Депутат Н.Л. Ген [8], заявил, что он, руководствуясь не эмоциями, не вероисповеданием, не общеславянской солидарностью («я не славянского происхождения»), а здравым смыслом считает, что Россия должна поддержать сербов. Жестко в пользу решительных действий на стороне официального Белграда выступил В.В. Жириновский. Он предложил создать Комиссию из представителей фракций и групп в составе 10 человек по выработке законопроекта по отмене санкций и начале нормальной торговли с Югославией [16]. Предложение поддержал и Н.М. Безбородов.

На этом же заседании депутаты приняли решение об утверждении, предложенного фракцией «Аграрной партией России» о приостановлении участия Российской Федерации в осуществлении международных

санкций против Союзной Республики Югославии. Проект был подготовлен задолго до заседания. Результаты голосования были следующими:

- «за» – 226 чел. (50,4%);
- «против» – 31 чел. (6,9%);
- «воздержались» – 15 чел. (3,3%);
- голосовало 272 чел.
- не голосовало 176 чел.

Решение было принято [37]. Законопроект т.о. включал в себя два основных положения: приостановить участие в санкциях и рекомендовать Правительству РФ и профильным министерствам оперативно восстановить экономические, дипломатические, политические и культурные связи с СРЮ. Результаты голосования были встречены аплодисментами. Однако В.П. Лукин, председатель Комитета Государственной Думы по международным делам, взяв слово, отметил, что возможно законопроект противоречит Конституции, т.к. прерогатива Думы утверждать международные договоры, но не принимать законы по конкретным внешнеполитическим акциям. «Если мы действительно хотим помочь сербам, а не принять по существу анти-сербские резолюции, нам обязательно надо связать западное желание и мусульманское желание во что бы то ни стало насытить мусульман оружием с нашей угрозой снять в одностороннем порядке санкции, если такое с их стороны будет реализовано. Это наша реальная помощь», – отмечал председатель Комитета Государственной Думы по международным делам. Односторонняя отмена санкций повлечет массивную поддержку западными странами боснийских мусульман. «Бедная Россия» не сможет снабжать сербскую сторону, что в итоге только усугубит положение последней [26]. Депутат Г.В. Кулик, избирательное объединение «Аграрная партия России», предложил убрать из текста слова «вплоть до постановки вопроса об одностороннем отказе от применения санкций». По его мнению, в этом случае понадобилось меньше времени на принятие закона в последующих чтениях в Думе, а затем в Совете Федерации вплоть до подписания Президентом. В случае сохранения изначальной формулировки процесс мог растянуться до осени 1994 г. [23]. Финальный смысл поправки – Россия может поставить вопрос об одностороннем выходе из санкций, в случае если любое иное государство официально выйдет из режима санкций или совершит действия, равнозначные выходу. Резко против законопроекта выступил депутат К.Ф. Затулин [18], председатель Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, заявив, что рассматриваемые предложения станут прямым диктатом Президенту, Правительству и МИДу. В продолжение дискуссии депутат М.П. Бурлаков, избирательное объединение «Либерально-демократическая партия России», высказал мнение, что санкции сами по себе бессмысленны, т.к. направлены против невоюющей страны. Помимо этого, Сенат США 13 мая 1994 г. принял постановление об отмене односторонних санкций в отношении боснийских мусульман. Что в случае его одобрения позволит Вашингтону снабжать оружием официальные власти в Сараево [3]. Также на заседании было принято обращение к политическим силам сопредельных с Боснией государств организовать международную конференцию по мирному урегулированию конфликта.

На заседании 25 мая 1994 г. депутат Е.Ю. Логинов, «Либерально-демократическая партия России», акцентировал внимание на проблемах российского добровольчества в ходе югославского конфликта, предложив отличать его от наемничества [25]. Также ряд депутатов предлагал увязать балканские проблемы с вопросом участия России в программе «Партнерство во имя мира». Увязав обе проблемы предлагалось не идти по пути стратегического сотрудничества с НАТО ввиду явно недружественных действий альянса на территории бывшей Югославии [43]. Россия официально присоединилась к программе 22 июня 1994 г. 9 июня 1994 г. американский Конгресс принял законопроект об отмене санкций против СРЮ, что обсуждалось в Государственной Думе РФ. Причем отмечалось, что российские парламентарии закон по отмене санкций, принятый в 1-м чтении, «просто заболтали» и депутат В.А. Котляр [22], избирательное объединение «Демократическая партия России», предложил обсудить его в ближайшее время во 2-м чтении. К окончанию 1-й сессии Государственной Думы 1-го созыва решения этот вопрос не получил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, 1-я сессия 1-го созыва Государственной Думы РФ неоднократно обращалась к «югославскому вопросу» в ходе дебатов. В общей сложности эти проблемы обсуждались в ходе 27 заседаний. Среди основных проблем, которые выносились на голосование можно назвать следующие: уточняющие резолюции (по политической и военной обстановке на территории бывшей Югославии, по позиции Президента, Правительства, МИД РФ); отчеты министров и депутатов по вопросам текущего развития событий, результатам командировок на Балканы; возможность снятия международных санкций против СРЮ (вплоть до выхода из режима санкций в одностороннем порядке); укрепления политических и экономических отношений с республиками бывшей Югославии (прежде всего, СРЮ); критика действий МИД РФ и проекты обращений в международные структуры с протестами и заявлениями. Несмотря на то, что по значительному числу обозначенных проблем наблюдалось сходство позиций ряда фракций (ЛДПР, КПРФ, «Аграрная партия России», отчасти «Яблоко», «Партия Российского Единства и Согласия») решительных внешнеполитических инициатив так и не было принято (в частности не был окончательно одобрен законопроект об отмене санкций). Тем не менее, дебаты были содержательными, с широким привлечением экспертных мнений, выводов комиссий, прежде всего, думской делегации к месту событий 21–28 апреля 1994 г. во главе с Н.М. Безбородко. Среди основных мотивов занятия про-сербской позиции в конфликте назывались: историческая предопределенность дружественных российско-сербских отношений; геостратегические соображения и возможную окончательную утрату престижа великой державы в регионе; явно не дружественная и антигуманная тактика НАТО на Балканах, пристрастная по отношению к одной из сторон конфликта; необходимость занять более твердую позицию для сохранения политического и военного равновесия; этническая

и религиозная близость сербам; общественное мнение большинства населения России, сочувствующего СРЮ; экономические соображения; необходимость прекратить страдания мирного населения. проводились аллюзии и с национальными проблемами в самой России, указывалось на угрозу «балканизации» страны, в т.ч. с вмешательством внешних сил. Ряд депутатов, высказывавших расходящееся с большинством мнение имел ввиду следующие аргументы своей позиции: международные осложнения во взаимоотношениях с международными институтами; негативную реакцию мусульманских стран; наличием у России

более важных внешнеполитических задач; экономические трудности, влекущие за собой и военную слабость – неспособность адекватно ответить на внешнее давление в случае ужесточения позиции. Позиция Государственной Думы РФ и господствовавшие там настроения повлияли на политику Правительства (неоднократно заслушивались и комментировались доклады представителей МИД, критиковались действия дипломатов) в сторону ее эволюции от нейтральной до про-сербской, способствовали активизации России на международной арене по решению боснийской проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбарцумов Е.А. (представитель «Блока Явлинский–Болдырев–Лукин»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 22.02.2019).
2. Бабури С.Н. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 8 апреля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 23.02.2019).
3. Бурлаков М.П. («Либерально-демократическая партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
4. Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М.: Гея итерум, 2000. 480 с.
5. Власов Ю.П. (Северо-Западный избирательный округ, г. Москва). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3259/> (дата обращения: 22.02.2019).
6. Вместе в столетии конфликтов Россия и Сербия в XX веке: сб. статей / ред. К.В. Никифоров, А.А. Силкин. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 400 с.
7. Выступление специального представителя МИД РФ С.В. Лаврова. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 22.02.2019).
8. Ген Н.Л. (Сыктывкарский избирательный округ, Республика Коми). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019 г.).
9. Глотов С.А. (Краснодарский избирательный округ, Краснодарский край). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 21.02.2019).
10. Депутат Центрального избирательного округа, г. Санкт-Петербург. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
11. Дипломатический вестник. 1992. № 12. С. 18.
12. Доклад руководителя делегации Государственной Думы о поездке в республики Югославии с 21 по 28 апреля 1994 г. Н.М. Безбородова (Восточный избирательный округ, Курганская область). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
13. Ельцин Б. Н. Записки Президента. М.: Огонек, 1994. 512 с.
14. Жириновский В.В. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 22.02.2019).

REFERENCES

1. *Ambartsumov E.A.* (representative of the “Yavlinsky–Boldyrev–Lukin Bloc”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 22.02.2019).
2. *Baburin S.N.* Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). April 8, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 23.02.2019).
3. *Burlakov M.P.* (“Liberal Democratic Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
4. *Vasilyeva N., Gavrilov V.* Balkan dead end? The historical fate of Yugoslavia in the 20th century. Moscow: Gea iterum, 2000. 480 p.
5. *Vlasov Yu.P.* (Northwestern electoral district, Moscow). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3259/> (data of accesses: 22.02.2019).
6. Together in a century of conflicts, Russia and Serbia in the 20th century: Collection of articles K.V. Nikiforov, A.A. Silkin (eds.). Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2016. 400 p.
7. Statement by the special representative of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Lavrov S.V. Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 22.02.2019).
8. *Gen N.L.* (Syktyvkar electoral district, Republic of Komi). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
9. *Glotov S.A.* (Krasnodar electoral district, Krasnodar Territory). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 21.02.2019).
10. Deputy of the Central electoral district (St. Petersburg). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
11. *Diplomatic Bulletin.* 1992. No. 12. P. 18.
12. Report of the Head of the delegation of the State Duma on a trip to the republics of Yugoslavia from 21 to April 28, 1994 N.M. Bezborodov (Eastern electoral district, Kurgan region). Transcript of the meeting (the 1st session of the Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
13. *Yeltsin B.N.* Notes of the President. Moscow: Ogonyok, 1994. 512 p.
14. *Zhirinovskiy V.V.* Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 22.02.2019).

15. *Жириновский В.В.* Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 4 февраля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3243/> (дата обращения: 23.02.2019).
16. *Жириновский В.В.* Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
17. *Затулин К.Ф.* (председатель Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 22.02.2019).
18. *Затулин К.Ф.* (председатель Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками), *Доровских А.М.* («Либерально-демократическая партия РФ»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 18 февраля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3239/> (дата обращения: 21.02.2019).
19. Заявление советского правительства (2 августа 1991 г.) // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993) / под ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись». Т. 2. 513 с.
20. Из речи М. Горбачева на обеде в честь К. Мицотакиса (22 июля 1991 г.) // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993) / под ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись». Т. 2. 513 с.
21. История Государственной Думы // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата обращения: 21.02.2019).
22. *Котляр В.А.* (избирательное объединение «Демократическая партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 10 июня 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
23. *Кулик Г.В.* (избирательное объединение «Аграрная партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
24. *Лавров С.В.* (специальный представитель МИД РФ). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 16 февраля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3239/> (дата обращения: 21.02.2019).
25. *Логинов Е.Ю.* («Либерально-демократическая партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 25 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
26. *Лукин В.П.* (избирательный блок «Явлинский–Болдырев–Лукин»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
27. *Марычев В.А.* (избирательное объединение «Либерально-демократическая партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3241/> (дата обращения: 21.02.2019).
28. *Митрофанов А.В.* (избирательное объединение «Либерально-демократическая партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 11 февраля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3241/> (дата обращения: 21.02.2019).
29. *Митрофанов А.В.* (избирательное объединение «Либерально-демократическая партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 26 апреля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3205/> (дата обращения: 21.02.2019).
15. *Zhirinovskiy V.V.* Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). February 4, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3243/> (data of accesses: 23.02.2019).
16. *Zhirinovskiy V.V.* Transcript of the Meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
17. *Zatulín K.F.* (chairman of the Committee on CIS affairs and relations with compatriots). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 22.02.2019).
18. *Zatulín K.F.* (chairman of the Committee on CIS affairs and relations with compatriots), *Dorovskikh A.M.* (“Liberal Democratic Party of the Russian Federation”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). February 18, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3239/> (data of accesses: 21.02.2019).
19. Statement of the Soviet Government (August 2, 1991). In: Yugoslav crisis and Russia. Documents, facts, comments (1990–1993). E.Yu. Guskov (ed.). Moscow: Foundation of Yugoslavian researches and cooperation “Slavic chronicle”. Vol. 2. 513 p.
20. From the speech of M. Gorbachev at a dinner in honor of K. Mitsotakis (July 22, 1991). In: Yugoslav crisis and Russia. Documents, facts, comments (1990–1993). E.Yu. Guskov (ed.). Moscow: Foundation of Yugoslavian researches and cooperation “Slavic chronicle”. Vol. 2. 513 p.
21. *Kotlyar V.A.* (electoral association “Democratic Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). June 10, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/> (data of accesses: 21.02.2019).
22. *Kulik G.V.* (electoral association “Agrarian Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
23. *Lavrov S.V.* (special representative of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). February 16, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3239/> (data of accesses: 21.02.2019).
24. *Loginov E.Yu.* (“Liberal Democratic Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 25, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
25. *Lukin V.P.* (electoral bloc “Yavlinsky–Boldyrev–Lukin”). Transcript of a meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
26. *Marychev V.A.* (electoral association “Liberal Democratic Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3241/> (data of accesses: 21.02.2019).
27. *Mitrofanov A.V.* (electoral association “Liberal Democratic Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). February 11, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3241/> (data of accesses: 21.02.2019).
28. *Mitrofanov A.V.* (electoral association “Liberal Democratic Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). April 26, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3205/> (data of accesses: 21.02.2019).
29. Official site of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. History of the State Duma. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (data of accesses: 21.02.2019).

30. Петровский Л.Н. (избирательное объединение «Коммунистическая партия России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 23.02.2019 г.).
31. Пивоваренко А.А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. 408 с.
32. Послание президента Сербии Милошевича президенту России Ельцину и президенту США Бушу. 30 мая 1992 г. // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993) / под ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись». Т. 2. 513 с.
33. Результаты голосования по законопроекту о постановке вопроса об отмене международных санкций против СРЮ в ООН. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. 14:10. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 21.02.2019).
34. Результаты голосования по законопроекту, внесенному «Аграрной партией» о приостановлении участия Российской Федерации в осуществлении международных санкций против Союзной Республики Югославии. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 мая 1994 г. 14:10. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (дата обращения: 21.02.2019).
35. Рыбкин И.П. (председатель Государственной Думы). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 20 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3249/> (дата обращения: 24.02.2019).
36. Рыбкин И.П. (председатель Государственной Думы), Лета Т.И. (Вологодский избирательный округ, Вологодская область), Депутат (Центральный избирательный округ, г. Санкт-Петербург), Литицкий В.С. (Заяльцовский избирательный округ, Новосибирская область). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 13 апреля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3259/> (дата обращения: 21.02.2019).
37. Рыбкин И.П. (председатель Государственной Думы). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 20 апреля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3249/> (дата обращения: 21.02.2019).
38. Советско-американское заявление по Югославии (30 июля 1991 г.) // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993) / под ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись». Т. 2. 513 с.
39. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 21.02.2019).
40. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 23 февраля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3241/> (дата обращения: 21.02.2019).
41. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 16 марта 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 21.02.2019).
42. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 6 апреля 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/>.
43. Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 26 мая 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3191/> (дата обращения: 21.02.2019).
44. Фейгин М.З. (избирательное объединение «Выбор России»). Стенограмма заседания (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). 21 января 1994 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (дата обращения: 21.02.2019).
45. Хроника заседания 21 января 1994 г. (1-я сессия ГД первого созыва (весна 1994 г.)). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3248/> (дата обращения: 22.02.2019).
46. Энгельгардт Г.Н. Россия и боснийский кризис 1992 г. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27–41.
30. Petrovsky L.N. (electoral association “Communist Party of Russia”). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 23.02.2019).
31. Pivovarenko A.A. Croatia: History, politics, ideology. The end of the XX – beginning of the XXI century. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018. 408 p.
32. Message of Serbian President Milosevic to Russian President Yeltsin and U.S. President Bush. May 30, 1992. In: Yugoslav crisis and Russia. Documents, facts, comments (1990–1993). E.Yu. Guskov (ed.). Moscow: Foundation of Yugoslavian researches and cooperation “Slavic chronicle”. Vol. 2. 513 p.
33. Results of voting on the bill on putting the question of the abolition of international sanctions against the FRY in the UN. Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. 14:10 URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 21.02.2019).
34. Results of voting on the bill introduced by the “Agrarian Party” to suspend Russia’s participation in the implementation of international sanctions against the Federal Republic of Yugoslavia. Transcript of the meeting (1st session of the Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 13, 1994. 14:10 URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
35. Rybkin I.P. (chairman of the State Duma). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 20, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3249/> (data of accesses: 24.02.2019).
36. Rybkin I.P. (chairman of the State Duma), Leta T.I. (Vologda electoral district, Vologda region), Deputy (Central electoral district, St. Petersburg), Lipitsky V.S. (Zayeltsovsky electoral district, Novosibirsk region). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). April 13, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3259/> (data of accesses: 21.02.2019).
37. Rybkin I.P. (chairman of the State Duma). Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). April 20, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3249/> (data of accesses: 21.02.2019).
38. Soviet-American statement on Yugoslavia (July 30, 1991). In: Yugoslav crisis and Russia. Documents, facts, comments (1990–1993). E.Yu. Guskov (ed.). Moscow: Foundation of Yugoslavian researches and cooperation “Slavic chronicle”. Vol. 2. 513 p.
39. Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 21.02.2019).
40. Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). February 23, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3241/> (data of accesses: 21.02.2019).
41. Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). March 16, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 21.02.2019).
42. Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). April 6, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3199/> (data of accesses: 21.02.2019).
43. Transcript of the meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). May 26, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3191/> (data of accesses: 21.02.2019).
44. Feigin M.Z. (electoral association “Vybor Rossii”). Transcript of a meeting (1st session of the State Duma of the first convocation (Spring 1994)). January 21, 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3247/> (data of accesses: 21.02.2019).
45. Chronicle of the January 21, 1994 session (1st session of the first State Duma (Spring 1994)). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3248/> (data of accesses: 22.02.2019).
46. Engelhardt G.N. Russia and the Bosnian Crisis of 1992. Shaping the Approach to Settlement. *Slavic Studies*. 2000. No. 3. Pp. 27–41. (In Rus.)

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 90,14%

Р е ц е н з е н т: *Шатохин И.Т.*, кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры российской истории и документоведения историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)

Статья поступила в редакцию 16.01.2023, принята к публикации 14.02.2023
The article was received on 16.01.2023, accepted for publication 14.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фомичев Николай Николаевич, кандидат исторических наук; доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). Белгород, Российская Федерация. E-mail: fomichev@bsu.edu.ru

Урывский Андрей Петрович, кандидат исторических наук; доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). Белгород, Российская Федерация. E-mail: uryvsky@bsu.edu.ru

Крупская Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук; доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). Белгород, Российская Федерация. E-mail: krupskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nikolay N. Fomichev, Candidate of History; associate professor at the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science of the Belgorod State National Research University (National Research University “BelSU”). Belgorod, Russian Federation. E-mail: fomichev@bsu.edu.ru

Andrey P. Uryvsky, Candidate of History; associate professor at the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science of the Belgorod State National Research University (National Research University “BelSU”). Belgorod, Russian Federation. E-mail: uryvsky@bsu.edu.ru

Svetlana Yu. Krupskaya, Candidate of History; associate professor at the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science of the Belgorod State National Research University (National Research University “BelSU”). Belgorod, Russian Federation. E-mail: krupskaya@bsu.edu.ru

5.5.3

Государственное управление
и отраслевые политики

Public Administration and Regional Policies

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-31-37

Учение Иисуса Христа как альтернатива современному западному либерализму в вопросах политики и государственного управления

А.А. Ковалев^а ©, С.Л. Катанандов^б ©

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

^а E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

^б E-mail: katadandov-sl@ranepa.ru

Аннотация. *Цель исследования.* Задачей настоящего исследования является попытка доказать важность учения Иисуса Христа в вопросах теоретического и практического изучения государственного управления и политики в целом в ведущих светских государствах, живущих согласно принципам современного либерализма, а также продемонстрировать наличие политических мотивов в учении основоположника христианства. *Выводы.* В ходе проведенного исследования были сделаны выводы о том, что учение Иисуса не лишено политической составляющей. Евангелия при правильном толковании дают миру большое количество ценной политической информации относительно учения Иисуса, которая способна дополнить научные знания в вопросах изучения государственного управления и политики в целом.

Ключевые слова: Иисус, политика, государственное управление, христианское учение, наука, религия

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ковалев А.А., Катанандов С.Л. Учение Иисуса Христа как альтернатива современному западному либерализму в вопросах политики и государственного управления // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 31–37. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-31-37

The Teachings of Jesus Christ as an Alternative to Modern Western Liberalism in Politics and Government

A.A. Kovalev^a ©, S.L. Katanandov^b ©

North-Western Institute of Management at the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation

^a E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

^b E-mail: katadandov-sl@ranepa.ru

Abstract. *The purpose of the research.* The objective of this study is an attempt to prove the importance of the teachings of Jesus Christ in matters of theoretical and practical study of public administration and politics in general in the leading secular states living according to the principles of modern liberalism, as well as to demonstrate the presence of political motives in the teachings of the founder of Christianity. **Results.** In the course of the study, conclusions were drawn that the teachings of Jesus are not devoid of a political component. The gospels, when properly interpreted, provide the world with a great deal of valuable political information about the teachings of Jesus, which can complement scientific knowledge in the study of government and politics in general.

Key words: Jesus, politics, public administration, Christian doctrine, science, religion

FOR CITATION: Kovalev A.A., Katanandov S.L. The Teachings of Jesus Christ as an Alternative to Modern Western Liberalism in Politics and Government. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 31–37. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-31-37

ВВЕДЕНИЕ

Современное государственное управление принято считать четким отлаженным механизмом, наполненным строгими правилами, инструкциями, иерархией. Большинство современных цивилизованных стран являются светскими и отчуждают религию от управленческих дел. При этом, несмотря на то, что ведущие западные страны являются христианскими, теоретизирование в области государственного управления практически не содержит рассмотрения Иисуса или его учения. Дисциплина государственного управления игнорировала Иисуса даже тогда, когда искала кодекс этики для государственных служащих.

Эта оплошность примечательна тем, что Иисус оказал и продолжает оказывать огромное влияние на политику и правительство в западной цивилизации. Он поддерживал идею правительства как «государственной службы» (Матф. 20: 27), из которой вырастает современная вера в то, что лидеры подотчетны тем, кем они управляют. Он учил людей умерять закон милосердием (Матф. 7: 1; Луки 6: 37), уделять больше внимания намерениям, чем действиям и последствиям (Матф. 15: 20; Иоанна 13: 10), давать каждому справедливое слушание и избегать поспешного осуждения (Иоанна 8: 7). Влияние Иисуса не ограничивается только его воздействием на политические институты и культуру. Это непосредственно проявляется в современной теку-

щей политике и управлении – в подъеме христианского права и в различных областях политики, начиная от социального обеспечения и здравоохранения и заканчивая правоохранительными органами и уголовным правосудием.

Очевидно, что многие специалисты по государственному управлению сказали бы, что Иисус мало чему может научить нас в реальной политике, что он достаточно изучен богословами и что в любом случае политическая практика больше не может основываться на богословских предпосылках.

Но пренебрежение Иисусом далеко не так невинно и благоразумно, как хотелось бы верить. Невнимание к Иисусу отражает фундаментальную трудность в определении предмета дисциплины государственного управления, трудность, которую мы должны постоянно фиксировать в современных теоретизировании, преподавании, исследованиях и практике. Одним словом, эта трудность сосредоточена на человеческих ценностях.

Государственное управление зависит от иудео-христианских ценностей, которых придерживаются граждане, воплощаются в американских политических институтах и выражаются в политике и законах. С одной стороны, граждане светских государств с доминирующей христианской религией зависят от христианской этики, на которой базируется их культура; с другой стороны, они же считают незаконными те политические системы в других странах, которые явно основаны

на религии. Человечество хочет хорошего правительства, но отказывается обеспечить это добро чем-то большим, чем традиция, условность и здравый смысл. Это может быть хорошо в данный момент, но это оставляет поле деятельности ненадежно зависимым от его обстоятельств и неподготовленным к возможности зла в высших кругах и авторитарным тенденциям в массовой публике. Уже сейчас большинство западных промышленно развитых республик стали постоянно милитаризованными, и они могут очень легко превратиться в тоталитарные режимы с демократическими фасадами, особенно в условиях международных конфликтов или терроризма.

Задача настоящего исследования – демонстрация важности учения Иисуса в вопросах теоретического и практического изучения государственного управления и политики в целом, а также изучение политических мотивов в учении основоположника христианства. В работе были использованы следующие научные подходы и методы: анализ, исторический метод, системный подход.

В работе были использованы следующие научные подходы и методы: анализ, исторический метод, системный подход.

Долгое время христианство в целом и сам Иисус изучались в рамках богословия. И только в позднее Новое время научные поиски в данном направлении несколько расширились, в первую очередь, за счет попыток реконструировать исторического Христа и понять его роль в жизни народов и государств. Например, над этой проблемой трудились М. Вебер, Ф. Ницше, П.Ж. Прудон, Э. Ренан, Д.Ф. Штраус и некоторые другие мыслители. Среди современных авторов следует назвать Дж. Йодера, А. Сторки, С. Хауэрваса, Р. Хейза. Среди отечественных исследователей, изучающих политические мотивы христианства, необходимо назвать Р.Г. Апресяна, А.Ф. Бичехвоста, М.Б. Зыкова, С.С. Оганесяна.

Несмотря на то, что современные ученые обратили внимание на практическую ценность учения Иисуса в политике и государственном управлении, исследовательская работа в данном направлении только началась. И данная статья призвана внести определенный вклад в теоретическое исследование политического значения Иисуса и его идей.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЛИБЕРАЛИЗМА

Попытка государственной администрации сохранить ценности Иисуса, дистанцируясь при этом от богословских предпосылок, лежащих в основе этих ценностей, является примером в миниатюре отношений между правительством и религией в современных индустриальных республиках, которые достигли исторически беспрецедентной степени политической интеграции, основав свою власть на абстрактном, свободном от теологии моральном кодексе. Современные нации объединяют народы разных рас и вероисповеданий, объявляя определенные нормы поведения и отношения общезначимыми, независимо от обычаев, религиозных верований и истории конкретного человека, группы или нации. Среди этих норм – свобода слова, совести и вероисповедания, свобода, которая требует и, следовательно, влечет за собой религиозную терпи-

мость, ограниченность власти и приоритет закона над религиозностью. Возникнув в XVIII в. в результате демократических революций в Америке и Франции, политическая консолидация посредством этой абстрактной морали стала глобальным феноменом и теперь считается одной из определяющих характеристик современности.

Тем не менее, это культурное разделение морали, религии и права не является полностью уникальным для современной эпохи. На самом деле это новый вариант старого решения еще более древней проблемы, лежащей в основе западной цивилизации. Проблема состоит в том, как объединить воюющие народы в политические единицы, способные мобилизовать общую оборону против иноземных захватчиков. В мировой истории эта проблема в ее самой крайней форме была уникальной для Запада из-за особого характера западных городов. Одно из наиболее важных и в то же время наиболее забытых наблюдений Вебера состоит в том, что европейский город древности отличался от других городов [1]. Западный город, как он его называл, характеризовался боевой культурой, сосредоточенной на воинской дисциплине и войне. Каждый город имел своих богов, брал на себя ответственность за собственную оборону, организовывал городскую политику и управление вокруг воинских частей, связывал гражданство и подготовку к гражданству с военной подготовкой и службой. Восточный город, напротив, был организован почти исключительно для торговли и оставлял военную защиту имперским авторам, которые управляли большими географическими районами и не отождествлялись исключительно с каким-либо одним городским центром.

До разделения морали и религии в современную эпоху на Западе с разной степенью успеха было опробовано несколько других методов политической интеграции. Исторически первыми были конфедерации городов (Спарта, Афины). Затем Александр Македонский попытался вместо этого воссоздать кровные узы военного города в имперском масштабе, ориентируясь на межнациональные браки.

Первая империя, включавшая европейские города-государства, которая была хотя бы немного стабильной, была основана Римом, который выбрал средний путь между свободными конфедерациями греков и полным слиянием, к которому стремился Александр Македонский. Римляне требовали от своих подданных производить финансовые платежи Риму, размещать римские войска на своих территориях и подчиняться римским губернаторам по вопросам, представляющим особый интерес для империи, но в большинстве других отношений это позволяло этим государствам жить как обычно. Они могли продолжать исповедовать свои местные религии, сохранять установленные формы правления и следовать привычным для них обычаям. Концептуально говоря, этот квазифедерализм был достигнут путем отделения права от религии и подчинения последней. Возникшая в результате империя просуществовала несколько столетий, и даже когда она начала распадаться, расколы происходили не из-за восстаний покоренных народов, а из-за классовых разногласий и элитных мятежей внутри правящего города.

Христианство стало объединяющей религией империи отчасти случайно, а отчасти потому, что оно соответствовало правовым рамкам империи. Иисус жил в тот период, когда империя, заменив свою гражданскую армию круглогодичными профессионалами, начала испытывать гражданские войны, потому что легионы теперь отдавали свою верность отдельным полководцам, а не городу или армии в целом. По мере того как военная мощь, стоявшая за правовой надстройкой, раскалывалась и обращалась сама на себя, политически активные граждане на всех уровнях империи неизбежно стремились к некоему культурному объединению, способному вновь связать армии и их генералов с правовым порядком.

Учение Иисуса отвечало этой потребности, потому что в нем содержалась идея «царства Божьего», царства, в котором правители и подданные одинаково подчинялись высшим законам. Таким образом, легенда и учение Иисуса распространились по империи по пути, установленному римским правом, которое было построено поверх законов, обычаев и религий подвластных территорий. Впоследствии, после воссоединения империи силой оружия, Константин воспользовался этим культурным подкреплением, объявив христианство официальной религией империи. Он также потребовал от церковных руководителей созвать Никейский собор для принятия единого вероучения, которое по сей день принято практически всеми христианскими конфессиями. С этого момента социальный и политический порядок больше не должен был быть многокультурным конгломератом отдельных городов-государств, связанных между собой абстрактным правом; он должен был стать единокультурной империей, в которой право снова переплеталось с религией, как это было раньше, в военных городах.

Разделение морали, религии и права в современную эпоху представляет собой разворот политики Константина и возврат к методу политической интеграции, практиковавшемуся при империи до христианства. Вот почему американский философ Л. Штраус говорит о двух формах либерализма: древней и современной [14]. Либерализм – это политическая философия, которая призывает к религиозной терпимости и санкционирует религиозную свободу в рамках абстрактных юридических прав и обязанностей. Античный либерализм был практикой ранней Римской империи, ставившей абстрактное право выше религии и позволявшей подвластным государствам поддерживать свои коренные культуры в определенных пределах. Современный либерализм подчиняет религию, как и право, абстрактной морали.

Современный либерализм был вызван протестантской реформацией, которая разрушила монополию Церкви на библейскую экзегезу и открыла путь для многочисленных вероучений и конфессий в рамках всеобъемлющей христианской культуры. Религиозный плюрализм привел к гражданской войне, репрессиям, нетерпимости и фанатизму, и точно так же, как беспорядки в Древнем Риме способствовали быстрому распространению интегративных религиозных верований, религиозные войны XV и XVI вв. вызвали компенсаторный поиск точек соприкосновения между конфликтующими религиозными организациями.

Результатом этой культурной работы был моральный кодекс, который считался неотъемлемым от человеческого разума и потому независимым от религиозных верований и доктрин.

Конец западной цивилизации

Недостатком современного либерализма является то, что его ценности не могут быть оправданы без обращения к принципам, которые, хотя и кажутся самоочевидными для западных умов в современную эпоху, на самом деле коренятся во власти или случайных обстоятельствах. Эта проблема была впервые выявлена Ф. Ницше, затем научно изучена Вебером, а потом прослежена в истории идей Л. Штраусом, и сегодня она стоит в качестве одной из центральных тем в нескольких наиболее влиятельных школах социальной теории, включая деконструкционизм французского философа Ж. Деррида [6], критическую теорию немецкого философа Ю. Хабермаса [11] и генеалогический подход, связанный с М. Фуко [9].

Вначале была хорошо понята проблематическая связь между современным либерализмом и религией. Это было в центре внимания Ницше, Вебера и Штрауса. Но во второй половине XX в. социальные теоретики и философы, работающие в рамках этой интеллектуальной традиции, перенесли акцент с религии на науку. Реконструкции этого интеллектуального сдвига в направлении были предложены, в частности, теологом Т. Дж. Оордом [12], Ю. Хабермасом [10] и др.

Цель нового направления анализа состояла в том, чтобы раскрыть скрытые предпосылки и социальные силы, заложенные не только в западной морали и мышлении, которое ее породило, но и в науке, которая до сих пор считалась чистой и ничем не ограниченной рациональностью. По причинам, обсуждаемым ниже, эта ориентация науки нуждается в пересмотре, ибо она дискредитирует интеллектуальную основу, на которой основывается данная теория. Лучшую линию критики можно найти, проследив научные шаги от Ницше к Штраусу и придав Штраусу больший вес в свете мусульманского терроризма, который, в некотором смысле, он предвидел.

Ницше указывал, что ценности, утверждаемые как самоочевидные современной демократической теорией, на самом деле являются ценностями, поддерживаемыми христианством, религией, которую большинство современных ученых и философов считают основанной в основном на мифах и суевериях. Более того, Ницше утверждал, что христианские ценности – это не те ценности, которые хотел бы иметь свободный и могущественный народ. Христианство возникло среди порабожденного и неоднократно завоеванного народа, и оно отражало интересы и заботы слабейших элементов человечества, а не самых сильных. Ницше противопоставлял христианским ценностям и либеральной морали добродетели воинственных городов древности: мужество, а не кротость, самоубийство, а не порабощение, справедливость, а не милосердие, месть, а не прощение, гордость и великодушие, а не любовь и милосердие [2].

Итак, Ницше предсказал, что демиург, умеренно гуманистическая, ориентированная на потребление культура Запада рухнет, потому что ее фундамент был демонтирован наукой, которая сама по себе трудолюбива и не вдохновляет. Из руин западной культуры

после падения возник бы либо «последний человек», человек, полностью подчиняющий себя стаду, либо «сверхчеловек», человек, принимающий свое собственное превосходство и правящий без ограничений.

Вебер тоже сосредоточился на христианстве в своем анализе западной культуры, но Штраус, еврей, живший в Германии во время подъема нацизма, вместо этого обратился к иудаизму [15]. Вклад Вебера в прозрения Ницше состоял в том, чтобы показать, что протестантское христианство является источником не только западной морали в традиционном смысле этого слова, но и обязательств Запада к эффективности, порядку, приобретательству, трудолюбию и науке – обязательства, которые Вебер в совокупности называл «духом капитализма». Вебер проследил дух (современного западного) капитализма до кальвинистской доктрины предопределения, доктрины, которая непреднамеренно заставила людей думать, что божественное спасение может быть получено от тяжелой работы и мирского успеха.

И Ницше, и Вебер сформулировали свои взгляды до прихода к власти Гитлера, и если их идеи не способствовали успеху Гитлера, то они, конечно, ничего не сделали, чтобы предотвратить его. Штраус, с другой стороны, исследовал развитие западной культуры в поисках противоядия от духовного разложения, которое сделало возможным нацизм. Он соглашался с Ницше и Вебером в том, что западная мораль возводится на все более шатком религиозном фундаменте, но верил или, по крайней мере, надеялся, что эта религия может быть восстановлена. Лео Штраус утверждал, что Запад получает свой динамизм от внутреннего, культурного напряжения между наукой и религией [7]. В серии блестящих переосмыслений древних текстов из классической политической философии и теологии он проследил это напряжение до конфликта между двумя основными элементами западной культуры – греко-римской традицией философии и науки и иудео-христианской теологией, представленной в Библии. Штраус пришел к выводу, что западная культура может быть сохранена только некоторым образом, изолируя библейские верования от научной критики.

Хотя их анализы различались, все три этих великих мыслителя предвидели крах Запада, если его духовные основы не будут каким-то образом реформированы или восстановлены, и каждый предлагал программу духовного обновления. Ницше надеялся зажечь новую дионисийскую веру, основанную на мифе о вечном возвращении и его представлениях о воле к власти. Вебер, по-видимому, полагал, что христианское богословие можно было бы оживить, как это было во время Реформации, пересмотрев его первые принципы, хотя он не предлагал никаких идей относительно формы, которую мог бы принять этот новый протестантизм. Штраус пытался инициировать духовное возрождение, переосмысливая основополагающие тексты, как греческой философии, так и библейского богословия. В отношении первого он стремился показать, что политическая философия была основана Сократом специально для того, чтобы защитить религиозные верования от критики. На библейском фронте он предположил, что иудаизм может поддержать свои претензии на истину против критики науки, но христианство не может.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧЕНИЯ ИИСУСА

В рамках настоящего исследования необходимо также рассмотреть взгляды французского социалиста П.Ж. Прудона на роль Иисуса Христа как на социально и политически значимую фигуру. Его работа также проводилась в пределах либерального поиска, которая осуществлялась в рамках исторической науки XIX в. Так, вызвала неподдельный интерес у интеллектуалов XIX в. личность Иисуса по причине того, что он воспринимался ими как реформатор, деятельность которого могла бы стать полезной в эпоху глобальным реформ и революций. При этом важно отметить, что Иисус рассматривался не как полумифический образ, а как историческая личность, опыт деятельности которой в политической и социальной сферах привлекал повышенное внимание. В XIX в. особо привлекательным выглядел образ Христа как народного вождя, ведущего евреев к восстанию.

Таким образом, наряду с другими исследователями (Э. Ренан, Д.Ф. Штраус и другие) П.Ж. Прудон пытался отыскать в своих трудах «исторического Иисуса» [3]. Центральной мыслью французского философа был вопрос о причинах распятия. Мнение о том, что Иисус был Мессией, полностью отвергалось П.Ж. Прудоном. Иисус – проповедник морали, желавший изменить фундамент миропорядка, заложив в нем нравственные основы. Ключевой составляющей нового миропорядка, по Иисусу, утверждал П.Ж. Прудон, должна была стать справедливость, порождающая, в том числе, свободу и равенство. Все учение Христа, по мнению французского мыслителя, было пронизано духом морали. Также он убежден в отсутствии политических мотивов в учении Христа.

С позиций политической науки XXI в. стоит подчеркнуть заблуждение, касающееся неспособности политики и морали, политики и религии. Стоит сразу сделать оговорку относительно того, что теории прошлых веков соразмерны духу времени, когда такие потенциально опасные темы, как политика и религия, рассматривались в относительном симбиозе. Однако наука настоящего и будущего призывает изучать политику, религию и мораль не с позиции подчинения одного другому, но с позиции взаимодополнения и взаимонаучения. По справедливому замечанию немецкого теолога, доктора философии, лауреата Нобелевской премии мира А. Швейцера, Иисус и его учение так и остались загадкой для людей Нового времени [13].

Теоретики этой западной традиции культурного самоанализа обратили свое внимание на науку, во многом для того, чтобы подорвать ее позиции как единственного (или, по крайней мере, высшего) источника истины [5; 8]. Этот курс был начертан ранее Ницше, но его энтузиазм по этому поводу следует теперь рассматривать как признак опасности, а не озарения, поскольку он стремился ускорить крах западной культуры, чтобы проложить путь к сверхчеловеку. Попытка критиковать науку чревата опасностями, даже если она может предложить перспективу захватывающего интеллектуального путешествия. Опасность заключается в нигилизме, который на практике обычно ведет к тирании правых или левых. Уже сейчас у широких масс населения западных стран есть нигилистические

тенденции, и они могут очень легко пойти по пути фашизма, особенно если правящие элиты столкнутся с элементами, враждебными шаткой морали Запада. Это верно независимо от того, являются ли такие элементы внутренними или внешними. В любом случае, поскольку западные правительства не в состоянии защитить западный образ жизни с помощью здравых аргументов – потому что, вместо этого, они полагаются на принципы, которые должны быть приняты как «самоочевидные» – западные правительства часто защищаются и склонны к насилию.

По нашему мнению, человечество должно вернуться к пути, предложенному Штраусом, но пересмотреть его выводы о том, как иметь дело с христианством. Выход из культурного кризиса Запада может заключаться в самом кризисе, то есть в том очевидном факте, что христианство не выдержало научной критики и не скатилось в фарисейский фундаментализм. Ответ на деконструкцию догмы состоит не в том, чтобы отказаться от Иисуса в пользу мистического иудаизма (программа Штрауса) или ждать нового Диониса Ницше или нового Лютера Вебера, а в том, чтобы копнуть под христианство, чтобы раскопать исторического Иисуса.

Современная наука призывает изучать Иисуса с точки зрения различных научных дисциплин, чем ранее не решались заниматься ученые. Наивное утверждение мыслителей прошлых веков о том, что Иисус не имел никакого отношения к политике, а все его учение только о религии и морали, в корне устарело. Как справедливо отметил английский социолог А. Сторки, Иисус никогда прямо не говорил о политике, не претендовал на место царя, а в Евангелиях невозможно найти упоминание откровенно политической деятельности Иисуса. На протяжении многих веков сами политические деятели создавали его аполитичный образ с единственной целью – подчинить себе многочисленных смиренных христиан. При этом у разных «властных поколений» были свои мотивы – в XIX в. политики и чиновники, обращаясь к теме Бога, пытались держать в повиновении рабочих; нацисты были убеждены в арийском происхождении Иисуса; и многие другие

примеры. Однако, как верно определил А. Сторки, такая деятельность является не более чем «идеологическим осквернением восприятия Иисуса многочисленными поколениями людей» [4].

Таким образом, учение Иисуса Христа не лишено политической составляющей. Напротив, делая публичные заявления о желании поменять устройство мира, он автоматически бросал вызов властителям своего времени. Его современники долго пытались найти в его словах политические призывы, а это было непорочно, ведь стиль общения Иисуса с людьми – это изложение своих идей с помощью притч, истинный смысл которых был понятен только тем, кто хорошо знал Ветхий завет, то есть верующим. Однако такие призывы все же были найдены, ведь над Иисусом состоялась казнь (распятие), применяющаяся в те времена именно к политическим преступникам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная наука не может претендовать на исключительную роль в процессе познания и добывания жизненных истин. Долгое время религиозные учения в светских государствах (особенно в странах Запада) не воспринимались как серьезный источник информации для организации различных областей жизнедеятельности: политической, социальной, культурной, экономической, правовой. Однако уже становится очевидным, что так называемые непреложные истины, которые воспринимаются современными людьми, живущими по принципам либерализма, «само собой разумеющимися», обнаруживают свой источник в христианстве. Политику принято считать чуждой морали (и наоборот), однако практическая политика в лице государственного управления современности остро нуждается в том, чтобы отыскать связь с моралью. Мораль «любит» человека, Иисус проповедовал мораль. Таким образом, чтобы политика и государственное управление «полюбили» человека, необходимо, двигаясь в данном направлении, руководствоваться в теоретических и практических политических исследованиях возвращением к Иисусу и его учению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
2. Жильцова Е.А., Сомсикова О.А. Проблема религии и восприятия христианства в философии Фридриха Ницше // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 11. С. 7–13.
3. Метель О.В. Образ Иисуса Христа в работах П.Ж. Прудона // Вестник Омского университета. 2016. № 2 (10). С. 10–15.
4. Сторки А. Иисус и политика. Противостояние властей. Черкассы: Коллоквиум, 2008. 416 с.
5. Clark F., Lorenzoni A.B. Handbook of organization theory and management: The philosophical approach. 2nd ed. CRC Press, 2005. 896 p.
6. Derrida J. Theory and practice. University of Chicago Press, 2019. 144 p.
7. Deusch K.L., Nicgorski W. Leo Strauss: Political philosopher and Jewish thinker. Rowman & Littlefield, 1994. 396 p.
8. Fernando S. Cultural diversity, mental health and psychiatry: The struggle against racism. Routledge, 2004. 272 p.
9. Foucault M. History of madness. Routledge, 2013. 776 p.

REFERENCES

1. Weber M. Favorites. Society image. Moscow: Lawyer, 1994. 702 p.
2. Zhiltsova E.A., Somsikova O.A. The problem of religion and the perception of Christianity in the philosophy of Friedrich Nietzsche. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2008. No. 11. Pp. 7–13. (In Rus.)
3. Snowstorm O.V. The image of Jesus Christ in the works of P.Zh. Proudhon. *Bulletin of the Omsk University*. 2016. No. 2 (10). Pp. 10–15. (In Rus.)
4. Storkey A. Jesus and politics. Opposition of the authorities. Cherkasy: Colloquium, 2008. 416 p.
5. Clark F., Lorenzoni A.B. Handbook of organization theory and management: The philosophical approach. 2nd ed. CRC Press, 2005. 896 p.
6. Derrida J. Theory and practice. University of Chicago Press, 2019. 144 p.
7. Deusch K.L., Nicgorski W. Leo Strauss: Political philosopher and Jewish thinker. Rowman & Littlefield, 1994. 396 p.
8. Fernando S. Cultural diversity, mental health and psychiatry: The struggle against racism. Routledge, 2004. 272 p.
9. Foucault M. History of madness. Routledge, 2013. 776 p.

Ковалев А.А., Катанандов С.Л.

10. *Habermas J.* Religion and rationality: Essays on reason, god and modernity. John Wiley & Sons, 2014. 184 p.
 11. *Habermas J.* Legitimation crisis. John Wiley & Sons, 2015. 192 p.
 12. *Oord T.J.* God Can't: How to believe in God and love after tragedy, abuse, and other evils. Sacra Sage Press, 2019. 212 p.
 13. *Schweitzer A.* The Quest of the Historical Jesus: A critical study of its progress from reimarus to wrede. London: Adam and Charles Black, 1911. 608 p.
 14. *Strauss L.* Liberalism ancient and modern. University of Chicago Press, 1995. 276 p.
 15. *Strauss L.* Leo Strauss on political philosophy: Responding to the challenge of positivism and historicism. University of Chicago Press, 2018. 272 p.
10. *Habermas J.* Religion and rationality: Essays on reason, god and modernity. John Wiley & Sons, 2014. 184 p.
 11. *Habermas J.* Legitimation crisis. John Wiley & Sons, 2015. 192 p.
 12. *Oord T.J.* God Can't: How to believe in God and love after tragedy, abuse, and other evils. Sacra Sage Press, 2019. 212 p.
 13. *Schweitzer A.* The Quest of the Historical Jesus: A critical study of its progress from reimarus to wrede. London: Adam and Charles Black, 1911. 608 p.
 14. *Strauss L.* Liberalism ancient and modern. University of Chicago Press, 1995. 276 p.
 15. *Strauss L.* Leo Strauss on political philosophy: Responding to the challenge of positivism and historicism. University of Chicago Press, 2018. 272 p.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 81,77%

Рецензент: Керимов А.А., доктор политических наук, доцент; профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина

Статья поступила в редакцию 14.01.2023, принята к публикации 01.02.2023
The article was received on 14.01.2023, accepted for publication 01.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Катанандов Сергей Леонидович, кандидат философских наук; доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: katanandov-sl@ranepa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey A. Kovalev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor; associate professor at the Department of State and Municipal Administration of the Northwest Institute of Management at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Sergey L. Katanandov, Candidate of Philosophical Sciences; associate professor at the Department of State and Municipal Administration of the Northwest Institute of Management at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: katanandov-sl@ranepa.ru

Национализирующийся тип национализма: специфические вызовы государственного строительства в Республике Казахстан

Ю.О. Булуктаев ©

Институт философии, политологии и религиоведения
Министерства науки и высшего образования РК,
г. Алматы, Республика Казахстан

E-mail: Buluktaev49@mail.ru

Аннотация. *Цель статьи* – исследовать вопросы утверждения и укрепления национального суверенитета Казахстана в контексте специфических вызовов государственного строительства, к которым отнесены проблемы этнокультурной интеграции. Раскрывается политика государства по культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры в контексте доминирования русского языка как основы культурной интеграции в современном Казахстане. С этой целью анализ строится на методологии национализирующегося государства Роджерса Брубейкера. Национальная интеграция Казахстана по ее постсоветской модели осуществляется как баланс этнической и гражданской нации. В контексте национальной политики для государственного строительства в Казахстане приоритетное значение имеют культурно-языковая казахизация этносов и русификаторская модель культурной интеграции этносов. Принципиальная важность культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры как одного из аспектов национальной интеграции обосновывается тем, что без нее национальное строительство Казахстана имеет незавершенный характер. Казахизация демографических процессов уже изменила этнический облик страны, но ее влияние на социокультурную среду будет не столь быстрым и далеко не однозначным. Государство в своей национальной политике стремится не допустить перерастания межэтнических противоречий в политические конфликты. Политизация этничности в Казахстане недопустима.

Ключевые слова: Казахстан, национализирующееся государство, культурная интеграция, язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Булуктаев Ю.О. Национализирующийся тип национализма: специфические вызовы государственного строительства в Республике Казахстан // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 38–44.
DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-38-44

Nationalizing Type of Nationalism: Specific Challenges of State Building in the Republic of Kazakhstan

Yu.O. Buluktaev ©

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies
at the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Republic of Kazakhstan

E-mail: Buluktaev49@mail.ru

Abstract. *The purpose* of the article is to explore the issues of establishing and strengthening the national sovereignty of Kazakhstan in the context of the specific challenges of state building, which include the problems of ethnocultural integration. The policy of the state on the cultural integration of ethnic groups on the basis of the Kazakh language and culture is revealed in the context of the dominance of the Russian language as the basis of cultural integration in modern Kazakhstan. To this end, the analysis is based on the nationalizing state methodology of Rogers Brubaker. Findings. The national integration of Kazakhstan according to its post-Soviet model is carried out as a balance of ethnic and civil nation. In the context of national policy for state building in Kazakhstan, the cultural and linguistic Kazakhization of ethnic groups and the Russification model of cultural integration of ethnic groups are of priority importance. The fundamental importance of the cultural integration of ethnic groups based on the Kazakh language and culture as one of the aspects of national integration is justified by the fact that without it, the national construction of Kazakhstan is incomplete. Kazakhization of demographic processes has already changed the ethnic image of the country, but its impact on the socio-cultural environment will not be so fast and far from unambiguous. The state in its national policy seeks to prevent the escalation of inter-ethnic contradictions into political conflicts. Politicization of ethnicity in Kazakhstan is unacceptable.

Key words: Kazakhstan, nationalizing state, cultural integration, language

FOR CITATION: Buluktaev Yu.O. Nationalizing Type of Nationalism: Specific Challenges of State Building in the Republic of Kazakhstan. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 38–44. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-38-44

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

После распада СССР появились его «осколки» – новые независимые государства. И термин «постсоветский» стал зонтичным понятием: постсоветские страны, постсоветское пространство, постсоветские государства и т.д. Перед новыми независимыми государствами (ННГ) на первый план вышли вопросы национального строительства, потому как национализм, как политический, так и этнокультурный, тесно связан с государствообразующим процессом.

Процесс нациестроительства и формирования гражданской общности государства – это многоаспектная проблема, имеющая объективную и субъективную стороны, экономические, социальные, политико-правовые, духовно-культурные и личностные основания.

Некоторые казахстанские эксперты в своих исследованиях вопросов утверждения и укрепления национального суверенитета Казахстана в контексте национального строительства, опираясь на концепцию американского социолога Роджерса Брубейкера (Rogers Brubaker), считают, что приоритетное значение имеет отношение государства с местными русскими и Россией. Свой анализ они строят на методологии национализирующегося государства [Кадыржанов, 2021: 179–191].

Роджерс Брубейкер появление новых независимых государств в посткоммунистическом мире оценивает как новый тип национализма, который он определяет как национализирующийся. Посткоммунистическое национализирующееся государство строится вокруг ядерной (по постсоветской терминологии, титульной) нации, обладая и другими чертами национального государства. Поэтому национализирующееся государство Брубейкер определяет как государство ядерной (титульной) нации и для этой нации [Brubaker, 1996: 5].

Казахстан, как одно из национализирующихся государств на постсоветском пространстве, испытывает специфические вызовы государственного строительства, к которым отнесены: национализирующийся тип национализма, этнокультурная интеграция. Современное турбулентное состояние в сфере геополитики, геэкономии, внешней и внутренней политики государств актуализирует эти вызовы.

НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩЕЕСЯ ГОСУДАРСТВО

Что представляет собой национализирующееся государство? Брубейкер определяет его, как такое государство, которое воспринимается его ведущими элитами как нация-государство, как государство

определенной нации и для этой нации, но в то же время, как «неполное» и «незавершенное» нация-государство, как недостаточно «национальное» в каких-то важных с точки зрения элит аспектах. При этом обращается внимание на большое разнообразие в интенсивности и формах реализации национализирующих политик и практик в этих государствах [Brubaker, 1996: 4–5].

Понятие «нация-государство» играет большую роль в изучении современных национальных государств. Это понятие помогает исследовать двойственную природу национального государства. В национальном государстве нация и государство нация и государство являются взаимосвязанными и взаимно предполагающими друг друга понятиями. Американский историк Ханс Кон утверждал, что «Национализм требует государства; создание государства укрепляет национализм» [Кон, 2010: 28, 43].

При этом следует подчеркнуть, что политический национализм и этнокультурный национализм не существуют в идеальном виде. Этнокультурная солидарность и политическая солидарность воздействуют друг на друга. Для Казахстана важным является то, что, начиная с 1991 г., процесс нациестроительства и формирования гражданской общности для большинства населения страны был сопряжен со сменой гражданской принадлежности с «советской» на «казахстанскую» («казахскую»), со сменой идентичности.

В ст. 2 Конституции РК указывается, что суверенитет Республики распространяется на всю ее территорию¹. Территория Казахстана как национального государства сформировалась в советский период, когда Казахстан был автономной, а затем союзной республикой в составе СССР. Как независимое государство Казахстан образовался в результате распада СССР на пятнадцать независимых государств, бывших союзными республиками в составе Советского Союза. Новые независимые государства образовались на месте бывших союзных республик с их территорией, населением и государственным аппаратом.

Республика Казахстан как независимое государство является наследницей Казахской ССР, точно так же, как другие постсоветские государства являются наследниками национальных республик в составе СССР. Важно при этом отметить то, что кроме Российской Федерации как правопреемницы СССР и трех балтийских государств, имевших национальное государство в период между двумя мировыми войнами, остальные постсоветские государства не имели предшествовавших им форм национальной государственности [Кадыржанов, 2022: 16].

Брубейкер выделяет пять основных черт, характеризующих национализирующееся государство. Образно говоря, им предложена схема изображения портрета государства в интерьере.

Первой из этих черт является идея, что в государстве имеется ядерная нация (*core nation*) или национальность, понимаемая в этнокультурных терминах и отличающаяся от всех граждан страны в целом. В постсоветских условиях такую главную нацию называют также титульной нацией.

Ядерная группа составляет демографическое большинство в составе населения национального государства, и она исторически связана с территорией и самим государством, являясь его автохтонным населением. В советское время это население определялось как «коренной народ» национальной республики. В постсоветских условиях для ядерных групп более употребительными стали термины «титульная нация» или «государство-образующая нация». Эти термины широко употребляются в современном Казахстане для определения места казахов в национальном строительстве.

Естественно, в Казахстане ядерная нация, и государство-образующая нация – это казахи, давшие название этой стране. За формами языкового и культурного доминирования титульного этноса следует его доминирование в политической, административной, информационной, образовательной и других сферах. Все это подкрепляется демографическим доминированием титульного этноса.

Казахстан – полиэтническая и поликонфессиональная страна – на ее территории проживают представители 130 этносов, 18 религиозных конфессий. По последним данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, численность населения страны на 1 ноября 2022 г. составила 19,7152 миллиона человек, в том числе городского – 12,1691 миллиона (61,7%), сельского – 7,5461 миллиона (38,3%) человек. По предварительным итогам (окончательные итоги будут подведены в I квартале 2023 г.) переписи населения Казахстана, которая проходила в период с 1 сентября по 30 октября 2021 г., доля казахов в этническом составе достигла 70,18% [Национальная перепись..., 2021].

По результатам последней советской переписи населения 1989 г. казахи составляли 39,7% населения советского Казахстана, то есть менее половины населения республики. В этом отношении Казахстан был единственной национальной республикой в составе СССР, где коренное титульное население было в меньшинстве по отношению к остальной части населения республики. Русские составляли 37,8% населения, почти столько же, сколько казахи, а в совокупности с украинцами, немцами, белорусами и другими русифицированными этносами составляли более 50% населения советского Казахстана [Статистический сборник..., 1991: 7–70].

В 2014 г. численность казахов составляла 63,1% населения, в республике проживали также русские (23,7%), украинцы (2,1%), узбеки (2,9%), татары (1,3%), уйгуры (1,4%), немцы (1,1%), а также представители других национальностей (4,4%) [Численность и этнический состав..., 2021].

Таким образом, за 30 лет суверенного развития в Казахстане произошли значительные изменения национального состава населения, которые привели к увеличению доли этнических казахов.

Второй чертой национализирующегося государства является требование главенства титульной нации и принадлежности ему государства, то есть это государство титульной нации и для титульной нации.

Казахстан представляет собой национализирующееся государство, в этом оно не отличается от других постсоветских государств. Элиты Казахстана с первых дней независимости воспринимали его как государство

¹ Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. Алматы, 2022.

казахов. Так, в преамбуле первой конституции Республики Казахстан, принятой в январе 1993 г., Казахстан был провозглашен как «государство самоопределившейся казахской нации»².

При этом сама казахская нация понималась в этнических терминах. Такое доминирование титульного этноса в большинстве постсоветских обществ воспринимается как титульным этносом, так и нетитульными этносами, как естественная ситуация, соответствующая национальному государству.

В-третьих, в национализирующемся государстве утверждается, что титульная нация находится в слабом и нездоровом состоянии.

Слабость титульной нации, по некоторым экспертным оценкам, в частности, заключается в том, что «русификация этносов и самих казахов препятствует культурной интеграции на основе казахского языка и культуры. Национальная интеграция в Казахстане демонстрирует, что казахи как титульная нация доминирует в политической сфере, определяя повестку дня общества, но находятся в подчиненном положении в культурной сфере. Это препятствует формированию «казахского лица» Казахстана, в результате национальная интеграция его полиэтнического общества не в полной мере соответствует теоретическим моделям этого процесса [Культурная интеграция..., 2020: 39–40].

В-четвертых, утверждение, что для укрепления титульной нации, поддержки ее языка, достижения расцвета культуры, демографического превосходства, экономического благосостояния и политической гегемонии необходима активная государственная политика.

Для казахских элит казахизация в аспекте культурной интеграции означает доминирование казахского языка и культуры над остальными языками и культурами Казахстана. В таком смысле казахская нация должна стать доминирующей, господствующей в Казахстане, тогда как все остальные, включая русских, окажутся в положении подчиненных групп. Казахские элиты берут пример с тех постсоветских государств, где имеет место доминирование языка и культуры титульной группы. В вопросах этнокультурной интеграции полиэтнического населения это означает, что государство должно проводить политику, направленную на доминирование казахского языка и культуры в культурно-языковом пространстве Казахстана. С этой целью государство приняло закон о языках и другие законы, направленные на доминирование казахского языка в культурно-языковом пространстве Казахстана [Там же: 10].

В-пятых, утверждение, что такая государственная политика имеет компенсаторный для титульной нации характер. Она призвана восстановить справедливость, преодолеть дискриминацию и притеснение, которое титульная нация терпела прежде [Brubaker, 2011: 1785–1814, 1786].

За тридцатилетний период независимого развития было опубликовано немало количество работ, посвященных проблемам дискриминации и притеснения титульной нации, которые она терпела прежде, то есть, будучи в составе царской России и Советского Союза.

Как отмечает казахстанский исследователь Б. Бектурганова, «казахи оказались во власти России, не будучи нацией с четким осознанием своего единства и уникальности. Процесс образования нации сначала шел в условиях колонии, а затем республики в составе СССР. В этот период характерным явлением была мощная русификация, сужалась сфера применения казахского языка» [Бектурганова, 2014].

В качестве компенсаторных механизмов за перенесенные титульной нацией дискриминацию и притеснение, со стороны национал-патриотических сил предлагалась политика казахизации, деколонизации, десоветизации, декоммунизации.

Таким образом, Казахстан в своем развитии «вписывается» в схему Р. Брубейкера и вполне подходит под определение национализирующегося государства. Но существуют и специфические вызовы государственного строительства, которые пока не позволяют назвать страну полностью состоявшимся национальным государством.

Выделим некоторые проблемы в сфере культурной интеграции этносов.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЭТНОСОВ

В стратегическом документе, определяющем развитие Казахстана до 2050 г., его первый президент Нурсултан Назарбаев в краткой форме выразил формулу национального строительства: «Казахский народ и государственный язык выступают как объединяющее ядро развивающейся казахстанской гражданской общности»³.

В этой формуле национальное строительство объединяет в себе этнокультурные элементы (казахский народ и государственный, то есть казахский, язык) и гражданские элементы (развивающаяся казахстанская гражданская общность).

Однако Казахстан не может в полной мере считаться национальным государством казахов, потому что казахский язык не может занять доминирующего положения в культурно-языковом пространстве страны как единый язык для всех его граждан независимо от их этнической принадлежности. Доминирующее положение в Казахстане, как и в советское время, занимает русский язык, который рассматривается казахами как язык другого государства, «северного соседа».

Социологическое исследование, проведенное Институтом философии, политологии и религиоведения, позволило определить функционирование казахского и русского языков на территории Казахстана, сферы употребления языков и их распределение по этническим группам. Исследования проводились в апреле-июле 2019 г. и в 2020 г. по проекту «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания». В рамках социологического опроса были проведены массовый и экспертный опросы, а также фокус-групповая дискуссия [Ешпанова, 2020: 78–99].

³ Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Алматы: ЮРИСТ, 2013. С. 72).

² Конституция Республики Казахстан. Официальное издание. Алматы, 1993.

Данные опроса указывают на различные степени владения и применения государственного языка у казахстанцев. Низкий уровень владения государственным языком наблюдается в русской этнической группе, но, при том, что половина опрошенных в этой группы заявила о незнании казахского языка, немало и тех, кто понимает казахскую речь. Около половины представителей других этнических групп, наоборот, сообщили о хорошем знании казахского языка и более трети понимают смысл речи, но не говорят. Это связано с тем, что большинство этносов, входящих в группу «другие» являются представителями тюркских народов.

Абсолютное большинство казахов отметили хорошее знание казахского языка, но, как показывает опрос, использование его распространяется, в основном, в общении в рамках семьи, родственников. Опрос также показал, что и в семьях общаются не только на казахском, но и широко используется русский.

Для выявления реального языкового поведения респондентам был задан следующий вопрос: «Какой язык является Вашим основным языком общения?» в следующих сферах: в семье, общественных местах (магазин, транспорте), госучреждениях (поликлинике, ЦОНе), на работе.

В кругу семьи около половины казахов (47,2%) общаются на казахском, более четверти, в основном, на казахском и, частично, на русском 28,9%, на русском и, частично, на казахском – 18,7% и только на русском – 5,2%. В русских семьях доминирует общение на русском языке – 84,3%, общение на русском и, частично, казахском отметили 14,1%. В семьях других этнических групп более половины говорят на русском языке – 52,0%, значительно менее, на языке своей этнической группы (8,5%), но, столько же, в основном, на языке своей этнической группы и, частично, на казахском и, частично, на русском языке – 8,5%.

Таким образом, если в русских семьях в общении доминирует русский язык, то у половины казахских семей общение происходит на казахском языке и столько же семей заявили о казахско-русском и русско-казахском общении. На русском языке общаются 5,2%. Все это говорит о том, что в казахских семьях говорят не только на родном языке, но и, в огромной степени, на русском [Ешпанова, 2020: 79].

В семьях других этнических групп основным языком общения является родной язык и, в очень малой степени, казахский. И это при том, что более половины представителей этой группы заявили о знании государственного языка.

В общественных местах (магазины, транспорт) более распространено взаимодействие на русском языке, но и, в немалой степени, происходит на казахском языке. Опрос показал, что языковое поведение в общественных местах, в зависимости от принадлежности к той или иной этнической группе, различно. Для абсолютного большинства русской этнической группы основным языком общения является русский (74,9%) и для их пятой части (22,3%) – русский и, частично, казахский. Другие этнические группы, преимущественно, в общественных местах используют русский (49,3%) и более четверти из них (25,0%) – русский и, частично, казахский. Язык своей этнической группы почти не используется. Что касается казахов, то они, в большей мере, чем другие этносы в общественных местах раз-

говаривают на казахском, а также на казахском, с частичным использованием русского (34,0%), пятая часть отметила, что говорят на русском, с частичным использованием казахского.

Таким образом, в общественных местах, госучреждениях, в трудовом коллективе большинство казахов, в зависимости от ситуации и от своей языковой компетентности, общаются на казахском, русском, казахско-русском, русско-казахском. Подавляющая часть русской этнической группы в социуме взаимодействуют на русском и, очень незначительная часть, на русско-казахском. Общение в социальных сферах других этнических групп происходит в основном на русском, также в большинстве случаев эти этнические группы говорят на русском языке в семье и в незначительной степени на родном языке. На казахском языке взаимодействие слабое, хотя среди них немало казахо-говорящих.

Из всех сфер, меньше всего, казахский язык применяют в профессиональной трудовой сфере. При этом, подавляющее большинство респондентов отметили, что незнание казахского или русского языков не было для них препятствием в трудоустройстве и, в целом, в отношениях и в оценках людей. Вместе с тем, можно отметить распространение или расширение казахского коммуникативного пространства, хотя, все же доминирующим является русский язык.

Государство должно способствовать развитию казахского языка, распространению его во все сферы общества, считает большая часть казахстанцев и, особенно, казахская их часть. В этом казахов поддерживают другие этнические группы. Но эта идея не находит широкой поддержки среди русской части казахстанцев, хотя, и среди них немало тех, кто поддерживает распространение казахского языка в обществе. Это говорит о разделении русских на две группы: часть (почти половина) не поддерживает развитие казахского языка и, наоборот, другая половина – группа поддерживающих.

Когда же речь идет о возможности специального закона о статусе русского языка, то, как показывает опрос, эта идея находит широкую поддержку со стороны русской части казахстанцев. Среди казахов одна половина выступила в поддержку русского языка, а другая половина, наоборот, отказывает в придании ему нового статуса.

Приведенные данные показали противоречивость позиций в языковой сфере. Можно отметить, что в языковом отношении русские, в большей степени, дистанцируются от казахского языка, нежели чем, казахи – от русского. Подтверждением этого является то, что, с одной стороны, большинство населения страны согласно с объединяющей ролью казахского языка в обществе, но, в меньшей мере, такого мнения придерживается русская часть казахстанцев.

Расширение сфер применения казахского языка, поддерживаемое, в основном, самими казахами, представляется в качестве необходимой меры по популяризации и внедрению государственного языка во все сферы общественной жизни, создания реально функционирующей среды казахского языка. Вместе с тем, исключительно важным представляется и сохранение роли русского языка, сокращение применения которого, по мнению опрошенных, может привести к недовольствам и эмиграции части русскоязычного населения и специалистов.

Булуқтаев Ю.О.

Этно-демографические процессы, безусловно, влияют на языковую ситуацию в республике. Так, трансформация этнической структуры населения привела к тому, что доля русского и европейского этносов значительно уменьшилась, а они являются основными носителями русского языка.

Казахизация демографических процессов уже изменила этнический облик страны, но ее влияние на социокультурную среду будет не столь быстрым и далеко не однозначным.

Среди русского населения Казахстана можно выделить две полярные группы: сторонников и оппонентов распространения казахского языка как государственного во все социальные сферы. Сторонники казахского языка готовы изучать казахский язык, а противники выражают нежелание изучения государственного языка, который, по их мнению, является языком межнационального общения. За сохранение русского языка, помимо этнических русских, выступают представители других этнических групп и респонденты из числа «ультра терпимых» и «русско-язычных» казахов.

Одной из причин возникновения языковых конфликтов является неравенство статусов языков в различных сферах и различия в количестве сфер их использования. Данные опроса говорят о том, что большинство казахов, в зависимости от ситуации и от своей языковой компетенции в различных социальных сферах, общаются и на казахском, и на русском языках; около трети от их числа, использует, преимущественно, русский язык. Русская этническая группа во всех сферах жизни, преимущественно, взаимодействует на русском языке. Другие этнические группы, в своем большинстве, также взаимодействуют на русском языке.

За короткий период времени были предприняты значительные меры по приданию особого статуса казахскому языку, проведены мероприятия по созданию реальной мотивации к его овладению в государственном масштабе. Но процессы идут медленно. Реальная потребность в русском языке как средстве межнационального общения во всех социальных сферах оказалась сильнее усилий государства.

К числу противодействующих этому положению факторов относится объективное влияние на расширение сферы применения государственного языка произошедших изменений в этно-демографической структуре населения, а именно: снижение в составе населения доли русского и европейских этносов. Однако демографическая казахизация автоматически не привела к языковой казахизации [Ешпанова, 2020: 99].

Национальное строительство в Казахстане направлено на культурно-языковую гомогенизацию, интеграцию полиэтнического общества вокруг казахского языка и культуры. В реальности, однако, продвижение государством казахского языка сталкивается с устойчивым доминированием русского языка в социальном пространстве. Иначе говоря, стремление к гомогенизации культурно-языкового пространства на основе казахского языка сталкивается с реальностью казахско-русской гетерогенности с доминированием в ней русского языка [Кадыржанов, 2022: 9].

ВЫВОДЫ

В контексте национальной политики для государственного строительства в Казахстане приоритетное

значение имеют культурно-языковая казахизация этносов и русификаторская модель культурной интеграции этносов.

Принципиальная важность культурной интеграции этносов на основе казахского языка и культуры как одного из аспектов национальной интеграции обосновывается тем, что без нее национальное строительство Казахстана имеет незавершенный характер.

Этно-демографические процессы, безусловно, влияют на языковую ситуацию в республике. Так, трансформация этнической структуры населения за годы независимости привела к тому, что доля русского и европейского этносов значительно уменьшилась, а они являются основными носителями русского языка.

Казахизация демографических процессов уже изменила этнический облик страны, но ее влияние на социокультурную среду будет не столь быстрым и далеко не однозначным.

Казахстан относится к числу немногих постсоветских государств, где язык ядерной, государствообразующей нации уступает по распространению в полиэтническом обществе русскому языку.

Казахский и русский языки являются основными средствами социальной коммуникации, причем русский язык используется всеми этносами, а казахский язык только казахами, да и то не всеми, так как многие городские казахи используют преимущественно русский язык.

Языковая гетерогенность, которая, несмотря на развитие казахского языка, сохраняется и сегодня, сложилась в Казахстане еще в советское время. Однако мировая закономерность национального строительства состоит в формировании культурных оснований нации на гомогенной основе языка ядерной нации.

Государство в своей национальной политике стремится не допустить перерастания межэтнических противоречий в политические конфликты. Политизация этничности в Казахстане недопустима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы независимости в Казахстане произошел ряд крупных социальных изменений, которые оказали большое влияние на национальные процессы в полиэтническом обществе.

Одна из главных закономерностей построения национального государства на постсоветском пространстве состоит в утверждении национального языка, то есть языка ядерной, или государствообразующей, нации как культурного основания национального строительства в них. Особенность же вопроса культурных оснований национального строительства в Казахстане состоит в том, что они определяются не одним языком, а отношениями двух языков: казахского и русского.

Как показывают результаты социологического опроса, главной тенденцией культурных оснований национального строительства остается гетерогенность казахского и русского языков при доминировании русского языка. Эта тенденция находит свое подтверждение в согласии большинства респондентов по вопросу о большей распространенности в Казахстане русского языка, важности русского языка для полиэтнического общества, поддержке политики двуязычия и других. В этническом плане казахско-русская гетерогенность

при доминировании русского языка поддерживается абсолютным большинством русских и других национальностей, а также заметным большинством (более половины) казахов.

Границы между казахоязычными и русскоязычными казахами определяют их различное, даже противоположное, языковое поведение и языковые практики. Для русскоязычных казахов предпочтительным является казахско-русское двуязычие с доминированием русского языка, а казахоязычные казахи стремятся к гомогенности полиэтнического населения на основе казахского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бектурганова Б. Казахстанская идентичность: трудности обретения // Baiterek.kz. 2014. URL: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=3&page=95>
2. Brubaker R. Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 4–5.
3. Brubaker R. Nationalizing states revisited: Projects and processes of nationalization in post-Soviet states // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34. No. 11. Pp. 1785–1814.
4. Ешпанова Д.Д. Восприятия языковой ситуации и языковой политики этническими группами Казахстана // Культурная интеграция этносов в Казахстане: коллективная монография / отв. ред. и рук. науч. проекта Р.К. Кадыржанов. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. С. 78–99.
5. Кадыржанов Р.К. Социально-культурные основания национального строительства в Казахстане: монография. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, 2022. С. 9, 16.
6. Кадыржанов Р.К. Национальный суверенитет и национальное строительство в независимом Казахстане // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан: сб. науч. трудов. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2021. Ч. 2. С. 179–191.
7. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство. 2010. С. 28, 43.
8. Культурная интеграция этносов в Казахстане: коллективная монография / отв. ред. и рук. науч. проекта Р.К. Кадыржанов. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. С. 10, 39–40.
9. Национальная перепись Республики Казахстан 2021 // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. URL: https://kazembassy.ru/rus/perepis_naseleniya_2021/ (дата обращения: 10.03.2022).
10. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–70.
11. Численность и этнический состав населения Казахстана // *Advantour*. 2021. URL: <https://www.advantour.com/rus/kazakhstan/people.htm> (дата обращения: 15.03.2022).

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 89%

Статья поступила в редакцию 11.01.2023, принята к публикации 09.02.2023

The article was received on 11.01.2023, accepted for publication 09.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Булуктаев Юрий Очирович, доктор политических наук, доцент; главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования РК. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: Buluktaev49@mail.ru

Модель постсоветского национального строительства предполагает переход от титульно-русской гетерогенности к гомогенности вокруг титульной нации и ее языка. В этом смысле гетерогенность русскоязычных казахов означает, что титульная нация в Казахстане не может стать главным инструментом гомогенизации полиэтнического населения, поскольку сама разделена по языковому признаку. Согласно ряда экспертных оценок, национальное строительство по его постсоветской модели в Казахстане станет возможно после того, как сами казахи приобретут культурно-языковую гомогенность.

REFERENCES

1. Bekturganova B. Kazakhstani identity: Difficulties of acquisition. *Baiterek.kz*. 2014. URL: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=3&page=95>
2. Brubaker R. Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 4–5.
3. Brubaker R. Nationalizing states revisited: Projects and processes of nationalization in post-Soviet states. *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34. No. 11. Pp. 1785–1814.
4. Eshpanova D.D. Perceptions of the language situation and language policy by the ethnic groups of Kazakhstan. In: Cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan. Collective monograph. R.K. Kadyrzhanov (resp. ed. and leader of the scientific project). *Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the KN MES RK*, 2020. Pp. 78–99.
5. Kadyrzhanov R.K. Socio-cultural foundations of national construction in Kazakhstan. Monograph. *Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the KN MNVO RK*, 2022. Pp. 9, 16.
6. Kadyrzhanov R.K. National sovereignty and nation-building in independent Kazakhstan. In: Ethno-social processes in the Republic of Kazakhstan. Collection of scientific papers. *Almaty: IFPR KN MES RK*, 2021. Part 2. Pp. 179–191.
7. Cohn H. The idea of nationalism. In: Myths and delusions in the study of empire and nationalism. *Moscow: New Publishing House*. 2010. Pp. 28, 43.
8. Cultural integration of ethnic groups in Kazakhstan. Collective monograph. R.K. Kadyrzhanov (resp. ed. and leader of the scientific project). *Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the KN MES RK*, 2020. Pp. 10, 39–40.
9. National census of the Republic of Kazakhstan 2021. Embassy of the Republic of Kazakhstan in the Russian Federation. 2021. URL: https://kazembassy.ru/rus/perepis_naseleniya_2021/ (data of accesses: 10.03.2022).
10. Statistical collection on selected indicators of the All-Union population censuses of 1939, 1959, 1970, 1979 and 1989. *Alma-Ata*, 1991. Pp. 7–70.
11. The number and ethnic composition of the population of Kazakhstan. *Advantour*. 2021. URL: <https://www.advantour.com/rus/kazakhstan/people.htm> (data of accesses: 15.03.2022).

ABOUT THE AUTHOR

Yury O. Buluktaev, Doctor of Political Science, Associate Professor; chief researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. *Almaty, Republic of Kazakhstan*. E-mail: Buluktaev49@mail.ru

Политическая модернизация в традиционных обществах (на примере Северного Кавказа)

И.Д. Борокова ©

Северо-Кавказская государственная академия,
г. Черкесск, Российская Федерация,

E-mail: borokova1972@mail.ru

Аннотация. *Целью статьи* является выявление и анализ особенностей политической модернизации в традиционных обществах на примере Северного Кавказа. Основное внимание уделяется противоречиям и факторам, порождающим кризисы политической модернизации. Выявлены условия процесса модернизации, структурные компоненты традиционных обществ, охарактеризованы типы кризисов, сопровождающих процесс модернизации, проанализированы факторы, обуславливающие успех модернизации в трансформирующихся обществах. В данной статье также предпринята попытка вникнуть в суть специфики политической модернизации на Северном Кавказе. Автор рассматривает проблему модернизации через призму политических, социально-экономических, культурных и иных особенностей региона, глубоко взаимосвязанных и имеющих в своей основе общие корни. Автор заключает, что успех демократического транзита зависит от наличия в обществе зрелой социальной базы, структурированных институтов гражданского общества, эффективной многопартийной системы, которые в силу различных обстоятельств на Северном Кавказе не сложились. Не менее важным фактором, препятствующим модернизации в этом регионе, является полиэтничность и многоконфессиональность общества, характерные для Северного Кавказа. Существенное влияние на политические процессы оказывает религия, которая в регионе имеет достаточно сильные позиции. В статье также рассматривается роль этнических элит, деятельность которых определяет специфику отношений в обществе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, традиционное общество, модернизация, политическая идентичность, политический процесс, полиэтничная среда, поликонфессионализм, элиты

Для цитирования: Борокова И.Д. Политическая модернизация в традиционных обществах (на примере Северного Кавказа) // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 45–51. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-45-51

Political Modernization in Traditional Societies (by the Example of the North Caucasus)

I.D. Borokova ©

North Caucasus State Academy,
Cherkessk, Russian Federation,

E-mail: borokova1972@mail.ru

Abstract. *The purpose of the article* is to identify and analyze the features of political modernization in traditional societies on the example of the North Caucasus. The main attention is paid to contradictions and factors that generate crises of political modernization. The conditions of the modernization process, the structural components of traditional societies are revealed, the types of crises accompanying the modernization process are characterized, the factors that determine the success of modernization in transforming societies are analyzed. This article also attempts to delve into the essence of the specifics of political modernization in the North Caucasus. The author examines the problem of modernization through the prism of political, socio-economic, cultural and other features of the region, which are deeply interconnected and have common roots. The author concludes that the success of democratic transit depends on the presence in society of a mature social base, structured civil society institutions, an effective multiparty system, which, due to various circumstances, have not developed in the North Caucasus. An equally important factor hindering modernization in this region is the polyethnicity and multi-confessional society characteristic of the North Caucasus. Religion, which has a fairly strong position in the region, has a significant influence on political processes. The article also examines the role of ethnic elites, whose activities determine the specifics of relations in society.

Key words: North Caucasus, traditional society, modernization, political identity, political process, polyethnic environment, polyconfessionalism, elites.

FOR CITATION: Borokova I.D. Political Modernization in Traditional Societies (by the Example of the North Caucasus). *Socio-political Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 45–51. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-45-51

ВВЕДЕНИЕ

Распад Советского Союза привел к активизации множества процессов на постсоветском пространстве, результатом которых стало не только появление новых государств, стремящихся найти свое место на мировой арене, но и стремление регионов внутри вновь образовавшихся национальных государств искать свою идентичность и определять свое место в системе политических процессов.

Одним из таких регионов в составе России является Северный Кавказ, для которого «принадлежность к российскому государству, идентификация со страной, общее понимание основополагающих норм и ценностей являются значительной объединяющей силой в регионе [Avdeev, Vorobev, 2022: 1241]. В то же время следует отметить, что Северный Кавказ обладает рядом социально-экономических, культурных и других особенностей, отличающих его от других регионов России, которые придают особую тональность местным политическим и модернизационным процессам.

«Современность Северного Кавказа отмечена многими позитивными процессами и тенденциями, которые реализуются в сочетании следующих векторов развития – традиционного и модернизационного» [Сулейманова, 2011: 123]. Несмотря на определенный уровень стабильности, достигнутый в регионе в систе-

ме отношений между правительством, местным самоуправлением и общественных объединений, проблема выявления факторов, влияющих на политические и модернизационные процессы в регионе, по-прежнему актуальна и составляет исследовательскую задачу данной статьи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

«Политическая модернизация является составной частью эволюции общества от его традиционного состояния к современному устройству. Ее основным содержанием является формирование новой политической демократической системы или же радикальное обновление прежних политических институтов, их адаптация к изменившимся социально-экономическим условиям» [Дарчиева, 2019: 227].

История политической модернизации свидетельствует, что этот процесс не лишен противоречий, которые затрудняют его реализацию. Сгруппировав эти противоречия, их можно объединить в две группы.

Первая группа противоречий связана с противостоянием между универсальными лекалами и устоявшейся системой местных традиционных ценностей. Считается, что универсальные стандарты модернизации в большей степени применимы к экономике,

Борокова И.Д.

способам ее реформирования, а традиционные ценности влияют на политику, достижение этнического единства и т.д. Модернизация экономики требует освоения новых производственных технологий и методов ведения хозяйственной деятельности, что нередко приводит к конфронтации рациональных начал с фундаменталистской верой, которая идеализирует коллективную уникальность национального единства, его чувство общности и соответствующие патронизируемые государством каналы самоидентификации.

Вторая группа связана с противоречивым взаимодействием между процессом дифференциации (специализацией ролей и функций в политической системе), императивами равенства (политическое участие, равенство в требованиях распределения ресурсов) и возможностями политической системы к интеграции (эффективность принимаемых политических и административных решений). Эта группа противоречий получила название «синдром модернизации».

Политическая модернизация обычно представляет собой длительный процесс, в ходе которого общество сталкивается с кризисами, испытывает нестабильность в своем развитии. Обычно исследователи выделяют пять типов кризисов, и связывают их с идентичностью, легитимностью, кризисом участия, проникновения и распределения. Общей причиной всех этих типов кризиса является переходное состояние общества, которое сопровождается конфликтом между новыми и традиционными ценностями, внедрением новых демократических политических институтов и существующими старыми структурами, недовольством населения своим положением.

Кризис идентичности связан с политической и этноконфессиональной идентификацией индивида, социальной группы и общества в целом. Этот кризис актуализирует проблему национального и территориального самоопределения. В полиэтнических регионах «кроме того, в процессе реализации политических решений на уровне региона большую роль играют политико-экономические интересы субъектов политического действия и политико-правовые основания воспроизводства региональных политических элит» [Салгириев, 2015: 100].

Кризис идентичности еще больше усиливается из-за резких социально-классовых различий, препятствующих национальному объединению. Это обстоятельство возникает в силу модернизационных процессов, которые проводят к изменению социального статуса. Некоторые группы населения резко улучшают свое статусное положение, а другой полюс общества характеризуется разрушением социальных связей и маргинализацией определенной части социума. Такая ситуация затрудняет процесс самоидентификации. Человек теряет социальные ориентиры, не осознает своих интересов, теряет навыки встраивания в новую систему ценностей. В таких случаях возникает почва для этнополитических конфликтов, основой которых являются «территориальные претензии и противоречия, связанные с использованием и владением земельными ресурсами; негативные явления, как бытовая межнациональная и межконфессиональная неприязнь, а также этноклановость и nepoтизм» [Ерохин, Воробьев, Авдеев, 2019: 131].

Кризис легитимности, нередко сопровождающий процесс политической модернизации, как отмечает С. Липсет [Lipset, 1959: 69–105], основан на двух факторах. Первый связан с лишением части социальных групп возможности участвовать в принятии политических решений, что обычно приводит к росту недовольства существующим политическим режимом. Второй фактор, способствующий кризису, связан с возможным пересмотром статуса традиционных институтов, которые могут быть ликвидированы в процессе структурных изменений.

Кризис участия связан, с одной стороны, с появлением различных групп интересов, требующих удовлетворения своих потребностей, и, с другой стороны, с неспособностью политической системы реагировать на эти требования и удовлетворять их. Неудовлетворение требований может привести к деструктивным действиям со стороны населения, чреватым наихудшими сценариями развития событий. В случае возникновения протеста политический режим будет вынужден пойти на его подавление, а также применить насилие по отношению к оппозиции или пойти на компромисс и попытаться договориться с оппозицией с возможностью допущения ее к управленческим процессам.

Кризис распределения возникает в условиях тяжелого экономического положения, дефицита основных потребительских товаров и неспособности власти в сложившихся условиях обеспечить приемлемый уровень для населения, а также обеспечить справедливое распределение благ в обществе.

И, наконец, кризис проникновения связан с инклюзивностью, т.е. способностью политической системы донести до населения смысл провидимых реформ. Если правительство не способно реализовывать принятые решения, то оно неизбежно будет терять легитимность, что может привести к его смене или к принятию им более жестких мер по отношению к обществу.

В период социальных трансформаций перечисленные кризисы имеют тенденцию к их комплексному проявлению, что вызывает эффект аккумуляции. Данный эффект резко усиливает дезорганизацию власти, приводит к кризису государственного управления и обострению конфликтов. Все это может привести к политическому хаосу и смене политического режима.

Исторический опыт модернизации в большинстве современных обществ показал, что результаты этого процесса в разных странах существенно отличаются друг от друга. Теория модернизации имеет немало противников по причине отторжения частью восточного общества чуждых ему западных ценностей, образа жизни, стандартов потребления и поведения. Кроме того, в развивающихся странах предпринимательство в основном сосредоточено в торговле и финансовой сфере, а не в производстве, и у людей нет соответствующей трудовой этики. В частности, на примере Японии появилось понимание того, что модернизация не означает полной эрозии существующих традиций, а есть традиции, которые способствуют модернизации.

Специфика социально-политических процессов в незападных обществах на современном этапе в не меньшей степени определяется отходом от западных стандартов потребления и поведения. В русле традиционализма происходит отказ от явно чуждых

элементов западной культуры и политики из повседневной жизни населения. Кроме того, высказывается предположение, что успех модернизации не обязательно зависит от уровня развития демократии и ее институтов.

Для успеха модернизационных процессов в традиционных обществах главным условием является наличие политической стабильности, которая способна создать условия для экономического развития. Следует согласиться с этим тезисом особенно потому, что политический процесс в традиционных обществах сосредоточен в крупных городах, где происходит формирование политических и экономических элит. Периферии на начальном этапе модернизационных процессов не хватает потенциала для участия, особенно в политической жизни государства.

Существующий разрыв между центром и периферией не оставляет последней шансов быть активным участником политической жизни. Экономическое положение периферии усиливает процесс миграции в города, где формируются новые социальные группы, иногда закрытые, со своей субкультурой, имеющей тенденцию к протестной культуре. Поэтому следует сказать, что модернизацию нельзя рассматривать как некую стандартную процедуру, пройдя которую, общество в одночасье может отказаться от своих устоявшихся устоев жизни и быта и вступить в новые реалии.

Существует ряд условий, определяющих успех модернизации. Выделим некоторые из них:

- страны, которые берут курс на модернизацию, изначально имеют разные политические, экономические, правовые и культурные условия;
- каждый народ имеет уникальный опыт государственного строительства, который продолжает влиять на его жизнь и сегодня;
- каждое общество имеет свои этноконфессиональные, ментальные особенности, определяющие специфику его политических и экономических процессов;
- успех модернизационных процессов также определяется качеством элит, особенно в многонациональных обществах, где от элит потребуются особые способности для достижения межэтнического согласия.

Выделим и структурные компоненты традиционных обществ, которые оказывают значительное влияние на характер политической модернизации:

- в политической сфере – характер продвижения и принятия социальных инноваций, а также характер центров принятия политических решений; тип отношений между центром и периферией; приверженность элит определенному виду деятельности центра; тип государственной политики; некоторые аспекты политической борьбы и политической организации;
- в сфере стратификации особое значение имеют следующие структурные элементы: атрибуты, утверждающие основу общественной оценки различных социальных групп и их иерархии; степень автономности отдельных социальных групп в структуре общественного взаимодействия от того, насколько доступными для них оказываются центры распределения политической власти и иных форм влияния в обществе; степень общественного взаимодействия относительно близких социальных групп.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

«Очевидно, что интересы действия единого хозяйственного и социально-политического организма в условиях многонационального и федеративного устройства государства диктуют некоторые важные общие требования, без соблюдения которых никакая страна не может существовать» [Гаджиев, 2021: 105]. Этот тезис в полной мере отражает суть событий, происходящих на Северном Кавказе, где в соответствии с федеральными тенденциями предпринимаются попытки «реорганизовать и укрепить вертикаль власти, повысить роль государственных органов в социально-экономической сфере, создать независимую судебную систему, реформировать административный аппарат» [Керимов, 2012: 8–9]. Эти меры направлены на модернизацию региона, отличающегося своеобразием географического расположения, социокультурными особенностями и т.д.

Применительно к кавказским реалиям под модернизацией понимают «структурные трансформации, охватывающие все или большинство сфер социальной традиции, изменяющие предшествующий этнокультурный облик социума» [Анчабадзе, 2016: 5]. Следует согласиться, что «для осмысления перспектив политической модернизации на Северном Кавказе ключевое значение имеют выявление и оценка множества факторов социокультурного, национально-исторического, политико-культурного, ценностного плана» [Саркарова, 2017: 54], где «большую роль играет историко-культурный фактор, проявляющийся в форме устойчиво сохраняемых комплексов исторической памяти, в стремлении возрождать национальные и соблюдать духовно-нравственные, этические традиции и даже поведенческие стереотипы» [Эбзеев, 2012: 76].

В этом контексте следует подчеркнуть, что факторы, необходимые для успешного осуществления демократического транзита, такие как наличие зрелой социальной базы, структурированного гражданского общества, эффективной многопартийной системы, на Северном Кавказе отсутствуют.

В переходных обществах «консолидация граждан является одной из приоритетных задач государства. Способность сплотить население и ориентировать деятельность согласно общим целям, позволяет динамично развиваться в политическом, социально-экономическом, культурном и иных пространствах. Для эффективной консолидации усилий в обществе необходимо наличие общей аксиологической конструкции, позволяющей людям осознавать себя как единое целое. Как правило, на уровне государства данный конструкт ассоциируется с понятием “нация” и “национальность”» [Керимов, Кабазиев, 2022: 42]. Достижение такой цели многократно усложняется в полиэтнических и поликонфессиональных обществах, к числу которых относится и Северный Кавказ. Эта идея здесь стала гипертрофированной и приобрела несколько иной оттенок, что привело к политизации населения в целом.

В процессе политизации северокавказского общества огромную роль сыграла местная интеллигенция, которая с начала 1990-х гг. прошлого столетия начала активно разрабатывать идею «исторического

Борокова И.Д.

приоритета», небезопасную по своему содержанию и последствиям для мирного сосуществования народов в многонациональной среде. Идея «исторического приоритета» преследовала цели обосновать приоритетное право некоторых народов на земли и ресурсы региона. Создатели для оправдания своей концепции исходили из принципа автохтонности и древности. Результаты поиска прародителя «кавказской цивилизации», по их мнению, должны были привести к восстановлению исторической справедливости. Как отмечает А.С. Иващенко, «отсюда «историческая справедливость» требует восстановления его исконных прав, утраченных в результате экспансии либо со стороны России, либо соседних – «менее историчных» народов [Иващенко, 2016: 187]. Следует отметить, что в регионе выросло новое поколение, которое впитало в себя эти идеи, оказывающие значительное влияние на процесс этнической идентификации населения региона.

Политизацией населения воспользовалась элита, которая на этом фоне приобрела особую значимость. Она располагала всеми необходимыми ресурсами и занимала всю властную вертикаль. «Политические институты, стоящие из элит, начали приобретать еще более значимый характер ввиду значительного сокращения дистанции между властью и человеком и увеличения возможностей практически влиять на поведение людей» [Кубанов, 2011: 344], где «значимым фактором системы общественных отношений продолжали оставаться фамильные, клановые и тейповые связи» [Сулейманова, 2011: 123].

Очевидно, что в периоды идеологических и цивилизационных поисков именно элиты генерируют и выступают в качестве носителей идей. Предлагаемые ими идеи становятся ориентиром для общества, которое следует за своими элитами. Эти идеи, сформулированные как ответ на вызовы и требования эпохи, оказывают активное влияние на политические процессы, а в северокавказском регионе нередко становятся руководством к действию для населения. Привлекательность предлагаемых идей объясняется их ориентированностью на местные проблемы, предложением создать модели развития с учетом специфики региона. Под эти цели элиты стремятся мобилизовать все ресурсы. Спекулируя на трудностях переходного периода, непростом экономическом положении значительной части населения, элита предлагала для решения проблем рецепты, имеющие явно этноконфессиональный, локальный оттенок в противовес общенациональным интересам. Следует добавить, что подобные идеи находили отклик у значительной части населения северокавказских республик, что часто приводило к росту напряженности, особенно в вопросах межнациональных отношений.

Характерным видом оппозиции федеральному центру со стороны местных элит региона было стремление создать закрытые хозяйственно-экономические системы, где «коррупция была тем триггером, который запускает и актуализирует основные риски в регионе» [Гадиева, Кулова, 2022: 122]. Созданные на финансы центра новые локально ориентированные хозяйственные комплексы, преподносимые как проекты по реализации задач по повышению благосостояния населения, на самом деле преследовали узкокорпоративные

цели сохранения почти монопольного права распоряжаться ресурсами региона самостоятельно и в своих интересах, без контроля со стороны федерального власти. Эта стратегия была направлена на снижение влияния центра на внутривластные процессы в регионе с перспективой его вытеснения из этого процесса. Только таким образом местные элиты могли бы обеспечить свое долгосрочное преобладающее положение в обществе.

Такому сценарию развития событий не в меньшей мере способствовала политика центра, приведшая к «этнизации политических (распределения властных полномочий, языковой ситуации, образовательной политики и т.д.) и экономических вопросов (земельных споров, распределения бюджетных средств и т.д.)» [Джантеева, 2017: 448] в регионе. Следствием этих процессов стало поощрение этноэтатизма, потенциально опасного явления для единства страны. Как справедливо отмечает С.К. Кубанов, «этноэтатизм коренится в родственных, клановых и клиентских связях. На местах законы были “приведены в соответствие” с российскими нормами, но специфическая политическая структура, которая была порождена этноэтатизмом еще в 1990-х гг., сохраняется и подпитывает явно осязаемую современную социально-политическую напряженность во многих республиках Северного Кавказа. Политические формулы этатизма отражают суверенно-государственный уровень самостоятельности, и наиболее активно озвучиваются в национальных республиках непосредственно их лидерами и их окружением» [Кубанов, 2011: 345–346].

В структуре этнической мобилизации общества важное место занимает этнорелигиозный аспект. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Россия переживала настоящий религиозный бум. Процесс возрождения религии особенно ярко проявился на Северном Кавказе, что оказало сильное влияние на формирование этнической идентичности жителей региона. Повсеместно появлялись религиозные организации и общины различного толка. Не было недостатка в соответствующей литературе и финансах, возможности расширения религиозного образования и осуществления культовых обрядов. Можно сказать, что религия стала важнейшей частью северокавказского социума.

Религию стали активно использовать и в политических целях. Так, «на Северном Кавказе это привело к развитию ваххабитского движения, которому удалось опередить власти, этноэлиты и традиционную семью в “захвате” умов и оперативной мобилизации наиболее уязвимой части населения во времена кризиса – молодежи. В многоконфессиональном сообществе это могло привести (и привело в Чечне) к кровавому развитию процесса возрождения титульного этноса республики» [Там же: 346].

Таким образом, можем отметить, что процесс политической модернизации на Северном Кавказе имеет свои особенности, приоритетные направления и темпы осуществления. Специфика этого процесса определяется этноконфессиональным составом населения, межэтническими отношениями, характером местной элиты, а также политикой, проводимой федеральным центром. Процесс модернизации притормаживают клановые этноэлиты, которые составляют основу

управленческих структур во всех республиках региона. Не следует недооценивать и тесную связь местной элиты с федеральной на основе общности коммерческих интересов, что также создает препятствия на пути к созданию социально-правового государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что «важными последствиями политической трансформации на Северном Кавказе стали сохранение светского характера власти, сохранение республик в правовом поле Российской Федерации, определение места и типа института власти национальных республик в государственной

политической системе управления страны» [Далаков, 2020: 82].

После преодоления политической турбулентности 90-х гг. прошлого столетия и наступления относительной стабильности в обществе и достижения устойчивости органов власти на Северном Кавказе, власти приступили к разработке новых символов и программ регионального развития. Как показывает опыт последних лет, они ориентированы на преодоление социально-экономической и культурной разобщенности на местах, что должно привести к установлению стабильности, повышению уровня жизни населения, столь необходимого для устойчивого развития и функционирования общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчабадзе Ю.Д. От составителя // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.А. Анчабадзе. М.: Три квадрата, 2016. С. 5–7.
2. Гаджиев М.М. Особенности взаимодействия политических, этнических и религиозных факторов на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 103–108.
3. Гадиева А.Н., Кулова М.Р. Геополитические вызовы и экономические риски в Северо-Кавказском федеральном округе // Kavkaz-Forum. 2022. № 9 (16). С. 118–126.
4. Далаков З.Н. Становление и институционализация акторов политического процесса на Северном Кавказе в постсоветский период // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: сб. статей VIII Междунар. конф. Пятигорск: ООО «КЕП», 2020. С. 75–82.
5. Дарчиева С.В. Россия в позднеимперский период: региональные аспекты политической модернизации (на примере Северного Кавказа) // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 227–231.
6. Джантеева Д.С. Политико-коммуникативные процессы на Северном Кавказе: экспертные оценки проблемных аспектов // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 444–453.
7. Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А. Конфликтотенный потенциал этнополитических процессов на Северном Кавказе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 5. С. 123–133.
8. Иващенко А.С. Влияние этнического фактора на политические и социально-экономические процессы на Северном Кавказе (1990-е гг. – начало XX в.) // Голос минувшего. 2016. № 3-4. С. 183–192.
9. Керимов А.А. Политический процесс в современной России: особенности и перспективы // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XVIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 7–14.
10. Керимов А.А., Кабазиев М.Ш. Этническая составляющая политической идентичности современного Казахстана // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 4. С. 42–45.
11. Кубанов С.К. Политическая динамика Северо-Кавказского традиционного общества // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 8. С. 344–349.
12. Салгирiev А.Р. Технологии политического управления в контексте региональных политических процессов на Северном Кавказе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 3. С. 99–102.
13. Саркарова Д.С. Некоторые особенности политической модернизации республик Северного Кавказа // Высшее образование сегодня. 2017. № 9. С. 54–57.

REFERENCES

1. Anchabadze Y.D. From the compiler. In: The peoples of the Caucasus: Ethnocultural traditions and modernization. Scientific collection dedicated to the memory of G.A. Sergeev. Yu.A. Anchabadze (comp., ed.). Moscow: Three Squares, 2016. Pp. 5–7.
2. Gadieva A.N., Kulova M.R. In Geopolitical challenges and economic risks in the North Caucasus and Federal District. *Kavkaz-Forum*. 2022. No. 9 (16). Pp. 118–126. (In Rus.)
3. Gadzhiev M.M. Features of interaction of political, ethnic and religious factors in the North Caucasus. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*. 2021. No. 2 (67). Pp. 103–108. (In Rus.)
4. Dalakov Z.N. Formation and institutionalization of actors of the political process in the North Caucasus in the post-Soviet period. In: Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of articles in the VIII International Conference. Pyatigorsk: LLC “KEP”, 2020. Pp. 75–82.
5. Darchieva S.V. Russia in the Late Imperial period: Regional aspects of political modernization (on the example of the North Caucasus). *Power*. 2019. Vol. 27. No. 5. Pp. 227–231. (In Rus.)
6. Dzhanteeva D.S. Political and communicative processes in the North Caucasus: expert assessments of problematic aspects. *Theories and Problems of Political Research*. 2017. Vol. 6. No. 2A. Pp. 444–453. (In Rus.)
7. Erokhin A.M., Vorobyev S.M., Avdeev E.A. Conflictogenic potential of ethno-political processes in the North Caucasus. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law*. 2019. Vol. 9. No. 5. Pp. 123–133. (In Rus.)
8. Ivashchenko A.S. The influence of the ethnic factor on political and socio-economic processes in the North Caucasus (1990s-early twentieth century). *Voice of the Past*. 2016. No. 3-4. Pp. 183–192. (In Rus.)
9. Kerimov A.A. The political process in modern Russia: features and prospects. In: Topical issues of social sciences: Sociology, political science, philosophy, history. Collection of articles based on the materials of the XVIII scientific and practical International conference. Novosibirsk: SibAK, 2012. Pp. 7–14.
10. Kerimov A.A., Kabaziev M.S. The ethnic component of the political identity of modern Kazakhstan. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2022. No. 4. Pp. 42–45. (In Rus.)
11. Kubanov S.K. Political dynamics of the North Caucasian traditional society. *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2011. No. 8. Pp. 344–349. (In Rus.)
12. Salgiriev A.R. Technologies of political management in the context of regional political processes in the North Caucasus. *Izvestiya Saratov University. A New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2015. Vol. 15. No. 3. Pp. 99–102. (In Rus.)
13. Sarkarova D.S. Some features of the political modernization of the republics of the North Caucasus. *Higher Education Today*. 2017. No. 9. Pp. 54–57. (In Rus.)

Борокова И.Д.

14. Сулейманова Ш.С. Политический процесс на Северном Кавказе: проблемы и противоречия // Вопросы политологии. 2011. № 4 (4). С. 120–129.
15. Эбзеев А.А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 73–81.
16. Avdeev A.E., Vorobev S.M. Value basis of social identity in the consciousness of youth from multiethnic regions: The case of the North Caucasus // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. № 15 (9). Pp.1230–1242.
17. Lipset S.M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // American Political Science Rev. 1959. Vol. 53. No. 1. Pp. 69–105.
14. Suleymanova S.S. The political process in the North Caucasus: Problems and contradictions. *Questions of Political Science*. 2011. No. 4 (4). Pp. 120–129. (In Rus.)
15. Ebzeev A.A. Globalizing factors of political transformation processes in the North Caucasus. *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2012. No. 9. Pp. 73–81. (In Rus.)
16. Avdeev A.E., Vorobev S.M. Value basis of social identity in the consciousness of youth from multiethnic regions: The case of the North Caucasus. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. № 15 (9). Pp.1230–1242.
17. Lipset S.M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *American Political Science Rev*. 1959. Vol. 53. No. 1. Pp. 69–105.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 75,33%

Р е ц е н з е н т: Керимов А.А., доктор политических наук, доцент; профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина

Статья поступила в редакцию 11.01.2023, принята к публикации 02.02.2023

The article was received on 11.01.2023, accepted for publication 02.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Борокова Инна Давлетовна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Северо-Кавказской государственной академии. Черкесск, Российская Федерация. Author ID: 864205; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1729-512X>; E-mail: borokova1972@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Inna D. Borokova, senior lecturer at the Department of Humanities of the North Caucasus State Academy. Cherkessk, Russian Federation. Author ID: 864205; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1729-512X>; E-mail: borokova1972@mail.ru

Изобретение традиций Республики Казахстан в аспекте этнической идентичности

М.Ш. Кабазиев ©

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: kabaziyev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются причины изобретения новых традиций в период становления независимого Казахстана. Автор опирался на конструктивистский подход при исследовании этнических процессов. Теория конструктивизма предполагает, что этнос является искусственным образованием, результатом созидания и деятельности самих людей. Автором было установлено взаимосвязь между мифологизацией истории, изобретением традиций и созданием национального государства. Различные интерпретации общих исторических событий приводят к рождению исторических мифов, которые впоследствии превращаются в «войны памяти» между народами. Изобретенные традиции используются при решении коллективных задач. Автор приходит к выводу, что традиционные институты, являющиеся наследием прошлых эпох, играют значительную роль в жизни современного Казахстана. Зачастую, многие открытые «казахские» традиции являются относительно новыми, по крайней мере, в той форме, в которой они были введены после приобретения независимости, именно поэтому речь идет о «изобретенных традициях». Мифологизированная история способствует воспитанию граждан как наследников сильной и великой нации. Придуманные традиции помогают укрепить эти взгляды. Этническая принадлежность движет действиями людей и дает им ощущение жизни. Вера в долгую общую историю укрепляет и узаконивает этнические связи казахов. Изобретенные традиции используются при решении коллективных задач.

Ключевые слова: этническая идентичность, изобретение традиций, мифологизация истории, государство, религия, ценности, государство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кабазиев М.Ш. Изобретение традиций Республики Казахстан в аспекте этнической идентичности // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 52–57. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-52-57

Invention of Traditions of the Republic of Kazakhstan in the Aspect of Ethnic Identity

M.Sh. Kabaziyev ©

Ural Federal University named after B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

E-mail: kabaziyev@mail.ru

Abstract. The article analyzes the reasons for the invention of new traditions during the formation of independent Kazakhstan. The author relied on a constructivist approach in the study of ethnic processes. The theory of constructivism assumes that the ethnos is an artificial formation, the result of the creation and activity of the people themselves. The author has established the relationship between the mythologization of history, the invention of traditions and the creation of a national state. Different interpretations

Кабазиев М.Ш.

of common historical events lead to the birth of historical myths, which later turn into “memory wars” between nations. The invented traditions are used in solving collective tasks. The author comes to the conclusion that traditional institutions, which are the legacy of past eras, play a significant role in the life of modern Kazakhstan. Often, many open “Kazakh” traditions are relatively new, at least in the form in which they were introduced after independence, which is why we are talking about “invented traditions”. Mythologized history educates citizens as heirs of a great and strong nation. Invented traditions also contribute to strengthening these views. Ethnicity drives people’s actions and gives them a sense of life. Belief in a long common history strengthens and legitimizes ethnic ties of Kazakhs. The invented traditions are used in solving collective tasks.

Key words: ethnic identity, the invention of traditions, the mythologization of history, the state, religion, values, government

FOR CITATION: Kabaziyev M.Sh. Invention of Traditions of the Republic of Kazakhstan in the Aspect of Ethnic Identity. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 52–57. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-52-57

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье, основываясь на методологии Э. Хобсбаума, мы попытаемся проанализировать причины изобретения новых традиций в период становления независимого Казахстана. Обратимся к методологическим вопросам формирования национальной идентичности и роли в этом процессе изобретения традиций. «Изобретенная традиция» – это набор социальных практик церемониального или символического характера, обычно регулируемых явно или неявно признанными правилами, целью которых является навязывание определенных ценностей и кодексов поведения. Последнее автоматически предполагает непрерывность во времени. Насколько это возможно, такие практики пытаются оправдать свою связь с соответствующим историческим периодом. Особенность изобретенной традиции заключается в том, что связь с историческим прошлым фиктивна. Нет ни одного периода, ни одного места, где не было бы случаев «изобретения» традиции. Чаще всего традиции были изобретены в ходе радикальной трансформации общества» [The invention..., 1983: 14].

Как считают авторы сборника «Изобретение традиции»: «Все изобретенные традиции, насколько полно это, возможно, используют историю как легитиматор действий и цемент групповой сплоченности. Как только история превращается в кладезь знаний или идеологию нации, государства или движения, она становится не тем, что сохранилось в народной памяти, а тем, что было отобрано, написано, запечатлено, популяризовано и институализировано теми, перед кем стояла эта задача, по ходу того, как происходит создание, демонтаж и реструктуризация образов прошлого, принадлежащих не только миру специальных научных исследований, но и публичной сфере политического бытия» [Там же: 15].

Размышляя о причинах появления изобретенной традиции Дж. Хоскинг приходит к выводу, что изобретенные традиции – это адаптированные и видоизмененные традиции, которые уже существовали в той или иной форме. По мнению ученого, процесс изобретения традиции образующихся наций проходит три стадии: «Стадия А, – период научного интереса, когда этнографы, лингвисты, и историки изучают народные обычаи, ритуалы, традиции и основываясь на них, формируют «культурный пакет», предназначенный для более широкого распространения. На стадии В поли-

тики берут из сформированного «культурного пакета» необходимые им элементы, и используют для ведения в народе патриотической агитации. Затем следует стадия С, когда – наступает подъем массового национального движения» [Хоскинг, 2000: 10].

По мнению казахстанского исследователя А.А. Галиева, «Изобретенная традиция является своего рода ритуалом, должным проиллюстрировать и закрепить конструируемое прошлое, то есть оно находится с мифологизированной историей в тех же отношениях, как миф с ритуалом» [Галиев, 2018].

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ И ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

Стереотипы и изобретение традиций являются формой существования мифологизированной истории. Всем мифам свойственны общие черты. Так, они основаны на идее автохтонизма, для понимания происходящих процессов они зачастую обращаются не к внутренним, а к внешним факторам воздействия, которым отводится главная движущая роль в историческом процессе. Еще одной характеристикой является «мировое зло», с которым данный народ самоотверженно сражается. Нередко оно персонифицируется в образе «какого-либо реального «народа-врага» (для армян, таджиков и лезгин ими являются турки и т.д.). Все перечисленные обстоятельства побуждают «народ расселяться по всей земле и распространять свою «высокую» культуру среди примитивных и отсталых народов» [Там же].

Националистическую версию истории характеризует гигантомания. Если данный народ – «культуртрегер», призванный нести свет всему миру, то в этих целях он должен путешествовать по всей Земле. Отсюда возникает и идея мессианства [Шнирельман, 1999: 41].

Следует отметить, что формирование мифологизированного образа истории не является только «конструктивным» действием, поскольку оно также имеет и огромное «инструментальное» значение [Коренько, 2000: 48]. Под последним понимается использование истории в качестве инструмента, прежде всего в политических целях. Когда история не способна оправдать войны и завоевания, захват территорий, революций (или наоборот, – контрреволюции), власть одного класса, народа или расы над другими, ее изобретают, создают [Томпсон, 1989: 13].

Мифологизация истории определяется древнейшим стереотипом менталитета человечества, своего рода архетипом – правом первого захвата. Именно отсюда берут начало истоки желания найти свидетельства о как можно более древней истории народа, попытки как можно глубже отодвинуть ее истоки.

Связь исторического знания с политической властью была актуальна уже в древности. Известный американский этнопсихолог Дж. Де Вос в ряде работ рассматривает этническую идентичность как некую форму идентичности, которая «воплощается в культурной традиции и обращена в прошлое в отличие от других форм групповой идентичности, ориентированных на настоящее и будущее» [Стеваненко, 1999: 211]. Эта же идея, несколько в иной форме, высказывается и многими российскими исследователями. Так, в частности, Г. Солдатова говорит о том, что основная опора идентичности этноса, это некая идея или мифологизированное представление об общих истоках культуры, происхождении и, наконец, истории [Солдатова, 1998: 187].

Казахстанский исследователь Э.М. Кагазбаева на примере турецко-армянского конфликта показала как общая история используется государствами в политических целях. В частности, Турецкая Республика и Армянская Республика в рамках различных дискурсивных конструкций по разному интерпретируют исторические события 1915 г. Различные интерпретации общих исторических событий приводят к рождению исторических мифов, которые впоследствии превращаются в «войны памяти» между народами [Кагазбаева, 2018].

Российский ученый Л. Дробижеева отмечает, что в существующих условиях унификации традиционных этнических культур, при необратимом снижении маркеров этнической дискриминации возрастает роль общности исторической судьбы как важного символа этнического единства [Дробижеева, 1991: 7]. Данные результаты и тезисы имели подтверждение в работах В. Шнирельмана [Shnirelman, 1993].

Столь же важная роль принадлежит мифологизированной истории в создании национального государства. По мнению Э. Хобсбаума, «Совершенно очевидно, что традиция государственности для современного национализма очень привлекательна в виду потенциального воздействия на массы в целях становление нации в форме территориального государства. Это приводило к тому, что некоторые национальные движения выходили за рамки реальной исторической памяти своего народа, чтобы найти похожее (и столь же впечатляющее) национальной государство в прошлом. Так обстояло дело с хорватами, чьи националисты считали себя (без особых оснований) преемниками “хорватского политического государства”» [Хобсбаум, 1998: 28].

Причинами создания мифологизированной истории является легитимация на самоопределение и реализация амбиций на создание независимого государства. Другими словами, мифологизация прошлого имеет как конструктивистское, так и инструментальное значение. В выполнении этой функции история, в силу своей объективности, порой неспособна выполнить, к примеру, задачи интеграции, но с ней с легкостью, так же как и с дезинтеграцией, справляется мифологизация.

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

«Некоторые из республик постсоветского пространства к моменту распада СССР уже имели предшествующий опыт государственности, на который они могли опереться. Другие же встали перед острой необходимостью формирования политических институтов в условиях вакуума политической идентификации – фактически в отсутствии государствообразующей нации» [Керимов, Кабазиев, 2022: 42]. С этой проблемой столкнулся и Казахстан, который должен был четко определить свою идентичность.

Социо-гуманитарная наука Казахстана начала испытывать подъем, связанный с тем, что многие ранее закрытые темы получили освещение, начали выпускаться новые научные журналы, вышли в свет исследования, запрещенные советской цензурой. Безусловно, профессиональные историки и политологи сохраняют научные традиции и не участвуют в формировании мифологизированной истории. Однако наряду с наукой появился и ее мифологизированный вариант. Как правило, он создается представителями технических наук и, к сожалению, активно участвует в формировании исторического самосознания общества. Основная цель этих «исследований» – это удревление прошлого конкретного племени, рода или жуза. По мнению физика Е. Омарова, кыпчаки являются потомками саков и скифов, а эфталиты являются предками аргынцев (род в Среднем жузе. – прим. авт.). Та же идея лежит в основе работы Ш. Куанганова. Согласно ученому, гунны и скифы провозглашаются казахами [Омаров, 1997: 34]. Делаются попытки доказать казахскую принадлежность правителя – Чингисхана. К. Данияров в «Предисловии» своей книги пишет о том, что отец и мать великого завоевателя происходили из казахских родов: Есукей хан из рода Кыят, а Оян, мать Чингисхана, из рода Меркит [Данияров, 2007: 42].

По мнению А.А. Байбатша, люди возникли в одинаковое геологическое время и в трех независимых друг от друга очагах, одним из которых были Казахские степи, откуда появился вид «казахантропы» и около 2500 лет назад от них произошел казахский народ [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007: 40].

Безусловно, мифологизированная история опирается на сфальсифицированные источники и, как правило, такие «исторические сочинения» появились в начальный период становления независимого государства, когда формировалась идеология национально-государственного строительства [Там же: 168].

Возрождение и становление государственности в Казахстане связано с возрождением, которое в конструктивизме называется «изобретением традиции», что относится и к возрождению традиционных институтов. Так, почти во всех районах Казахстана стали возрождаться институт советов старейшин (аксакалов). Как правило, они существуют при исполнительных органах (акиматах) различного уровня и действуют на общественных началах.

Интересная трансформация системы «жузов» произошла на современном этапе развития Казахстана. Проблема жузов стала проблемой трайбализма, что выражается в закреплении позиций того или иного рода

Кабазиев М.Ш.

(жуза) в какой-либо сфере деятельности и в получении рычагов власти. Сложные экономические условия, которые сопровождают становление любого государства, способствуют возрождению и развитию трайбализма. В частности, молодежь коренной национальности в поисках работы мигрируют в города и, оказавшись в незнакомой среде, группируются по земляческому, родовому признаку и получают определенную поддержку.

По мнению доктора исторических наук А.А. Галиева, «Созданию нации способствовал и праздник Наурыз, который также можно отнести к изобретенной традиции, так как первоначальный исторический смысл праздника был изменен и воспринимался современными казахами как символ исторической непрерывности. Для мультиэтнического населения Казахстана в конце советской эпохи задачей Наурыза стало выражение и закрепление межэтнического согласия народов» [Галиев, 2018]. По мнению исследователя, Наурыз является «изобретенной традицией», так как форма и значение праздника изменилась с конца 80-х гг. XX в. и воспринимался жителями страны (считающими себя мусульманами) как наследие казахов.

Показательным примером изобретения традиции является использование названия партии «Алаш» как националистической партии. На самом деле это исторический миф, так как лидер партии А. Букейханов относил себя к «западническому направлению» общественного движения казахов и видел будущее своего народа в составе Российской Демократической Федеративной Республики в качестве национально-территориальной автономии. Программный документ партии «Алаш» основывался на либерально-демократических ценностях. Используя данный миф, общественный деятель А. Атабек в 1990 г. создал националистическую партию и назвал ее «Алаш».

Возрождающимся институтом в независимом Казахстане является также ислам, который «с момента своего возникновения имел собственное идеологическое и политическое обоснование социально-экономической и государственной системы» [Керимов, Шуталева, 2019: 213]. Следует отметить, что возрождение данного института происходило под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. По мнению доктора исторических наук З.Г. Джалилова, поддержка официальной властью процесса возрождения ислама в казахстанском обществе преследовало две цели: во-первых, исламская религия сохранила свое влияние на определенные слои населения и государство стремилось использовать духовные ценности ислама для объединения общества; во-вторых, на основе поддержки религиозного возрождения проводить политику укрепления сотрудничества с мусульманскими странами» [Джалилов, 2016: 27]. Следует отметить, что на юге и западе Казахстана активны суфийские братства, идеология которых вступает в конфликт с традиционным исламом. В научном сообществе есть разные мнения о корнях ислама казахов: есть мнение, что ислам казахов не имел глубоких корней и является результатом русской политики. Мнения о широком распространении ислама среди казахов придерживается Н. Нургазина [Нургазина, 2008]. По мнению А. Султангалиевой, современное «исламское возрождение» в Казахстане ничего общего не имеет с теми религиозными тра-

дициями, которые были в истории казахов, речь идет о совершенно новых явлениях и процессах [Султангалиева, 2014: 16]. По мнению политолога Д. Сатпаева, «В обществе присутствуют представления о том, что религиозная идентичность должна превалировать над этнической идентичностью» [Сатпаев, 2017]. Так, «в казахстанском обществе наблюдается «очень сильный раскол» по поводу того, с кем Казахстан должен себя ассоциировать – с Западом, Востоком, мусульманским миром – или вообще занимать нейтральную позицию» [Сатпаев, 2017].

На наш взгляд, важной проблемой при конструировании казахстанской идентичности является размытая самоидентификация. Данную проблему необходимо было решать сразу же после распада Советского Союза. Именно этим можно объяснить появление наших граждан в рядах ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация), а также споры о том, что должно быть заложено в основу казахстанской государственности – этническая, религиозная или гражданская идентичность. К сожалению, эти споры продолжаются и могут стать основой для будущих конфликтов.

ВЫВОДЫ

Мифологизация истории также не миновала Казахстан. Одна из причин данного явления заключается в том, что в современном казахском обществе до сих пор существует традиция разделения на роды и жузы. Наиболее группоцентрически ориентированные мифологизаторы создают удревненные и приукрашенные истории своих родов. А плохо обученные «ученые» (как было показано выше – представители различных технических наук) автоматически зачисляют великого правителя Чингиз-хана в казахи и создают «новую хронологию», удревняя историю народа вплоть до шумерского государства.

Этническая идентичность – это стабильный феномен, который претерпевает изменения с течением времени и в меняющихся условиях. Этническая идентичность и связанные с ней дискурсы влияют на поведение, образ жизни и ценности людей. Этническая принадлежность движет действиями людей и дает им ощущение жизни. Вера в долгую общую историю укрепляет и узаконивает этнические связи казахов. Изобретенные традиции используются при решении коллективных задач. Этническая идентичность может примирить различные религиозные группы, мусульманскую и христианскую идентичности в одном обществе.

На основании вышеизложенного можно предположить, что продолжает работать архаическая циклическая схема, подтверждающая преемственность развития. Вслед за хаосом перестройки в Казахстане новый этап развития понимается как гармония.

Таким образом, традиционные институты, являющиеся наследием прошлых эпох, играют значительную роль в жизни современного Казахстана. Зачастую, многие открытые «казахские» традиции являются относительно новыми, по крайней мере, в той форме, в которой они были введены после приобретения независимости, именно поэтому речь идет о «изобретенных традициях».

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиев А.А. Изобретенные традиции в контексте мифологизированной истории // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2018. № 3 (15). URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/953>
2. Данияров К. Альтернативная история Казахстана: еще раз о Чингисхане // Экономические стратегии – Центральная Азия. 2007. № 1. С. 40–45.
3. Джалилов З.Г. Возрождение ислама в контексте новых реалий Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (1.1). С. 23–32.
4. Дробизьева Л.М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Советская этнография. 1991. № 1. 376 с.
5. Кагазбаева Э.М. Политизированные версии прошлого (на примере турецко-армянского конфликта) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Социологические и политические науки. 2018. № 3 (63). С. 21–27.
6. Керимов А.А., Шуталева А.В. Ислам в политическом процессе // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиозоведение: сборник материалов конференции. Екатеринбург: Деловая книга, 2019. С. 213–215.
7. Керимов А.А., Кабазиев М.Ш. Этническая составляющая политической идентичности современного Казахстана // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 4. С. 42–45.
8. Кореяно В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. 2000. Вып. 3. 258 с.
9. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. 296 с.
10. Нуртазина Н.Д. Ислам в истории Казахстана: новые подходы и итоги изучения проблемы за 30-летие независимости (1991–2021) // Вестник КазНУ: Серия история. 2021. № 3 (102). С. 3–11.
11. Омаров Е. Казахстан – наследник империи гуннов // Вестник университета «Кайнар». 1997. № 2. С. 32–36.
12. Сатбаев Д. Геополитика вносит сильный раскол в наше общество. URL: <https://camonitor.kz/27550-dosym-satpaev-geopolitika-vnosit-silnyy-raskol-v-nashe-obschestvo.html>
13. Сатпаев Д. Цель элиты – не потерять доступ к ресурсам. URL: <https://www.ratel.kz>
14. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
15. Стеваненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999. 320 с.
16. Султангалиева А. Пересматривая роль «религиозного возрождения» в Казахстане // Казахстан в глобальных процессах. 2014. № 2 (40). С. 10–26.
17. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Высшая Школа, 1989. 116 с.
18. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
19. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2000. 512 с.
20. Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1999. Вып. 2. 654 п.
21. Shnirelman V. Struggle for past: Ethnogenetic studies and politics in the USSR // 13th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Mexico City, 1993. 420 p.
22. The Invention of Tradition. E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge, 1983. 320 p.

REFERENCES

1. Galiev A.A. Invented traditions in the context of mythologized history. *Electronic Scientific Journal “edu.e-history.kz”*. 2018. № 3 (15). (In Rus.) URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/953>
2. Daniyarov K. Alternative history of Kazakhstan: Once again about Genghis Khan. *Economic Strategies – Central Asia*. 2007. No. 1. Pp. 40–45. (In Rus.)
3. Jalilov Z.G. The revival of Islam in the context of the new realities of Kazakhstan. *The World of the Big Altai*. 2016. No. 2 (1.1). Pp. 23–32. (In Rus.)
4. Drobizheva L.M. Ethnic identity of Russian in modern conditions: Ideology and practice. *Soviet Ethnography*. 1991. No. 1. 376 p. (In Rus.)
5. Kagazbayeva E.M. Politicized versions of the past (on the example of the Turkish-Armenian conflict). *Bulletin of Abaya KazNPU. Series: Sociological and Political Sciences*. 2018. No. 3 (63). Pp. 21–27. (In Rus.)
6. Kerimov A.A., Shutaleva A.V. Islam in the political process. In: Pivovarov readings. Synthetic paradigm: Science, philosophy, religious studies. A collection of conference materials. Yekaterinburg: Business Book, 2019. Pp. 213–215.
7. Kerimov A.A., Kabaziev M.S. The ethnic component of the political identity of modern Kazakhstan. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2022. No. 4. Pp. 42–45. (In Rus.)
8. Koreyanko V. Ethnonationalism, quasi-historiography and academic science. *Reality of Ethnic Myths*. 2000. Issue 3. 258 p. (In Rus.)
9. Masanov N.E., Abylkhochin Zh.B., Erofeeva I.V. Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan. *Almaty: Dyke-Press*. 2007. 296 p.
10. Nurtazina N.D. Islam in the history of Kazakhstan: New approaches and results of studying the problem for the 30th anniversary of independence (1991–2021). *Bulletin of KazNU: History Series*. 2021. No. 3 (102). Pp. 3–11. (In Rus.)
11. Omarov E. Kazakhstan – heir to the empire of the Huns. *Bulletin of the University “Kainar”*. 1997. No. 2. Pp. 32–36. (In Rus.)
12. Satbaev D. Geopolitics brings a strong split in our society. URL: <https://camonitor.kz/27550-dosym-satpaev-geopolitika-vnosit-silnyy-raskol-v-nashe-obschestvo.html>
13. Soldatova G.U. Interethnic Psychology of tension. *Moscow: Sense*, 1998. 389 p.
14. Stevanenko T.G. Ethnopsychology. *Moscow: Academic Project*, 1999. 320 p.
15. Satpayev D. The goal of the elite is not to lose access to the resources of the “Electronic resource. URL: <https://www.ratel.kz>
16. Shnirelman V. National symbols, ethnohistorical myths and ethno-politics. *Theoretical Problems of Historical Research*. 1999. Issue 2. 654 p. (In Rus.)
17. Sultangaliyeva A. Revising the role of “religious revival” in Kazakhstan. *Kazakhstan in Global Processes*. 2014. No. 2 (40). Pp. 10–26. (In Rus.)
18. Thompson P. Voice of the past. Oral history. *Moscow: Higher School*, 1989. 116 p.
19. Hobsbaum E. Nations and nationalism after 1780. *St. Petersburg: Aleteya*, 1998. 306 p.
20. Hosking J. Russia: the People and the Empire (1552–1917). *Smolensk: Rusich*, 2000. 512 p.
21. Shnirelman V. Struggle for past: Ethnogenetic studies and politics in the USSR. 13th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. *Mexico City, 1993*. 420 p.
22. The Invention of Tradition. E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). *Cambridge, 1983*. 320 p.

Кабазиев М.Ш.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 77,7%

Р е ц е н з е н т: Керимов А.А., доктор политических наук, доцент; профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета

Статья поступила в редакцию 11.01.2023, принята к публикации 08.02.2023

The article was received on 11.01.2023, accepted for publication 08.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабазиев Манарбек Шакирович, соискатель кафедры политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Российская Федерация. Author ID: 1158003; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2285-3421>; E-mail: kabaziyev@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Manarbek Sh. Kabaziyev, seeking the academic degree of Candidate of Sciences of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russian Federation. Author ID: 1158003; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2285-3421>; E-mail: kabaziyev@mail.ru

Об особенностях становления государственности в Йемене

А.А. Керимов^а ©, З.М.М. Альаруси^б ©

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

^а E-mail: kerimov68@mail.ru

^б E-mail: monssarzakaria@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ наиболее значимых факторов, влияющих на процессы формирования государственности современного Йемена. Авторы исходят из того, что действия этих факторов проявляются комплексным, часто противоречивым образом, что повышает уровень конфликтогенности, становясь причиной военных столкновений, приводящих к гражданской войне и революциям.

Ключевые слова: государство, государственные институты, политические процессы, внутривполитические факторы, внешнеполитические факторы, политические акторы, государственность современного Йемена

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Керимов А.А., Альаруси З.М.М. Об особенностях становления государственности в Йемене // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 58–63. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-58-63

About the Peculiarities of the Formation of Statehood in Yemen

A.A. Kerimov^а ©, Z.M.M. Al Arusi^б ©

Ural Federal University named after B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

^а E-mail: kerimov68@mail.ru

^б E-mail: monssarzakaria@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of the most significant factors influencing the processes of formation of the statehood of modern Yemen. The authors proceed from the fact that the actions of these factors manifest themselves in a complex, often contradictory way, which increases the level of conflictogenicity, becoming the cause of military clashes leading to civil war and revolutions.

Key words: state, state institutions, political processes, domestic political factors, foreign policy factors, political actors, statehood of modern Yemen

FOR CITATION: Kerimov A.A., Al Arusi Z.M.M. About the Peculiarities of the Formation of Statehood in Yemen. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 58–63. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-58-63

ВВЕДЕНИЕ

Какие факторы оказывают влияние на становление государственности Йемена со времен Османской империи до наших дней? В какой степени государство испытывает влияние из-за рубежа при решении внутривнутриполитических вопросов? Как уникальное географическое положение Йемена, наличие месторождений нефти и газа, объем их экспорта влияют на конфигурацию политических институтов? Эти вопросы, а также анализ факторов, влияющих на процессы становления государственности в Йемене, актуальны как для самой страны, арабского мира, так и для мировой политики.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

«С начала эпохи возрождения и по настоящее время национальные государства являются доминирующей формой государственности и воспринимаются как бы по умолчанию. Именно к созданию национального государства стремится любое образование, вновь возникающее или переучреждаемое в современном мире» [Керимов, Кабазиев, 2022: 42]. Ретроспективный политологический анализ показывает, что Йеменская Республика пережила исторические периоды и политические повороты, которые обусловили ее политическое и социально-экономическое развитие, конфигурацию современной государственности. После распада Османской империи, которая доминировала на современных йеменских территориях с 1539 по 1635 г., государство в течение многих лет оставалось под влиянием прежних родоплеменных традиций. В эпоху зарождения йеменской государственности османы контролировали только два города на этих территориях – Забид и Моху. Повторной оккупации йеменских земель османами в 1849 г. предшествовал процесс раздела обширных территорий между двумя империями – Османской и Британской. Обе державы стремились к укреплению своих позиций и в начале XX в. йеменские земли были разделены между ними на северную и южную части. В северной части, контролируемой османами, произошло восстание, в результате которого в 1920 г. было образовано йеменское государство, получившее название «Йеменское Мутаваккилийское королевство» и просуществовавшее до 1962 г. Южная часть была колонизирована Великобританией и оставалась в таком статусе до 1967 г., до тех пор, пока последний британский солдат не покинул южный Йемен [Арабский мир..., 2013], после чего было провозглашено о создании Народно-Демократической Республики Йемен.

Изучение йеменского общества в период разделения на юг и север позволяет предположить, что этнический фактор в этот период, по сути, определял конфигурацию политических институтов [Исаков, 2015: 1516]. Племенные традиции влияли на политический курс правительства и политико-правовые процедуры. В северном Йемене режим был монархическим, ограниченным властью одной семьи. В то же время южная часть находилась под внешним влиянием (контролем британского правления), подвергалась угнетению, была колонией.

После революции на севере 26 сентября 1962 г., провозглашения независимости на юге и вывода британских войск с южных территорий 30 ноября 1967 г. начался следующий этап становления государственности Йемена [Аль-Раухани, 2007].

Мировая практика государственного строительства показывает, что «меняются формы правления, характер режимов, появляются различные силы, агрегирующие и артикулирующие интересы групп, классов, отдельных личностей, но суть власти остается неизменной – она по-прежнему продолжает править, подчиняя себе общество» [Керимов, 2022: 8]. В Йемене также происходили аналогичные процессы. Режим сменился с монархического на республиканский. Сочетание внешних и внутренних противоречий предопределило роль государства как важного звена в формирующемся социальном механизме экономического и политического развития. Государство усилило свой контроль над жизнью общества, используя различные уровни влияния, начали формироваться бюрократические группировки (в том числе гражданская и военная бюрократия), монополизировавшие политическую жизнь.

Возрастающую роль в общественной жизни того периода играла военная прослойка. Офицерский корпус, будучи организованной и сплоченной силой общества, стал опорой режима, главным элементом элиты, контролирующей государственный аппарат. В свержении монархии важнейшую роль сыграла армия. Командующий армией стал главой республики, немало высокопоставленных офицеров получили важные государственные посты, но, тем не менее, следует отметить, что сложившейся режим нельзя было назвать чисто военным. Культурно-исторический фактор оказал значительное влияние на структуру сотрудничества между радикальной группой офицеров и феодальными, традиционалистскими слоями общества. Республиканское правительство понимало необходимость установления контактов с крупнейшими племенами, вожди которых впоследствии были привлечены к участию в управлении страной. В октябре 1962 г. был создан Высший совет национальной обороны, в состав которого также вошли вожди крупнейших племен. Позже этот орган был преобразован в Высший совет шейхов племен, а затем в Консультативный совет Йеменской Арабской Республики. С этого момента началась череда признаний йеменского правительства. Примеру СССР последовали Египет, Ливан, Сирия, Ирак, Судан, Алжир и Тунис, которые также признали сложившийся новый режим.

В период раскола Йемена на две части усилилось влияние внешних политических акторов на внутрийеменские процессы. Так, Йеменская Арабская Республика (северный Йемен, ЙАР) получала военно-политическую поддержку от Арабской Республики Египет, инициированную Гамалем Абдель Насером. Это продолжалось до начала шестидневной войны 6 октября 1967 г. на Ближнем Востоке, когда подразделения египетских вооруженных сил были выведены из Йемена. В итоге это привело к боестолкновениям между республиканцами и роялистами. Одновременно роялистов поддержала Саудовская Аравия, но помощь саудитов оказалась неэффективной, и республиканцы одержали победу.

На юге наблюдались изменения под воздействием СССР, оказавшего влияние на политические и военные изменения, приведшие к формированию народно-демократической модели правления. Новый политический курс характеризовался созданием политических институтов, целью которых была национализация экономики, осуществление социальных преобразований, создание партийной системы. На этом этапе Йеменская социалистическая партия сосредоточила всю власть в своих руках. В тот период советские и египетские исследователи [Воробьев, 1978; Аль-Джифри, 1995; Аль-Абдули, 1997; Мукбил, 1998] указывали на рост влияния соседних стран, в первую очередь, Королевства Саудовская Аравия, которое поддерживало правление в ЙАР. Влияние просматривалось в политической и экономической сферах, в том числе через оказание выборочной финансовой помощи со стороны властей Саудовской Аравии. Со временем это привело к возникновению социальных и межплеменных конфликтов, негативно повлиявших на политику Йемена, став барьером развития страны, ухудшили экономику ЙАР. Селективная поддержка саудитами привела к радикальным преобразованиям, нестабильности общества, репрессиям властей по отношению к политическим оппонентам, по сути, став фактором трансформации системы, условием создания особого политического пути Йемена.

В те годы в центральных районах Йемена обозначился новый вектор иностранного вмешательства во внутренние дела, исходивший от Ливии. Поставки ливийских вооружений стали негативным фактором, изменившим экономическое и политическое развитие государственности.

Важным этапом становления суверенитета Йемена стал 1990 г.: север и юг страны объединились, став единым государством с централизованной политической властью и единой администрацией. В этот же период проявился еще политико-антропогенный фактор, повлиявший на ситуацию в стране. Речь идет о столкновении амбиций политических акторов. Началом кризиса стал демонстративный уход в отставку вице-президента Йемена Али Салема аль-Баяда, ранее занимавшего пост президента на юге страны. Ответным шагом стал военный конфликт в северной части, победу в котором одержал президент Али Абдулла Салех, взявший 22 мая 1994 г. под контроль экономическую столицу Аден. После объединения севера и юга и последовавшего военного конфликта, противостояние политических оппонентов перешло в латентную фазу. Нападение Эритреи 15 декабря 1995 г. на ряд йеменских островов консолидировало йеменские элиты и общество, послужило локализации кризиса, открыло путь к политико-правовому урегулированию внутри страны.

Нормализация ситуации активизировала деятельность политических партий, что позволило провести в 1997 г. первые президентские выборы, итогом которых стала передача властных полномочий от Президентского совета к Президенту Йемена. Продолжением нового курса стали выборы в Народное собрание, местные органы власти, формирование Совета шуры, что на время минимизировало политический кризис. Провозглашенный политический плюрализм стал принципом политической системы Йемена. Ста-

тья 5 Конституции предусматривала, что политическая система Йеменской Республики основана на политическом и партийном плюрализме с целью мирной смены власти, а ст. 58 содержала норму, устанавливающую для граждан право на политическую, профессиональную организацию, создание научных, культурных, социальных и национальных союзов [Ал-Джифри, 1995].

Отметим, что исламский фактор оказал влияние на партогенез и распределение мест в парламенте. Первая исламская политическая партия в Йемене была создана после объединения страны 13 сентября 1990 г. шейхом племен хашидов Абдуллоу бин Хусейн аль-Ахмаром как политическая структура с исламским прошлым, с принятием идеологии «Братьев-мусульман». По мере появления светских партий, влияние этой политической силы начало ослабевать. Так, на парламентских выборах в 2003 г. «Братья-мусульмане» получили 45 мандатов из 301 в Палате представителей [12].

Выход политических партий в публичную сферу, с одной стороны, позволял вести речь о формировании демократических моделей агрегации, артикуляции и реализации политических интересов различных групп граждан, с другой, убеждал в отсутствии эффективных политических практик достижения поставленных целей. Социально-экономическая и политико-аксиологическая многоукладность йеменского общества, доминирование транзитарной модели политической культуры, отсутствие демократических традиций приводили в ряде случаев к повышенной конфликтности политической жизни.

СОВРЕМЕННЫЙ ЙЕМЕН

Важнейшей проблемой на пути создания Йеменского государства является отсутствие межнационального консенсуса относительно основополагающих элементов государственного строительства. До настоящего времени в Йемене военный конфликт продолжается, споры о форме режима усиливаются и носят неконструктивный характер, аргументация конфликтующих сторон во многом основывается на политизации религиозных верований, что не содействует развитию светской дискуссии.

Катализатором революционного взрыва в Йемене в 2011 г. выступил клановый раскол в правящих элитах страны на почве конкуренции за власть. Дальнейшие события привели в полномасштабной войне. Согласно оценкам Министерства планирования и международного сотрудничества, война привела к снижению ВВП на 47% [Парламентские выборы в Йемене, 2003]. По разным данным, более 70 000 человек погибли или получили ранения [Аль-Башири, 2018]. Денежная стоимость экономических потерь составила около 100 млрд долларов [Davies, 2018].

Возникает закономерный вопрос: располагал ли Йемен потенциалом для решения вопросов государственного строительства без вооруженного конфликта, фактически гражданской войны? Полагаем, что все необходимые условия во избежание неконструктивного сценария развития событий в йеменском обществе имелись. Однако, считаем, что имеющиеся варианты и возможности мирного решения проблем были

упущены как случайно, так и намеренно. Региональные и племенные противоречия, сопровождаемые религиозными лозунгами, нивелировали эту возможность. Партикуляристские настроения отдельных традиционных социальных групп и региональных объединений Йемена, которые в мирное время доставляли немало хлопот государству, в условиях военного кризиса превратились в его союзника. Поскольку социально-политическая ситуация в Йемене также осложнена сохраняющимся влиянием племенных структур, то принадлежность к тому или иному племени является имманентной частью самоидентификации любого йеменца [Кириченко, 2014: 342]. Следовательно, в йеменском обществе интересы племени рассматриваются как важный фактор политической жизни.

Таким образом, сложившаяся ситуация в Йемене предполагает поиск компромисса между всеми силами с учетом религиозных, политических и племенных интересов. Данная сложная конфигурация показывает, что использование исключительно политических методов для решения внутрийеменских проблем представляется малопродуктивным.

Большую остроту внутренним противоречиям придают и религиозные догмы, используемые в судебной системе. Так, согласно ст. 3 Конституции устанавливается, что исламское право является основным источником законодательства. Исходя из этого, к примеру, обсуждения и дебаты в йеменских судах проходят на религиозной почве, различиях толкования Корана и Сунны. Большая часть судей и советников в Йемене являются священнослужителями. Суда присяжных нет, но большинство судебных процессов проходят открыто, обвиняемые имеют право обжаловать приговоры. Конвенция о политических правах женщин предоставляет им право голосовать на выборах на равных с мужчинами. Женщины имеют право занимать государственные должности.

При рассмотрении факторов, влияющих на становление государственности Йемена, укажем также географический и сырьевой. Страна занимает важное географическое положение в юго-западной Азии, де-факто контролирует Баб-эль-Мандебский пролив. Йемен имеет в регионе 186 островов, что повышает его стратегическую значимость на морских путях. Полагаем, что это обстоятельство объясняет интерес к внутрийеменской политической ситуации ряда заинтересованных государств, в том числе, постоянных членов Совбеза ООН.

Йемен обладает коммерческими объемами нефти в юго-восточной провинции Шабва и углеводородных провинциях Аденского залива. Начиная с 2007 г. объем добычи составляет около 350 тыс. баррелей в сутки. По некоторым данным объемы добычи в течение 2020 г. поквартально возрастали от 25 до 75 тыс. баррелей [Экономика Йемена..., 2020] в сутки. Недавно Управление по разведке и добыче нефти Йемена заявило об открытии 9 новых нефтяных месторождений в семи секторах [Экономика Йемена..., 2020]. Известно, что 6 геологоразведочных секторов стали продуктивными за последние годы, что указывает на то, что запасы нефти составили 9,1 млрд баррелей, а запасы газа – 2,18 трлн кубических футов [Стратегический отчет..., 2007: 97–99].

По данным китайской компании Sinopec Joico, эти показатели совпадают с обнаружением крупного месторождения нефти в Шабвахе, которое считается наиболее важным после Мариб и открытия Масила в 1980-х гг. [Там же]. По сведениям из открытых источников, Йемен в основном полагается на доходы от сырой нефти, которые покрывают около 70 % общих бюджетных ресурсов государства, 63% общего экспорта страны и 30 % ВВП [Там же].

По нашим оценкам, «сырьевой фактор» развития государственности в Йемене имеет разновекторный характер. С одной стороны, оказывает позитивное воздействие на пополнение казны, что важно для реализации социально-экономических и политических решений властей, с другой, испытывает воздействие волатильности рынка нефти и газа, носит исчерпаемый характер. Последний аргумент подтверждается озабоченностью Всемирного банка, призвавшего правительство Йемена диверсифицировать свой экспорт, чтобы компенсировать возможное снижение добычи нефти.

Таким образом, следует отметить, что «нивелирование возникшего кризиса и достижение поступательного развития самого института государства, обеспечение воспроизводства политической системы возможно только при масштабных политических изменениях» [Исаков, 2017: 80]. Однако главной преградой на этом пути, как представляется, являются такие проявления в ментальности, присущие йеменскому обществу, как стремление к разделению, а не к консолидации, артикулирование исключительности интересов отдельных групп в ущерб общенациональным интересам. Только общенациональный диалог примирения, смягчение влияния традиционализма, отход от трайбализма могут открыть путь к достижению компромисса, который может привести к прекращению конфликта, после чего возникнут необходимые условия для мирного строительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя результаты проведенного анализа, можно констатировать следующее.

1. Становление и развитие государственности современного Йемена происходит под влиянием внутренних и внешних факторов, действующих по принципу дополняемости и приводящих к синергетическому эффекту в политике.
2. Социально-экономические факторы детерминируют политические процессы; в ряде случаев зависимость носит обратный характер, когда политические факторы довлеют над процессами в сфере экономики.
3. Внутриполитические факторы, влияющие на становление государственности, подвержены воздействию этнического, конфессионального, культурно-исторического характера. Действуя имплицитно, они формируют доминирующий тип политической культуры, определяющей модель политического поведения и образцы политического поведения различных акторов.
4. Внешнеполитические факторы влияют на становление политических институтов в Йемене. Они

Керимов А.А., Альаруси З.М.М.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 74,58%

Статья поступила в редакцию 18.01.2023, принята к публикации 24.02.2023

The article was received on 18.01.2023, accepted for publication 24.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент; профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Российская Федерация. РИНЦ Author ID: 8591-7561; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>; Scopus Author ID: 57215904379Ю; Researcher ID: AAG-9905-2019; E-mail: kerimov68@mail.ru

Альаруси Закария Мунассар Мухаммад, аспирант кафедры политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Российская Федерация. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5846-2919>; E-mail: monssarzakaria@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Kerimov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor; Professor at the Department of Political Sciences of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russian Federation. Author ID: 8591-7561; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>; Scopus Author ID: 57215904379Ю; Researcher ID: AAG-9905-2019; E-mail: kerimov68@mail.ru

Zakaria Munassar Muhammad Al Arusi, PhD student at the Department of Political Sciences of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russian Federation. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5846-2919>; E-mail: monssarzakaria@gmail.com

5.4.1	Теория, методология и история социологии Theory, Methodology and History of Sociology
5.7.2	История философии History of Philosophy
5.5.4	Международные отношения, глобальные и региональные исследования International Relations, Global and Regional Studies

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-64-73

Современные социальные тренды процессов обучения как трансформация интеллекта: нейросетевой подход

О.А. Габриелян^{1, a} ©, И.Э. Сулейменов^{2, b} ©,
А.М. Габриелян^{3, c} ©

¹ Таврическая академия Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

² Национальная инженерная академия Республики Казахстан,
г. Алматы, Республика Казахстан

³ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

^a E-mail: gabroleg@mail.ru

^b E-mail: esenych@yandex.ru

^c E-mail: arusia@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация интеллекта человека с точки зрения связи коллективного сознательного и коллективного бессознательного. Рассматривается феномен коллективного профессионального бессознательного в качестве инструмента обучения. Обучение определяется как направленная трансформация интеллекта индивида, обеспечивающая возможность эффективной коммуникации с информационной средой. Авторы обосновывают гипотезу, что интеллект человека дуален по своей природе и определяется характером межличностных коммуникаций, вследствие которых формируется общая нейронная сеть. Профессиональное коллективное бессознательное, как сегмент коллективного бессознательного, отвечает за наиболее высокие уровни профессионализма – за наличие профессиональной интуиции, вспышки творческой активности, так называемые «озарения» и т.д. Авторы приходят к выводу, что использование коллективного профессионального бессознательного, дает возможность перехода на иной уровень взаимодействия с надличностными информационными структурами. Такой подход в настоящее время открывает новые возможности в обучении.

Ключевые слова: обучение, высшее образование, нейронная сеть, трансформация интеллекта, коллективное бессознательное, профессиональное коллективное бессознательное, надличностные информационные структуры

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., Габриелян А.М. Современные социальные тренды процессов обучения как трансформация интеллекта: нейросетевой подход // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 64–73. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-64-73

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-64-73

Learning as a Transformation of the Intellect: Neural Network Approach

O.A. Gabrielyan^{1, a} ©, I.E. Suleimenov^{2, b} ©,
A.M. Gabrielyan^{3, c} ©

¹ Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

² National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Republic of Kazakhstan

³ V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

^a E-mail: gabroleg@mail.ru

^b E-mail: esenych@yandex.ru

^c E-mail: arusia@bk.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the human intellect as a connection between the collective conscious and the collective unconscious. The phenomenon of the collective professional unconscious is examined. Learning is defined as a directed transformation of the intellect of the individual, providing the possibility of effective communication with the information environment. The authors substantiate the hypothesis that human intelligence is dual in nature and is determined by the nature of interpersonal communications, as a result of which a common neural network is formed. The professional collective unconscious, as a segment of the collective unconscious, is responsible for the highest levels of professionalism – for the presence of professional intuition, for flashes of creative activity, the so-called “insights”, etc. The authors come to the conclusion that the use of the collective professional unconscious makes it possible to move to a different level of interaction with transpersonal information structures. This approach now opens up new opportunities in learning.

Key words: learning, higher education, neural network, intelligence transformation, collective unconscious, professional collective unconscious, transpersonal information structures

FOR CITATION: Gabrielyan O.A., Suleimenov I.E., Gabrielyan A.M. Learning as a Transformation of the Intellect: Neural Network Approach. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 64–73. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-64-73

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия был опубликован целый ряд работ, в которых были выявлены многочисленные кризисные явления, характерные для постсоветской высшей школы. Обзор этих работ представлен в [Мун, Сулейменов, 2019; Мун, Масалимова, Тасбулатова, Сулейменов, 2020; Габриелян А.М., 2022]. Есть все основания полагать, что де-факто имеет место системный кризис высшей школы, обусловленный совокупностью причин как социального, так и экономического характера. Однако, для того чтобы данный кризис приобрел системный характер, недостаточно было одних только

экономических причин. Системные кризисы происходят по целому комплексу взаимосвязанных причин.

Одним из важных социальных вызовов, с которым столкнулась современная высшая школа так и не сумев найти адекватный ответ, стал «вызов массовости» [Сулейменов и др., 2019: 39]. Природа этого вызова состоит в следующем. Население постсоветских государств, в силу фактора социально-психологической инерции, рассматривает высшую школу, прежде всего, как социальный лифт, как необходимую предпосылку для жизненного успеха подрастающего поколения. Именно по этой причине во всех постсоветских странах вопрос о поступлении в университеты рассматривался

и рассматривается как ответ на соответствующий социальный запрос, что порождает использование таких инструментов как ЕГЭ, многократно раскритикованных специалистами [Мальцев, Шкурин, Берзин, 2021]. По этой причине при переходе к рыночной экономике, высшее образование стало массовым, что подтверждается прямыми статистическими данными. Наличие спроса привело к появлению соответствующего предложения на рынке.

Эта тенденция существует как минимум три последних десятилетия, следовательно, легко прогнозировать, что в обозримом будущем высшим образованием (по крайней мере, формально) будет обладать примерно половина населения. Нет необходимости доказывать, что такое число лиц, обладающих высшим образованием, не отвечает реальным потребностям экономики. Это – не более чем ответ на указанный выше социальный запрос.

Далее, при переходе к массовому высшему образованию не могло не иметь места резкое снижение социального статуса педагогов высшей школы (в том числе в материальном выражении [Шуклина, 2022]). Это, в свою очередь, привело к резкому падению качества высшего образования. Мотивации идти в преподаватели у грамотных специалистов нет, особенно, если принять во внимание фактор чрезмерной бюрократизации высшей школы.

Отмеченные факторы являются важными, но далеко не единственными из тех, что порождают системный кризис современной высшей школы.

Далеко не последним из них является фактор девальвации образованности как таковой [Ермухамбетова, Сулейменов, Мун, 2022]. Его сущность можно пояснить на наглядном примере. Существует достаточно много организаций, руководящие посты в которых занимают люди, чей уровень образованности оставляет желать лучшего. Но, в силу общего падения качества высшего образования, этот круг лиц полагает себя *компетентным*. На общем фоне понижения образованности они чувствуют себя вполне уверенно. Как следствие, они перестают прислушиваться к чужим советам, неадекватно реагируют на критику, используют коррупционные инструменты для обеспечения карьеры и т.д. Существенно, что в указанном отношении и сами университеты не составляют исключения. Общее падение компетентности приводит к деструкции механизмов принятия решений, в том числе и в учреждениях образования, что замыкает петлю отрицательной обратной связи [Там же].

Невозможность отказа от массового высшего образования по социально-политическим соображениям, но в тоже время необходимость повышения его качества в условиях ограниченных экономических возможностей, создают ножницы проблемы. Она может быть решена путем реорганизации образовательного процесса, например, изменения характера обучения.

Системную проблему можно решать только *системно*.

Следовательно, имеет смысл поставить вопрос широко, и попытаться выяснить, *что именно* следует понимать под обучением.

Цель данной работы показать, что обучение в высшей школе, как ядро образовательного процесса, есть,

прежде всего, *направленная трансформация интеллекта индивида*, обеспечивающая, возможность эффективной коммуникации с информационной средой. Здесь мы сознательно упрощаем проблематику до интеллектуальной активности, что вполне достаточно для исследования, поставленной нами проблемы.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Основой используемой методологии является тезис о дуальной природе интеллекта человека. Здесь под *интеллектом* мы понимаем ту составляющую сознательных способностей человека, которая позволяет воспринимать, обрабатывать, сохранять в памяти информацию для дальнейшего ее использования в целях решения различных проблем его пребывания в мире. Такое определение интеллекта человека, очевидно, связано с процессом его обучения. Такая формализация понятия необходима, чтобы ниже перейти не только к объяснению процесса обучения, но и его операционализации.

Доказательство тезиса о дуальной природе интеллекта дано в работах некоторых исследователей [Сулейменов, Витулёва, Шалтыкова, 2022; Bakirov, Suleimenov, Vitulyova, 2023]. В простейшей форме оно состоит в следующем. Рассмотрим нескольких людей, вступающих в диалог. На первый взгляд, здесь имеет место общение нескольких индивидов. В действительности, общение происходит только потому, что между собой обмениваются сигналами нейроны, входящие в состав головного мозга каждого из собеседников.

Точнее, межличностное общение порождает общую нейронную сеть. Подчеркиваем, что как вытекает из базовых представлений о нейронных сетях, природа сигналов, которыми обмениваются ее элементы, является вторичной. Определяющей является возможность перехода нейрона из одного состояния в другое под воздействием совокупности сигналов, поступающих на его входы. Такие сигналы могут иметь и электрическую природу (например, те, что распространяются по нервным волокнам), и оптическую (человеческий глаз, строго говоря является частью мозга), и акустическую и т.д.

Из базовых представлений о нейронных сетях также вытекает, что их способность хранить и перерабатывать информацию нелинейно зависит от числа составляющих элементов, что подтверждается и корректными математическими моделями [Suleimenov et al., 2022]. Упрощая, возможности нейронной сети, составленной из двух одинаковых подсетей, более чем в два раза превышают возможности каждой из них, взятых по отдельности. В противном случае не имело бы смысла создавать сети, содержащие все большее и большее число элементов, как это имеет место в настоящее время.

Из этого следует, что сознание человека (равно как его интеллект) не может быть полностью независимым, в нем одновременно имеется и коллективная, и индивидуальная составляющие. Кроме того, нейронная сеть, образующаяся в результате межличностного общения, обладает дополнительными информационными ресурсами. Она более эффективно перерабатывает информацию, нежели совокупность тех нейронных сетей,

которые локализованы в пределах головного мозга индивидов, если их брать по отдельности. При этом, тезис о том, что общественное сознание не сводится к сознанию индивидов уже давно сформулирован в философской литературе.

Отмеченное свойство нейронных сетей приводит к заключению о существовании надличностного уровня переработки информации, на котором могут формироваться надличностные информационные объекты. Существование их позволяет дать последовательную естественнонаучную интерпретацию таких понятий как менталитет и коллективное бессознательное, которые ранее были введены в употребление на эмпирической, а точнее – эвристической основе [Габриелян, 2021]. Уместно подчеркнуть, что ни в работах К. Юнга, ни в работах его последователей не было дано иного обоснования понятия «коллективное бессознательное».

Механизм формирования надличностных информационных объектов аналогичен тому, что приводит к появлению интеллекта человека. Он определяется только обменом сигналами между нейронами, входящими в состав головного мозга конкретного человека. Однако надличностные информационные объекты только опосредованно связаны с интеллектом индивидов. Они относятся к более высокому уровню переработки информации, оказывая влияния на людей. В частности, именно эти объекты формируют то, что именуется социокультурным или цивилизационным кодом. Рассматриваемый нейросетевой подход, как методологический принцип, позволяет также интерпретировать и возникновение коллективного бессознательного, и природу архетипов.

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ

Отталкиваясь от представлений о дуальном характере сознания (и интеллекта) человека, связанного с формированием надличностных информационных объектов, имеет смысл модернизировать схему структуры личности, предложенную К. Юнгом. Концепций личности достаточно много. Помимо структуры личности по Юнгу, известны схемы личности по Платонову, по Рубинштейну, по Фрейдю [Гришина, Костромина, Мироненко, 2018] и др.

В структуру личности по Юнгу входят следующие компоненты. «Эго» – сознательный ум, который относительно индивидуального человека рассматривается как «центр» сознания. «Эго» формируется, в том числе, на основе осознаваемых воспоминаний, мыслей и чувств. К «Эго» примыкает личное бессознательное. Оно формируется, в частности, из вытесненных, подавленных, забытых или игнорируемых переживаний. К нему примыкает, точнее – оно погружено в коллективное бессознательное. По Юнгу, это – наиболее влиятельная компонента личности, способная в патологических случаях перекрыть и «Эго», и личное бессознательное. Это – хранилище скрытых воспоминаний и опыта, унаследованного от предков. Коллективное бессознательное включает в себя архетипы (например, мифологические образы и поведенческие паттерны), формируемые безотносительно к осознаваемой деятельности личности.

Нельзя, однако, не отметить, что схема структуры личности по Юнгу содержит вполне определенное методологическое противоречие. Коллективное бессознательное есть, по определению, коллективный феномен и, следовательно, данный элемент не может входить в структуру отдельной личности.

С точки зрения теории формирования надличностных информационных объектов, коллективное бессознательное представляет собой одну из их форм. Последовательное рассмотрение данного вопроса приводит к выводу о существовании также и *коллективного сознательного*.

Приведем конкретные примеры, доказывающие существование коллективного сознательного. Любая научная теория, получившая достаточно широкое признание, может рассматриваться как надличностный информационный объект. Подобно тому как любой из естественных языков «записан» в коммуникационную среду, сформированную этносом в целом, любая значимая научная теория (например, квантовая механика) оказывается «записанной» в сознании соответствующего сегмента экспертного сообщества. Отдельный носитель естественного языка не является «обладателем» (если говорить о языке как о как системной целостности). Точно так же носитель научной теории выступает, скорее, как некая «клетка» объемлющего «организма», который и преобразует научные теории в информационные объекты, функционирующие на надличностном уровне переработки информации.

Отличие информационного объекта такого типа от научной теории, которая не ассимилирована коллективным сознанием научного сообщества, состоит в следующем. Концепты, генерируемые теорией, ставшей надличностным информационным объектом, модифицируют сначала *стиль мышления*, а далее и сознание людей.

Наиболее наглядный пример предоставляет совокупность концептов, связанных с понятием свободного рынка. Такая совокупность, первоначально была сформулирована в научных трудах, и только впоследствии она стала важным элементом массового сознания. Подчеркиваем – массовое сознание уже мыслит соответствующими категориями, оно почти на бессознательном уровне использует соответствующие представления (например, рынок, прибыль, дивиденды и т.д.), что и позволяет говорить о модификации массового сознания через такой инструмент как научная теория.

Подчеркиваем, механизм преобразования научной теории в надличностный информационный объект определяется сугубо коллективными эффектами. Модернизация сознания, которая имела место в Новое время в связи с ассимиляцией экономических доктрин, отвечающих рыночным отношениям, не могла бы иметь места, если бы соответствующий набор понятий и нарративов не использовался бы в повседневной практике. Существенно, что использование указанных выше понятий и нарративов происходит преимущественно сознательно, но в то же время имеет место коллективный эффект, что и позволяет говорить о существовании коллективного сознательного.

Далее, рассмотренный выше пример с совокупностью нарративов, связанных с понятием свободного

рынка, является частным. В действительности весь тот комплекс сведений, который входит в программы современных университетов, также является частью коллективного сознательного. Теории, которые не ассимилированы экспертным сообществом, в университетах не преподаются.

На первый взгляд, представления о коллективном сознательном могут показаться чем-то тривиальным. Примем, однако, во внимание, что интеллект человека дуален по своей природе. На уровне коллективного сознательного формируются информационные объекты, которые, с одной стороны, относятся к надличностному уровню переработки информации, а с другой стороны, – к личностному.

Заметим, что в такой постановке вопроса образование (обучение) следует трактовать как проецирование надличностного информационного объекта на личностный уровень переработки информации.

Современное образование, в сущности, знает и использует только один инструмент такого проецирования – обучающему сообщают некие сведения, а затем либо проверяют качество усвоения, либо тренируют на использование их на практике. Нет никаких оснований полагать, что этот инструмент является единственным или же оптимальным. Имеет смысл рассмотреть и другие варианты, но для этого целесообразно проанализировать связь коллективного сознательного и коллективного бессознательного.

СВЯЗЬ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАТЕЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В том, что рассматриваемая связь существует, убеждают примеры перехода продуктов «чистого интеллекта» (например, научных теорий) в область коллективного бессознательного.

Один из таких примеров связан с понятием «энергия». Будучи первоначально сформулированным в рамках классической механики и термодинамики, оно постепенно вошло в массовый обиход и далее сформировало целый пласт представлений, оперирующий в логике Мифа (в смысле данного термина, понимаемого по М. Элиаде). «Психическая энергия», «энергетика тела» – такого рода псевдонаучные термины весьма широко представлены в современных источниках информации, даже в научной периодике [Глазунов, 2020].

Более того, они де-факто уже ассимилированы массовым сознанием. Учитывая, что существование «психической энергии» не имеет ни последовательно-научного обоснования и не поддается адекватной верификации, этот факт можно объяснить только с использованием тех механизмов, которые поддерживают существование любых других мифов. Миф, в свою очередь, может быть устойчив только тогда, когда он, так или иначе, взаимодействует с архетипами [Габриелян, 2021], а, следовательно, переходит к области коллективного бессознательного.

Этот и аналогичные ему примеры показывают, что существуют надличностные информационные объекты, которые одновременно принадлежат и области коллективного сознательного, и области коллективно-бессознательного.

Впрочем, навыки, которые переходят в область бессознательного, существуют и во многих профессиях. Так, принято говорить, что квалифицированный специалист в области радиоэлектроники «видит» работу электронной схемы, квалифицированный химик, способен интуитивно распознать химизм исследуемого процесса и т.д.

Еще более показательным в данном отношении является феномен искусства. С одной стороны, он с очевидностью принадлежит к области сознательного (так, существует достаточно много музыкальных критиков, раскрывающих смысл, например, симфонических произведений средствами естественного языка, т.е. музыкальное произведение, достойное так называться, действительно может быть осмыслено). С другой стороны, истинное музыкальное творение воздействует, главным образом на чувства, а далее – на все то, что соотносится с личным бессознательным. Но, в том случае, когда музыкальные произведения ассимилируются массовым сознанием, они воздействуют и на коллективное бессознательное. Более того, реакция современных зрительных залов на выступления популярных певцов отчетливо демонстрирует существование выраженных коллективных эффектов.

Следовательно, можно утверждать, что граница между коллективным сознательным и коллективным бессознательным является диффузной.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Как подчеркивалось выше, дуальный характер интеллекта человека определяется тем, что в результате межличностных коммуникаций формируется общая нейронная сеть. Такую сеть, сформированную всеми жителями нашей планеты совокупно, допустимо отождествить с ноосферой, понимаемой по В.И. Вернадскому. Данная нейронная сеть сложным образом структурирована. Ее структурными элементами являются, например, этносы, но это далеко не единственный фактор, определяющий строение ноосферы.

Каждый тип коммуникаций порождает определенную подсеть, точнее, формируется сложная система взаимопроникающих подсетей. Отметим, что эта точка зрения отчетливо коррелирует с марксистским положением «человек есть совокупность общественных отношений». Различным общественным отношениям отвечают различные подсети глобальной нейронной сети. В каждой из этих подсетей способны возникать специфические надличностные информационные объекты, что, в том числе, определяет структурирование коллективного бессознательного [Сулейменов, Витулёва, Шалтыкова, 2022]. Попытки использовать такие объекты в практических целях в настоящее время становятся все более оправданными.

Так, нобелевский лауреат, один из создателей квантовой физики Е. Вигнер высказался о коллективных исследованиях в науке и в то же время о подготовке профессионалов следующим образом. «Если наука (и по ширине охвата предмета и по глубине) разрастется так сильно, что человеческий разум будет не в силах объять ее и человеческой жизни не хватит

для того, чтобы добраться до границы известного, не могли бы несколько людей объединиться в группу и совместными усилиями добиться того, чего нельзя добиться в одиночку? Нельзя ли, вместо того чтобы, следуя Шоу, возвращаться к Мафусаилу, изыскать новый способ увеличения емкости человеческого разума – путем наложения нескольких индивидуальных разумов, а не «растяжения» одного отдельного разума? Эта возможность исследована настолько мало, что любые утверждения относительно нее носят чисто умозрительный характер (насколько я могу судить, более умозрительный, чем остальная часть этой статьи). Вместе с тем возможности совместных исследований следовало бы изучить намного шире, чем это делалось до сих пор, потому что в них мы видим единственную надежду продления жизни науки после того, как объем науки станет слишком большим для отдельного индивидуума.» [Вигнер, 1970: 178].

Поскольку профессиональная деятельность порождает один из основных типов коммуникации в обществе, то существует и сегмент коллективного бессознательного, связанный именно с профессиональной деятельностью – профессиональное коллективное бессознательное [Сулейменов, Витулёва, Шалтыкова, 2022].

Есть все основания полагать, что именно профессиональное коллективное бессознательное отвечает за наиболее высокие уровни профессионализма – за наличие профессиональной интуиции, за вспышки творческой активности, так называемые «озарения» и т.д. Как минимум, вывод о связи интуиции с коллективным бессознательным в настоящее время можно считать вполне обоснованным.

Профессиональное коллективное бессознательное является сегментом коллективного бессознательного в целом, следовательно, именно оно должно отвечать за профессиональную интуицию, без которой истинный профессионал не может состояться. Более того, есть все основания считать, что лица, именуемые гениями, не вполне ясным образом обеспечили для себя некий контакт с надличностными информационными объектами. Они проявляли не просто интуицию, но интуицию, обеспечивающую прогнозирование, в их сферах профессиональной деятельности, на десятилетия вперед, что, в частности, демонстрирует приведенная выше цитата из статьи Вигнера.

«Доводы против коллективного исследования можно более рационально обосновать, если воспользоваться тонким анализом природы математического открытия, проведенным Пуанкаре. Именно наше интуитивное понимание фактов, столь удачно выраженных Пуанкаре и Адамаром, заставляет нас улыбаться при мысли о коллективном исследовании. Пуанкаре и Адамар выяснили, что в отличие от большинства процессов мышления, протекающих в высших слоях сознания, наиболее существенная часть математического мышления происходит без слов. Оно протекает где-то в подсознании, настолько глубоко, что даже сам мыслитель обычно не знает о том, что происходит внутри него» [Вигнер, 1970: 179].

Возвращаясь к тезису о том, что образование представляет собой проецирование «коллективного интел-

лекта» на интеллект индивида, нельзя не прийти к выводу о том, что современная система образования пока что практически не использует инструментов, связанных с формированием профессионального коллективного бессознательного (во всяком случае, на системном уровне).

В то же время, кризисные явления, с которыми сталкивается современное высшее образование, о которых говорилось во введении, делают обеспечение перехода высшей школы на качественно новый уровень все более актуальным.

Образование – это инструмент трансформации интеллекта человека и, следовательно, для перехода на качественно новый уровень обучения требуется понимать, что представляет собой интеллект (хотя бы в приемлемом приближении).

СУЩНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Теоретическая педагогика давно и обоснованно утверждает, что образование не может сводиться только лишь к усвоению определенного набора сведений.

Уже давно признано, что задача высшего образования состоит в том, чтобы сформировать определенный стиль и культуру мышления, т.е. научить человека думать так, как думает профессионал.

Эти тезисы неявно предполагают трансформацию интеллекта обучающегося. Более того, нетрудно показать, что такая трансформация протекает скачкообразно. Покажем это.

Существует такое понятие как функциональная неграмотность. Функционально неграмотный человек знает буквы алфавита, может складывать из них слова, но это требует от него напряжения всех умственных, а иногда и физических сил. В противоположном случае имеет место некий качественный скачок, в результате которого умение читать – и получать удовольствие от чтения – становится неотъемлемой составляющей данной конкретной личности.

Аналогичным образом дело обстоит и с последующими ступенями в образовании. Так, умение использовать интегральное или вариационное исчисление также легко классифицируется по признаку функциональная «грамотность» – функциональная «неграмотность». В одном случае индивид автоматически использует базовые положения вариационного исчисления, например, для понимания принципов «максимума и минимума», используемых различными дисциплинами, в другом – он может, обращаясь к справочникам и иным руководствам воссоздать ход рассуждений автора читаемого текста, но это требует от него более чем серьезной работы, опять-таки связанной с напряжением как умственных, так и физических сил.

Можно утверждать, что овладение аппаратом интегрального или вариационного исчисления невозможно без его «встраивания» в структуру личности. Во всяком случае, человек, овладевший указанным математическим аппаратом на профессиональном уровне, будет применять его практически бессознательно.

Человек, действительно усвоивший определенную систему понятий начинает мыслить по-другому. Профессионализация как таковая неизбежно связана с определенными структурными изменениями того, что именуется интеллектом. Такие изменения будут проявляться во всем, а в первую очередь – при чтении текстов, написанных на профессиональные темы. Во всяком случае, невозможно спорить с тем, что любой профессионал легко и быстро усваивает текст, написанный по его собственной специальности.

Таким образом, любое образование *представляет собой некую последовательность переходов из количества в качество.*

Решение задач, усвоение конкретного материала и все остальные составляющие университетских программ, служит не более чем совокупностью эмпирически отработанных информационных воздействий, которая – по неизвестному в настоящее время механизму – обеспечивает переход на следующий уровень «грамотности».

В частности, это означает, что оценивать уровень знаний обучающегося количественно, то есть в «процентах усвоенного материала», как это принято сейчас, нелепо. Студент либо действительно умеет интегрировать, либо нет. Во всяком случае, если интегрирование представляет для него тяжелую работу, он сделает все, чтобы к нему не прибегать и, следовательно, исключить его использование в своей последующей профессиональной деятельности.

Следующий – по отношению к «просто профессиональному» – уровень компетентности также требует вполне определенной (причем гораздо более глубокой) структурной перестройки интеллекта. Именно на этом уровне оперируют лица, для которых изобретательская и иная творческая деятельность является *повседневной профессиональной работой.*

Высказанные соображения допускают интерпретацию с точки зрения формирования надличностных информационных структур в глобальном инфокоммуникационном пространстве (ноосфере), о которых говорилось выше.

А именно, качественные переходы, которые составляют истинное содержание того, что именуется «образованием», допустимо рассматривать с точки зрения «подключения» индивида ко все более высоким информационным структурам, развивающимся на надличностном уровне переработки информации – в ноосфере.

Интеллект человека, переходя с одного уровня на другой, оказывается способен воспринимать огромные объемы информации в максимально компактной форме. (Эти механизмы практически не изучены.) На быденном языке это трактуется как профессиональная интуиция, способность быстро принимать решения, находить верный путь при минимальном объеме исходных данных и, наконец, гениальность. Гении чувствовали это от века: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» [Пушкин, 1964].

Таким образом, интерпретацию сущности интеллекта [Suleimenov, Vitulyova, Bakirov, Gabrielyan, 2020],

следует уточнить. А именно, интеллект представляет собой систему переработки информации. Эта система входит в структуру личности. Интеллект отнюдь не исчерпывает этой структуры. Он представляет собой тот ее элемент, который обеспечивает взаимодействие более глубоких слоев индивидуальности с коллективным сознательным, и теми надличностными информационными объектами, которые формируются на этом уровне переработки информации.

Такое понимание сущности интеллекта позволяет сформулировать базовые принципы педагогики когнитивного общества.

ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ресурсы той составляющей интеллекта человека, которая является сугубо индивидуальной, ограничены. Современное высшее образование де-факто подошло к пределу возможностей их использования, студент и так или тонет в потоке информации, или отказывается воспринимать большую ее часть. Кроме того, данная проблема имеет и социальный аспект. Завершенное образование – то есть такой уровень квалификации, который позволяет обеспечить возможность самостоятельной жизни, человек получает примерно к 35 годам.

Следовательно, не остается ничего другого как использовать иные ресурсы – те, которые определяются существованием коллективного профессионального бессознательного и обеспечивают направленный переход на иной уровень взаимодействия с надличностными информационными структурами.

Подчеркиваем, что способность контакта с надличностными информационными объектами, составляющая истинную суть профессионализма, достаточно слабо коррелирует с общим объемом накопленных сведений. Это также является доводом в пользу сокращения сроков обучения за счет использования форсирующих технологий, основанных на использовании ресурсов профессионального коллективного бессознательного.

Рассмотрим, на какой именно основе могут быть реализованы такие технологии. Прежде всего, отметим, что направленное «подключение» к ресурсам коллективного профессионального бессознательного может быть осуществлено за счет коллективных усилий. Исключения, конечно, существуют, но они, по-видимому, связаны с индивидуальными особенностями отдельных людей, которые остаются малоизученными.

Следует отметить, что максимально эффективные методики решения тех или иных проблем связаны именно с групповыми формами работы. Это – методики мозгового штурма, используемые, в том числе, в целях обучения [Неустроева, 2019], организационно-деятельностные игры Шедровицкого и т.д. Есть все основания полагать, что авторы указанных выше методик эмпирически отыскивали возможности некоей формы контакта с надличностными информационными объектами, в том числе, с профессиональным коллективным бессознательным.

В качестве инструмента, мобилизующего ресурсы профессионального коллективного бессознательного,

могут также рассматриваться деловые образовательные экосистемы. Такие экосистемы предполагают интенсификацию обмена информацией между определенным локальным коллективом, объединенным общими устремлениями в достижении конечного комплексного результата (получение квалификации плюс извлечение прибыли из инновационных продуктов, созданных непосредственно в процессе обучения).

Еще одним хорошо известным проявлением рассматриваемых эффектов де-факто является феномен университетской среды [Мун, Сулейменов, 2019; Мун и др., 2019]. Хорошо известно, что среда – через механизмы неформального общения – способна обучить намного более эффективно, нежели аудиторские занятия, проводимые в стандартном для наших дней формате. Это хорошо понимали преподаватели классических университетов периода их расцвета (рубеж XIX и XX вв., эпоха Второй промышленной революции), которые всячески стремились обеспечить неформальное обсуждение научных тем среди студентов.

Нельзя, однако, не признать, что фактор университетской среды в современных условиях является в значительной степени ослабленным. Современные университеты безнадежно проиграли состязание за влияние на умы молодежи – их место в этом отношении заняли различного рода сомнительные блогеры, коучи и т.п. [Сулейменов и др., 2020]. Тем больше оснований поставить вопрос о формировании подлинно университетской среды, но уже иного уровня и качества.

Более того, если вернуться к анализу ситуации, сложившейся в период расцвета классических университетов, то, с учетом сказанного выше, допустимо утверждать, что университет – это прежде всего *среда*, обеспечивающая генерацию *смыслов* и являющаяся интеллектуально комфортной для тех, кто желает саморазвития и способен на это. Именно за счет этого она и оказывается способной выполнять функции надличностной инфокоммуникационной структуры и тем сегментом инфокоммуникационного пространства, который доступен для восприятия индивида.

Соответственно главная задача Университета – поставить определенный комплекс задач, теснейшим образом связанных с *образом будущего*. Не научить – это вторично, но *повести за собой*. Сам по себе этот тезис также не нов, именно об этом от века говорили наиболее талантливые педагоги. Вопрос в том, как это осуществить на практике в современных условиях. Парадоксально, но в современных условиях это возвращает к культурной функции университетов, которую они выполняли в период своего расцвета. Идеи, достойные так называться, рождает *культурная среда* – и это доказывает вся история развития науки, и этот концепт уже также витает в воздухе.

Соответственно, о каких бы технологиях не шла речь, первичным является создание соответствующей культурной среды в университетах, причем ориентированной именно на адекватный *образ будущего*. Практическая реализация может быть различной (например, деловые образовательные экосистемы, ориентированные, в том числе, на возбуждение интереса к чему-то более чем нестандартному, выпадающему из границ обыденного).

ВЫВОДЫ

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Современная постсоветская высшая школа характеризуется многочисленными кризисными явлениями. Среди причин этих явлений, стоит выделить, помимо экономических факторов, факторы социального характера. Массовость высшего образования как один из факторов социального характера, существенным образом влияет на качество образования. В то же время отказ от массовости становится невозможным по социально-политическим соображениям. Возникает необходимость повышения качества образования в условиях ограниченных экономических возможностей.
2. Кризис высшей школы может быть решен путем реорганизации образовательного процесса, например, изменением самого характера обучения. Данную проблему можно решать только системно. Следовательно, имеет смысл поставить вопрос максимально широко и дать определение самому процессу обучения.
3. Обучение в высшей школе, как ядро образовательного процесса, есть, прежде всего, направленная трансформация интеллекта индивида, обеспечивающая, возможность эффективной коммуникации с информационной средой.
4. Дуальный характер интеллекта человека определяется тем, что в результате межличностных коммуникаций формируется общая нейронная сеть. Рассматриваемый нейросетевой подход, как методологический принцип, позволяет интерпретировать и возникновение коллективного бессознательного, и природу архетипов.
5. Коллективное бессознательное представляет собой одну из форм формирования надличностных информационных объектов.
6. Поскольку профессиональная деятельность порождает один из основных типов коммуникации в обществе, то существует и сегмент коллективного бессознательного, связанный именно с профессиональной деятельностью – профессиональное коллективное бессознательное. Современная система образования на системном уровне сегодня практически не использует инструментов, связанных с формированием профессионального коллективного бессознательного.
7. Университет способен формировать надличностные информационные структуры и в перспективе может стать тем сегментом инфокоммуникационного пространства, который сделает такие структуры доступными для восприятия индивида. Соответственно главная задача Университета – поставить определенный комплекс задач, теснейшим образом связанных с *образом будущего*. Первичным должно стать создание соответствующей культурной среды в университетах, ориентированной на адекватный образ будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеллект индивида наиболее эффективно трансформируется тогда, когда он оказывается интегрированным в соответствующую среду. Это утверждение непосредственно вытекает из того, что интеллект имеет коллективную составляющую, более того, управлять этой составляющей можно только через среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вигнер Е. Этюды о симметрии. М., 1970.
2. Габриелян А.М. Модели образования эпохи постмодерна: pro et contra // Человек и его просвещение: идеи, проекты, практика: монография / под науч. ред. И.И. Кального. М., 2021. С. 269–279.
3. Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. Архетип: возможность операционализации понятия и истолкование феномена с позиций теории нейронных сетей // Миф в истории, политике, культуре: сб. трудов V Междунар. науч. междисциплинарной конф. 2021. С. 17–23.
4. Глазунов Ю.Т. Существует ли психическая энергия? // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. № 1. С. 97–106.
5. Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А. Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
6. Ермухамбетова Б.Б., Сулейменов И.Э., Мун Г.А. Анализ характера боестолкновений на территории Украины с точки зрения философии техники // Известия НТО «Кахак». 2022. № 3 (78). С. 14–23.
7. Мальцев А.В., Шкурин Д.В., Берзин А.Б. Время идет, а проблема остается: ЕГЭ как зеркало российского образования // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. 2021. № 1. С. 119–122.
8. Мун Г.А., Масалимова А.Р., Тасбулатова З.С., Сулейменов И.Э. Сопряжение учебного процесса со средствами противодействия «оранжевым революциям» на платформе новых информационных технологий // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2020. Т. 71. № 4. С. 66–75.
9. Мун Г.А., Сулейменов И.Э. Интенсификация инновационной деятельности как социокультурная проблема // Известия научно-технического общества «Кахак». 2019. № 2. С. 51–63.
10. Мун Г.А., Масалимова А.Р., Сулейменова К.И. и др. Принципы фон Гумбольдта и реалии постсоветских университетов // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. 2019. № 69 (3). С. 21–30.
11. Неустроева А.П. Мозговой штурм как метод активного обучения // Проблемы науки. 2019. № 8 (44). С. 42–43.
12. Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Наука, 1964. Т. 7. С. 57.
13. Сауров Ю.А., Уварова М.П. Образование как конструирование реальности мышления и деятельности (к 90-летию Г.П. Щедровицкого) // Концепт. 2019. № 1. С. 7.
14. Сулейменов И.Э., Витулёва Е.С., Бакиров А.С. и др. Использование систем искусственного интеллекта в высшей школе: в поисках ответа на «вызов массовости» // Известия научно-технического общества «Кахак». 2019. № 4 (67). С. 39.
15. Сулейменов И.Э., Витулёва Е.С., Шалтыкова Д.Б. Концепция ноосферного университета с точки зрения дуальной сущности интеллекта человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 141–151.
16. Сулейменов И.Э., Тemyрканова Э.К., Егембердиева З.М. и др. Трансформации профессиональной коммуникационной среды на современном этапе и ее влияние на формирование компетенций // Известия НТО «Кахак». 2020. № 1 (68). С. 4–13.
17. Шуклина Е.А. Преподаватели вузов о социальном благополучии в сфере профессиональной деятельности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 1. С. 20–34.
18. Bakirov A., Suleimenov I., Vitulyova Yu. To the question of the practical implementation of “Digital immortality” technologies: New approaches to the creation of AI // Proceedings of the Future Technologies Conference (FTC). 2022. Vol. 1. Pp. 368–377.
19. Gabrielyan O., Vitulyova E., Suleimenov I. Multi-valued logics as an advanced basis for artificial intelligence (as an example of applied philosophy) // Wisdom. 2022. Vol. 21 (1). Pp. 170–181.

REFERENCES

1. Wigner E. Studies on symmetry. Moscow, 1970.
2. Gabrielyan A.M. Education model of the postmodern era: Pro et contra. In: Man and his enlightenment: Ideas, projects, practice: monograph. I.I. Kalny (scientific ed.). Moscow, 2021. Pp. 269–279.
3. Gabrielyan O.A., Suleimenov I.E. The archetype: The possibility of operationalization of the concept and the interpretation of the phenomenon from the standpoint of the theory of neural networks. In: Myth in history, politics, culture: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference. 2021. Pp. 17–23.
4. Glazunov Y.T. Does psychic energy exist? *Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2020. No. 1. Pp. 97–106. (In Rus.)
5. Grishina N.V., Kostromina S.N., Mironenko I.A. The structure of the problem field of modern personality psychology. *Psychological Journal*. 2018. Vol. 39. No. 1. Pp. 26–35. (In Rus.)
6. Ermukhambetova B.B., Suleimenov I.E., Moon G.A. Analysis of the nature of clashes on the territory of Ukraine from the point of view of the philosophy of technology. *Izvestiya NTO “Kakhak”*. 2022. No. 3 (78). Pp. 14–23. (In Rus.)
7. Maltsev A.V., Shkurin D.V., Berzin A.B. Time passes, but the problem remains: The Unified State Examination as a mirror of Russian education. *New Psychology of the Teacher’s Professional Work: From Unstable Reality to Sustainable Development*. 2021. No. 1. Pp. 119–122. (In Rus.)
8. Moon G.A., Masalimova A.R., Tasbulatova Z.S., Suleimenov I.E. Pairing the educational process with the means of counteracting the “orange revolutions” on the platform of new information technologies. *Vestnik KazNU. Series of Psychology and Sociology*. 2020. Vol. 71. No. 4. Pp. 66–75. (In Rus.)
9. Moon G.A., Suleimenov I.E. Intensification of innovation activity as a socio-cultural problem. *News of the Scientific and Technical Society “Kahak”*. 2019. No. 2. Pp. 51–63. (In Rus.)
10. Moon G.A., Masalimova A.R., Suleimenova K.I. et al. Von Humboldt principles and the realities of post-Soviet universities. *Bulletin of KazNU. Series of Philosophy, Culturology and Political Science*. 2019. No. 69 (3). Pp. 21–30. (In Rus.)
11. Neustroeva A.P. Brainstorming as a method of active learning. *Problems of Science*. 2019. No. 8 (44). Pp. 42–43. (In Rus.)
12. Pushkin A.S. Fragments from letters, thoughts and remarks In: Collected works. In 10 vols. Moscow: Nauka, 1964. Vol. 7. P. 57.
13. Saurov Yu.A., Uvarova M.P. Education as the construction of the reality of thinking and activity (to the 90th anniversary of G.P. Shchedrovitsky). *Concept*. 2019. No. 1. P. 7. (In Rus.)
14. Suleimenov I.E., Vituleva E.S., Bakirov A.S. et al. The use of artificial intelligence systems in higher education: In search of an answer to the “mass challenge”. *Proceedings of the Scientific and Technical Society “Kahak”*. 2019. No. 4 (67). P. 39. (In Rus.)
15. Suleimenov I.E., Vituleva E.S., Shaltykova D.B. The concept of the noospheric university from the point of view of the dual essence of human intelligence. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2022. No. 1. Pp. 141–151. (In Rus.)
16. Suleimenov I.E., Temyrkanova E.K., Egemberdieva Z.M. et al. Transformations of the professional communication environment at the present stage and its impact on the formation of competencies. *Izvestiya NTO “Kahak”*. 2020. No. 1 (68). Pp. 4–13. (In Rus.)
17. Shuklina E.A. University teachers about social well-being in the sphere of professional activity. *Bulletin of PNRPU. Socio-economic Sciences*. 2022. No. 1. Pp. 20–34. (In Rus.)
18. Bakirov A., Suleimenov I., Vitulyova Y. To the question of the practical implementation of “Digital immortality” technologies: New approaches to the creation of AI. *Proceedings of the Future Technologies Conference (FTC)*. 2022. Vol. 1. Pp. 368–377.
19. Gabrielyan O., Vitulyova E., Suleimenov I. Multi-valued logics as an advanced basis for artificial intelligence (as an example of applied philosophy). *Wisdom*. 2022. Vol. 21 (1). Pp. 170–181.

Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., Габриелян А.М.

20. Suleimenov I.E., Matrassulova D.K., Moldakhan I. et al. Distributed memory of neural networks and the problem of the intelligences essence // Bulletin of Electrical Engineering and Informatics. 2022. Vol. 1 (1). Pp. 510–520.
21. Suleimenov I.E., Vitulyova Y.S., Bakirov A.S., Gabrielyan O.A. Artificial Intelligence: What is it? In: Proceedings of the 2020 6th International Conference on Computer and Technology Applications. 2020. Pp. 22–25.
20. Suleimenov I.E., Matrassulova D.K., Moldakhan I. et al. Distributed memory of neural networks and the problem of the intelligences essence. *Bulletin of Electrical Engineering and Informatics*. 2022. Vol. 1 (1). Pp. 510–520.
21. Suleimenov I.E., Vitulyova Y.S., Bakirov A.S., Gabrielyan O.A. Artificial Intelligence: What is it? In: Proceedings of the 2020 6th International Conference on Computer and Technology Applications. 2020. Pp. 22–25.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 89%

Рецензент: Шабров О.Ф., доктор политических наук, профессор; президент Академии политической науки; профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Статья поступила в редакцию 10.01.2023, принята к публикации 07.02.2023

The article was received on 10.01.2023, accepted for publication 07.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Габриелян Олег Аршавирович, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация. Author ID Scopus: 55818788100; Researcher ID: WoS-Q-1708-2017; РИНЦ Author ID: 802804; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0302-0229>; E-mail: gabroleg@mail.ru

Сулейменов Ибрагим Эсенович, доктор химических наук, кандидат физико-математических наук, профессор; главный научный сотрудник Национальной инженерной академии Республики Казахстан. Алматы, Республика Казахстан. SPIN: 1606-4916; РИНЦ Author ID: 24149; Researcher ID: ABF-4192-2020; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7274-029X>; Scopus Author ID: 55975678200; E-mail: esenych@yandex.ru

Габриелян Арус Манвеловна, кандидат политических наук; ведущий эксперт отдела международного образования Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация. РИНЦ Author ID: 6072-4381; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1205-1377>; E-mail: arusia@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Gabrielyan, Doctor of Philosophy, Professor; Head of the Department of Philosophy of the Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation. Author ID Scopus: 55818788100; Researcher ID: WoS-Q-1708-2017; Author ID: 802804; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0302-0229>; E-mail: gabroleg@mail.ru

Ibragim E. Suleimenov, Doctor of Chemistry, Doctor of Physics and Mathematics, Professor; chief researcher of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan. Almaty, Republic of Kazakhstan. SPIN: 1606-4916; Author ID: 24149; Researcher ID: ABF-4192-2020; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7274-029X>; Scopus Author ID: 55975678200; E-mail: esenych@yandex.ru

Arus M. Gabrielyan, Candidate of Political Sciences; lead expert of the Division of International Education of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation. Author ID: 6072-4381; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1205-1377>; E-mail: arusia@bk.ru

5.4.5

Политическая социология

Political Sociology

5.4.6

Социология культуры

Sociology of Culture

5.4.7

Социология управления

Sociology of Management

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-74-79

Социологический анализ роли СМИ в формировании доверия к искусственному интеллекту

П.В. Разов^а ©, А.В. Гараганов^б ©

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

^а E-mail: PVRazov@fa.ru

^б E-mail: arturcompany21@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос, связанный с социологическим анализом роли СМИ в формировании доверия к искусственному интеллекту. Автором были изучены области применения искусственного интеллекта, его взаимосвязь со средствами массовой информации, а также понятие обработки естественного языка. Обработка естественного языка представляет собой одну из новейших технологий применения искусственного интеллекта и может быть интегрирована средствами массовой информации в процесс написания репортажей и текстов. Важное место в данной работе отведено авторскому исследованию, проведенному в августе 2022 г. *Цель данного исследования* заключалась в выявлении взаимосвязи между тем, как люди относятся к СМИ и искусственному интеллекту, а тем, как они оценивают заголовки, созданные журналистами или ИИ. По результатам исследования выявлена схожесть между текстами, составленными искусственным интеллектом, и текстами, написанными журналистами. В заключительной части статьи авторами сформулированы основные рекомендации по повышению доверия к искусственному интеллекту в контексте влияния на него со стороны СМИ. *Ключевым выводом данной научной работы* является следующий аспект: при автоматической генерации текста восприятие потребителями качества новостей играет важную роль для установления взаимосвязи между людьми и искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, средства массовой информации, обработка естественного языка, доверие, восприятие искусственного интеллекта, фейковые новости, автоматическая генерация текста

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Разов П.В., Гараганов А.В. Социологический анализ роли СМИ в формировании доверия к искусственному интеллекту // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 74–79. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-74-79

Sociological Analysis of the Role of the Media in the Formation of Trust in Artificial Intelligence

P.V. Razov^a ©, A.V. Garaganov^b ©

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: PVRazov@fa.ru

^b E-mail: arturcompany21@gmail.com

Abstract. This article discusses the issue related to the sociological analysis of the role of the media in the formation of trust in artificial intelligence. The author studied the fields of application of artificial intelligence, its relationship with the media, as well as the concept of natural language processing. Natural language processing is one of the newest technologies of artificial intelligence application and can be integrated by mass media into the process of writing reports and texts. An important place in this work is given to the author's research conducted in August 2022. *The purpose of this study* was to identify the relationship between how people relate to the media and artificial intelligence, and how they evaluate headlines created by journalists or AI. The results of the study revealed similarities between texts compiled by artificial intelligence and texts written by journalists. In the final part of the article, the authors formulated the main recommendations for increasing confidence in artificial intelligence in the context of media influence on it. *The key conclusion of this scientific work* is the following aspect: with automatic text generation, consumers' perception of the quality of news plays an important role in establishing the relationship between people and artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, mass media, natural language processing, trust, artificial intelligence perception, fake news, automatic text generation

FOR CITATION: Razov P.V., Garaganov A.V. Sociological Analysis of the Role of the Media in the Formation of Trust in Artificial Intelligence. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 74–79. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-74-79

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Автоматизированные системы, основанные на искусственном интеллекте (ИИ) все чаще совершают решения, связанные с этическими последствиями. Понимание доверия к автоматизированным системам в основном проистекает из контекстов, где основным фактором доверия является то, что системы выдают точные результаты.

Актуальность исследования обоснована тем, что остается неясным, распространяется ли то, что мы знаем о доверии в автоматизированных системах, на прикладные контексты, где этические соображения (например, справедливость) имеют решающее значение для развития доверия. Следует отметить, что нарушение доверия и вмешательство в процесс его восстановления имеют достаточно слабые последствия для автоматизированной системы.

Проблема данной научной работы заключается в непонимании процессов доверия в задачах, где существует вероятность нарушения этических стандартов, таких как справедливость. Например, хотя адекватное доверие системам управления воздушным движением является вопросом жизни и смерти, такие системы обычно не оправдывают доверие операторов из-за промахов или ложных тревог. В таких контекстах, показательных для большинства исследований доверия к автоматизации, вопросы справедливости не играют

очевидной роли. Однако такие проблемы характерны для многих новых областей применения автоматизированных систем. Таким образом, остается неясным, переводятся ли эффекты, обнаруженные в классических исследованиях доверия к автоматизации, в новые прикладные контексты, где точность является лишь одним из многих факторов, определяющих доверие к этим системам.

Цель исследования: провести социологический анализ влияния СМИ на формирование доверия к искусственному интеллекту.

Задачи исследования:

- 1) изучить области применения искусственного интеллекта;
- 2) рассмотреть взаимосвязь искусственного интеллекта и СМИ;
- 3) определить сущность обработки естественного языка как новой тенденции интеграции искусственного интеллекта в СМИ;
- 4) проанализировать результаты авторского исследования;
- 5) сформировать рекомендации по повышению доверия к искусственному интеллекту в контексте влияния на него со стороны СМИ.

Объектом в данной статье является доверие к искусственному интеллекту, а предметом – влияние СМИ на формирование доверия к искусственному интеллекту.

ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В последние годы наблюдается всплеск использования автоматизированных систем, основанных на искусственном интеллекте (ИИ), которые используются для поддержки или даже автоматизации процесса принятия решений. В то время как классическими областями применения автоматизации были производство или мониторинг, автоматизированные системы на основе искусственного интеллекта теперь используются в задачах, которые влияют на судьбу людей [Видясова, Видясов, Тензина, 2019: 49]. К таким областям относятся медицина, юриспруденция или управление. В одном только управлении такие системы находятся на грани изменения процессов принятия решений при отборе персонала, управлении производительностью или продвижении по службе.

Менеджеры все чаще могут поручать выполнение задач либо доверенным сотрудникам, либо автоматизированным системам. Это оправдывает необходимость оценки надежности людей и автоматизированных систем менеджерами, необходимой для принятия решения о том, следует ли полагаться на выбранный объект для выполнения определенной задачи.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СМИ

Важную роль в аспекте доверия к искусственному интеллекту играют средства массовой информации. СМИ, способные формировать точки зрения, которые будут транслироваться большим социальным группам, имеют необходимые механизмы для выработки доверия или недоверия к определенным явлениям [Бегишев, 2020: 27]. Тема искусственного интеллекта стала часто появляться в заголовках статей, публикуемых средствами массовой информации. При этом большинство статей имеют ярко выраженную тональность, которая может быть как позитивной, так и негативной.

ОБРАБОТКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА КАК НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СМИ

Очень важной тенденцией, которая наблюдается в процессе изучения СМИ и искусственного интеллекта, является проникновение технологий ИИ в область генерирования текстов и заголовков, которые публикуются в средствах массовой информации.

Искусственный интеллект (ИИ) быстро развивается и находит применение во многих различных областях. Проявление этого можно увидеть в медиаиндустрии, которая все больше формируется под влиянием цифровизации и технологий искусственного интеллекта. Последние используются, например, для автоматической генерации текста, перевода текстов и исследования информации [Лошкарев, Дыдыгина, 2020: 123]. Они могут значительно облегчить редакторскую работу и предложить возможности для создания новых цифровых сервисов. Кроме того, искусственный интеллект является потенциальным решением для поддержки и упрощения процессов создания журналистской цен-

ности на различных этапах. Особенно в производстве контента искусственный интеллект помогает в агрегировании данных и выявлении релевантной информации. Это может существенно изменить процесс массовой коммуникации и ее восприятия.

Одной из технологий искусственного интеллекта, стимулирующих это изменение, является Обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP) [Flanagin, 2021: 217]. Данная технология способна обрабатывать и интерпретировать человеческий язык. Целью обработки естественного языка является создание текста на естественном языке, основанного на нелингвистическом представлении информации.

Повторяющаяся информация или данные о текущих событиях импортируются в существующие текстовые модули, например, в сводки погоды или футбола. Учитывая быстрое развитие искусственного интеллекта в области технологии NLP, в будущем медиакомпания смогут автоматически генерировать гораздо более сложные статьи для журналистики.

Вопрос готовности потребителей принимать участие в процессе использования данной технологии зависит от взглядов потребителей на автоматизированную передачу новостей. Исследователи активно изучают такие потребительские перспективы, и результаты указывают на то, что тексты, созданные компьютером, как правило, имеют такую же или несколько более высокую достоверность, но читаемость текстов, созданных искусственным интеллектом, при текущем состоянии технологий все еще отстает от текстов, написанных человеком [Лебедев, 2020: 370].

Все большее количество новостей генерируется автоматически искусственным интеллектом. Хотя технология имеет преимущества для производства контента, например, в отношении эффективности агрегирования информации, к ней также относятся критически из-за низкой прозрачности получения результатов и возможных предвзятых мнений. Поскольку средства массовой информации зависят от доверия и достоверности, внедрение искусственного интеллекта для облегчения массовой коммуникации с потребителями представляется рискованным предприятием.

РЕЗУЛЬТАТЫ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В августе 2022 г. было проведено авторское исследование, в котором изучалось отношение респондентов к текстам, напечатанным в СМИ людьми, и текстами, которые были сгенерированы искусственным интеллектом. Цель данного исследования заключалась в выявлении взаимосвязи между тем, как люди относятся к СМИ и искусственному интеллекту, а тем, как они оценивают заголовки, созданные журналистами или ИИ. Выборка исследования составила 549 человек.

По результатам исследования было выявлено, что тексты, которые были созданы искусственным интеллектом, в большинстве случаев имеют такой же уровень доверия, как и обычные статьи средств массовой информации, однако оцениваются намного хуже в аспекте удобства чтения и структурной целостности.

Уровень доверия к текстам, сгенерированным ИИ и написанным людьми, находится примерно на одном уровне и является достаточно высоким (рис. 1).

Разов П.В., Гараганов А.В.

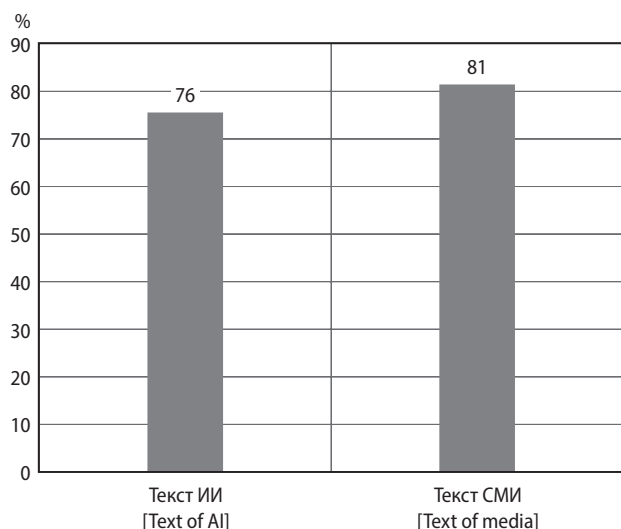

Рис. 1. Распределение ответов респондентов о доверии к текстам, сгенерированным ИИ и написанным представителями СМИ

Fig. 1. Distribution of respondents' responses about trust in texts generated by AI and written by media representatives

При этом разница между отношением к оформлению текстов и их читабельности можно назвать существенной, разница между показателями составляет 30 пунктов (рис. 2).

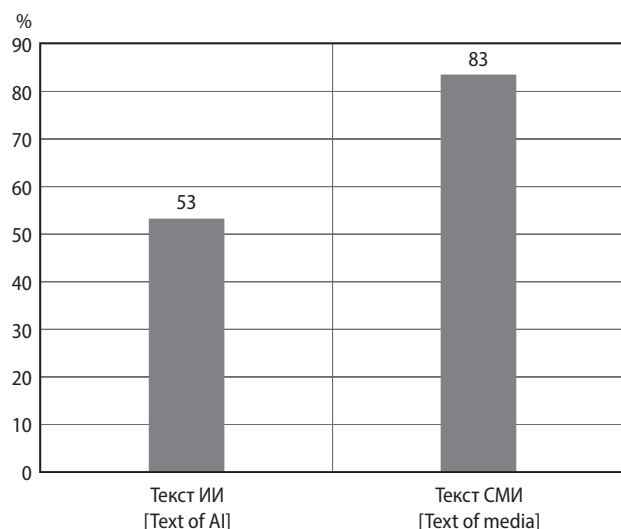

Рис. 2. Распределение ответов респондентов относительно удобства чтения текстов, сгенерированных ИИ и написанных представителями СМИ

Fig. 2. Distribution of respondents' responses regarding the ease of reading texts generated by AI and written by media representatives

Кроме того, результаты исследования показывают, что потребители с высоким доверием к СМИ испытывают меньше проблем с текстами на основе работы искусственного интеллекта, чем потребители с низким доверием к СМИ.

Респонденты отмечают, журналистские тексты и тексты, созданные с помощью искусственного интеллекта, сопоставимы в области отражения реальных событий и передачи необходимой информации, в дан-

ном аспекте не было замечено различий в доверии, однако, респонденты не были уведомлены, что это тексты, созданные при помощи разных методов.

Важно отметить, что маркировка текстов, написанных искусственным интеллектом, снижает их воспринимаемую читаемость и, возможно, также их воспринимаемую достоверность. Это означает, что доверие к СМИ может выступать в качестве одного из ключевых факторов, влияющих на доверие к искусственному интеллекту. Таким образом, компании, работающие на рынках, чувствительных к доверию, например, на рынке, не могут использовать специализированные продукты для бесед со всеми своими клиентами и ожидать одинакового результата, необходим более целенаправленный подход. В то время как тексты на основе искусственного интеллекта могут быть восприняты не так хорошо доверчивыми читателями, читатели с более низким уровнем доверия могут вообще не беспокоиться.

Особое место в исследовании заняло сравнение двух указанных групп с третьей, которая относилась к заведомо ложным заголовкам и текстам. По результатам было выявлено, что фейковые новости были сразу выделены как лишние, когда респондентам предлагалось выбрать из трех вариантов самый проигрышный (рис. 3).

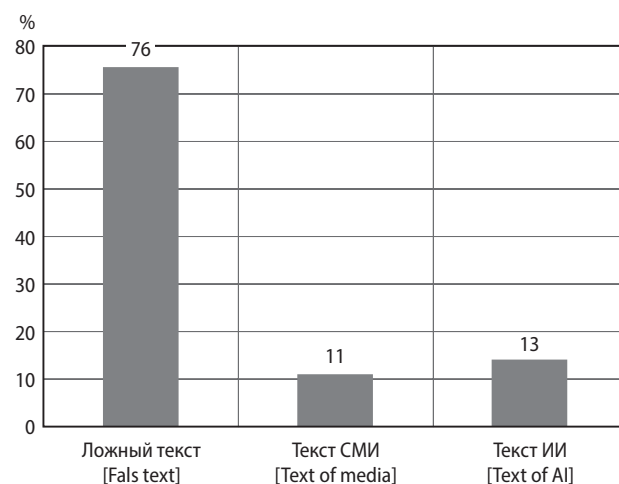

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о выборе текста, который является лишним

Fig. 3. Distribution of respondents' responses to the question of choosing a text that is superfluous

Термин «фейковые новости» относится к информации, которая кажется журналистской, но объективно является ложной или вводящей в заблуждение и, таким образом, рационально неподходящей. Введение фейковых новостей в качестве третьей категории позволяет оценить, в какой степени потребители доверяют контенту, созданному искусственным интеллектом, по всему спектру, начиная от правдивых журналистских новостей, с одной стороны, и заканчивая объективно ложными фейковыми новостями, с другой стороны.

Респонденты безошибочно выявили ложный текст, что еще раз подчеркивает схожесть между NLP и работой журналистов. СМИ могут оказывать важное

влияние на отношение населения к NLP, что, соответственно, отразится и на доверии ко всей технологии искусственного интеллекта.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве рекомендаций по повышению доверия к искусственному интеллекту в контексте влияния на него со стороны СМИ, можно отметить следующие положения:

- 1) при генерации текстов необходимо уделять больше внимания делению на смысловые блоки;
- 2) важно огораживать ИИ от публикации ложных фактов и сохранять данную тенденцию;
- 3) следует внедрять сгенерированные тексты поэтапно, начиная с тех направлений СМИ, которые проще воспроизвести при помощи искусственного интеллекта.

ВЫВОДЫ

Таким образом, дифференциация потенциальных потребителей и читателей, а также областей применения искусственного интеллекта необходима для успешного внедрения искусственного интеллекта в коммуникацию.

Что касается исследований, то наши результаты демонстрируют, что изучение восприятия новостей на основе искусственного интеллекта выигрывает от введения фейковых новостей в качестве третьей категории помимо машинного и человеческого контента.

В контексте доверия и достоверности это позволяет оценить восприятие потребителями новостей на основе искусственного интеллекта по шкале и сравнить их с наиболее и наименее желательными категориями, к которым медиакомпаниям хотят, чтобы их контент попадал.

Кроме того, общее доверие потребителей к СМИ является важной переменной, которую следует учитывать и, по крайней мере, контролировать при оценке восприятия новостей на основе искусственного интеллекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что при автоматической генерации текста восприятие потребителями качества новостей играет важную роль для установления взаимосвязи между людьми и искусственным интеллектом. Однако оценка качества новостных статей является сложной задачей. Например, достоверность как один из наиболее важных аспектов качества контента в новостях зависит от многих факторов, помимо конкретного источника коммуникации и среда в целом, через которую потребляется контент. Эти идеи верны и актуальны за пределами медиаиндустрии. Как коммуникация не только все больше основывается на ИИ и NLP в производстве новостей, но и другие отрасли все больше следуют их примеру, например, с помощью чат-ботов и рекомендательных систем, доверие к созданию и распространению текстов на основе ИИ и доверие к текстам на основе ИИ являются весьма актуальными темами для исследований в области информационной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейникова Ю.В., Матвеев В.В. Цифровая экосистема. анализ применения искусственного интеллекта // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 1480–1487.
2. Бегизев И.Р. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 4. С. 15–34.
3. Видясова Л.А., Видясов Е.Ю., Тензина Я.Д. Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга) // Мониторинг. 2019. № 5 (153). С. 43–57.
4. Долганова О.И. Улучшение клиентского опыта взаимодействия с искусственным интеллектом путем соблюдения этических принципов // Бизнес-информатика. 2021. Т. 15. № 2. С. 34–46.
5. Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 70–81.
6. Кода Е.А. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. Т. 1. № 12. С. 131–134.
7. Ларин С.Н., Елизарова М.И., Соколов Н.А. Анализ развития мирового рынка наукоемкой продукции на примере технологий искусственного интеллекта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5-2. С. 119–129.
8. Лебедев А.Н. Доверие и недоверие недостоверной информации в интернете // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2. С. 365–389.

REFERENCES

1. Aleynikova Yu.V., Matveev V.V. Digital ecosystem. analysis of the use of artificial intelligence. *Health – the Basis of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them*. 2020. No. 3. Pp. 1480–1487. (In Rus.)
2. Buryak M.A. Media sphere: Conceptualization of the concept. *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature*. 2014. No. 2. Pp. 200–212. (In Rus.)
3. Vidyasova L.A., Vidyasov E.Yu., Tensina Ya.D. Research of social trust in information technologies in the provision of electronic public services and the use of electronic participation portals (case of St. Petersburg). *Monitoring*. 2019. No. 5 (153). Pp. 43–57. (In Rus.)
4. Dolganova O.I. Improving the customer experience of interaction with artificial intelligence by observing ethical principles. *Business Informatics*. 2021. Vol. 15. No. 2. Pp. 34–46. (In Rus.)
5. Zhukov D.S. Artificial intelligence for the socio-state organism: The future has already started in China. *Journal of Political Studies*. 2020. Vol. 4. No. 2. Pp. 70–81. (In Rus.)
6. Koda E.A. The influence of mass media on the formation of public opinion. *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity*. 2020. Vol. 1. No. 12. Pp. 131–134. (In Rus.)
7. Larin S.N., Elizarova M.I., Sokolov N.A. Analysis of the development of the world market of high-tech products on the example of artificial intelligence technologies. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2019. No. 5-2. Pp. 119–129. (In Rus.)
8. Lebedev A.N. Trust and distrust of unreliable information on the Internet. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2020. Vol. 5. No. 2. Pp. 365–389. (In Rus.)

Разов П.В., Гараганов А.В.

9. Лошкарев А.В., Дыдыгина Ю.Н. Вопросы цифровой среды доверия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3. С. 124–126.
10. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 193–199.
11. Синева Н.Л. и др. Инновационно-технологическое развитие и искусственный интеллект // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 397–404.
12. Ястреб Н.А. Как проблема персональных данных меняет этику искусственного интеллекта? // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2020. № 1 (17). С. 491–504.
13. Andras A. et al. Trusting intelligent machines: Deepening trust within socio-technical systems // IEEE Technology and Society Magazine. 2018. No. 37 (4). Pp. 76–83.
14. Cassidy W.P. Online news credibility: An examination of the perceptions of newspaper journalists // Journal of Computer Mediated Communication. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 144–164.
15. Flanagan A.J. Credibility and trust of information in online environments: The use of cognitive heuristics // Journal of Pragmatics. 2021. Vol. 59. Pp. 210–220.
16. Gretton C. Trust and transparency in machine learning-based clinical decision support / J. Zhou, F. Chen (eds.). Human and Machine Learning, 2018. Pp. 279–292.
17. Strubell E., Ganesh A., McCallum A. Energy and policy considerations for deep learning in NLP // arXiv preprint arXiv:1906.02243. 2019. Vol. 9. No. 1. Pp. 291–307.
18. Wagner A.R. et al. Overtrust in the robotic age // Communications of the ACM. 2018. No. 61 (9). Pp. 22–24.
9. Loshkarev A.V., Dydygina Yu.N. Issues of the digital environment of trust. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. No. 10-3. Pp. 124–126. (In Rus.)
10. Malyshkin A.V. Integration of artificial intelligence into public life: Some ethical and legal problems. *Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2019. Vol. 10. No. 3. Pp. 193–199. (In Rus.)
11. Sineva N.L. et al. Innovative and technological development and artificial intelligence. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2019. No. 2 (36). Pp. 397–404. (In Rus.)
12. Yastreba N.A. How does the problem of personal data change the ethics of artificial intelligence? *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*. 2020. No. 1 (17). Pp. 491–504. (In Rus.)
13. Andras A. et al. Trusting intelligent machines: Deepening trust within socio-technical systems. *IEEE Technology and Society Magazine*. 2018. No. 37 (4). Pp. 76–83.
14. Cassidy W.P. Online news credibility: An examination of the perceptions of newspaper journalists. *Journal of Computer Mediated Communication*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 144–164.
15. Flanagan A.J. Credibility and trust of information in online environments: The use of cognitive heuristics. *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 59. Pp. 210–220.
16. Gretton C. Trust and transparency in machine learning-based clinical decision support. J. Zhou, F. Chen (eds.). *Human and Machine Learning*, 2018. Pp. 279–292.
17. Strubell E., Ganesh A., McCallum A. Energy and policy considerations for deep learning in NLP. *arXiv preprint arXiv:1906.02243*. 2019. Vol. 9. No. 1. Pp. 291–307.
18. Wagner A.R. et al. Overtrust in the robotic age. *Communications of the ACM*. 2018. No. 61 (9). Pp. 22–24.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 74,57%

Статья поступила в редакцию 14.01.2023, принята к публикации 07.02.2023

The article was received on 14.01.2023, accepted for publication 07.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Разов Павел Викторович, доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: PVRazov@fa.ru

Гараганов Артур Владимирович, научный сотрудник центра «Локомотивы Роста» департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: arturcompany21@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Pavel V. Razov, Doctor of Sociology, Professor; Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University. Moscow, Russian Federation. E-mail: PVRazov@fa.ru

Artur V. Garaganov, researcher at the Locomotives of Growth Center of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: arturcompany21@gmail.com

«Карьерный портфель»: влияние альтернативных видов труда и нестандартных форм трудового поведения на уровень вторичной занятости в России

И.В. Охременко ©

Волгоградский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
г. Волгоград, Российская Федерация

E-mail: vfrsteu-econom@bk.ru

Аннотация. Сегодня все чаще отходят от модели традиционного трудоустройства, т.е. выполнения работы в рамках трудовых отношений между работником и нанимающим его работодателем на основании бессрочного трудового договора, в фиксированные часы, согласно общепринятым трудовым нормам. *Цель статьи:* выявить виды альтернативного труда и нестандартных форм трудового поведения, существующих на рынке вторичной занятости в России. В статье на основе анализа литературы и экспертного опроса показано, что на современном рынке труда все более популярными становятся нестандартные формы занятости, в том числе занятость, не урегулированная трудовым договором, занятость на определенный срок, неполный рабочий день, ненормированный рабочий день, а также вне места нахождения работодателя. Развитие альтернативных видов труда и нестандартных форм занятости стало одним из важнейших явлений на современном рынке труда за последние десятилетия. Предполагается, что они играют ведущую роль в повышении гибкости рынка труда.

Ключевые слова: альтернативные виды труда, нестандартная занятость, гибкая занятость, ротационная занятость, неполная занятость, дистанционная работа, удаленная работа, самозанятость

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Охременко И.В. «Карьерный портфель»: влияние альтернативных видов труда и нестандартных форм трудового поведения на уровень вторичной занятости в России // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 80–86. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-80-86

Career Portfolio: Impact of Alternative Types of Labor and Non-standard Forms of Labor Behavior on the Level of Secondary Employment in Russia

I.V. Okhremenko ©

Volgograd Branch of Plekhanov Russian University of Economics,
Volgograd, Russian Federation

E-mail: vfrsteu-econom@bk.ru

Abstract. Today, employers and employees often move away from the model of traditional employment, i.e., performance of work within the framework of labor relations between the employee and the employer hiring them based on an open-ended employment contract, at fixed hours, in accordance with generally accepted labor standards. *The purpose of the study* is to identify the alternative types of labor and non-standard forms of labor behavior existing in the secondary employment market in Russia. Based on a literature analysis and an expert survey, the study shows that non-standard forms of employment are becoming increasingly popular in the modern labor market. They include employment not regulated by an employment contract, employment for a certain period, part-time employment, irregular working hours, as well as working outside the employer's location. Over the past decades, the development of alternative types of labor and non-standard forms of employment has become one of the most important phenomena in the modern labor market. It is expected to play a leading role in increasing the flexibility of the labor market.

Key words: alternative types of labor, non-standard employment, flexible employment, rotational employment, part-time employment, remote work, self-employment

FOR CITATION: Okhremenko I.V. Career Portfolio: Impact of Alternative Types of Labor and Non-standard Forms of Labor Behavior on the Level of Secondary Employment in Russia. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 80–86. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-80-86

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях на рынке труда все большей популярностью пользуются нестандартные (гибкие) формы занятости, которые включают в себя работу, не регулирующую трудовым договором, занятость на определенный срок, неполный рабочий день, нерегулярное время, а также работу за пределами места работы работодателя. Здесь следует отметить, что с нестандартными (гибкими, альтернативными) формами занятости тесно связана гибкость рабочего времени, то есть его нестандартное расписание.

Нестандартные формы занятости понимаются по-разному. В первом случае под этим понимается, например, неполный рабочий день или удаленное рабочее место [Deakin, 2014]. В другом случае – предоставление работы в рамках правовых отношений, которые регулируются главным образом гражданским или административным законодательством [Putnam, 2014].

Однако следует отметить, что в связи с распространением различных альтернативных видов труда, нестандартная занятость также может указывать на дополнительные характеристики охватываемых ею форм заработка [Шахов, 2009]. При этом исследователи выделяют периферийную или вторичную занятость, которая является промежуточной формой между полной занятостью на первичном рынке труда и безработицей

[Мусаева, 2017]. С другой стороны, вторичная занятость может рассматриваться с позиции возможности самореализации работника. Разочаровавшись в возможности сделать карьеру в компании и годами не получая повышения зарплаты, сотрудники переходят к новой тактике – собирают «карьерный портфель» (по аналогии с портфелем финансовых инструментов [Rinne, 2021]), то есть набор одновременных работ [Сальникова, 2023]. Сотрудничество с несколькими другими компаниями, оставаясь при этом официально трудиться на основном месте работы, позволяет повысить доход, застраховаться от внезапного увольнения и самореализоваться. Человек может постоянно пересматривать этот портфель в пользу того или иного вида занятости.

Фокус нашего исследования был направлен на ответа на вопрос какие альтернативные виды труда и нестандартные формы трудового поведения актуальны для России и как они влияют на формирование вторичной занятости.

Анализ научной литературы показал, что к нестандартным (гибким) формам занятости можно отнести: работу по срочным договорам (договоры на определенный срок), работу по вызову, дистанционную работу, самозанятость, а также разделение работы (*job sharing, work sharing*) и ротационная занятость (*job rotation*).

Договоры на определенный срок заключаются для выполнения ограниченных по времени задач и прекращаются с истечением срока, на который они были заключены. Они включают срочные договоры на время выполнения определенной работы и на испытательный срок.

Еще одна нестандартная форма занятости – работа по вызову. Суть ее заключается в постоянной доступности работника по отношению к работодателю. Работодатель может призвать работника к выполнению работы в любое время по своему выбору. Несмотря на то, что работник остается в постоянной доступности по отношению к своему работодателю, он, тем не менее, выходит на работу только в тот момент, когда его вызывают [Черкасов, 2012]. Работа по вызову особенно привлекательна для работодателей, которым нужны работники только для конкретных работ. Очевидно, что работодатели не могут определить заранее размер и время работ, в то время как работники имеют большую неопределенность в отношении получения работы, ее срока и размеров. Следует также отметить, что работа по вызову чаще всего используется в отношении работников обслуживающих/рабочих специальностей.

К нестандартным (гибким) формам занятости относятся и дистанционная (удаленная) работа, т.е. работа с использованием доступных ИКТ, выполняемая на любом расстоянии от места, где ожидается результат этой работы, или где она будет выполняться в рамках традиционной системы занятости. По мнению исследователей [Sekegin, 2022], это понятие относится к любому умственному труду, выполняемому работником за пределами традиционного рабочего места, в результате которого происходит передача результатов этой работы с помощью современных технологий и инструментов ИКТ.

Наиболее часто используемыми формами трудоустройства на основе удаленной работы являются: наемные дистанционные работники, работающие полный или неполный рабочий день, а также самозанятые дистанционные работники или контрактные работники, среди которых большая группа – люди с затрудненным доступом к работе.

Согласно С. Gerdenitsch, в зависимости от места работы, можно выделить пять основных разновидностей удаленной работы [Gerdenitsch, 2017]: работа на дому (*home-based teleworking*), выполняемая для одного работодателя, без необходимости ездить в офис; работа, выполняемая на нескольких рабочих местах (*multi-site telework*), частично в офисе и частично на работе; дистанционная работа по принципу «фрилансера» (*freelance telework*), выполняемая на дому для различных работодателей; мобильная удаленная работа (*nomadic teleworking*), выполняемая в различных местах с использованием портативного оборудования, такого как мобильный телефон, пейджер или через интернет, для поддержания связи с работодателем.

В литературе, помимо перечисленных видов удаленной работы, можно выделить и другие ее формы, а именно: специальная (дополнительная) дистанционная работа (*ad hoc teleworking, supplementary teleworking*), выполняемая в офисе работодателя, однако на время определенной работы, например, выполнения опреде-

ленного проекта или задачи; чередующаяся удаленная работа на дому (*alternating home-based teleworking*), чаще всего выполняемая вне офиса работодателя, например, три дня дома и два дня в офисе работодателя; телекоттедж (*telecottages*), которые предоставляют доступ ко всем возможностям виртуального офиса людям, которые не хотят работать из дома и не могут тратить время на поездки в штаб-квартиру компании и хотят избежать связанных с этим неудобств и расходов; зарубежная удаленная работа, которая является особым типом удаленной работы, распределенной по разным странам и на разных континентах, что позволяет перемещать рабочее место за счет применения технологий ИКТ в разные города, страны и регионы [Дрохова, 2017].

К гибким формам занятости относится также самозанятость (фриланс), то есть деятельность самозанятого лица, которое принимает и выполняет определенные задачи от одного или нескольких заказчиков, в штаб-квартире его компании или за ее пределами [Бойцова, 2017]. Использование работы самозанятых позволяет работодателям снизить собственные расходы и, как следствие, увеличить экономическую эффективность. Например, вместо того, чтобы нанимать сотрудника, работодатель может заключить с ним договор на условиях заказа с индивидуальным предпринимателем. В этом случае работодатель, очевидно, извлекает выгоду, поскольку он освобождается от всех обязательств, типичных для работодателя в отношении социального обеспечения, за исключением определенных обязанностей по охране труда и технике безопасности. Страховые взносы взимаются с самого фрилансера, на котором лежат обязательства по социальному страхованию.

Неполный рабочий день (неполная занятость) является наиболее важной формой нестандартности измерения рабочего времени. Работа с частичной занятостью является одной из наиболее часто используемых форм трудоустройства и может происходить в различных временных масштабах, например, 30, 50, 60, 75, 90% на рабочем месте от общего рабочего времени. Интерес к неполной занятости обусловлен широкими возможностями, которые эта форма занятости создает для удовлетворения различных устремлений субъектов рынка труда [Куксова, 2017]. Работник, работающий неполный рабочий день, пользуется теми же привилегиями, что и работающий полный рабочий день. Еще одним преимуществом является адаптация рабочего времени к индивидуальным потребностям, более рациональное сочетание профессиональной деятельности с профессиональным совершенствованием, с одной стороны, и семейной жизнью, с другой. Это также увеличивает шансы получить работу или сохранить ее. Особым успехом эта форма занятости пользуется среди беременных женщин, женщин, воспитывающих маленьких детей, а также работников пожилого возраста.

Еще одним примером нестандартной занятости является ротационная занятость (*job rotation*) и разделение работы (*work sharing, job sharing*). Первая из перечисленных форм занятости заключается в выполнении работниками различных работ, на разных должностях и в разных организационных ячейках данной компании с целью углубления своих навыков и опыта работы.

Тенденции развития сферы альтернативных видов труда и нестандартной занятости (2018–2022 гг.)
[Trends in the development of the sphere of alternative types of labor and non-standard employment (2018–2022)]

Тенденции [Trends]	%*
Рост количества работ по срочным договорам (договоры на определенный срок) [Growth in the number of jobs on fixed-term contracts (contracts for a fixed period)]	35
Рост работ по вызову [Growth in the number of on-call jobs]	8
Рост дистанционных (удаленных) видов работ [Growth in the number of remote types of jobs]	110
Рост самозанятости [Growth in self-employment]	51
Рост ротационной занятости и разделения работы [Growth in rotational employment and division of labor]	5

Примечание. Составлено на основании экспертного опроса; * – процент экспертных упоминаний.

[Note. Compiled based on the expert survey; * – percentage of expert mentions.]

В свою очередь, разделение работы означает соглашение о найме, при котором два и более человек нанимаются на условиях неполного или сокращенного рабочего времени для выполнения работы. Обычно эта работа выполняется одним человеком, работающим полный рабочий день, т.е. периодическое сокращение рабочего времени сотрудников с согласия их самих, которое чаще всего используется в качестве альтернативы предотвращению массовых увольнений (например, в период экономического спада) или одной из мер по смягчению увольнений [Carpelli, 2013]. С другой стороны, разделение работы на одной должности между несколькими ее исполнителями позволяет человеку с ограниченными возможностями выполнять работу дома и в удобное для него время, одновременно создавая возможности трудоустройства для большего числа людей. Работа, выполняемая таким образом, может быть организована несколькими способами, в зависимости от характеристик выполняемых задач и предпочтений тех, кто разделяет должность. Рабочее время можно делить ежедневно, а также делить по дням недели, неделям месяца или расчетному периоду.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структурно исследование состояло в последовательном осуществлении анализа научной литературы по проблеме альтернативных видов труда и нестандартной занятости в условиях цифровой экономики, и далее экспертном опросе и дальнейшем обсуждении в режиме онлайн.

Основным методом исследования явился опрос экспертов в данной области исследования на базе ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». В опросе приняли участие 20 экспертов.

На первом этапе экспертного опроса экспертам предлагалось на добровольной основе заполнить полураспределенную анкету с вопросами, направленными на определение основных тенденций развития альтернативных видов труда и нестандартной занятости, основных трендов в социально-трудовой сфере и основных направлений трансформации в условиях формирования цифровой экономики.

На втором этапе экспертного опроса была проведена обработка собранной информации, с ее распределением по степени значимости, построением таблиц и интерпретацией полученных результатов.

На третьем этапе экспертного опроса на основании результатов, полученных в ходе предыдущих этапов опроса, были подробно раскрыты и определены основные направления и формы альтернативных видов труда и нестандартной занятости в условиях формирования цифровой экономики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По мнению экспертов, новые вызовы перед системой социально-трудовых отношений и требования к ее дальнейшему качественному развитию обуславливают следующие тенденции развития сферы альтернативных видов труда и нестандартной в России и мире (табл. 1).

В целом, по мнению экспертов, формирование цифрового информационного общества и цифровой экономики создает новый мир труда, который влияет на развитие вторичной занятости в России. (табл. 2), Каждая из трансформаций определяет потребность в качественных изменениях социально-трудовых отношений и их модификации, что влияет на формирование «карьерного портфеля» работника.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Привлекательность нестандартных (гибких) форм занятости по-разному воспринимается работниками и работодателями. Работники, с одной стороны, видят в них, прежде всего, ухудшение условий труда. Работники, занятые, например, частично или на определенный срок, гораздо реже проходят финансируемое работодателями обучение, имеют меньше шансов на продвижение по службе и более низкую заработную плату. Безработные, в свою очередь, видят в гибких формах занятости больше шансов получить работу. С другой стороны, частичная занятость позволяет работникам перейти к сотрудничеству одновременно с несколькими компаниями, собрать «карьерный портфель», который позволит лавировать в меняющихся обстоятельствах и всегда иметь проекты, на которые можно опереться [Сальникова, 2023].

Работодатели, видят в гибких формах эффективный способ повышения гибкости занятости и снижения уровня безработицы за счет более эффективного соотношения размеров и структуры занятости с переменными потребностями и избежание высоких затрат на защиту труда [Putnam, 2014]. Однако многие работодатели переживают, что сотрудник, востребованный на нескольких проектах, может подорвать их авторитет

или для них недопустима подработка у конкурентов. Кроме того, немаловажным является ограничение прямого контроля над сотрудниками и снижение чувства идентификации сотрудника с компанией.

Основным преимуществом традиционной модели трудоустройства, состоящей в том, что работа выполняется на основе трудовых отношений между работником и нанимающим его работодателем, которые заключаются на основании бессрочного трудового договора и выполняются на полную ставку, включающую суточные и еженедельные нормы рабочего времени,

в фиксированные часы и в фиксированном месте является, прежде всего, стабилизация доходов, а также возможность планировать собственное развитие, и, что тоже немаловажно, оплата работодателем социальных пособий. Поэтому развитие нестандартных (гибких) форм занятости в значительной степени способствует увеличению неопределенности в доходах домохозяйств. Однако как показывают исследования, если раньше «халтура» была делом относительно небольшой доли занятых, то сейчас ее освоила значительная часть работающих россиян.

Таблица 2

**Основные направления трансформации социально-трудовых отношений
в условиях формирования цифровой экономики и тенденций развития сферы
альтернативных видов труда и нестандартной занятости**
[The main directions of the transformation of social and labor relations in the context
of the formation of the digital economy and development trends in the sphere of alternative types
of labor and non-standard employment]

Направления трансформации [Directions of transformation]	Последствия [Consequences]
Организация труда [Labor organization]	Изменение характера рабочих мест, условий труда, мотивации; новый характер взаимодействия в коллективах и новый характер управления ими [Changes in the nature of jobs, working conditions, and motivation; a new nature of team interaction and team management]
Продолжительность занятости [Employment duration]	Краткосрочный характер занятости, потеря гарантированности занятости, временный характер договоренностей [Short-term nature of employment, loss of job security, temporary nature of arrangements]
Взаимодействие в рамках рабочего коллектива [Interaction within the work team]	Использование новых коммуникаций (переход к виртуальным коммуникациям); потеря навыков межличностного взаимодействия; снижение масштабов привлечения экономически активного населения к коллективному взаимодействию [Use of new communications (transition to virtual communications); loss of interpersonal skills; reduction in the scale of attracting the economically active population to collective interaction]
Отношения «человек-технология» [Human-technology relationship]	Проявляются через компьютеризацию, виртуализацию трудовых процессов; превращение работника в главное звено в технологическом процессе [Manifest through computerization, virtualization of labor processes; transformation of the employee into the main link in the technological process]
Новый баланс «жизнь-работа» [New life-work balance]	Отражается в нарушении баланса, изменении содержания свободного и рабочего времени, стирании границ между свободным и рабочим временем [Reflected in the imbalance, changing the content of free and working time and blurring the boundaries between free and working time]
Новый тип работника [New employee type]	Новые требования по интеллектуальности, креативности, творчеству; высокий уровень образования; высокий уровень развития компетенций, особенно цифровых; высокий уровень мобильности; отсутствие потребности в стабильности, уверенности в завтрашнем дне; нацеленность лишь на получение прибыли; изменение отношения к труду и изменение мотивационных установок работника [New requirements for intelligence and creativity; high level of education; high level of development of competencies, especially digital; high level of mobility; lack of need for stability and confidence in the future; focus only on making a profit; change in attitude to work and motivational attitudes of the employee]
Новый тип личности [New personality type]	Формируется в условиях его индивидуализации, атомизации; увеличения уровня свободы человека; самореализации; расширения личного пространства человека; изменения ценностных установок; потери чувства принадлежности к определенной общности; потери возможностей социальной адаптации; уменьшения/разрыва связей с социумом [Formed in the context of its individualization, atomization; increasing level of human freedom; self-realization; expansion of personal space; changes in value attitudes; loss of a sense of belonging to a certain community; loss of opportunities for social adaptation; reduction/severance of ties with society]

Примечание. Составлено на основании экспертного опроса.

[Note. Compiled based on the expert survey.]

В 2021 г. уровень вторичной занятости оценивался в 29%, а в 2022 г., уже 33,2% сотрудников имели дополнительный заработок за пределами основной работы, из них около 10% практиковали подработки на постоянной основе.

Исследование «Зарплаты.ру», проведенные в декабре 2022 г. называют еще большую долю вторичной занятости. Подрабатывают более половины россиян (57%). Причины поиска «халтуры» респонденты указали в основном финансовые: 38% участников опроса не хватает заработка на основной работе, 15% нечем оплатить кредит, 4% готовятся к праздникам, 2% помогают родственникам. Еще 22% копят на финансовую «подушку» и 15% – на мечту. Сколько-нибудь идейные причины называют четыре человека из ста: у 1% подработка совпадает с хобби, а 3% «просто нравится работать» [Сальникова, 2023].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойцова Е.Ю. Нестандартные формы занятости как инструмент решения проблем отечественного и зарубежного рынка труда // Human Progress. 2017. Т. 3. № 9. URL: http://progress-human.com/images/2017/tom3_9/Boicova.pdf
2. Дрохова Н.В. Анализ подходов к классификации форм нестандартной занятости населения // Экономика и бизнес. Вестник ВГУТ. 2017. № 1. С. 79–83.
3. Куксова О.Д. Развитие нестандартных форм занятости // Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 2. С. 195–199.
4. Мусаева Б.А. Нестандартные формы в современной структуре занятости // Экономика труда. 2017. Т. 4. № 4. С. 413–422.
5. Сальникова Д. Удар портфелем: почему работа сотрудников на сторону стала новой нормой // РБК. 25.01.2023. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/63ce8a169a794781e07be61a>
6. Черкасов В.Е., Ваховский Е.В. Нестандартные формы занятости в условиях постиндустриальной экономики // Вестник ПАГС. 2012. № 2. С. 205–212.
7. Шахов Д. Формы занятости в информационной сфере (на примере интернет-рекламы) // Человек и труд. 2009. № 9. С. 42–43.
8. Vinichenko M., Barkov S., Oseev A. et al. Attractiveness of the megaproject labor market for metropolitan residents in the context of digitalization and the long-lasting COVID-19 pandemic // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2022. Vol. 13. No. 9. Pp. 916–921.
9. Sekerin V., Gorokhova A., Bank S. et al. Transformation of the labor market and the necessary professional competencies of employees under the influence of the development of technologies and practical sciences // Nexo Revista Cientifica. 2022. No. 35 (04). Pp. 942–949. URL: <https://doi.org/10.5377/nexo.v35i04.1553>
10. Cappelli P.H., Keller J.R. A study of the extent and potential causes of alternative employment arrangements // Industrial and Labor Relations Review. 2013. Vol. 66 (4). Pp. 874–901.
11. Deakin S. Institutional solutions to precariousness and inequality in labor markets // British Journal of Industrial Relations. 2014. Vol. 52 (4). Pp. 779–809.
12. Gerdenitsch C. New ways of working and satisfaction of psychological needs// C. Korunka, B. Kubicek (eds.); Job Demands in a Changing World of Work. Cham: Springer International Publishing, 2017. Pp. 91–110.
13. Putnam L.L., Myers K.K., Gailliard B.M. Examining the tensions in workplace flexibility and exploring options for new directions // Human Relations. 2014. Vol. 67. Pp. 413–440.
14. Rinne A. Why you should build a “Career Portfolio” (not a “Career Path”) // Harvard Business Review. 13.10.2021. URL: <https://hbr.org/2021/10/why-you-should-build-a-career-portfolio-not-a-career-path> (дата обращения: 10.01.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К наиболее важным нестандартным (гибким) формам занятости, к которым прибегают на вторичном рынке труда работники в России, относятся: работа по срочным договорам, работа по вызову, дистанционная работа, самозанятость, а также разделение работы и ротационная занятость. Нестандартные формы занятости вписываются в концепцию переходных рынков труда и в новую парадигму рынка труда; повышение важности нестандартных форм занятости – это объективный процесс, тесно связанный с экономическими, технологическими изменениями, глобализацией и мировой конкуренцией, которые с одной стороны позволяют получить дополнительный доход для работника, а с другой самореализоваться, поучаствовать в новых проектах.

REFERENCES

1. Boitsova E.Y. Non-standard forms of employment as a tool for solving problems of the domestic and foreign labor market. *Progress of Mankind*. 2017. Vol. 3. No. 9. (In Rus.) URL: http://progress-human.com/images/2017/tom3_9/Boicova.pdf
2. Dorokhova N.V. Analysis of approaches to the classification of forms of non-standard employment of the population. *Economics and Business. Bulletin of VGUT*. 2017. No. 1. Pp. 79–83.
3. Kuksova O.D. Development of non-standard forms of employment. *TvSU Bulletin. Series: Economics and Management*. 2017. No. 2. Pp. 195–199. (In Rus.)
4. Musayeva B.A. Non-standard forms in the modern structure of employment. *Labor Economics*. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 413–422. (In Rus.)
5. Salnikova D. Portfolio blow: Why the work of employees on the side has become the new norm. *RBC*. 25.01.2023. (In Rus.) URL: <https://pro.rbc.ru/demo/63ce8a169a794781e07be61a>
6. Cherkasov V.E., Vakhovsky E.V. Non-standard forms of employment in the post-industrial economy. *Bulletin of PAGS*. 2012. No. 2. Pp. 205–212. (In Rus.)
7. Shakhov D. Forms of employment in the information sphere (on the example of Internet advertising). *Man and Labor*. 2009. No. 9. Pp. 42–43. (In Rus.)
8. Vinichenko M., Barkov S., Oseev A. et al. Attractiveness of the megaproject labor market for metropolitan residents in the context of digitalization and the long-lasting COVID-19 pandemic. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2022. Vol. 13. No. 9. Pp. 916–921.
9. Sekerin V., Gorokhova A., Bank S. et al. Transformation of the labor market and the necessary professional competencies of employees under the influence of the development of technologies and practical sciences. *Nexo Revista Cientifica*. 2022. No. 35 (04). Pp. 942–949. URL: <https://doi.org/10.5377/nexo.v35i04.1553>
10. Cappelli P.H., Keller J.R. A study of the extent and potential causes of alternative employment arrangements. *Industrial and Labor Relations Review*. 2013. Vol. 66 (4). Pp. 874–901.
11. Deakin S. Institutional solutions to precariousness and inequality in labor markets. *British Journal of Industrial Relations*. 2014. Vol. 52 (4). Pp. 779–809.
12. Gerdenitsch C. New ways of working and satisfaction of psychological needs. C. Korunka, B. Kubicek (eds.); *Job Demands in a Changing World of Work*. Cham: Springer International Publishing, 2017. Pp. 91–110.
13. Putnam L.L., Myers K.K., Gailliard B.M. Examining the tensions in workplace flexibility and exploring options for new directions. *Human Relations*. 2014. Vol. 67. Pp. 413–440.
14. Rinne A. Why you should build a “Career Portfolio” (not a “Career Path”). *Harvard Business Review*. 13.10.2021. URL: <https://hbr.org/2021/10/why-you-should-build-a-career-portfolio-not-a-career-path> (дата обращения: 10.01.2023).

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 83,45%

Р е ц е н з е н т: *Шахов Д.А.*, кандидат социологических наук; генеральный директор научно-информационного издательского центра ООО «Ростра»

Статья поступила в редакцию 27.01.2023, принята к публикации 20.02.2023

The article was received on 27.01.2023, accepted for publication 20.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Охременко Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры менеджмента и маркетинга Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Волгоград, Российская Федерация. E-mail: vfrsteu-econom@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Okhremenko, Candidate of Sociology, Associate Professor; associate professor at the Department Management and Marketing of the Volgograd Branch of Plekhanov Russian University of Economics. Volgograd, Russian Federation. E-mail: vfrsteu-econom@bk.ru

Анализ современных зарубежных методик в области оценки устойчивого развития

А.В. Деникин^{1, a} ©, З.Д. Деникина^{1, b} ©,
А.В. Саблуков^{2, c} ©

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация

^a E-mail: andenikin@yandex.ru

^b E-mail: zooden@mail.ru

^c E-mail: asablukov@mail.ru

Аннотация. *Целью* данной научной статьи является проведение анализа современных зарубежных методик в области оценки устойчивого развития. В рамках работы были изучены основные аспекты, связанные с зарубежными методиками оценки устойчивого развития, выделены их особенности. Кроме того, были выявлены различия между зарубежными и отечественными методиками, вследствие чего были описаны предложения по внедрению определенных аспектов в российскую практику. Анализ зарубежного опыта позволил сформулировать автору следующую отличительную черту: применение большого количества показателей, что сопровождается более тщательным по сравнению с российскими методиками отбор необходимых показателей, вследствие чего вся структура является более комплексной и сбалансированной. **Выводы.** Большинство зарубежных методик по оценке устойчивого регионального развития основаны на выведении интегральных показателей по итогам анализа, что повышает эффективность анализа и делает более простым процесс интерпретации результатов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, методика оценки, интегральный показатель, региональный уровень, ОЭСР, зарубежный опыт, ICAT, INSEE

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Деникин А.В., Деникина З.Д., Саблуков А.В. Анализ современных зарубежных методик в области оценки устойчивого развития // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 87–92. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-87-92

Analysis of modern foreign methods in the field of sustainable development assessment

A.V. Denikin^{1, a} ©, Z.D. Denikina^{1, b} ©, A.V. Sablukov^{2, c} ©

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: andenikin@yandex.ru

^b E-mail: zooden@mail.ru

^c E-mail: asablukov@mail.ru

Abstract. *The purpose* of this scientific article is to analyze modern foreign methods in the field of sustainable development assessment. Within the framework of the work, the main aspects related to foreign methods of assessing sustainable development were studied, their features were highlighted. In addition, differences between foreign and domestic methods were identified, as a result of which proposals for the introduction of certain aspects into Russian practice were described. The analysis of foreign experience allowed the author to formulate the following distinctive feature: the use of a large number of indicators, which is accompanied by a more thorough selection of the necessary indicators compared to Russian methods, as a result of which the entire structure is more complex and balanced. **Conclusions.** Most foreign methods for assessing sustainable regional development are based on the derivation of integral indicators based on the results of the analysis, which increases the effectiveness of the analysis and makes the process of interpreting the results simpler.

Key words: sustainable development, assessment methodology, integral indicator, regional level, OECD, foreign experience, ICAT, INSEE

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

FOR CITATION: Denikin A.V., Denikina Z.D., Sablukov A.V. Analysis of modern foreign methods in the field of sustainable development assessment. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 87–92. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-87-92

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Устойчивое региональное развитие является приоритетной задачей для любого государства вне зависимости от его размера или особенностей нормативно-правового регулирования [Фаттахов, Низамутдинов, Орешников, 2019: 100]. На данный момент применяется большое количество методик, направленных на оценку устойчивого развития регионов [Зенкина, 2021: 117]. При этом многие из данных методик требуют тщательного изучения с целью поиска аспектов, которые могли бы быть потенциально полезными для внедрения в российскую практику. Необходимо учитывать, что анализ зарубежных методик оценки устойчивого регионального развития также может быть эффективен для проведения дальнейшего сравнительного анализа с аналогичными методиками в российской практике.

Ключевая проблема данного исследования заключается в следующем противоречии.

С одной стороны, зарубежные методики могут быть полезными с точки зрения анализа их особенностей и преимуществ для дальнейшего применения

в российской практике. С другой стороны, необходимо учитывать особенности российских социально-экономических условий для эффективного использования имеющихся знаний.

Актуальность работы обоснована тем, что современные отечественные методики оценки устойчивого регионального развития далеки от совершенства и требуют комплексной доработки. В связи с этим повышается важность изучения зарубежных методик для выявления их сильных аспектов и оценки возможности их применения в российской практике.

Цель данной научной работы – проведение анализа современных зарубежных методик в области оценки устойчивого развития.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть ключевые группы зарубежных методик оценки устойчивого развития;
- 2) выделить ключевые особенности методик оценки устойчивого развития;
- 3) выявить схожие аспекты зарубежных методик оценки устойчивого развития;

Деникин А.В., Деникина З.Д., Саблуков А.В.

4) предложить направления внедрения аспектов зарубежных методик оценки устойчивого развития в российскую практику.

Объект исследования – устойчивое региональное развитие.

Предмет исследования – зарубежные методики устойчивого регионального развития.

КЛЮЧЕВЫЕ ГРУППЫ ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТОДИК ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

На данный момент в современной зарубежной науке выделяется две ключевые группы методик, связанных с оценкой устойчивого регионального развития [Одинцова, 2021: 236]. Первая группа методик выделяет в качестве ключевого принципа использования комплекса показателей; в ходе применения методики происходит анализ каждого из показателей. Одной из самых комплексных методик является подход, разработанный ООН в 1996 г. Его главным преимуществом является широкий набор показателей, который состоит из 60 аспектов, при этом происходил процесс их сокращения более чем в 2 раза для получения более точных результатов. Сами показатели были отнесены к четырем группам, а внутри каждой группы была собственная структура, состоящая из трех элементов (рис. 1).

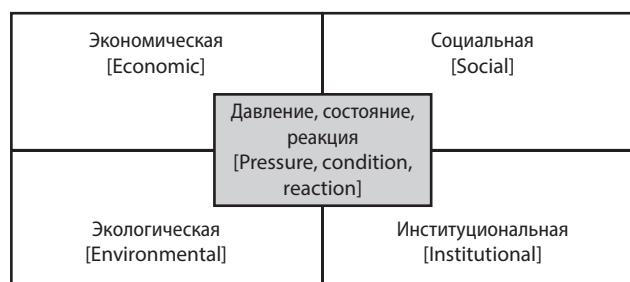

Рис. 1. Группы показателей в методике ООН.

Источник: составлено автором по материалам ООН

Fig. 1. Groups of indicators in the UN methodology.

Source: compiled by the author based on UN materials

Еще одна комплексная методика была разработана Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В нее были включены только экологические показатели, однако ее ценность состоит

в том, что ее применение позволяет проводить причинно-следственный анализ между изменениями применяемых показателей и трансформацией явлений в смежных сферах [Bonnet, Coll-Martínez, Renou-Maisant, 2021: 777].

Ключевая особенность второй группы методик оценки устойчивого регионального развития заключается в применении интегральных показателей. В таком случае по итогам анализа выводится единый показатель, отражающий общее состояние устойчивого регионального развития. Указанный подход делает процесс анализа и интерпретации полученных результатов значительно проще. Большинство методик из второй группы являются модификациями первой группы, что делает их в определенной степени схожими.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИК ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Во Франции применяется методика, основанная на анализе интегральных показателей, разделенных по блокам. За разработку методики отвечал французский национальный институт статистики и экономических исследований (INSEE) [Barthoulot, 2022: 99]. В качестве методологической базы были использованы Цели устойчивого развития ООН и стратегии исследований и инноваций для разумной специализации (RIS3). Таким образом, в данной методике учтены как международные, так и страновые особенности.

Изучение французской методики обусловлено тем, что в ходе нормативно-правовых реформ была значительно повышена самостоятельность и свобода регионов в аспекте устойчивого развития. В связи с этим оценка каждого отдельного региона стала приоритетным направлением государственной политики. При этом произошла интеграция между региональными отраслями, которые ранее были в большем подчинении на государственном уровне, что сделало устойчивое развитие еще большей ответственностью каждого отдельно взятого региона.

Неоспоримым преимуществом данной методики является применение 6 блоков показателей, которые отражают как международные стандарты в области создания модели устойчивого регионального развития, но и внутренние документы в указанной сфере (рис. 2).

Рис. 2. Блоки оценки устойчивого регионального развития. *Источник:* составлено автором на основе [Biotteau, 2019: 140]

Fig. 2. Blocks for assessing sustainable regional development. *Source:* compiled by the author based on [Biotteau, 2019: 140]

Методика, применяемая во Франции, сводится к этапам, показанным на рис. 3.

Рис. 3. Алгоритм применения методики INSEE.
Источник: составлено автором на основе данных [Barthoulot, 2022: 98]

Fig. 3. Algorithm of application of the INSEE methodology.
Source: compiled by the author based on data from [Barthoulot, 2022: 98]

Необходимо рассмотреть методику оценки устойчивого регионального развития, применяемую в Испании и Португалии. Ключевая особенность заключается в использовании гибридного подхода на основе многокритериального метода принятия решений (MCDM) и метода аналитического иерархического процесса (АНП) [Emovon, Oghenenyerovwho, 2020: 113].

Количественная часть методологии опирается на выведение 10 интегральных показателей по блокам, которые применяются в Евростате (рис. 4).

В каждом блоке находится от 3 до 5 показателей. Такое количество было выбрано для того, чтобы не усложнять процесс анализа, а также это связано с тем, что каждый показатель перед внесением в блок проходит 2 этапа проверки.

Первый этап заключается в визуальном отсеивании, в ходе которого экспертная группа проводит логический анализ относительно необходимости включения того или иного показателя, а также на основе того, насколько проблематично найти данные по показателю.

Рис. 4. Блоки показателей для оценки устойчивого регионального развития в ЕС.
Источник: составлено автором на основе данных [Emovon, Oghenenyerovwho, 2020: 113]

Fig. 4. Blocks of indicators for assessing sustainable regional development in the EU. Source: compiled by the author based on data from [Emovon, Oghenenyerovwho, 2020: 113]

На втором этапе применяется коэффициент корреляции Пирсона, с помощью которого показатели сравниваются между собой. Это сделано для того, чтобы не допускать слишком высоких значений, чтобы повысить точность полученных результатов.

Качественная часть методики заключается в применении метода парных сравнений для создания иерархии важности показателей внутри блоков, а также для сравнения блоков между собой.

Одной из наиболее сложных представляется методика оценки устойчивого регионального развития ICAT, применяемая в ЮАР [Engel, 2020: 199]. Данная методика состоит из трех этапов (рис. 5).

Подводя итог, следует отметить, что большинство зарубежных методик по оценке устойчивого регионального развития основаны на выведении интегральных показателей по итогам анализа. Такой подход повышает эффективность анализа и делает более простым процесс интерпретации.

РЕКОМЕНДАЦИИ НА ОСНОВЕ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Интегральный подход может быть применен вместе с качественной стратегией анализа, таким образом, формируется гибридный подход к оценке устойчивого регионального развития. Стремление к использованию гибридного подхода является общей чертой для многих зарубежных методик. Данное положение может являться перспективным в аспекте применения в российской практике, так как на данный момент в большинстве отечественных методик используется одна методологическая стратегия.

Деникин А.В., Деникина З.Д., Саблуков А.В.

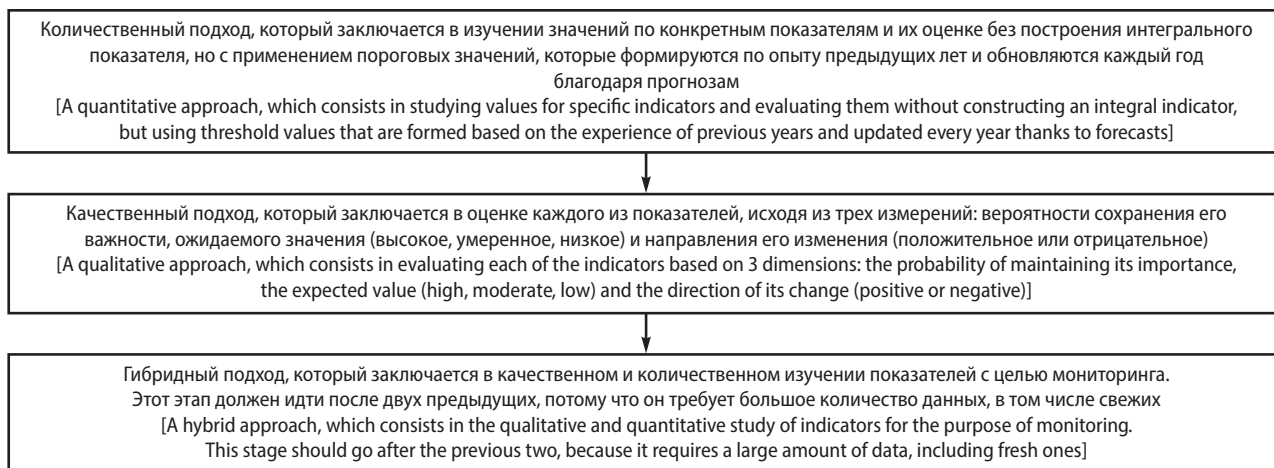

Рис. 5. Алгоритм применения методики ICAT. Источник: составлено автором на основе данных [Engel, 2020: 199]
Fig. 5. Algorithm of application of ICAT methodology. Source: compiled by the author based on data from [Engel, 2020: 199]

ВЫВОДЫ

Таким образом, следует сделать вывод о том, что одним из ключевых отличий зарубежных методик является применение большое количество показателей, при этом происходит более тщательный по сравнению с российскими методиками отбор необходимых показателей, что делает всю структуру более комплексной и сбалансированной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наблюдаются значительные различия между отечественными и зарубежными методиками. Значительным различием между РФ и зарубежными федерациями можно считать высокий уровень децентрализации, присущий зарубежным федерациям, в том числе европейским. В то же время стоит отметить высокую степень зависимости субъектов от федерального центра, что также проявляется в вопросах устойчивого регионального развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алферова Т.В. Устойчивое развитие региона: подходы к отбору показателей оценки // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 494–511.
- Архипова Л.С. Аналитические аспекты оценки экономической безопасности регионов в контексте устойчивого развития // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 3. С. 699–718.
- Гребенкина С.А., Хрусталева Е.Ю., Славянов А.С. Методические основы обеспечения устойчивого развития региона // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 1. С. 63–72.
- Зенкина Е.В. Современные подходы к оценке устойчивого развития стран // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 2. С. 111–125.
- Курганов М.А., Третьякова Е.А. Оценка устойчивого регионального развития с позиции реализации ценностей ключевых стейкхолдеров // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 4. С. 104–130.
- Одинцова Т.М. Проблемные аспекты стратегирования устойчивого развития регионов в условиях санкций и ограничений // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2021. № 1 (40). С. 232–245.
- Тамбовцев В.Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11. № 3. С. 104–118.
- Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешиников В.В. Оценка устойчивости социально-экономического развития регионов России // Мир новой экономики. 2019. № 2. С. 97–110.
- Barthoulot M. Estimation de la survie globale à partir des données administratives hospitalières avec intégration des données de décès de l'INSEE: l'expérience du Centre Oscar

REFERENCES

- Alferova T.V. Sustainable development of the region: Approaches to the selection of evaluation indicators. *Bulletin of Perm University. Series: Economics*. 2020. Vol. 15. No. 4. Pp. 494–511. (In Rus.)
- Arkhipova L.S. Analytical aspects of assessing the economic security of regions in the context of sustainable development. *Economic Relations*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 699–718. (In Rus.)
- Grebenkina S.A., Khrustaleva E.Yu., Slavyanov A.S. Methodological foundations for ensuring sustainable development of the region. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*. 2020. No. 1. Pp. 63–72. (In Rus.)
- Zenkina E.V. Modern approaches to assessing the sustainable development of countries. *Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Right*. 2021. No. 2. Pp. 111–125. (In Rus.)
- Kurganov M.A., Tretyakova E.A. Assessment of sustainable regional development from the perspective of the realization of the values of key stakeholders. *Journal of New Economics*. 2020. Vol. 21. No. 4. Pp. 104–130. (In Rus.)
- Odintsova T.M. Problematic aspects of strategizing sustainable development of regions under sanctions and restrictions. *Bulletin of the Vitebsk State Technological University*. 2021. No. 1 (40). Pp. 232–245. (In Rus.)
- Tambovtsev V.L. Sustainable regional development: Actual directions of institutional analysis. *Journal of Institutional Research*. 2019. Vol. 11. No. 3. Pp. 104–118. (In Rus.)
- Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. The assessment of the sustainability of socio-economic development of the regions of Russia. *The World of the New Economy*. 2019. No. 2. Pp. 97–110. (In Rus.)
- Barthoulot M. Estimation de la survie globale à partir des données administratives hospitalières avec intégration

- Lambret // *Revue d'Épidémiologie et de Santé Publique*. 2022. T. 70. S. 96–99.
10. Biotteau A.L. et al. Les personnes les plus aisées sont celles qui bénéficient le plus des mesures socio-fiscales mises en œuvre en 2018, principalement du fait des réformes qui concernent les détenteurs de capital. Insee, France, portrait social // France, portrait social. 2019. S. 133–155.
11. Bonnet J., Coll-Martínez E., Renou-Maissant P. Evaluating sustainable development by Composite Index: Evidence from French Departments // *Sustainability*. 2021. Pp. 761–780.
12. Emovon I., Oghenyerovwho O.S. Application of MCDM method in material selection for optimal design: A review // *Results in Materials*. 2020. Vol. 7. Pp. 100–115.
13. Engel R.S. et al. Examining the impact of Integrating Communications, Assessment, and Tactics (ICAT) de-escalation training for the Louisville Metro Police Department: Initial findings. Alexandria, VA: International Association of Chiefs of Police. Retrieved. 2020. Vol. 2. Pp. 194–202.
14. Keen S. Initiative for Climate Action Transparency – ICAT sustainable development pilot case study: An assessment of the sustainable development impact of biodiversity policy in South Africa through the ICAT SD Guidance 2 // *Research Gate*. 2019. Pp. 310–323.
15. Lisboa S.N. et al. Applying the ICAT sustainable development methodology to assess the impacts of promoting a greater sustainability of the charcoal value chain in Mozambique // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. No. 24. Pp. 103–118.
16. Martín C.J., Carnero M.C. Evaluation of sustainable development in European Union Countries // *Appl. Sci*. 2019. No. 9. Pp. 880–890.
17. Tan T. et al. Combining multi-criteria decision making (MCDM) methods with building information modelling (BIM): A review // *Automation in Construction*. 2021. Vol. 121. Pp. 103–112.
18. Silvestre B.S., Țîrcă D.M. Innovations for sustainable development: Moving toward a sustainable future // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 208. Pp. 325–332.
19. Yasmin M. et al. Big data analytics capabilities and firm performance: An integrated MCDM approach // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 114. Pp. 1–15.
- des données de décès de l'INSEE: l'expérience du Centre Oscar Lambret. *Revue d'Épidémiologie et de Santé Publique*. 2022. T. 70. S. 96–99.
10. Biotteau A.L. et al. Les personnes les plus aisées sont celles qui bénéficient le plus des mesures socio-fiscales mises en œuvre en 2018, principalement du fait des réformes qui concernent les détenteurs de capital. Insee, France, portrait social. *France, portrait social*. 2019. S. 133–155.
11. Bonnet J., Coll-Martínez E., Renou-Maissant P. Evaluating sustainable development by Composite Index: Evidence from French Departments. *Sustainability*. 2021. Pp. 761–780.
12. Emovon I., Oghenyerovwho O.S. Application of MCDM method in material selection for optimal design: A review. *Results in Materials*. 2020. Vol. 7. Pp. 100–115.
13. Engel R.S. et al. Examining the impact of Integrating Communications, Assessment, and Tactics (ICAT) de-escalation training for the Louisville Metro Police Department: Initial findings. Alexandria, VA: International Association of Chiefs of Police. Retrieved. 2020. Vol. 2. Pp. 194–202.
14. Keen S. Initiative for Climate Action Transparency – ICAT sustainable development pilot case study: An assessment of the sustainable development impact of biodiversity policy in South Africa through the ICAT SD Guidance 2. *Research Gate*. 2019. Pp. 310–323.
15. Lisboa S.N. et al. Applying the ICAT sustainable development methodology to assess the impacts of promoting a greater sustainability of the charcoal value chain in Mozambique. *Sustainability*. 2020. Vol. 12. No. 24. Pp. 103–118.
16. Martín C.J., Carnero M.C. Evaluation of sustainable development in European Union Countries. *Appl. Sci*. 2019. No. 9. Pp. 880–890.
17. Tan T. et al. Combining multi-criteria decision making (MCDM) methods with building information modelling (BIM): A review. *Automation in Construction*. 2021. Vol. 121. Pp. 103–112.
18. Silvestre B.S., Țîrcă D.M. Innovations for sustainable development: Moving toward a sustainable future. *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 208. Pp. 325–332.
19. Yasmin M. et al. Big data analytics capabilities and firm performance: An integrated MCDM approach. *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 114. Pp. 1–15.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 91,09%

Статья поступила в редакцию 15.01.2023, принята к публикации 20.02.2023

The article was received on 15.01.2023, accepted for publication 20.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Деникин Анатолий Васильевич, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии Финансового университета при Правительстве РФ. Москва, Российская Федерация. E-mail: andenikin@yandex.ru

Деникина Зоя Дмитриевна, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: zooden@mail.ru

Саблуков Александр Валентинович, доктор социологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет. Москва, Российская Федерация. E-mail: asablukov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anatoly V. Denikin, Doctor of Philosophy, Professor; Professor at the Department of Philosophy of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: andenikin@yandex.ru

Zoya D. Denikina, Doctor of Philosophy, Professor; Professor at the Department of Philosophy of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: zooden@mail.ru

Alexander V. Sablukov, Doctor of Sociology, Professor; Moscow State Linguistic University. Moscow, Russian Federation. E-mail: asablukov@mail.ru

Национальные проекты как инструмент реализации стратегии устойчивого регионального развития в Российской Федерации

П.В. Разов^а ©, С.А. Юшкова^б ©

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

^а E-mail: PVRazov@fa.ru

^б E-mail: SAYushkova@fa.ru

Аннотация. *Целью* данной научной статьи является изучение влияния национальных проектов на процесс реализации повестки устойчивого развития на региональном уровне. В условиях санкционного давления достижение поставленных стратегических целей является особенно необходимым. Ввиду территориальных особенностей реализация стратегических целей государства является комплексным процессом, при осуществлении которого необходимо не только учитывать специфику отдельных регионов, но также грамотно распределять задачи национальных проектов и объемы их финансирования в условиях дефицита федерального бюджета. Реализация стратегических целей развития осуществляется в Российской Федерации с помощью национальных проектов, которые категорированы в данной работе авторами на три основные категории: человеческий капитал, комфортная среда для жизни, экономический рост. **Выводы.** Национальные проекты являются эффективным инструментом реализации национальных стратегических целей в Российской Федерации, поэтому реализация и развитие национальных проектов, повышение их эффективности является одной из стратегически важных задач.

Ключевые слова: устойчивое развитие, национальные проекты, санкционное давление, стратегическое развитие, развитие регионов, концепция устойчивого развития, эффективность реализации бюджетных средств

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Разов П.В., Юшкова С.А. Национальные проекты как инструмент реализации стратегии устойчивого регионального развития в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 93–98. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-93-98

National Projects as a Tool for Implementing the Strategy of Sustainable Regional Development in the Russian Federation

P.V. Razov^a ©, S.A. Yushkova^b ©

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: PVRazov@fa.ru

^b E-mail: SAYushkova@fa.ru

Abstract. *The purpose* of this scientific article is to study the impact of national projects on the process of implementing the sustainable development agenda at the regional level. In the conditions of sanctions pressure, the achievement of the set strategic goals is especially necessary. Due to the territorial peculiarities, the implementation of the strategic goals of the state is a complex process, in the implementation of which it is necessary not only to take into account the specifics of individual regions, but also to correctly allocate the tasks of national projects and the volume of their financing in conditions of a federal budget deficit. The implementation of strategic development goals is carried out in the Russian Federation with the help of national projects, which are categorized in this work by the authors into three main categories: human capital, a comfortable living environment, and economic growth. **Conclusions.** National projects are an effective tool for the implementation of national strategic goals in the Russian Federation, therefore, the implementation and development of national projects, increasing their effectiveness is one of the strategically important tasks.

Key words: sustainable development, national projects, sanctions pressure, strategic development, regional development, the concept of sustainable development, the effectiveness of the implementation of budget funds

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

FOR CITATION: Razov P.V., Yushkova S.A. National Projects as a Tool for Implementing the Strategy of Sustainable Regional Development in the Russian Federation. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 93–98. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-93-98

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В условиях обострения геополитических проблем, дестабилизации отечественной экономической системы и санкционного давления, направленного на изоляцию России от международных систем взаимодействия, особую важность приобретает реализация повестки устойчивого развития в региональном аспекте. Данный факт обусловлен тем, что возможности достижения целей устойчивого развития на уровне региона являются более высокими ввиду гибкости и мобильности ресурсов, применяемых на региональном уровне, а также с учетом меньшего воздействия экзогенных шоков пандемии COVID-19 и внешнеэкономических санкций на региональные экономические системы.

Ключевая проблема данного исследования заключается в следующем противоречии: с одной стороны, следование концепции устойчивого развития подразумевает достижение стратегических целей государства, в том числе посредством реализации национальных проектов, однако, в условиях внешнеэкономического

воздействия, спровоцировавшего необходимость активного стимулирования внутреннего производства, экологическая компонента триады устойчивого развития отходит на второй план – как в финансовом аспекте, так и с позиции приоритизации направлений государственной политики.

Актуальность темы данного исследования обоснована основными стратегическими документами, определяющие вектор политики государства в области развития – «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»¹, «Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г.»², «Основы

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 26.10.2022).

² Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. (с изменениями и дополнениями)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 26.10.2022).

государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»³, «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»⁴, «Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁵.

Санкционное давление со стороны зарубежных стран осуществляется с 2014 г., однако по данным на 6 октября 2022 г., по данным одного из крупнейших мультимедийных холдингов в России «РБК», был введен восьмой пакет санкций против России со стороны Евросоюза⁶. В связи с этим актуальность выбранной темы является неоспоримой – именно национальные проекты позволяют реализовывать стратегические цели государства даже в условиях дефицита бюджета и дестабилизации экономической системы.

Целью данной статьи является изучение влияния национальных проектов на процесс реализации повестки устойчивого развития на региональном уровне:

- 1) определить сущность концепции устойчивого развития;
- 2) выявить определение национальных проектов и классифицировать их;
- 3) рассмотреть распределение источников финансирования национальных проектов до 2024 г.;
- 4) определить ключевые проблемы реализации и развития национальных проектов.

Объектом в данной научной статье является устойчивое региональное развитие, а предметом – реализация национальных проектов.

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СРЕЗЕ

Выявление роли национальных проектов в реализации концепции устойчивого развития на региональном уровне следует начать с теоретического обоснования исследуемых понятий.

В настоящий момент в мире получила широкое распространение концепция устойчивого развития, немаловажную роль в этом процессе сыграла ООН, выделившая в 2015 г. 17 взаимосвязанных целей⁷. Каждая из 17 целей не является независимой, то есть прогресс,

достигнутый в достижении любой цели, приведет к синергетическому, накопительному эффекту [Kang, Zhang, Zhu, Zhang, 2021: 199].

Согласно определению, приведенному на сайте Генеральной ассамблеи ООН, под устойчивым развитием понимается обеспечение такого процесса развития, которое позволяет удовлетворять потребности нынешнего поколения и не подрывает при этом возможности будущих поколений⁸.

Опираясь на вышеуказанное определение сформируем авторский подход к интерпретации сущности концепции устойчивого развития – это стабильность социально-экономических процессов увеличения экономического, социального и экологического потенциала территорий, при котором природные ресурсы, направление инвестиций, организация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом, укрепляют имеющиеся ресурсы, создают условия для их увеличения в интересах удовлетворения потребностей жителей и их устремлений [Боркова, 2022: 27].

Региональный срез изучения реализации концепции устойчивого развития обусловлен федеративным устройством Российской Федерации, ввиду которого основания для реализации стратегических целей развития страны формируются на макроуровне, в то время как их реализация осуществляется на микроуровне – на уровне регионов [Белокрылов, Белокрылова, 2022: 42].

Проблематика реализации концепции устойчивого развития на региональном уровне является дискуссионной среди научных деятелей из различных отраслей науки: экономистов, социологов, политологов, и др., поэтому формулировка единого критериального подхода к оценке эффективности реализуемой политики в рамках устойчивого регионального развития нет [Полухина, 2022: 1225]. Ввиду данного парадокса создание эффективного механизма управления социально-экономическим развитием региона в соответствии с минимизацией негативных последствий для окружающей среды представляется необходимым этапом в достижении национальных целей стратегического развития.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Реализация стратегических целей развития осуществляется в Российской Федерации с помощью национальных проектов, которые могут стимулировать совершенствование сферы экологии, здравоохранения, образования и науки, сельского хозяйства [Архипова, Сидоренко, 2022: 189].

Для эффективной работы по достижению поставленных целей развития Российской Федерации новые проекты было решено дифференцировать на три категории: «экономический рост», «человеческий капитал» и «комфортная среда для жизни». Каждая из представленных категорий включает в себя несколько направлений (рис. 1).

³ Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/ (дата обращения: 26.10.2022).

⁴ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (дата обращения: 26.10.2022).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1401794/> (дата обращения: 26.10.2022).

⁶ Восьмой пакет санкций ЕС против России. Что важно знать // РБК. Экономика. 23 октября 2022 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/10/2022/633ec9309a7947735697e0fb> (дата обращения: 23.10.2022).

⁷ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Генеральная ассамблея ООН Декларация от 25 сентября 2015 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765?ysclid=19lt6xivtl696360640> (дата обращения: 25.10.2022).

⁸ Устойчивое развитие. Генеральная ассамблея ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (дата обращения: 25.10.2022).

<p>Человеческий капитал [Human capital]</p> <ul style="list-style-type: none"> • Здоровоохранение [Healthcare] • Образование [Education] • Демография [Demographics] • Наука [Science]
<p>Комфортная среда для жизни [Human capital]</p> <ul style="list-style-type: none"> • Безопасные и качественные автомобильные дороги [Safe and high-quality highways] • Жилье и городская среда [Housing and urban environment] • Экология [Ecology]
<p>Экономический рост [Human capital]</p> <ul style="list-style-type: none"> • Наука [Science] • Малое и среднее предпринимательство, поддержка инициатив [Small and medium-sized enterprises, support for initiatives] • Цифровая экономика [Digital economy] • Производительность труда и поддержка занятости [Labor productivity and employment support] • Международная кооперация и экспорт [International cooperation and export] • Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры [Comprehensive plan for modernization and expansion of the backbone infrastructure]

Рис. 1. Классификация национальных проектов России.
Источник: составлено авторами на основе информационных материалов о национальных проектах России⁹

Fig. 1. Classification of Russian national projects.

Source: compiled by the authors on the basis of information materials on national projects of Russia

В свою очередь, каждый из представленных двенадцати проектов включает в себя федеральные проекты, цели которых должны способствовать достижению целей и результатов, на которые направлена реализация национальных проектов.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ ДО 2024 ГОДА

На реализацию национальных проектов в период до 2024 г. запланировано выделить 25,7 трлн руб. На рис. 2 можно наглядно рассмотреть распределение источников финансирования проектов по долям.

На основе представленной диаграммы следует, что наибольшая доля по финансированию национальных проектов принадлежит федеральному бюджету. Около трети отводится внебюджетным источникам. К данному виду источников относятся средства внутренних и внешних инвестиций, целевые кредиты, а также средства, получаемые в качестве прибыли в процессе реализации проекта.

Для национальных проектов характерно особое распределение финансовых и материальных ресурсов. Так, при непосредственной реализации проекта необходимые ресурсы выделяются на приоритетные направления. При этом ответственность, которая возложена на плечи исполнителей, расходующих выделенные бюджетные средства, в значительной мере увеличивается. Правительство РФ занимается разра-

боткой механизмов и планированием ресурсного обеспечения. Это необходимо для достижения желаемых результатов, установленных в национальных проектах. Разработка и коррекция национальных программ по перспективным направлениям также возложена на правительство.

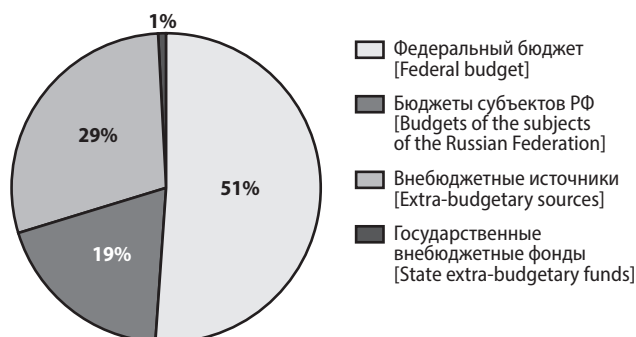

Рис. 2. Распределение источников финансирования национальных проектов до 2024 г. *Источник:* составлено автором на основе информационных материалов о национальных проектах России

Fig. 2. Distribution of sources of financing of national projects until 2024. *Source:* compiled by the author on the basis of information materials on national projects of Russia

Стоит отметить, что есть целый ряд отраслей, который принимает активное участие не только в развитии страны в целом, но и в достижении национальных целей, установленных национальными проектами. Проекты, занимающиеся преобразованиями в таких сферах, как экология, здравоохранение, демография, наука и образования являются более уязвимыми [Adshead, 2019: 126]. Причина заключается в том, что проекты, которые проводятся именно в этих сферах, оказывают наибольшее влияние на уровень и качество жизни населения.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Помимо значительных преимуществ национальных проектов, существует ряд проблем по их внедрению и реализации. Рассмотрим некоторые из них (рис. 3).

Доведение финансовых лимитов до субъектов РФ [Bringing financial limits to the subjects of the Russian Federation]
Своевременное реагирование на риски национальных проектов [Timely response to the risks of national projects]
Координация и взаимодействие участников по реализации национальных проектов [Coordination and interaction of participants in the implementation of national projects]
Внедрение автоматизированной системы [Implementation of an automated system]

Рис. 3. Основные проблемы по внедрению и реализации национальных проектов

Fig. 3. The main problems in the implementation and implementation of national projects

⁹ Информационные материалы о национальных проектах России. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ980OwAt2dzCIAietQih.pdf> (проверено 25.10.2022).

Указанные задачи планируется решить, как за счет дополнительной подготовки специалистов, так и путем совершенствования механизмов закрепления специалистов в отрасли.

Рассуждая в общем о национальных проектах, стоит учитывать, что все проекты имеют «узкие места», которые выражаются:

- 1) в сжатом финансировании из-за лимитов, предоставляемые субъектам РФ;
- 2) в отсутствии или недоработке автоматизированной системы;
- 3) в своевременном реагировании на риски национального проекта;
- 4) во взаимодействии федеральных органов государственной власти для координации своей деятельности по реализации национальных проектов.

Тем самым, следует учесть некоторые критические вопросы по совершенствованию национальных проектов в государственном стратегическом управлении. С точки зрения организации управления, одна из главных задач на сегодняшний день – обеспечить прозрачность управления национальными проектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Т.В., Сидоренко М.Г. Драйверы устойчивого развития социально-экономических систем в условиях цифровизации: региональный аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7. С. 188–192.
2. Бауэр В.П., Смирнов В.В. Проектное управление и комплаенс-стратегирование рисков реализации национальных проектов: концепция и анализ // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 2. С. 227–246.
3. Белобрагин В.Я., Салимова Т.А., Бирюкова Л.И. Нацпроекты РФ – стратегические драйверы обеспечения устойчивого развития // Устойчивое развитие экономики: сб. науч. трудов / под ред. Е.А. Горбашко, В.Я. Белобрагина. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 40–51.
4. Белокрылов К.А., Белокрылова О.С. Региональная экономика: вызовы устойчивого развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 236. № 4. С. 34–54.
5. Боркова Е.А. Моделирование социо-эколого-экономических взаимосвязей как способ оценки устойчивого развития региона // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 3 (53). С. 24–30.
6. Дохляна С.В. Сбалансированное развитие экономики региона: теоретический аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 10. С. 57–65.
7. Оздоева З.М. Проблемы устойчивого развития регионов России // Матрица научного познания. 2022. № 1-1. С. 101–119.
8. Полухина А.Н. Оценка национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» как способа достижения устойчивого развития российских регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. С. 1222–1227.
9. Романенко А.Ю. Устойчивость развития экономической системы регионального уровня // Природно-ресурсный потенциал, экология и устойчивое развитие регионов России: сб. статей XVIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2020. С. 94–97.
10. Хасанова А.Ш., Амирова Н.Р., Саргина Л.В. Эволюция представлений о содержании устойчивого регионального развития // Проблемы современной экономики. 2020. № 2. С. 181–185.
11. Adsheed D. Delivering on the Sustainable Development Goals through long-term infrastructure planning // *Global Environmental Change*. 2019. Vol. 59. Pp. 118–133.

ВЫВОДЫ

Таким образом следует сделать вывод о том, что национальные проекты являются эффективным инструментом реализации национальных стратегических целей в Российской Федерации. Несмотря на наличие определенных проблем по внедрению и реализации национальных проектов, в условиях дестабилизации экономики и дефицита бюджета данный инструмент является одним из наиболее эффективных, особенно на региональном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что необходимым условием достижения стратегических целей является совершенствование национальных проектов посредством создания полноценной оценки мероприятий по национальным проектам. Благодаря качественному аудиту будет отражена взаимосвязь между конкретными задачами национального проекта и объемом средств, расходуемых из бюджета для их реализации.

REFERENCES

1. Arkhipova T.V., Sidorenko M.G. Drivers of sustainable development of socio-economic systems in the context of digitalization: Regional aspect. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022. No. 7. Pp. 188–192. (In Rus.)
2. Bauer V.P., Smirnov V.V. Project management and compliance-strategizing of risks of implementation of national projects: Concept and analysis. *Economic Security*. 2021. Vol. 4. No. 2. Pp. 227–246. (In Rus.)
3. Belobragin V.Ya., Salimova T.A., Biryukova L.I. National projects of the Russian Federation – strategic drivers of sustainable development. In: *Sustainable economic development: Collection of scientific papers*. E.A. Gorbashko, V.Ya. Belobragin (eds.). St. Petersburg: SPbSEU, 2020. Pp. 40–51.
4. Belokrylov K.A., Belokrylova O.S. Regional economy: Challenges of sustainable development. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2022. Vol. 236. No. 4. Pp. 34–54. (In Rus.)
5. Borkova E.A. Modeling of socio-ecological and economic relationships as a way to assess the sustainable development of the region. *Theory and Practice of the Service: Economy, Social Sphere, Technology*. 2022. No. 3 (53). Pp. 24–30. (In Rus.)
6. Dokholyan S.V. Balanced development of the regional economy: Theoretical aspect. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2022. No. 10. Pp. 57–65. (In Rus.)
7. Ozdueva Z.M. Problems of sustainable development of the regions of Russia. *Matrix of Scientific Cognition*. 2022. No. 1-1. Pp. 101–119. (In Rus.)
8. Polukhina A.N. Evaluation of the national project “Tourism and the hospitality industry” as a way to achieve sustainable development of Russian regions. *Russia: Trends and Prospects of Development*. 2022. No. 17-1. Pp. 1222–1227. (In Rus.)
9. Romanenko A.Yu. Sustainability of the development of the economic system at the regional level. In: *Natural resource potential, ecology and sustainable development of the regions of Russia: Collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference*. Penza: Penza State Agrarian University, 2020. Pp. 94–97.
10. Khasanova A.Sh., Amirova N.R., Sargina L.V. Evolution of ideas about the content of sustainable regional development. *Problems of the Modern Economy*. 2020. No. 2. Pp. 181–185. (In Rus.)
11. Adsheed D. Delivering on the Sustainable Development Goals through long-term infrastructure planning. *Global Environmental Change*. 2019. Vol. 59. Pp. 118–133.

12. Kang J., Zhang X., Zhu X., Zhang B. Ecological security pattern: A new idea for balancing regional development and ecological protection. A case study of the Jiaodong Peninsula, China // *Global Ecology and Conservation*. 2021. Vol. 11. Pp. 184–207.
13. Liu Y., Yang R., Sun M. et al. Regional sustainable development strategy based on the coordination between ecology and economy: A case study of Sichuan Province, China // *Ecological Indicators*. 2022. Vol. 134. Pp. 201–229.
14. Thacker S. Infrastructure for sustainable development // *Nature Sustainability*. 2019. Vol. 2. No. 4. Pp. 324–331.
12. Kang J., Zhang X., Zhu X., Zhang B. Ecological security pattern: A new idea for balancing regional development and ecological protection. A case study of the Jiaodong Peninsula, China. *Global Ecology and Conservation*. 2021. Vol. 11. Pp. 184–207.
13. Liu Y., Yang R., Sun M. et al. Regional sustainable development strategy based on the coordination between ecology and economy: A case study of Sichuan Province, China. *Ecological Indicators*. 2022. Vol. 134. Pp. 201–229.
14. Thacker S. Infrastructure for sustainable development. *Nature Sustainability*. 2019. Vol. 2. No. 4. Pp. 324–331.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 75,42%

Статья поступила в редакцию 18.01.2023, принята к публикации 22.02.2023

The article was received on 18.01.2023, accepted for publication 22.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Разов Павел Викторович, доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: PVRazov@fa.ru

Юшкова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент; доцент департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: SAYushkova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Pavel V. Razov, Doctor of Sociology, Professor; Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University. Moscow, Russian Federation. E-mail: PVRazov@fa.ru

Svetlana A. Yushkova, Candidate of Economics, Associate Professor; associate professor at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: SAYushkova@fa.ru

5.7.7

Социальная и политическая философия

Social and Political Philosophy

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-99-110

Нация, народ, население: «национальная» политическая форма гражданского общества

К.Г. Мальцев^{1, a} ©, А.Л. Алавердян^{2, b} ©

¹ Белгородский технологический университет им. В.Г. Шухова,
г. Белгород, Российская Федерация

² Белгородский техникум промышленности и сферы услуг,
г. Белгород, Российская Федерация

^a E-mail: pavic69@mail.ru

^b E-mail: arti-medwd@mail.ru

Аннотация. *Целью статьи* является анализ «рассказа об истории возникновения европейских наций» как исторического нарратива; вариативность «рассказанных историй», представленных в форме научных социологических дискурсов, выявляет существенные «двусмысленности» (Э. Балибар) в представлении нации, которое предоставляет материал (объекты) для предметной тематизации в научных исследованиях. Задачей является выявление и определение условий возможности непротиворечивого представления нации и принципа его структуры. Вторая часть анализа нарративной истории возникновения и становления европейских наций акцентирует внимание на утверждении М. Фуко, что «нация есть одна из форм гражданского общества». Выявляется, что политическое сообщество «нации» как актора революционной борьбы определяется в «дискурсе войны»; населению как объекту «полицейской заботы государства» в управленческой парадигме приписывается свобода рационального преследования партикулярных интересов, то есть право «публичного пользования свободой» (И. Кант) в определенных таким образом рамках; институт такой свободы называется «гражданским обществом»; нация представляется как форма единства (вместе с государством, от «лица» которого выстраивается нарратив нации), сдерживающая «центробежность» партикулярных интересов. Делается **вывод** о том, что нация представляется как опосредование между гражданами и политическим порядком либерального государства.

Ключевые слова: нация, гражданское общество, государство-нация, управленческая парадигма, дискурс войны, население, народ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Нация, народ, население: «национальная» политическая форма гражданского общества // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 99–110. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-99-110

Nation, People, Population: “National” Political form of Civil Society

K.G. Maltsev^{1, a} ©, A.L. Alaverdyan^{2, b} ©

¹ Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russian Federation

² Belgorog Technical School of Industry and Services,
Belgorod, Russian Federation

^a E-mail: pavic69@mail.ru

^b E-mail: arti-medwd@mail.ru

Abstract. *The purpose of the article* is to analyze the “story of the history of the emergence of European nations” as a historical narrative; the variability of “told stories” presented in the form of scientific sociological discourses reveals significant “ambiguities” (E. Balibar) in the representation of the nation, which provides material (objects) for subject thematization in scientific research. The task is to identify and determine the conditions for the possibility of a consistent representation of the nation and the principle of its structure. The second part of the analysis of the narrative history of the emergence and formation of European nations focuses on M. Foucault’s statement that “a nation is one of the forms of civil society”. It is revealed that the political community of the “nation” as an actor of the revolutionary struggle is defined in the “discourse of war”; the population as an object of “police care of the state” in the managerial paradigm is attributed the freedom of rational pursuit of particular interests, that is, the right to «public use of freedom» (I. Kant) within the framework defined in this way; the institution of such freedom is called “civil society”; the nation is presented as a form of unity (together with the state, on whose behalf the narrative of the nation is built), restraining the “centrifugal” of particular interests. It is **concluded** that the nation is presented as an intermediary between citizens and the political order of a liberal state.

Key words: nation, civil society, nation-state, management paradigm, discourse of war, population, people

FOR CITATION: Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Nation, People, Population: «National» Political form of Civil Society. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 99–110. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-99-110

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Нация как «политическое сообщество» определяется по Фуко [Фуко, 2011], в «дискурсе войны»; борьба с королевской властью и претензия на суверенитет, которая *интеллектуалами* приписывается «народу», предполагала *конструирование* политического актора, которому придается способность к целеполаганию и *действию* (разумеется, речь идет в первую очередь о действии «от имени»). «Дихотомия» «народ – население» выявляется как в государственном дискурсе «полиции» и населения, так и в революционном дискурсе «народных прав» и «народного суверенитета». Нация представляется «политической формой» народа; население – объектом «полицейской заботы государства», но и совокупностью преследующих свои цели индивидов и групп, которым в новой управленческой парадигме *предписывается* в этой связи свобода. Свообразным *опосредованием* здесь выступает то, что получило название *гражданского общества*; таким образом, нация может быть представлена как «одна из форм гражданского общества», что полностью соответствует «либеральной догматике» (например, истории, рассказанной о нации Л. Гринфельд [Гринфельд, 2012]).

НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ НАЦИЯ КАК «ПОЛИТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО» В ДИСКУРСЕ ВОЙНЫ

Снова обратимся на какое-то время к *контексту*; Фуко описывает процесс «становления» нации в *управленческой парадигме*, – это описание поможет нам обнаружить то, о чем умалчивает или чему не придает значения в своей теории «генезиса нации» Л. Гринфельд.

Фуко устанавливает, что одновременно с утверждением новой «управленческой парадигмы» на Западе, актуализируется то, что всегда было «на периферии» либо как «хитроумный софистический дискурс», затем как «дискурс пристрастного и наивного историка» или как «дискурс ожесточенного политика, лишенного владений аристократа», – «этот дискурс, находящийся по существу в структурном отношении на обочине дискурса философов и юристов, начал, я думаю, свою карьеру или, возможно, новую карьеру на Западе в очень специфических условиях – между концом XVI в. и серединой XVII в. в ситуации двойной, народной и аристократической, борьбы с королевской властью. Исходя из этого, я думаю, что он широко распространился и что его распространение, вплоть до конца XIX в. и в XX в., было значительным и быстрым» [Фуко, 2005: 75]; «мне

кажется, что нужно попытаться отнести его к XVII в., когда сформировались его важные черты. Прежде всего отмечу, что рождение этого дискурса происходило в двух местах: с одной стороны, он появляется примерно к 1630 г. в предреволюционной и революционной Англии в народных или мелкобуржуазных требованиях, это дискурс пуритан, дискурс левеллеров. Потом мы его находим пятьдесят лет спустя на противоположном берегу, во Франции в конце царствования Людовика XIV, где он также оказывается дискурсом борьбы против короля, выражением горечи аристократов. И затем, что важно, начиная с этой эпохи, то есть с XVII в., можно видеть, как идея, согласно которой война составляет постоянную основу истории, обретает четкую форму: война, которая ведется под видимостью порядка и мира, которая действует в нашем обществе и разделяет его надвое, это, по сути, война рас» [Фуко, 2005: 75]. В этнических различиях Фуко видит один из основных элементов, способствующих разжиганию войны: «Очень рано можно заметить те основные элементы, которые обуславливают войну и содействуют ее сохранению, продолжению и развитию: это этнические, языковые различия; различия в силе, мощи, энергии и насилии; различия в жестокости и варварстве; это в целом завоевание и поражение одной расы другой. Общество в основе своей держится на двух расах. Это и есть сформулированная начиная с XVII в. идея, согласно которой общество всецело охвачено столкновением рас, она послужила матрицей всех будущих форм, с помощью которых позже будут выражать природу и механизмы социальной войны» [Там же: 75–76]. Этот дискурс Фуко называет «историко-политическим», или «дискурсом войны» (как «внешней», войны национальных государств, так и «внутренней», социальной войны [Ломако, Мальцев, 2020а; Мальцев, Мальцева, 2021; Мальцев, Мальцева, Ломако, 2021]), – и именно в нем впервые обретается то, что получило название «нации». Отмечая видимое противоречие с тем, как описывает процесс «появления нации» Гринфельд, не будем, однако спешить с выводами.

Дискурс войны и связанный с ним «дискурс нации» возникает совершенно в той же связи, которую устанавливает Гринфельд: предметом здесь является «суверенитет народа», утверждаемый против «королевского суверенитета»; причем за первым закрепляется (в борьбе) статус «естественного» и «исторически достоверного»: по сути, здесь мы наблюдаем один из случаев противопоставления «естественного» (природного) порядка, который «закономерен и правомерен», тому порядку, который «возник после», как «злоупотребление и искажение», и который должен быть исправлен возвращением к «вечному законному порядку». Фуко пишет: «Возникновение управленческого интереса, как я пытался вам показать, дало место определенному способу мышления, рассуждения, расчета. Этот способ мышления, рассуждения, расчета как раз и называется в ту эпоху политикой, и не следует забывать, что в то время политика воспринималась, что она сразу же беспокоила современников как нечто связанное с инакомыслием. Иной способ мыслить, иной способ осмысливать власть... Именно это инакомыслие и определяется как политика, именно оно политикой называется; политика, которая для искусства управле-

ния была тем же, чем была в ту же эпоху математика для науки о природе» [Фуко, 2011: 374].

Новый историко-политический дискурс нов в том смысле, что «до сих пор власть рассказывала о себе самой: власть создавала историю власти» [Фуко, 2005: 147]; теперь же «история, выдвигавшаяся дворянством в противовес дискурсу государства о государстве, власти о власти, призвана была изменить само значение исторического знания» [Там же]. По Фуко, это означает, что «появляется новый субъект, говорящий от своего имени» [Там же]. Одновременно «происходит и модификация самого объекта рассказа, его предмета, темы, то есть модификация первого, предшествующего, более глубокого элемента, которая позволяет определить заново права, институты, монархию и саму территорию. Короче, начинают говорить о развитии того, что лежит глубже государства, что пробивается сквозь право и является более древним и глубоким, чем государственные институты» [Фуко, 2005: 148]. Этот новый субъект – «общество как его назвал один историк той эпохи: общество, понятое как ассоциация, группа, совокупность индивидов с общим статусом, общими нравами, обычаями и даже особым законом. И это общество, которое берет слово в истории и о котором рассказывает история, согласно словарю той эпохи обозначается словом «нация»» [Там же].

Появление «нации» связано с «выходом на историческую сцену» буржуазии, хотя *аристократия* (Фуко ссылается в этой связи, например, на весьма «консервативного» графа Буленвилле, в исторической концепции которого появляется агент, противостоящий притязаниям королевской власти на суверенность и, главное, на «естественность») сделала из «нации» «субъект и объект истории» [Фуко, 2005: 230]. Первоначально «нация не была тем, что определялось бы единством территорий или некоторой политической морфологией, или системой зависимостей в какой-нибудь *Imperium*. Нация существовала без границ, без определенной политической системы и без государства. Нация находилась по ту сторону границ и институтов. Такова нация или, скорее, нации, то есть объединения, общества, группы людей, индивидов, сообща имеющих один статус, одинаковые нравы, обычаи, определенный общий закон, понятый, скорее, как продиктованная статусом норма поведения, а не как государственный закон» [Там же: 148].

Фуко утверждает: «Именно об этих группах должна была поставить вопрос история. И именно они, то есть нации, хотят теперь взять слово в истории. Дворянство – это нация перед лицом других наций, существующих в государстве и противостоящих друг другу» [Там же]; и, более того: «Именно из этого понятия нации вырастет известная революционная проблема нации; именно с ней, конечно, будут связаны фундаментальные проблемы национализма XIX в.; именно на ее основе возникнет понятие расы; и, наконец, на ней будет основываться понятие класса» [Там же]. Даже еще в «эстатистском определении нации», которое содержится в Энциклопедии: «Во-первых, нация предполагает великое множество людей; во-вторых, эти люди должны жить в определенной стране; в-третьих, страна должна иметь четкие границы; в-четвертых, это множество людей, живущих внутри определенных

границ, должно подчиняться одним законам и одному правительству. Здесь мы имеем определение, своего рода прикрепление нации: с одной стороны, к государственным границам, с другой – к самой форме государства» [Фуко, 2005: 157], Фуко усматривает «полюсическую направленность» против «существовавшего в тот момент более широкого понимания нации, которое можно встретить в текстах, написанных как дворянами, так и представителями буржуазии, в рамках такого понимания и дворянство составляло нацию, и буржуазия также составляла нацию» [Там же], и потребовался Сийес с его рассуждением о «третьем сословии», чтобы современное (то есть «народное») понимание нации установилось как безусловно доминирующее (Фуко отмечает, что в XIX в., у Терри, Гизо и других французских историков еще встречаются «рецидивы» «устаревшего словоупотребления»).

Процесс формирования «современного понимания нации» («современного» в смысле «относящегося к новой действительности») Фуко описывает так. В абсолютной монархии существование нации отрицалось на «официальном уровне»; либо условно признавалось, «только в той мере, в какой нация имела в личности короля условие своей возможности и субстанциального единства. Нация есть не потому, что есть группа, толпа, множество индивидов, живущих на одной земле, имеющих один язык, одни и те же обычаи и законы. Не это образует нацию. Ее образует то, что существующие индивиды, которые, находясь рядом друг с другом, являются просто индивидами, не образуют даже совокупности, тем не менее, все и каждый в отдельности имеют определенное, одновременно юридическое и физическое, отношение к реальной, живой, телесной личности короля. Именно тело короля в его физическо-юридической связи с каждым из его подданных образует материальность нации» [Фуко, 2005: 231]; таким образом: «Сама нация не образует единого организма. Она вся целиком заключается в личности короля» [Там же]. Из этой «нации» аристократия (Буленвилье) в историко-политическом дискурсе «извлекла множество «наций» (самое меньшее две) и установила между нациями отношения войны и господства; она превратила короля в инструмент войны и господства одной нации над другой. Теперь не король конституирует нацию; нация создает себе короля, для того чтобы бороться с другими нациями» [Фуко, 2005: 232].

Затем Сийес дал «двойное определение нации». Первое, «юридическое»: «Для существования нации нужны две вещи: общий закон и легислатура» [Там же]. Здесь «не нужен король», а нация существует, то есть *учреждается* вместе с «учреждением общества»: «Нация существует до образования какого-либо правления, до рождения суверена, до делегирования власти, лишь бы только она дала себе общий закон с помощью инстанции, которую она сама определила для выработки законов, а это и есть легислатура» [Там же]. Второе, «социальное»: «Для того чтобы нация существовала, чтобы ее закон применялся, чтобы ее легислатура была признана (и не только извне, другими нациями, но и внутри нее самой), чтобы она была и процветала, нужно не формальное условие ее юридического существования, а реальное условие ее бытия в истории, нужно нечто другое, другие условия» [Фуко, 2005: 232–233].

Фуко называет эти условия «субстанциальными условиями существования нации»; Сийес, по Фуко, выделяет «две группы» таких условий: «Прежде всего, ту, которую он определяет как «работы», то есть прежде всего агрокультура, во-вторых, ремесло и промышленность, в-третьих, торговля, в-четвертых, свободные профессии. Но более этих «работ» нужно то, что он называет «функциями»: это армия, юстиция, церковь и администрация. «Работы» и «функции»; мы бы сказали, вероятно, «функции» и «механизмы», чтобы обозначить две совокупности обязательных исторических составляющих феномен нации. Но важно, чтобы именно на уровне функций и механизмов были определены условия исторического существования нации. И поступая таким образом, добавляя к юридическо-формальным условиям нации историко-функциональные» [Там же: 233]. При этом «функции были в действительности только следствиями или, во всяком случае, принадлежали к области конечных результатов юридического устройства нации; они могли развиваться только тогда, когда юридическая организация нации оформилась» [Там же], а «что касается механизмов – таких как армия, юстиция, администрация и т.д., – они тоже не были условием для существования нации; они были если не следствиями, то, по крайней мере, инструментами и гарантом ее существования» [Там же].

Таким образом, «можно заметить, что Сийес переворачивает анализ. Он относит «работы» и «функции», или «функции» и «механизмы», к феноменам, существующим до нации – если не исторически, то, по крайней мере, в системе условий существования» [Там же]. То есть нацию в истории оформляют объединения, законы, государственный аппарат и конституции, а способность к сельскому хозяйству, торговле, войне и суду. То есть, «реальными факторами создания нации никогда не являются ни договор, ни закон, ни консенсус» [Там же]. Однако это положение обратимо, если «у группы индивидов есть на что жить, имеется историческая способность осуществлять свои работы, выполнять функции, но, однако, она никогда не сможет обрести общий закон и легислатуру. Такие люди в некотором роде будут обладать субстанциальными и функциональными элементами нации; но не будут обладать ее формальными элементами. Они будут способны к созданию нации; но они не будут нацией» [Там же].

Далее, по Фуко, Сийес утверждает, что «работы» и «механизмы» *фактически* обеспечиваются «представителями третьего сословия»; при этом, они не имеют «формального статуса» и вообще при «старом режиме» отсутствует то, что называется «общей легислатурой», – следовательно, *политический вывод* очевиден: «во Франции нет нации, потому что в ней отсутствуют формальные юридические условия ее существования: нет общих для всех законов, законодательного органа» [Фуко, 2005: 235]. Однако при этом «во Франции имеется «какая-то» нация, то есть группа индивидов, которые способны обеспечить субстанциальное и историческое существование нации. Эти люди – носители исторических условий существования нации и определенной нации» [Там же], и заключение, которое делает Сийес: «Одно третье сословие является историческим условием существования нации, но такой нации, интересы которой должны по праву совпадать с интересами

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.

государства. Третье сословие – это полноценная нация. Именно она составляет нацию» [Фуко, 2005: 235].

Фуко, таким образом, определяет, что «образует нацию» в горизонте «новой управленческой» (пока буржуазной, но ставшей либеральной) парадигмы. Во-первых, «нацию в этих условиях определяет не ее архаичность, древность, не ее отношение к прошлому; ее определяет отношение к чему-то другому, отношению к государству» [Там же: 236]. Таким образом, «нация определяет себя в основном не по отношению к другим нациям. Нацию должно характеризовать не горизонтальное отношение к другим группам (какими бы не были эти другие нации, враждебными, противостоящими данной нации или близкими ей). Напротив, нацию должно характеризовать вертикальное отношение, устанавливающееся между совокупностью индивидов, способных создать государство, и самим государством в его реальном существовании. Именно эта вертикаль нация-государство, или возможность государства-реализация государства, характеризует и определяет нацию» [Там же: 236–237]. Во-вторых, силу нации составляет не только ее физическая мощь, не ее военные способности... Теперь считается, что силу нации составляют некие способности, возможности, все они упорядочиваются в системе государства; нация будет тем сильнее, чем более государственных способностей она будет иметь» [Там же: 237]. В-третьих, «сущностью нации не является господство над другими. Существо функций и исторической роли нации не заключается в установлении господства над другими нациями; оно заключается в другом: в умении управлять собой, распоряжаться, руководить, обеспечить себе конституцию, функционирование государственной системы и государственной власти. Не господство, а этатизация» [Там же]. Таким образом: «Нация – это активное, конститутивное ядро государства. По крайней мере, нация представляет собой государство в наметках, это государство в той мере, в какой оно зарождается, формируется и находит исторические условия своего существования в группе индивидов. Таковы теоретические последствия нового понимания нации» [Там же].

НАЦИЯ КАК «ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА»

Очевидно, что приведенные представления нации, как у Гринфельд, так и у Фуко (в связи с его анализом Сиейса), имеют сходное содержание; более того, существенные определения практически тождественны, но при этом отличаются от того представления, которое обычно связывается с нацией, – отличаются не по содержанию, но по тем характерным чертам, которые выделяют нацию среди других «феноменов». Это нуждается в объяснении; пока же зафиксируем: существенные черты того, что называется «нацией» и того, что называется «гражданским обществом» – определенным образом совпадают (различия станут предметом нашего анализа дальше). У Фуко мы находим подтверждение сказанного, он пишет: «Проблема гражданского общества, и мне кажется, что гражданское общество, то, что очень скоро стали называть обществом, то, что в конце XVIII в. называли нацией» [Фуко, 2010: 368]; и еще, в связи с анализом концепта

«гражданского общества»: «Нация – это одна из главных, но лишь одна из возможных форм гражданского общества» [Там же: 376].

Оставляя в стороне «общую теорию» гражданского общества, зафиксируем лишь несколько моментов, имеющих значение для разработки предмета настоящего исследования. Начнем с вывода, который делает М. Фуко. Определяя реальность (мы бы лучше сказали: действительность, имея в виду различие, которое следует удерживать между «реальностью» и «действительностью», если принимать в расчет историю европейской метафизики и, в особенности, Канта) гражданского общества, Фуко утверждает, что «это не историко-природная данность, которая служила бы цоколем, а также принципом оппозиции государству или политическим институциям» [Там же: 369]. Гражданское общество – «это не первичная и непосредственная реальность» [Там же] (также, заметим, как не является такой реальностью и нация; вообще же, если верно, что нация «это одна из главных форм гражданского общества», то определения, относящиеся к нему, имеют отношение и к нации). Фуко утверждает, что «гражданское общество – это часть современной правительственной технологии» [Фуко, 2010: 370], что не значит, что у него нет «реальности»: «Это то, что я назвал бы реальностью взаимодействия, то есть то, что присутствует в игре и в отношениях власти и непрестанно от них ускользает, это то, что рождается, так сказать, в контакте управляющих и управляемых, те транзакционные и транзиторные фигуры, которые не существуют постоянно, но которые тем не менее реальны» [Там же]. Таким образом, «гражданское общество – это элемент транзакционной реальности в истории правительственных технологий, представляющей мне коррелятом той самой формы правительственной технологии, которая называется либерализмом, то есть технологии правления, имеющей целью свое собственное самоограничение в той мере, в какой она связана со специфичностью экономических процессов» [Там же].

Гражданское общество предполагает действительность того, что называется «экономическим человеком» (*homo oeconomicus*), «незаменимого атома и неустранимого интереса» [Фуко, 2010: 363]. Его действительность задана новой управленческой парадигмой; он отличается от традиционного для европейской мысли «субъекта права»; «*homo oeconomicus* интегрируется в экономический ансамбль, частью которого он является, не посредством передачи, изъятия, диалектики отказа, но посредством диалектики спонтанного умножения» [Там же]. Экономический человек ограничивает власть особым способом: он «ниспровергает суверена» поскольку «выявляет у суверена сущностную, фундаментальную и основополагающую неспособность господствовать над всеобщностью экономической сферы» [Фуко, 2010: 364]. Человек (люди), одновременно являющиеся и субъектами права и субъектами экономического интереса (такими они рисуются и Гринфельд, когда они описывает тех, кто вместе «становятся нацией», именно «английской и индивидуалистической») «управляются лишь в той мере, в какой можно определить новый ансамбль, охватывающий их одновременно в качестве субъектов права и в качестве экономических деятелей, но показывающий не просто

связь или сочетание этих элементов, но целую серию других элементов, по отношению к которым субъект права или экономический субъект составляют частные аспекты, интегрируемые в той мере, в какой сами они являются частью сложного ансамбля. Этот новый ансамбль, как мне кажется, и есть то, что характеризует либеральное искусство управлять» [Фуко, 2010: 367]. Управление обеспечивает единство и *безопасность* (иначе, чем это представлено в «диалектике государства и гражданского общества» у Гегеля; или даже в политической философии Канта); и для того, «чтобы сохранить одновременно единство искусства управлять и его распространенность на всю сферу суверенитета, чтобы искусство управлять сохранило свою специфичность и свою автономию по отношению к экономической науке, чтобы отвечать этим трем задачам, нужно придать искусству управлять референцию... Это новое поле референции, как мне представляется, есть гражданское общество» [Там же: 368].

Таким образом, гражданское общество: «понятие гражданского общества, анализ гражданского общества, всех объектов или элементов, представляемых в рамках этого понятия», – «все это вместе взятое составляет попытку ответить на вопрос: как управлять согласно правовым нормам пространством суверенитета, которое имеет несчастье или преимущество, как угодно, быть населенным экономическими субъектами» [Там же]. Гражданское общество – «это концепт правительственной технологии или, скорее, коррелят технологии управления, мера рациональности которой должна юридически индексироваться экономией, понимаемой как процесс производства и обмена. Юридическая экономия управления, основанного на экономической экономии: вот проблема гражданского общества, и мне кажется, что гражданское общество, то, что очень скоро стали называть обществом, то, что в конце XVIII в. называли нацией, в общем, все это делает возможной правительственную практику, искусство управлять и рефлексию об этом искусстве управлять, одним словом, правительственную технологию, самоограничение, не нарушающее ни законов экономики, ни правовых принципов, не нарушающее также ни требований правительственной всеобщности, ни потребности в вездесущности правительства» [Фуко, 2010: 368–369]. Вездесущее правительство, «от которого ничто не ускользает, правительство, подчиняющееся правовым нормам, и правительство, которое, тем не менее, считается со специфичностью экономии, именно такое правительство будет руководить гражданским обществом, нацией, обществом социальным. Таким образом, *homo oeconomicus* и гражданское общество – это два неразделимых элемента. *Homo oeconomicus* – это, если угодно, абстрактная, идеальная и чисто экономическая сущность, которая населяет плотную, наполненную и сложную реальность гражданского общества. Гражданское общество – это конкретная общность, внутри которой, чтобы суметь надлежащим образом ими управлять, нужно разместить эти идеальные сущности, представляющие собой людей экономических. Так что *homo oeconomicus* и гражданское общество являются частью одного и того же ансамбля, ансамбля технологии либерально-го руководства» [Там же: 369].

В связи с нашим интересом к *нации* как одной из главных форм гражданского общества особенное значение имеет один аспект, на который обращает внимание Фуко. Между связью, объединяющей экономических субъектов на *рынке*, и объединением в гражданское общество есть различие в том, что такое объединение «не-эгоистично» и сутью гражданского общества является «игра не-эгоистичных интересов, игра бескорыстных интересов, куда более широкая, чем эгоизм как таковой» [Там же: 375]. Самое же главное, что в отличие от «всеобщей и универсальной связи рынка», объединения в «гражданские общества» – «локальны»: «Гражданское общество всегда представляется как ограниченная, сингулярная совокупность среди других совокупностей. Гражданское общество – это не человечество в целом; это совокупности того или иного уровня, объединяющие индивидов в определенное количество ядер» [Там же]; гражданское общество как объединение, допускающее (и даже иногда требующее) «не-эгоистические» (то есть: «не материальные» только: последовательный либерал Д. Лал [Лал, 2010] разделял интересы на «рациональные, материальные, универсальные» и «космологические, особенные, культурные») интересы *есть* нация *в этом аспекте*: нация представляется как «особенная форма», в которой осуществлен *специфический (характерный и индивидуальный) синтез* «общего» и «особенного», при определяющем значении *общего*.

Фуко специально анализирует теорию гражданского общества Фергюссона; им выявлены следующие характеристики того, как представляется гражданское общество. Во-первых, «гражданское общество как историко-природная константа», и «гражданское общество – это данность, за которой ничего не нужно искать» [Фуко, 2010: 371]. Во-вторых, «гражданское общество укрепляет спонтанное объединение индивидов» [Там же: 374]. В-третьих, «оно служит постоянной матрицей для политической власти... Для того чтобы в гражданском обществе появилась и действовала политическая власть, не требуется, чтобы *rustum unionis* связывал индивидов в гражданском обществе, не нужно *rustum subjectionis*, не нужно отказа от некоторых прав и утверждения суверенитета кого-то другого» [Там же: 377]. Власть спонтанно формируется, физически связывая «между собой конкретных и различных индивидов» [Там же]. То, что их рознит, послужит «разделению труда, и не только в производстве, но и в принятии группой общих решений. Одни дают советы, другие устанавливают порядки. Одни размышляют, другие подчиняются» [Фуко, 2010: 378].

Наконец, следует иметь в виду, что «понятие гражданского общества совершенно изменилось на протяжении XVIII в. Практически до начала второй половины XVIII в. термин «гражданское общество» устойчиво означал нечто совершенно отличное от того, что он будет означать впоследствии. Например, у Локка гражданское общество – это общество, характеризующееся юридическо-политической структурой. Это общество, это совокупность индивидов, связанных между собой юридической и политической связью. В этом значении понятие гражданского общества совершенно неотлично от понятия политического общества» [Там же: 370], – в той степени, в какой, вслед

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.

за Гринфельд, можно говорить о возникновении «английской нации» в XVI–XVII вв., то для того времени такое совпадение было «действительным», и «рождение английской нации» описывается Гринфельд именно как «рождение гражданского общества», мало того, как «политического общества».

МАССОВАЯ НАЦИЯ КАК «ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИИ». СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НАЦИИ М. МАННА

Однако, вернемся к вопросу о возникновении европейских наций, как он описывается в современной западной социологии; описание М. Манна отличается от описания Л. Гринфельд, и анализ этого различия должен стать следующим шагом нашего исследования.

Манн определяет «в качестве двух главных акторов нового времени» классы и нации-государства, и утверждает, что «их нельзя рассматривать совершенно отдельно друг от друга» [Манн, 2018, 2.1: 4]; он связывает их соответственно с «отношениями экономической и политической власти», которые «развивались, переплетаясь друг с другом, воздействуя друг на друга» [Там же]. Манн сразу оговаривает, что при анализе наций и классов «больше придерживается модернизма, чем «перенниализма» или «примордиализма», определяя: «Нация – это экстенсивное межклассовое сообщество, подтверждающее свою четко выраженную этническую идентичность и историю и утверждающее свое собственное государство» [Манн, 2018, 2.1: 275]. Нациям приписывается «моральное качество» («обладание различными добродетелями») (о нации как «моральном сообществе» см.: [Мальцев, Алавердян, 2020а]). Манн утверждает, что «нации возникли в XVIII в. в Европе и Америке и позже на других континентах» [Там же]; они возникают в процессе расширения «культуры» на ранее «исключенное большинство». Первоначально, в Англии, «такой термин, как «политическая нация», существовал в Великобритании XVIII в., и он употреблялся в отношении тех, кто обладал правом голоса и правом занимать должность (и то и другое обеспечивалось соединением правильной родословной и имущества). Нации тогда были в основном, по терминологии Смита, горизонтальными и ограничивались господствующими классами» [Там же]. В развитии нации, по мнению Манна, еще до исследуемого периода можно выделить два «протонациональных» этапа, исследователь называет их «религиозно- и коммерческо-этактистскими этапами. Я также утверждаю, что «долгий девятнадцатый век» превратил протонации в полноценные нации в течение двух других этапов – милитаристского и промышленно-капиталистического» [Манн, 2018, 2.1: 276]. Манн, таким образом, обосновывает «четырёхстадийную теорию нации»; к 1840 г. «все ведущие державы были квазинациями, но трех различных типов. Нации британской и французской метрополий усиливали существующие государства, они являются примерами наций как «усилителей» государства (state-reinforcing). В Пруссии-Германии нация была больше любого из существующих государств и переходила от аполитичной роли к роли «создателя» государства (или пангосударственной роли). В австрийских землях нации были меньше государственных границ, и они стали «подры-

вателями» государства (state-subverting) [Манн, 2018, 2.1: 278]. Различные формы развития Манн объясняет проникновением «растущего милитаризма третьего этапа в различные экономические, идеологические и политические отношения власти» [Там же].

Безотносительно к особенностям возникновения каждой конкретной европейской нации, общим Манн полагает следующее. Он пишет, что «большинство государств не росло до Первой мировой войны», но «после 1850 г. в ответ на развитие промышленного капитализма государства в большинстве своем пошли на существенное расширение гражданских прав» [Манн, 2018, 2.1: 22], непреднамеренным последствием чего стало «сплочение наций-государств, рост национальных классов и ослабление транснациональных и локально-региональных акторов власти» [Там же]. Рост «инфраструктурной власти государства» «усиливал политизацию и натурализацию социальной жизни» [Манн, 2018, 2.2: 130], и «сети власти были перенаправлены к территориям государств, заключению в «клетку» и натурализации общественной жизни» [Там же]. Даже «в более интимных областях» (имеется в виду все, что именуется «повседневностью») господствующие тенденции «исподволь придавали территориальный характер общественным концепциям идентичности и интересов» [Там же]. Таким образом, «государство Нового времени кристаллизовалось во все большей степени как нация-государство» [Там же].

Милитаризация государств также обусловила «замкнутость» (условие появления наций): «Капитализм и милитаристские государства начали формировать идеологию вокруг классов и наций» [Манн, 2018, 2.1: 320]; «развитие капитализма тесно переплелось с агрессивной геополитикой» [Там же: 326]; «его мобилизующий потенциал мог усилить концепции территориальных интересов и усугубить борьбу между отдельными нациями» [Там же]; к факторам, усиливающим «национализм» Манн относит также широкий политический комплекс, называемый «колониализмом».

Социологическое описание появления наций как *социальных общностей* (а не только «политических сообществ») у Манна выглядит так (подробнее см.: [Алавердян, Мальцев, 2020; Мальцев, Алавердян, 2021]). В качестве «общей схемы» применяется последовательный расширяющийся «охват» населения правами, связанными с «идеологическим», «политическим» и затем «социальным» гражданством. Нации появляются и обеспечивают «союзы» между «модернизирующимися «старыми порядками» и мелкой буржуазией» [Манн, 2018, 2.2: 213]; «новые классы требовали политического гражданства, а также идеологического гражданства, осуществляемого главным образом через финансируемое государством или регулируемое государством образование, что помогло объединить нацию и государство в нацию-государство» [Там же: 214]. Требование политического представительства, известное очень давно (лозунг «нет денег без представительства»), в *революционных войнах* приобретает особую значимость. В целом, борьба за политические и экономические права завершилась тем, что «к концу XIX в. народные нации мобилизовывали средний класс и многих крестьян и рабочих во всех европейских странах» [Там же: 409].

После получения «политического гражданства» (Манн иллюстрирует это на примере «французской революционной нации»), и, отчасти, «экономической защищенности» (на протяжении всего XIX в.), «логика промышленного развития» (а также «геополитика») ставит на повестку вопрос о «социальном гражданстве»; «в целом социальное гражданство медленно расширялось, по мере того как законы эффективно реализовывались государствами на их территориях в ответ на социальную борьбу, которая была обращена внутрь этих территорий. Это была универсальная тенденция транснационального процесса индустриализации, но она получала (внутри)национальное выражение в одной стране за другой. Борьба вокруг социальных прав имплицитно национализировала население, расширяя общие права и культуру, а также осуществляя перераспределение среди граждан. Массы явно были на авансцене, выдвигая существенные материальные требования и получая несколько меньшие блага» [Манн, 2018, 3: 440].

Наконец, «для того чтобы успешно бороться как класс или нация, им необходимы были смыслообразующие системы, воплощавшие высшие ценности, нормы, ритуалы и эстетические практики. Это требует идеологии в двояком смысле: как имманентной коллективной морали и как трансцендентного сообщения, которое придает моральный характер чьей-то коллективной идентичности и отрицает его у противника, тотализирует борьбу и представляет альтернативное сообщество, за которое стоит бороться. Действительно, моральная сила классов и особенно наций была совершенно очевидна» [Там же, 2.1: 290].

Таким образом, можно сделать предварительный вывод: взяв вместе описания, предложенные Л. Гринфельдом и М. Манном (оба «социологические», и оба появились почти в одно время), мы можем предположить, что получили картину «развития», когда практически «виртуальная» нация как «политическое сообщество» почти «клубного типа» постепенно обретает *массивность* «социальной общности» в масштабе государства, становится его «материей» – в «государстве-нации». Можно также сказать о необходимости «национальной формы»: только с ней могут связываться «сильные чувства», простой «гражданской лояльности» недостаточно для того, чтобы, во-первых, сохранить единство в конкурентной борьбе интересов, и, во-вторых, нападать/защищаться в межгосударственной борьбе (последнее – временно, до установления «мирового либерального политического порядка», которого ожидает Гринфельд, но в который, кажется, мало верит Манн). Наконец, соединение «свободы» и «мобилизации» обеспечивается специфическим пониманием «либерального управления», которое описано М. Фуко: нация в этом смысле – форма *отосредования*, обеспечивающая *управляемость* без грубого насилия.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ НАЦИИ: НАЧАЛО И ЦЕЛЬ

Однако нам нужно сделать еще один, последний шаг в исследовании перед тем, как подводить итог. Гринфельд считает «образцовой» «американскую нацию». Вот как она характеризуется Гринфельд: «Уни-

кальность, особенность (*uniqueness*) американской нации состоит в том, что в процессе своего долгого существования, национального существования, более долгого, чем у любого другого общества, за исключением Англии, она осталась верной изначальной идее нации и подошла ближе всех к осуществлению принципов индивидуалистического гражданского национализма. Она являет собой пример исполнения его изначального – демократического обета, доказательство его изначальной стойкости и жизненной силы, несмотря на его внутренние противоречия. Именно поэтому, а не почему-либо другому, не из-за своей новизны или разнородности, Америка – не такая, как другие нации» [Гринфельд, 2012: 460].

Особенностью «американского национализма» («национальной идеи») полагается то, что его «ἀρχή» *совпадает* с самим учреждением государства; в этом отношении он был *свободен* от любых «родимых пятен», которые, как утверждает Гринфельд, определяли характер «европейских национализмов». Более того: Х. Арендт [Арендт, 2011] утверждала, например, что американское государство было единственным, конституированным *без* «отнесения к абсолюту», как *гражданское*, в этом полагалась его «новизна» и «революционность». Современность началась как *революция* и *есть* революция; «американская нация» в этом отношении в точном смысле *революционна*, это «новая республиканская нация», которая выступает, по Гринфельду, «прообразом» той «единственной мировой нации», которая рассматривается как «собственная форма» нации и действительность которой «совпадает» с *понятием* нации (разумеется, в действительности, представленной в либеральной экономической парадигме). Здесь вполне уместна ссылка на Локка [Локк, 2014], которую делает Гринфельд (существует огромная литература, рассматривающая значение идей Локка для учреждения американского государства и американской нации): «Джон Локк во втором Treatise on Civil Government также определял политическую общность или «общее благо» (*commonwealth*) как «гражданское государство» или договор между разумными существами (*rational beings*), а не как мистическое единство, возникающее из общего происхождения: «ничто не может сделать любого человека членом государства (*commonwealth*)), кроме того факта, что данный человек действительно присоединяется к этому государству на основании определенных обязательств». Он не пользовался словом «нация», но общество, о котором он вел речь, несомненно, представляло собою нацию» [Гринфельд, 2012: 376].

Гринфельд пишет: «Условия, при которых развился гражданский национализм, были уникальными, и хотя там, где речь идет о национальной идентичности, исключительность не является исключением, это делает саму уникальность американского национализма чем-то особым» [Там же: 378]. Она полагает, что в основе американской национальной идентичности лежит «английская»; но «специфические условия», в которые была «пересажена» эта английская идентичность, обусловила еще одну ее *характерную особенность*: *только* «американская нация» абсолютно исключает из своего «состава» *этничность*: «Национальная идентичность в Америке предшествовала формированию не только

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.

особой (*specific*) американской идентичности (американскому чувству особенности, исключительности), но и институциональному каркасу американской нации и даже национальной территории. Именно благодаря такому необычному развитию, символическая природа национальности и ее глубинная независимость от материальных и «объективных» этнических и структурных факторов выступают особенно отчетливо» [Гринфельд, 2012: 378].

Содержание «американской идентичности» определяется на основе «гражданского согласия», «гражданской лояльности» в отношении своего государства (здесь подчеркивается обычно роль Конституции, в чем-то аналогичная роли Книги, которую Гринфельд отмечала как существенную черту «английской национальной идентичности»); таким образом обосновывается «общее мнение», что «у нее «нет идеологий, она сама себе идеология» [Там же]: «В Америке, на ее заре, идеология, твердое убеждение в том, что американское общество – есть нация, оставалось тем единственным, что было определено совершенно точно, а любая объективная характеристика этого общества – территория ли, ресурсы, институты и характер – была еще не определена» [Там же]. Данная идеология разрабатывалась «интеллектуалами» с «самого начала»: «Пока освоение Запада, огромная иммиграция и изменения экономического положения оседлого населения на Севере, формируя чувство национального единства, действовали скрытно, это же самое чувство открыто и сознательно ковали интеллектуалы, увлеченно создававшие национальный эпос» [Гринфельд, 2012: 416], и данный процесс *продолжается непрерывно*: республиканская нация, основанная на гражданском согласии, *совершенствуется* и *отвечает на вызовы* современности. Опять же, многие исследователи обращают внимание на значение переосмысливаемого и переутверждаемого «канона» (имеется в виду «литературный канон»), равно как и на то значение, которое образование имеет для «актуального состояния» содержания «американской идентичности».

Наконец, либеральные исследователи, и Гринфельд пишет об этом *прямо* (что, кстати, редкость), нисколько не сомневаются, что нации имеют *разную ценность*: «Нет более великой и – страшной – ошибки, чем считать, что все нации рождены и созданы равными. Люди рождаются равными, но нации – нет. Некоторые рождаются как сообщества суверенных личностей, где основной упор делается на свободу и равенство людей, некоторые создаются как «красивые великие личности», которые могут питаться людьми и проповедовать расовое превосходство и подчинение государству. Права наций, которые мы сейчас полагаем бесспорными, – в немалой степени, благодаря американской наивности, – имеют очень разную значимость и подоплеку в столь различных случаях» [Там же: 465], – утверждение, имеющее далеко идущие и многообразные *политические последствия*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ

Итак, можно делать выводы.

Нация представляется как феномен *современности*; она *есть* «ансамбль» из *разнородных элементов*,

объединенный *императивно заданной перспективой*, определяемой *основоположениями* «либеральной метафизики»; современность представлена в либеральной версии экономической парадигмы, ближайшим образом посредством того, что Фуко называет «управленческой парадигмой»; в этом смысле нация представляется *конструктом*, произведенным по определенным *правилам*, имеющим *нормативный* характер (лучше всего это высказано конструктивистом Р. Брубейкером [Брубейкер, 2012; Ломако, Мальцев, 2020b], который утверждает «отсутствие эмпирических оснований» для различения «республиканских» и «этнических» наций, которое, тем не менее, должно удерживаться как *нормативное*).

Нация конструируется в перспективе различия «рациональных, универсальных, то есть материальных ценностей» и «космологических, «особенных», представленных как *культурные ценности*» (последовательно это различие проведено Д. Лалом). В отношении «материальных ценностей», которые есть *интересы*, содержание «нации» *совпадает* с содержанием того, что называют *гражданским обществом*: *нормальная* нация представляется как *гражданская ассоциация*, основанная на свободном самоопределении индивидов как *граждан либерального политического порядка*: связь между нацией и государством *существенна* настолько, что позволяет оперировать в научном социологическом и политологическом дискурсах концептом «государства-нации». Уникальная констелляция исторических обстоятельств обусловила *разделенность* гражданского общества по государственным границам («клетка государства»: М. Манн), что является условием возможности *ряда действительных наций*.

Нация как «одна из основных форм гражданского общества» (М. Фуко) является *политической формой* для «гражданских обществ» *пока* суверенных государств; гражданское общество, в той степени, в какой принимает в расчет не только *интересы*, но и *ценности* (при безусловном приоритете именно интересов), представлено как нация в *политическом и культурном «измерениях»*.

Как политическое сообщество нация имеет свой процесс становления: он выстраивается относительно двух *событий*: революции и мобилизации, разделенных во времени. Первоначально нация как «политическое сообщество» представляется как «политический народ» (в связи с «борьбой вокруг суверенитета» в историко-политическом дискурсе (дискурс «войны»: М. Фуко); народ всегда «разделен в себе», – нацией называется политически активное меньшинство, которое выставляется как *репрезентация всего народа*. Х. Арндт (на основе анализа социальных процессов, связанных с Французской революцией) утверждает, что, по мере «овладения властью», народ как таковой утрачивает свою революционность, выдвигает требования гарантии социальных прав в *ущерб* политической активности и «политическому самовыражению», становится *консервативным*. Борьба за «социальное гражданство», с одной стороны, и необходимость мобилизации населения для реализации политики «государственных интересов», с другой, – обуславливает появление «массовых наций» (они называются по-разному), – социологически этот процесс описывается М. Манном.

Гражданская лояльность не способна сама по себе обеспечить *усилия*, и обосновать *жертвы*, необходимые для проведения политики «национального государственного интереса»; необходимая «эмоциональная энергия» может быть мобилизована посредством апелляции к общности, представленной «по типу семьи» (М. Манн): культурное единство, «моральное сообщество» (Б. Як [Як, 2017]), «миф нации» (К. Хюбнер [Хюбнер, 2001; Мальцев, Алавердян, 2020b]) являются формами, в которые должна «облечься» республиканская нация. Помимо специальных задач мобилизации, эти формы обеспечивают *единство* центростремительного гражданского общества без обращения к *прямому насилию* (Гегелевская схема [Гегель, 1990] отношений государства и гражданского общества, в которой государство как «действительность нравственной идеи» гарантирует именно *единство*, полагается до *времени* недостаточной). Однако предполагается, что окончательная «кристаллизация» либерального политического порядка, как глобального и универсального, позволит отказаться от этих, пока необходимых форм (определяемых как *культурные*): становление «всемирной республиканской нации» (Л. Гринфельд) есть *процесс снятия* «собственно национального», понимаемого как *специфическое*, в указанном выше смысле.

Собственно «национальное» представляется как *культурное*: определения «расы», «нации», «этноса» как исключительно социальных и культурных феноменов нацелены на *снятие* любой «субстанциальности»; противоположная позиция называется *фундаментализмом*, и объявляется научно несостоятельной, «морально неприемлемой» и «политически опасной». Наибольшие «затруднения» связаны с «этносом»: несмотря на *принципиальное* утверждение об этносах как «исторических» и «культурных» феноменах (И. Валлерстайн [Балибар и Валлерстайн, 2004], или Э. Смит [Смит, 2004], например), «этнические нации» представляются как своего рода «противоречие в определении»: своей действительностью они «бросают вызов» не только для либеральных дискурсов нации (их множество), но и для либерального политического порядка. В свою очередь, либеральное представление *культуры* (фундаментальная *критика* которой проведена М. Хайдеггером еще в 30-е гг. XX в. [Хайдеггер, 2016; 2018; 2019; Биньковская, Мальцев, 2021]) как *особенностей*, свободно выбираемых и комбинируемых индивидом по своему усмотрению, является *пригодным инструментом* для конструирования концепта нации «по правилам».

Представление нации, таким образом, *опосредует* «отношение» между «свободными индивидами-гражданами» и либеральным политическим порядком (до тех пор, пока национальные государства *еще не сняты* либеральным универсальным и глобальным политическим порядком, – то есть в *исторической перспективе*). Для этого необходимо также, чтобы индивид был представлен как «экономический человек», то есть разрешен в «субъекта интересов»; народ *стал населением*, – то есть они были *подготовлены* для того, чтобы стать элементами «диспозитива управления» (как его определял М. Фуко). Нация есть *инструмент*, посредством которого «предоставляется в наличие» *население*; есть референт, к которому отсылают в практике либерального правления. Она остается «политической»

в новом либеральном значении политики как управления; в этом отношении следует удерживать противоположность между «народом» (прямым способом, например, аккламацией, по К. Шмитту [Schmitt, 2014], конституирующему свою «политическую форму»: определение Шмиттом государства как политической формы народа) и «населением», референтом либерального представительного правления (современная идея которого описана, например, Анкерсмитом [Анкерсмит, 2014]).

Нация конструируется как «категориальная общность»; дискурсы, конструирующие концепт «нации», обращающиеся к «охватывающим причинам», и, с другой стороны, к «действующим причинам», будут различаться (в действительности всегда наличествует «комбинация» тех и других причин – в одном дискурсе); конструктивисты, специально обосновывающие применительно к процессу конструирования «концепта нации», «пригодные когнитивные инструменты» («групповость без групп», «разукрупнение нарративов», «новое представление идентичности»: Р. Брубейкер) для «моделирования действительности», обнаруживают, что под «общим именем» нации существует *многообразие* часто *несоизмеримых* дискурсов, каждый из которых, в свою очередь, «составлен» из разнообразных «элементов», – в зависимости от *цели*, которая поставлена в *данном случае* перед познанием. Как мы сказали, единство обеспечивается *жестким концептуальным каркасом* «либеральной метафизики».

Суть парадигматического представления в действительности в том, что в ней, в соответствии с ее основаниями, «проводятся границы» и, тем самым, открывается возможность для *объектов* (которые никогда не «сами по себе» и не «в начале»), которые *затем* тематизируются для исследования в дисциплинарно организованной новоевропейской науке. Вопрос о том, как относится к действительности либеральное представление республиканской нации, не *имеет смысла*, так как сама действительность изначально представлена парадигматически. До тех пор, пока нет *равноправной конкурирующей парадигмы* представления действительности, – а в настоящее время либеральная парадигма господствует в общественном знании, – *критика* представления нации как республиканской нации, как гражданской ассоциации, как «формы гражданского общества», которая претендовала бы на «осмысленное говорение», возможна только в форме критических высказываний о *подробностях* и о «противоречиях между» различными либеральными дискурсами нации, которые не способны *конституировать понятие* до тех пор, пока *процесс* становления республиканской нации как *мировой*, и либерального политического порядка как глобального и универсального, не завершен.

В действительности, представленной в либеральной версии экономической парадигмы, в современности, определяемой «управленческой парадигмой» *нет места нации*; есть *национальное*, «состав», «содержание» и «принцип конструкции» которого определяются всякий раз из *обнаруженных в наличии обстоятельств* исследователем, конструирующим *дискурс нации* применительно к тем *задачам*, которые он решает; возможное «гипостазирование нации» как объекта/субъекта

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.

действительности, наделение ее ролью в историческом и политическом процессах, есть один из инструментов, вопрос о пригодности которого для данного случая решается в перспективе «исследовательского проекта» в императивном соответствии с заданным «концептуальным каркасом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4–14.
2. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
4. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
5. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004, 288 с.
6. Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Современная культура как культурная политика: М. Хайдеггер о культуре как «феномене современности» // Евразийский юридический журнал, 2021. № 3 (154). С. 464–470.
7. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2012. 408 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
9. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
10. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
11. Локк Д. Два трактата о правлении. М.-Челябинск: Социум, 2014. 480 с.
12. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // Politbook. 2020a. № 3. С. 80–97.
13. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020b. № 8 (147). С. 430–434.
14. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020a. № 6. С. 42–52.
15. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020b. № 10 (149). С. 472–476.
16. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Социологическое представление возникновения европейских наций: опыт философской критики // Kant. 2021. № 2 (39). С. 209–225.
17. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Биополитическое производство жизни и «новая война»: опыт философского истолкования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 86–94.
18. Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л. Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 123–134.
19. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. Т. 2. Кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. М.: Дело, 2018. 503 с.
20. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. Т. 2, Кн. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. М.: Дело, 2018. 507 с.
21. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. Т. 3: Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы. М.: Дело, 2018. 682 с.
22. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.

Итак: «нация», прежде всего, есть мощный политический нарратив (в том значении, которое определил Ф.Р. Анкерсмит в «Нарративной логике» [Анкерсмит, 2003]; реальность «нации» сродни реальности, например, «ренессанса» в истории), пригодный для определения и производства современности.

REFERENCES

1. Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. Socio-historical discourse of the nation: Method and structure. *Izvestia of Higher Educational Institutions. The North Caucasus Region. Social Sciences*. 2020. No. 4 (208). Pp. 4–14. (In Rus.)
2. Ankersmith F.R. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians. Moscow: Idea-Press, 2003. 360 p.
3. Ankersmith F.R. Aesthetic policy. Political Philosophy beyond fact and value. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 432 p.
4. Arendt H. About the revolution. Moscow: Europe, 2011. 464 p.
5. Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, class. Ambiguous identities. Moscow: Logos Publishing House, 2004, 288 p.
6. Binkovskaya L.N., Maltsev K.G. Modern culture as cultural policy: M. Heidegger on culture as a “phenomenon of modernity”. *Eurasian Legal Journal*. 2021. No. 3 (154). Pp. 464–470. (In Rus.)
7. Brubaker R. Ethnicity without groups. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 408 p.
8. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p.
9. Grinfeld L. Nationalism. Five paths to modernity. Moscow: PER SE, 2012. 528 p.
10. Lal D. Praising the Empire: Globalization and order. Moscow: New Publishing House, 2010. 364 p.
11. Locke D. Two treatises on the board. Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2014. 480 p.
12. Lomako L.L., Maltsev K.G. The discourse of the “anti-terrorist war” and a just, that is, total, war. *Politbook*. 2020a. No. 3. Pp. 80–97. (In Rus.)
13. Lomako L.L., Maltsev K.G. The Constructivist paradigm in the study of the nation, nationalism, ethno-national conflict: Some critical remarks. *Eurasian Law Journal*. 2020b. No. 8 (147). Pp. 430–434. (In Rus.)
14. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political. *Humanities and Social Sciences*. 2020a. No. 6. Pp. 42–52. (In Rus.)
15. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Modern political philosophy and the “myth of the nation” by K. Hubner. *Eurasian Legal Journal*. 2020b. No. 10 (149). Pp. 472–476. (In Rus.)
16. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. The sociological representation of the emergence of European nations: The experience of philosophical criticism. *Kant*. 2021. No. 2 (39). Pp. 209–225. (In Rus.)
17. Maltsev K.G., Maltseva A.V. Biopolitical production of life and the “new war”: The experience of philosophical interpretation. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2021. No. 4. Pp. 86–94. (In Rus.)
18. Maltsev K.G., Maltseva A.V., Lomako L.L. Discourses of a new “hybrid” war: Content and criticism. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law*. 2021. Vol. 11. No. 4. Pp. 123–134. (In Rus.)
19. Mann M. Sources of Social Power. In 4 vols. Vol. 2. Book 1: The formation of classes and nation-states, 1760–1914. Moscow: Delo, 2018. 503 p.
20. Mann M. Sources of Social power. In 4 vols. Vol. 2. Book 2: The formation of classes and nation-states, 1760–1914. Moscow: Delo, 2018. 507 p.
21. Mann M. Sources of Social power. In 4 vols. Vol. 3: Global empires and revolution, 1890–1945. Moscow: Delo, 2018. 682 p.
22. Smith E. Nationalism and Modernism: A critical review of modern theories of nations and nationalism. Moscow: Praxis, 2004. 464 p.

23. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
24. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
25. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
26. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
27. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
28. Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
29. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 400 с.
30. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с.
31. Schmitt C. Volksentscheid und Volksbegehren. Ein Beitrag zur Auslegung der Weimarer Verfassung und zur Lehre von der unmittelbaren Demokratie. Berlin: Duncker & Humblot, 2014. 91 s.
23. Foucault M. We need to protect society. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1975–1976 academic year. St. Petersburg: Nauka, 2005. 312 p.
24. Foucault M. The birth of biopolitics. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1978–1979 academic year. St. Petersburg: Nauka, 2010. 448 p.
25. Foucault M. Security, territory, population. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977–1978 academic year. St. Petersburg: Nauka, 2011. 544 p.
26. Heidegger M. Reflections II–VI (Black notebooks 1931–1938). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2016. 584 p.
27. Heidegger M. Reflections VII–XI (Black notebooks 1938–1939). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. 528 p.
28. Heidegger M. Reflections XII–XV (Black notebooks 1939–1941). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 344 p.
29. Hubner K. Nation: From oblivion to rebirth. Moscow: Canon+, 2001. 400 p.
30. Yak B. Nationalism and moral psychology of the community. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2017. 520 p.
31. Schmitt C. Volksentscheid und Volksbegehren. Ein Beitrag zur Auslegung der Weimarer Verfassung und zur Lehre von der unmittelbaren Demokratie. Berlin: Duncker & Humblot, 2014. 91 s.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 74,79%

Рецензент: Чижов Е.Е., доктор экономических наук, профессор; зав. кафедрой теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова

Статья поступила в редакцию 24.12.2022, принята к публикации 20.01.2023

The article was received on 24.12.2022, accepted for publication 20.01.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова. Белгород, Российская Федерация. Author ID: 913126; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>; E-mail: pavic69@mail.ru

Алавердян Артем Левушевич, кандидат философских наук; Белгородский техникум промышленности и сферы услуг. Белгород, Российская Федерация. Author ID: 712074; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5363-9447>; E-mail: arti-medwd@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophy, Professor; Professor at the Department of Theory and Methodology of Science of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. Belgorod, Russian Federation. Author ID: 913126; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>; E-mail: pavic69@mail.ru

Artem L. Alaverdyan, Candidate of Philosophy; Belgorod Technical School of Industry and Services. Belgorod, Russian Federation. Author ID: 712074; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5363-9447>; E-mail: arti-medwd@mail.ru

5.7.3

Эстетика (философские науки) Aesthetics (Philosophical Sciences)

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-111-118

Особенности эстетического воспитания курсантов высших образовательных организаций системы МВД в процессе обучения иностранному языку

Е.Ю. Левитская^а ©, В.С. Аквит^б ©, Н.Н. Башлуева^с ©

Московский областной филиал Московского университета
Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация

^а E-mail: veta542011@mail.ru

^б E-mail: akvit.vs@yandex.ru

^с E-mail: bashlueva@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в определении педагогических подходов к эстетическому воспитанию курсантов 1 курса на занятиях по иностранному языку. В статье анализируется необходимость учета специфики эстетического воспитания курсантов первокурсников в ходе занятий по иностранному языку; обосновывается актуальность и важность эстетического воспитания как основы обогащения нравственного опыта и эмоциональной культуры, средства коррекции ценностных ориентиров формирующейся личности. Утверждается, что выявление эстетических предпочтений курсантов позволяет учесть индивидуальные потребности учащихся при массовом обучении иностранному языку и обеспечить формирование у них не только общекультурных компетенций, но и способности к взаимодействию в рамках профессиональной коммуникации на иностранном языке. В ходе работы применяются методы включенного наблюдения, опроса, количественного и качественного анализа. Это позволило выявить основные мотивы изучения иностранного языка курсантами, а также определить их эстетические предпочтения. Делается **вывод** об исключительной важности культурологического подхода при реализации эстетического воспитания в ходе аудиторной работы по иностранному языку.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, курсанты первого курса, эстетические предпочтения, воспитательная деятельность на занятиях по иностранному языку

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левитская Е.Ю., Аквит В.С., Башлуева Н.Н. Особенности эстетического воспитания курсантов высших образовательных организаций системы МВД в процессе обучения иностранному языку // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 111–118. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-111-118

The Peculiarities of Aesthetic Education of Cadets of Higher Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs in the Process of Foreign Language Teaching

E.Yu. Levitskaya^a ©, V.S. Akvit^b ©, N.N. Bashlueva^c ©

Moscow Regional Branch of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: veta542011@mail.ru

^b E-mail: akvit.vs@yandex.ru

^c E-mail: bashlueva@mail.ru

Abstract. *The purpose of the research* is to determine pedagogical approaches to aesthetic education of first-year cadets at foreign language classes/ In this article the necessity of taking into account the peculiarity of first-year cadets' aesthetic education during scheduled foreign language educational activities is analyzed; both the relevance and importance of aesthetic education as the basis of moral experience and affective culture enrichment and the means of correcting values of a forming personality are grounded. It is stated that examining cadets' aesthetic preferences let heed cadets' individual needs scrupulously in the framework of mass foreign language teaching and ensure not only building cadets' general cultural competences but also foreign language skills promoting professional interaction. The methods of participant observation, questionnaire, qualitative and quantitative analysis are used. They let reveal the main motives for cadets' learning foreign languages and also array their aesthetic preferences. It is **concluded** that the culturological approach plays a particularly important role in aesthetic education implementation at foreign language classes.

Key words: aesthetic education, first-year cadets, aesthetic preferences, foreign language scheduled educational activities

FOR CITATION: Levitskaya E.Yu., Akvit V.S., Bashlueva N.N. The Peculiarities of Aesthetic Education of Cadets of Higher Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs in the Process of Foreign Language Teaching. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 111–118. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-111-118

ВВЕДЕНИЕ

Современный период развития российской истории и образования характеризуется сменой ценностных ориентиров. Известные события, к огромному сожалению, привели к разрушению ценностей старшего поколения и духовно-нравственного единства нашего общества, деформируя традиционную для нашей страны общественную нравственность и моральное самосознание. Все это не могло не повлиять на изменение жизненных приоритетов молодежи, ее этических и эстетических представлений, при этом подчас полностью разрушались и отрицались достижения предшествующих поколений педагогов и воспитателей. Поэтому именно сейчас, когда наша страна стоит на пороге осознания нового уклада жизни, необходимости наработки опыта создания собственной системы образования, четкого формулирования педагогических требований, выработки корпоративной образовательной позиции высшей школы, укрепления ее интересов и положения на мировом уровне, вопросы воспитания студенческой молодежи в ходе целостного педагогического процесса выходят на первый план. Стало

совершенно очевидно, что только через духовное обновление, объединение культур разных народов Россия способна оставаться сверхдержавой. Не случайно на современном этапе российское законодательство отводит воспитанию вообще и воспитанию в высшей школе, в частности, ключевую роль в духовно-нравственной консолидации российского общества [2; 1].

ВОПРОСЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ ВУЗА МВД НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Казалось бы, что значение эстетического воспитания в развитии общей культуры личности курсантов, их творческого потенциала, который будет способствовать формированию в конечном итоге их духовности и правильной мотивации в служебной деятельности, не вызывает никаких сомнений. Даже беглый анализ эстетико-философской литературы показывает, что имеется огромное количество научных работ ведущих отечественных ученых (таких как Ю.Б. Борев, А.А. Веремьев, Д.Б. Кабелевский, М.С. Каган, П.Ф. Каптерев,

Н.И. Киященко, Д.С. Лихачев, Б.М. Неменский, М.Ф. Овсянников, А.В. Репринцев, О.В. Суходольская-Кулешова, К.Д. Ушинский и др.), в которых раскрывается сущность, цели и задачи эстетического воспитания, его особенности на разных этапах общественного развития, а также роль в формировании личности.

Однако изучение научной литературы [3–5; 7; 8 и др.] и наш собственный педагогический опыт свидетельствует о том, что в системе обучения студентов неязыковых вузов вообще и курсантов вузов МВД в частности, этому вопросу уделяется весьма незначительное внимание. Как правило в учебных планах неязыковых вузов отсутствуют такие предметы как культурология или на них отводится весьма незначительное количество часов, а мощнейший эстетико-воспитательный потенциал иностранных языков также используется весьма слабо, что также связано с небольшим количеством часов, выделяемых на их изучение. Более того, из-за сложившейся в настоящее время в мире неблагоприятной для России международной обстановки, среди специалистов и преподавателей иностранных языков возникло мнение, что преподавание иностранных языков, главным образом западных, в неязыковых вузах сейчас неактуально и их изучение стоит отменить или сделать факультативным (путь, по которому, кстати, уже пошли некоторые вузы, в частности, НИУ «Высшая школа экономики»). Подобная точка зрения вызывает недоумение. Ведь изучение языков составляет основу человеческой культуры. И хотя исторический спор о взаимосвязи и взаимоотношении языка и культуры, начавшийся с выдвинутой еще Платоном идеи о том, что язык создает культуру и расколовший ученых – мыслителей на два лагеря (ведь многие, например, Дж. Локк, В. Гумбольдт считали, что «язык – пассивное дитя культуры» [7: 349]) до сих пор не разрешен, тем не менее, и ученые древности, и современные специалисты (А. Вежбицкая, Г.О. Винокур, В.В. Колесов, Ю.М. Лотман, А.С. Мамонов, М.К. Петров, Э. Сепир, Н.И. Толстой) единодушно сходятся во мнении, что язык и культура не могут существовать друг без друга, они неразделимы. Ведущий российский лингвист Г.О. Винокур в статье «О задачах истории языка» сформулировал четкий тезис о том, что язык есть условие и продукт человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, которое связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия [10]. А содержание языка, по мнению одного из крупнейших американских лингвистов первой половины XX в. Эдуарда Сепира тесно взаимосвязано с культурой, которая, в свою очередь, является «символическим путеводителем в мире языка, ключом к овладению им» [16: 210]. Это особенно важно помнить при организации процесса обучения будущих сотрудников внутренних дел, чья служебная деятельность должна быть напрямую нацелена на защиту нравственных и эстетических ценностей общества и жестко противостоять безнравственным поступкам и антигуманному поведению. В этом смысле интересно ознакомиться с опытом Соединенных Штатов Америки, претендующих на роль ведущих в области образования вообще, и подготовки сотрудников правоохранительных органов в частности. Еще в 1970-е гг. профессор общественного колледжа Эрика Джордж Ланкес отмечал,

что «сразу после Второй мировой войны в странах англосаксонских традиций и особенно в США начали стремительно появляться самые разнообразные учебные программы по подготовке полицейских кадров» [13: 587]. Поскольку особых требований к общей академической подготовке претендентов не предъявлялось, то наибольшее распространение получили формы профессиональной подготовки на рабочем месте без отрыва от производства как средства не только практической подготовки новобранцев, но и их теоретического обучения, а также идеологической обработки. Так, в штате Нью-Йорк уже в 1945 г. была начата долгосрочная программа подготовки полицейских кадров на рабочем месте, инициированная начальниками полиции совместно с шерифами и ФБР. А в 1959 г. был создан Общественный Совет по подготовке полицейских, который приступил к организации и контролю за выполнением требований к специальной подготовке полицейских без отрыва от производства. В целом программы были краткосрочными. И совершенно понятно, что краткосрочность данных программ (первоначально их продолжительность не превышала 80 часов) вынуждала их руководителей, несмотря на разработанные стандарты начальной подготовки полицейских кадров, предполагавших развитие определенных морально-нравственных качеств будущих сотрудников (таких как социокультурная ориентированность, воспитанность, чувство долга) максимально приблизить ее к практической деятельности и направить все усилия на формирование у них в первую очередь навыков владения огнестрельным оружием, обеспечения личной безопасности и поведения в экстремальной ситуации. О формировании так называемых надпрофессиональных навыков речь не шла.

Однако, по мере усложнения деятельности полицейских все отчетливее стали звучать голоса тех, кто считал, что только образованный полицейский может стать опорой общества [15]. И многие высшие учебные заведения стали присоединяются к работе по подготовке полицейских кадров, приступая к разработке и введению в свои учебные планы новой учебной дисциплины «Полицейская наука» [13: 587]. Проведенный нами анализ учебных планов ведущих вузов США, осуществляющих подготовку сотрудников полиции в разных областях их будущей деятельности, отчетливо показал: несмотря на то, что децентрализованная система обучения полицейских позволяет максимально учитывать особенности того региона, где проходит обучение, университеты и колледжи крайне редко включают в учебный процесс дисциплины, отражающие эту специфику, а также дисциплины, формирующие общекультурные компетенции. Они ориентируется, судя по всему, на основной принцип отбора содержания образования сотрудника органов внутренних дел, сформулированный весьма общо еще в 1970-е гг. А.З. Гаммаджем, Т.У. Банионом, Р.В. Тайлером. Этот принцип гласил: «Содержание образования должны определять компетенции, позволяющие будущему сотруднику правоохранительных органов успешно осуществлять свою профессиональную деятельность» [14: 300]. А поскольку, несмотря на вариативность требований в зависимости от программы, в среднем для получения диплома в области уголовного правосудия на уровне бакалавриата (обе

степени – младшего специалиста и бакалавра) необходимо набрать всего 120–125 кредитов, становится понятно, почему вузы предлагают исключительно курсы, направленные на формирование профессиональных навыков. Дисциплины, формирующие общекультурные компетенции встречаются крайне редко. При этом это предметы по выбору. Так, колледж Монро по направлению «Уголовное правосудие» предлагает два предмета по выбору для обучающихся для получения степени младшего специалиста в этой сфере. Это курсы по выбору «Гуманитарные науки» и «Вопросы этики в области уголовного правосудия». При этом продолжительность этих курсов крайне мала – всего три часа. Справедливости ради надо отметить, что вузы, предлагающие узконаправленные специальные программы подготовки (например, колледж уголовного правосудия Джона Джея, который предлагает программы по токсикологии, культурологии, проверки мошенничества и др., или Государственный университет Пенсильвании, в котором кафедра криминологии совместно с кафедрой социологии, ориентируясь на мультикультурность региона, предлагает курсы, затрагивающие вопросы пересечения расы, пола и культуры в системе уголовного правосудия) вводят в свои учебные планы общеобразовательные предметы, такие как экономика, информатика и история, но только на уровнях второй ступени бакалавриата – BA и BS.

Опрос, проведенный среди руководителей 47 четырехгодичных колледжей и университетов, предлагающих программы по подготовке сотрудников правоохранительных органов, подтвердил, что при отборе содержания обучения полицейских они единодушно ориентируются на вышеуказанный принцип. 2/3 из них назвали следующие курсы в порядке убывания их значимости в качестве обязательных:

- 1) юридические аспекты работы правоохранительных органов;
- 2) навыки общения;
- 3) философия и история правоохранительных органов;
- 4) принципы управления;
- 5) психология;
- 6) преступность среди несовершеннолетних.

При этом необходимость обязательного изучения иностранных языков была упомянута не более двух раз, а этическое и эстетическое образование – ни разу. И это в стране, которая активно реализует иммиграционную политику и требует от сотрудников правоохранительных органов искать и находить коммуникативные выходы из конфликтов в ситуациях несовпадения языковых, культурных и религиозных кодов.

Интересно, что в последнее время частично заполнить пробел в эстетическом образовании сотрудников полиции пытаются крупнейшие музеи страны. В СМИ (в частности, в журналах *Arts and Culture*, *Art and Design*, газете *Times*) появились статьи журналистов Н. Хиршфельда, Дж. О'Брайен и других под названиями «Обучение полицейских видеть», «После патрулирования – в музей: искусство помогает офицерам полиции учиться видеть детали», «Знакомство с произведениями искусства помогает полицейским обращать внимание на детали». В статьях анализируется, начатый еще в 2004 г. историком искусств Э. Херман курс при Нью-Йоркском музее искусств Метрополитен «Искус-

ство восприятия». Основной целью курса является активизация мыслительной деятельности обучаемых при рассмотрении деталей классических художественных произведений (например, картины Караваджо «Привлечение святого Матфея»). Условием и стимулом для активизации мыслительной деятельности в рамках этого курса является эвристическая беседа, построенная на основе серии наводящих вопросов и примеров и ориентирующая обучаемых на организацию творческого продуктивного мышления, коллективного решения задач беседы при интерпретации деталей предложенного к рассмотрению произведения. И хотя данный курс обучения задумывался и реализуется как профессионально ориентированный, он не учит искусству как таковому, но, тем не менее, можно говорить и о его общекультурной ценности, помогающей в определенной мере эстетически развивать обучаемых и изменить в положительную сторону их отношение к профессиональной деятельности. Другим примером в области эстетического воспитания может служить деятельность Смитсоновского музея Вашингтона. Для тех, кто хотел бы расширить свои познания в области искусства, этот музей в своих научных лабораториях разработал учебные материалы, ознакомиться с которыми сотрудники полиции могут в дистанционном режиме.

Что касается отечественного образования, то в последние годы, когда навыки профессиональной коммуникации как на родном, так и на иностранных языках серьезно усиливают конкурентоспособность специалиста, в неязыковых вузах в ходе обучения иностранному языку основное внимание преподавателей направлено на обеспечение усвоения студентами максимального количества профессиональных терминов, формирование и совершенствование умений работы с профессионально-ориентированными дискурсами, отражающими потребности их будущей профессии. Для достижения этих целей в условиях дефицита часов, отводимых на иностранный язык в неязыковом вузе, и учитывая общий невысокий уровень языковой подготовки обучаемых, преподаватели направляют свои усилия главным образом на формирование у обучаемых так называемой компенсаторной (стратегической) компетенции, использование постоянно совершенствующихся стратегий и приемов которой помогают им преодолеть не только барьеры обработки и передачи информации, но и речевые, коммуникативные трудности. Безусловно, данная компетенция в первую очередь активизирует и оптимизирует процесс пополнения терминологического запаса студентов, усиливает профессиональную направленность обучения иностранному языку. Но в то же время, она в конечном итоге способствует снятию и социокультурных трудностей, которые испытывают обучаемые. Происходит своего рода интегрирование профессиональных и личностных качеств, в которых проявляется уровень эстетической воспитанности обучаемых, их творческая инициатива, степень развития познавательных навыков, которые помогают сформировать высокопрофессиональную культуру будущего специалиста. Именно поэтому эстетическое становление личности обучаемого, формирование и совершенствование его эстетической потребности, которая напрямую связана «с потребностью добра, организации жизни в соответствии

с принципами подлинной нравственности...» [5: 11], должны быть в центре педагогического воздействия. Это вызывает закономерные вопросы. Каковы должны быть наиболее эффективные пути этого воздействия в ходе обучения иностранному языку? На какие особенности организации эстетического воспитания курсантов 1 года обучения необходимо направить усилия преподавателю иностранного языка?

Первым шагом нашего исследования стало анкетирование курсантов-первокурсников, результаты которого показали следующую положительную с точки зрения организации эстетического воздействия тенденцию. Для подавляющего большинства опрошенных максимальная значимость мотива для изучения иностранного языка такова: повышение культурного уровня и дальнейшее саморазвитие (табл. 1)

Таблица 1

Различия в степени значимости различных мотивов изучения иностранного языка курсантов первого года обучения
[Order of importance differences of various reasons for first-year cadets English language learning]

Мотив изучения иностранного языка [Reason for English language learning]	Степень значимости мотива [Order of importance]
Повышение исходного уровня иностранного языка, который был достигнут на предыдущей ступени образования [Improvement of the basic foreign language level achieved at the previous stage of training]	Низкая (5,2% респондентов) [Low (5.2% respondents)]
Приобретение уровня коммуникативной компетенции, достаточного для решения задач в бытовой деятельности [Acquiring the communication competence level sufficient for solving everyday communication problems]	Очень низкая (1,2% респондентов) [Very low (1.2% respondents)]
Приобретение уровня коммуникативной компетенции, достаточного для решения задач в профессиональной деятельности [Acquiring the communication competence level sufficient for solving professional communication problems]	Высокая (30,4% респондентов) [High (30.4% respondents)]
Приобретение уровня коммуникативной компетенции, достаточного для дальнейшего самообразования и повышения культурного уровня [Acquiring the communication competence level sufficient for solving everyday communication problems high enough for further self-education and raising the cultural level]	Очень высокая (63,2% респондентов) [Very high (63.2% respondents)]

Полученные данные подтверждают очевидный вывод о необходимости организации процесса обучения иностранному языку курсантов вуза на основе культурологического подхода, объединяющего языковые, страноведческие и эстетические знания. Анализ научных работ, посвященных изучению этого вопроса, показал, что при реализации культурологического подхода сформировались устойчивые общие стереотипы воздействия на сознание обучаемых языковыми средствами. В первую очередь речь идет о формировании лингвистических знаний (главным образом ритма, интонации и звуковой стороне речи на иностранном языке, вызывающей эмоциональный отклик у обучаемых), расширении фоновых знаний о странах изучаемого языка, их вклад в мировую культуру. Безусловно, подобный коммуникативно-страноведческий подход призван создать целостную систему представлений о странах изучаемого языка, но, к сожалению, отказ ряда авторов от принципа страноведческой актуальности и адекватности при отборе учебного материала, отсутствие учета эстетических предпочтений обучаемых затрудняет процесс освоения ими иностранного языка, снижая возможности эстетического воспитания через данный учебный предмет. Все это в конечном итоге негативно влияет на их познавательный интерес, связанный с потребностью узнать что-то новое об изучаемом объекте.

При этом, мы тоже вслед за отечественными специалистами [3–5; 8; 9 и др.], отмечаем необходимость и важность целенаправленного отбора и использова-

ния на занятиях по языку эстетически ориентированного учебного материала. Однако, анализируя особенности эстетического воспитания курсантов 1 курса на занятиях по иностранному языку, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что основным педагогическим условием повышения эффективности эстетического воспитания молодежи является отбор материала на основе их предпочтений, поскольку проникновение в новую национальную культуру идет у них главным образом через их предпочтения, эстетическую впечатлительность, восприимчивость, закладывая основы их эстетической культуры в целом Их интересует культурная жизнь и современная действительность стран изучаемого языка, но в первую очередь с точки зрения специфики будущей профессиональной деятельности, Это и понятно. У первокурсников все, что связано с выбранной ими будущей профессией, вызывает особый интерес. А однообразие представленных в пособиях тем страноведческого учебного материала, которые зачастую повторяют темы школьной программы, притупляет внимание курсантов, снижают динамику проведения занятия, снижают степень эстетического воздействия, а подчас и вовсе сводят его «на нет».

Вышесказанное подтверждают результаты ранжирования по степени личностной значимости определенных компонентов воспитывающего эстетического потенциала иностранного языка, полученные нами в ходе опроса курсантов-первокурсников вуза МВД. Курсанты должны были ответить на вопрос, изучение каких из представленных ниже компонентов является

для них наиболее интересным и значимым на занятиях по иностранному языку:

- 1) ритмомелодическая и звуковая сторона речи на иностранном языке;
- 2) речевой этикет;
- 3) географическое положение страны изучаемого языка;
- 4) культурное наследие стран изучаемого языка;
- 5) служебный этикет, определенный и закрепленный уставами, приказами, инструкциями и положениями о прохождении службы в странах изучаемого языка;
- 6) особенности организации внеслужебного времени сотрудников иностранных служб;
- 7) самостоятельное художественное творчество сотрудников органов внутренних дел;

- 8) особенности спортивной подготовка сотрудников органов внутренних дел;
 - 9) награды и знаки общественного внимания к сотрудникам органов внутренних дел;
 - 10) специфика проведения церемонии награждения сотрудников органов внутренних дел;
 - 11) специфика проведения торжественных ритуалов (присяги, торжественных собраний, посвященные памятным датам). Их организованность, структура, оформление, художественное, хореографическое и музыкальное сопровождение;
 - 12) предметная среда подразделений органов внутренних дел;
 - 13) особенности подготовки сотрудников органов внутренних дел;
- Полученные результаты представлены на рис. 1.

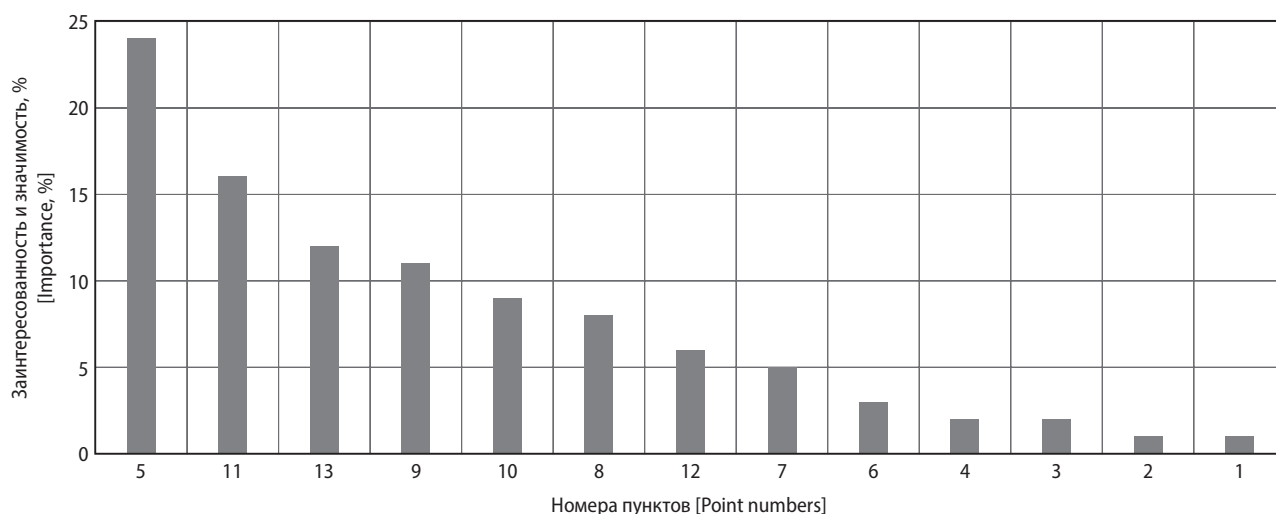

Рис. 1 [Fig. 1]

ВЫВОД

Проведенный нами анализ показал, что иностранный язык как учебный предмет обладает огромным потенциалом для эстетического воспитания при условии, если его преподавание ведется на основе культурологического подхода, объединяющего языковые, страноведческие и эстетические знания. Однако реализация этого подхода к организации учебного процесса на 1 курсе вуза МВД должна строиться на постоянном мониторинге эстетических предпочтений курсантов, которые послужат вектором в отборе эстетически ориентированного учебного материала и помогут преподавателю формировать и совершенствовать эстетические потребности обучаемых, открытость миру, диалогичность с другими национальными культурами их способность к эстетическому анализу не только в профессиональной сфере, но и в повседневной жизни. Ведь сформированный эстетический вкус позволит повысить как качество службы будущих сотрудников МВД, так и их творческий подход к ней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного и опираясь на утверждение о необходимости и важности культурологического подхода при организации эстетического воспитания на занятиях по иностранному языку, нам хотелось бы в заключение отметить, что, хотя изучение эстетических предпочтений курсантов и дает более четкие ориентиры для отбора содержания обучения, но это не означает, что оно способствует отбору ситуаций речевого общения, активного языкового материала, подлежащего усвоению, формированию речевых навыков. Не следует упускать из вида тот факт, что коммуникативная компетенция базируется не только на знании социокультурных правил, но и языковых. Необходимость организации параллельного изучения языка и культуры ставит перед преподавателями неязыкового вуза, в котором предмет «Иностранный язык» является непрофильным, трудные задачи и побуждают их искать эффективные пути их решения. Нам кажется, что они лежат в сфере цифрового обучения, которое делает акцент на фактор индивидуальной мотивации курсантов через создание конструктора гибких курсов, позволяющих сформировать индивидуальную образовательную траекторию освоения учебного контента в рамках концепции вариативной уровневой иноязычной подготовки в неязыковом вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный Закон № 304-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О внесении изменений в Федеральный Закон “Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».
2. Распоряжение правительства Российской Федерации от 12.11.2020 № 2945-Р «Об утверждении плана мероприятий и реализации в 2021–2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».
3. *Абрамова Л.З.* Воспитание эстетической культуры студента в образовательном процессе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2006. 23 с.
4. *Береснев А.А.* Эстетическое воспитание студентов неязыковых вузов средствами английского языка // Проблемы современного педагогического образования. Симферополь: Изд-во Крымского федер. ун-та им. В.И. Вернадского, 2021. С. 46–48.
5. *Бочарова Э.М.* Перспективы духовно-нравственного и эстетического воспитания молодежи в вузе // Социально-экономические, политические, правовые и духовные проблемы региона (к 200-летию Кавказских Минеральных Вод): материалы конференции. Пятигорск, 2018.
6. *Гришин А.А.* и др. Эстетическая культура сотрудников органов внутренних дел России: учеб. пособие. М.: ШИТ-М, 2006. 288 с.
7. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М: Прогресс, 1985. 452 с.
8. *Дерюгина И.В.* Эстетическое воспитание студентов неязыковых вузов средствами иностранного (английского) языка: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 24 с.
9. *Каграманян К.А.* Эстетическое воспитание курсантов в процессе обучения иностранному языку в вузе МВД России: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. 181 с.
10. *Ларионова М.В.* О проблеме профильно-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Философские науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). С. 94–96.
11. *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном / отв. ред. С.О. Шапиро. М.-СПб.: Наука; Логос, 2006. 267 с.
12. *Милюта Т.Ю.* Особенности эстетического воспитания курсантов вуза МВД в процессе досуга // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности: Матер. V Всерос. с междунар. участием студенческой науч.-практ. конф. Пермь, 8 октября 2020 г. Ч. 2. С. 214–224.
13. *Lankes G.A.* How should we educate the police // *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1971. Vol. 61. No. 4. Pp. 587–592.
14. *Marsh R.F., Stickler W.H.* Curriculum for law enforcement personnel // *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1972. Vol. 63. No. 2, by Northwestern University School Law. Pp. 300–303.
15. *Mirich J.J.* The qualified policeman – the backbone of society // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 1959. Vol. 50. Issue 3. Art. 19. Pp. 315–317.
16. *Sapir E.* The status of linguistics as a science // *Language*. 1929. Vol. 5. No. 4. Published by: Linguistic Society of America. Pp. 207–214.

REFERENCES

1. Federal Statute No. 304-FZ dated of July 31, 2020 “On introduction of amendments to the Federal Law ‘On Education in the Russian Federation’ on student upbringing issues”.
2. The Russian Federation Government Order dated of 12.11.2020 No. 2945-P “On approval of the plan of measures and implementation of the strategy of upbringing improvement in the Russian Federation from 2021 up to 2025”.
3. *Abramova L.Z.* Aesthetic culture training of a student in the educational process. PhD Theses. Orenburg, 2006. 23 p.
4. *Beresnev A.A.* Aesthetic education of non-linguistic university students by means of the English language. In: Problems of modern pedagogical education. Simferopol: Crimea State University named after V.I. Vernadskiy, 2021. Pp.46–48.
5. *Bocharova E.V.* Spiritual, moral and aesthetic education perspectives of University youth. In: Socio-economic, political, legal and spiritual regional problems (to the Caucasus Mineral Vody 200th anniversary): Conference proceedings. Pyatigorsk, 2018.
6. *Grishin A.A.* et al. Aesthetic culture of members of the internal bodies of Russia: Training manual. Moscow: Shchit-M, 2006. 288 p.
7. *Gumboldt V.* Language and Culture Philosophy. Moscow: Progress, 1985. 452 p.
8. *Deryugina I.V.* Aesthetic education of non-linguistic university students by means of a foreign (English) language. PhD Theses. Moscow, 2008. 24 c.
9. *Kagramanyan K.A.* Cadet aesthetic education in the process of teaching foreign languages in Russia MIA University. St. Petersburg, 2007. 181 p.
10. *Larionova M.V.* On problem of profession-oriented foreign language teaching of nonlinguistic specialties students. *Philosophical Sciences. Issues of theory and practice*. 2013. No. 9 (27). Pp. 94–96. (In Rus.)
11. *Likhachev D.S.* Letters on the good and beautiful. Editor-in-chief S.O. Shapiro. Moscow-St. Petersburg: Nauka; Logos, 2006. 267 p.
12. *Milyuta T.Yu.* Peculiarities of aesthetic education of courses of the University of the MIA in the process of leisure. In: Legal, socio-economic, psychological aspects of ensuring national security: V all-Russian with International Participation Conference proceedings. Perm, October 8, 2020. Part 2. Pp. 214–224.
13. *Lankes G.A.* How should we educate the police. *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1971. Vol. 61. No. 4. Pp. 587–592.
14. *Marsh R.F., Stickler W.H.* Curriculum for law enforcement personnel. *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1972. Vol. 63. No. 2, by Northwestern University School Law. Pp. 300–303.
15. *Mirich J.J.* The qualified policeman – the backbone of society. *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 1959. Vol. 50. Issue 3. Art. 19. Pp. 315–317.
16. *Sapir E.* The status of linguistics as a science. *Language*. 1929. Vol. 5. No. 4. Published by: Linguistic Society of America. Pp. 207–214.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 84,19%

Р е ц е н з е н т: *Королева Е.Г.*, кандидат филологических наук, майор полиции; зам. начальника кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя

Статья поступила в редакцию 24.12.2022, принята к публикации 26.01.2023

The article was received on 24.12.2022, accepted for publication 26.01.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Левитская Елизавета Юрьевна, кандидат педагогических наук; доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя. Москва, Российская Федерация. E-mail: veta542011@mail.ru

Аквит Виктория Сергеевна, преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя. Москва, Российская Федерация. E-mail: akvit.vs@yandex.ru

Башлueva Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук; доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя. Москва, Российская Федерация. E-mail: bashlueva@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elizaveta Yu. Levitskaya, PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Socio-economic and Humanities of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. Moscow, Russian Federation. E-mail: veta542011@mail.ru

Viktorija S. Akvit, lecturer at the Department of Socio-economic and Humanities of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. Moscow, Russian Federation. E-mail: akvit.vs@yandex.ru

Natalia N. Bashlueva, PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Socio-economic and Humanities of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. Moscow, Russian Federation. E-mail: bashlueva@mail.ru

Социокоммуникативные аспекты представлений о доверии обучающихся бакалавриата московских вузов

Е.В. Воеводина^а ©, Ю.П. Тен^б ©, А.Г. Тюриков^с ©

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

^а E-mail: evvovodina@fa.ru

^б E-mail: YPTen@fa.ru

^с E-mail: t-ag2013@yandex.ru

Аннотация. Интерес к анализу доверия в социальных коммуникациях обусловлен тем, что современное общество, подвержено ряду глобальных вызовов, в том числе в экономической и политической сфере. Молодежь как наиболее восприимчивая и лабильная группа населения может испытывать отрицательное влияние этих вызовов, сопряженное с кризисом ценностей и социальных ориентиров. **Цель исследования** – анализ представлений о доверии обучающихся бакалавриата московских вузов в контексте социальных коммуникаций. Эмпирические данные представлены результатами анкетирования студентов очной формы обучения, проживающих в Москве и Московской области ($n = 441$, 2021 г.). Теоретико-методологическую основу исследования образуют теории доверия российских и зарубежных исследователей (Ф. Фукуяма, Ю. Ло, П.М. Дони, В.Ю. Столяр, П.М. Козырева, С.В. Рыжова и др.). **Результаты исследования** показывают неоднозначность представления о доверии студентов университета. В построении доверительных отношений наиболее значимы для студентов честность, открытость и искренность. Большинство считает невозможными отношения без доверия с родственниками и друзьями. В межкультурных коммуникациях более легким выглядит выстраивание доверительных отношений с гражданами постсоветского пространства. При этом в вопросе определения барьеров доверия наиболее значимым оказался социокультурный барьер (разность менталитетов, норм, ценностей, наличие стереотипов и др.), а также языковой барьер. **Выводы и рекомендации**, представленные в статье, могут быть использованы в проведении дальнейших исследований доверия в студенческой среде, а также для принятия управленческих решений по укреплению ценности доверия в воспитательной работе образовательных учреждений.

Ключевые слова: доверие, коммуникация, межкультурная коммуникация, студенческая молодежь, барьеры коммуникации, высшее образование

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Воеводина Е.В., Тен Ю.П., Тюриков А.Г. Социокоммуникативные аспекты представлений о доверии обучающихся бакалавриата московских вузов // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 119–128. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-119-128

Socio-communicative Aspects of Trust Concepts Among Bachelor Students of Moscow Universities

E.V. Voevodina^a ©, Yu.P. Ten^b ©, A.G. Tyurikov^c ©

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: evvoevodina@fa.ru

^b E-mail: YPTen@fa.ru

^c E-mail: t-ag2013@yandex.ru

Abstract. Interest in the analysis of trust in social communications is due to the fact that modern society is subject to a number of global challenges in economics and politics. Young people, as the most susceptible and labile group of the population, may experience the negative impact of these challenges, coupled with a crisis of values and social guidelines. *The purpose of the research* is to analyze the perceptions of trust among bachelor students from Moscow universities in the context of social communications. Empirical data are presented by the results of a survey of full-time students living in Moscow and the Moscow Region ($n = 441$, 2021). The theoretical and methodological basis of the study is formed by the theories of trust of Russian and foreign researchers (F. Fukuyama, Yu. Lo, P.M. Doni, V.Yu. Stolyar, P.M. Kozyreva, S.V. Ryzhova, et al.). The scientific novelty of the study is the identified patterns of the phenomenon of trust in the youth environment. The results of the study show the ambiguity of the interpretation of trust by students. In building trusting relationships, honesty, openness and sincerity are most significant for students. Most consider it impossible to have relationships without trust with relatives and friends. In intercultural communications, it is easier for students to trust post-Soviet citizens. For barriers of trust, the most significant was the socio-cultural barrier (difference in mentality, norms, values, the presence of stereotypes, etc.), as well as the language barrier. *The conclusions and recommendations* presented in the article can be used in further research on student trust, as well as for making managerial decisions to strengthen the value of trust in education.

Key words: trust, communication, cross-cultural communication, student youth, communication barriers, higher education

Acknowledgments. The article is based on the results of research carried out under the State assignment to the Financial University.

FOR CITATION: Voevodina E.V., Ten Yu.P., Tyurikov A.G. Socio-communicative Aspects of Trust Concepts Among Bachelor Students of Moscow Universities. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 119–128. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-119-128

ВВЕДЕНИЕ

В свете сложных и противоречивых реалий экономических, политических и социокультурных взаимодействий между народами, доверие приобретает особую значимость. Если интеграционные процессы приводят к росту межкультурного взаимодействия и взаимозависимости между странами и регионами, к формированию общезначимой системы идеалов, норм и ценностей, то, напротив, процессы дезинтеграции – к сокращению международных контактов, к росту напряженности и углублению разночтений в интерпретации социокультурных концептов. Примером может служить история постсоветских государств. С 1990-х гг. радикальные социально-идеологические, политико-культурные и экономико-правовые преобразования в ряде постсоветских стран привели к разрушению советской системы идеалов, норм и паттернов, кризису ценностей. За более чем три десятка лет в постсоветских странах усилился процесс роста

культурных различий между народами, обусловленный разрывом, прежде всего, социально-политических и духовно-культурных «скреп». При этом эффективность социальных коммуникаций может быть снижена в силу языковых, ценностных, нормативно-поведенческих различий в социокультурных системах [5]. Это во многом обусловлено способностью и желанием субъектов интеракции адаптироваться к различиям, в том числе – к требованиям «чужой» культуры в ситуации межкультурной коммуникации. Восприятие непривычного образа мышления и норм поведения, свойственных представителям иной культуры, часто приводит к предвзятости, недопониманию, конфликту. На основе таких различий может усиливаться чувство недоверия, базирующееся на усилении социокультурной дистанции между странами, обладавшими в прошлые историко-культурные периоды общезначимыми или, по крайней мере, схожими культурными кодами.

Особую актуальность приобретает исследование коммуникативных аспектов доверия, поскольку оно

является необходимым критерием для построения эффективного взаимодействия в различных ситуациях – от делового и повседневного общения до межкультурных коммуникаций. В отличие от формальных правил, например, формул этикета или деловых протоколов, доверию нельзя обучиться. Данный феномен лежит в плоскости социально-перцептивного восприятия, во многом обусловленного усвоенными представлениями и установками о «доверии» и «недоверии». В этой связи значимым интересом обладает изучение социальных представлений о доверии в студенческой среде, поскольку данная группа находится в активной стадии социализации и при этом достаточно восприимчива к внешним воздействиям.

Показательно, что по данным социологических опросов, доверие молодежи к государственным институтам и первым лицам государства, ниже, чем в других социально-демографических группах¹. При этом в опросе РОМИР 2021 г. индекс доверия молодежи к публичным людям возглавили достаточно противоречивые медийные персоны, такие как Алишер Моргенштерн, Егор Крид, Антон Птушкин, Анастасия Ивлева, Гарик Харламов и т.п.² Возникает вопрос о том, какие смыслы молодежь вкладывает в понятие доверия? Какая роль отводится ему при построении межличностных и социальных взаимодействий?

Поиск ответов на поставленные вопросы необходим, потому как данная социальная группа заключает в себе человеческий капитал, определяющий траекторию развития государств. Молодежь – социальная группа, которая уже в обозримом будущем столкнется с вызовами, обусловленными не только трансформацией нормативно-ценностных систем, но и с трансформацией экономических отношений, обусловленных высокой динамичностью и подвижностью. Исследование представлений молодежи о доверии позволяет выявить общие контуры нашей цивилизации, соотносимые с «культурой доверия» или «культурой цинизма», придерживаясь терминологии П. Штомпки, а также наметить практические решения в области воспроизводства доверия.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты трансформации социокультурных отношений и оценок отражаются в изменении социальных представлений о базовых ценностных концептах. Поэтому потребность в социологическом анализе доверия обусловлена необходимостью изучения изменений в понимании доверия индивидами.

Социальные представления образуются на основе множества понятий, утверждений, установок, в том числе стереотипных, главным образом, в процессе повседневных социальных коммуникаций. Сегодня, когда стремительно разрушаются традиции геополитических и социокультурных связей, а международные отношения начинают выстраиваться в новом формате, очень важно искать пути формирования доверительных отношений. Именно доверие – это «фактор социальной интеграции и позитивного общественного развития» [8: 72]. Проблема дефицита доверия в обществе, подверженном дезинтеграционным рискам, формирует потребность в получении системного знания о нем [2]. Проблема доверия «интересна и важна уже потому, что непосредственно связана с развитием стабилизационных и интеграционных процессов» [6: 44]. Кроме того, доверие выступает «одним из главных механизмов коммуникации, основой для построения эффективного диалога между различными акторами» [10: 30]. Традиционно доверие – предмет анализа социальной психологии, экономической социологии, политологии, организационного поведения. Однако запросы на поиск решения проблем функционирования и развития социальных коммуникаций, как на локальном, так и глобальном уровнях, заставили ученых обратить пристальное внимание на необходимость анализа феномена доверия сквозь призму других наук: экономики, права, банковского дела, дипломатии, менеджмента и т.д. Обращение к изучению этого понятия представителями самых разных наук свидетельствует о наличии определенных проблемных областей в сфере коммуникаций, для интерпретации и разрешения которых используется доверие как ресурс [11].

Сложность концепта «доверия» связана, прежде всего, с тем, что «он не имеет однозначной коннотации» [10: 27]. Доверие формируется типом культуры, одной из основных составляющих которой является язык [7: 91]. Идеино-концептуальные истоки формирования концепта коренятся в древнегреческом слове *πίστις* («вера»), по-латыни – *fiducia* («уверенность в себе») или *fides* («верность»). Сама морфология слова «доверие» показывает, что в его состав входит приставка *до-* и корень *-вера* [10]. Личность доверяет другой личности или информации, которая заключена в каком-либо предмете, вещи или явлении действительности, так как она верит, что этот источник информации (или коммуникатор) не навредит ей. Безусловно, концепты «доверие» и «вера» тесно переплетены, так как «вера как феномен базируется на иррациональной составляющей и способствует продуцированию ощущения безопасности и надежности существования» [10: 29]. Так, Ф. Фукуяма трактовал доверие как ожидание того, что коммуникаторы будут вести себя в соответствии с известными культурными нормами, традициями, обычаями, этическими ценностями, выражая готовность к взаимопомощи [15]. Доверие рассматривается в данном подходе как один из ключевых универсальных социокультурных концептов. В истории каждой национальной культуры концепты (например, «свобода», «независимость», «индивидуализм», «любовь», «долг» и др.), подвергаются, словно «бриллианты» общечеловеческой культуры, определенной трансформации и интерпретации, причины и особенности которой обусловлены целым

¹ Такие тенденции, в частности, представлены в мониторинге ключевых индикаторов общественного мнения в 2019 г. Фондом общественного мнения (ФОМ). Например, среди групп, положительно оценивающих деятельность президента и доверяющих, наименее представлены респонденты 18–30 лет. *Источник*: Политические индикаторы. База данных ФОМ. 21.02.2019. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pow_rei/d071901 (дата обращения: 11.11.2022).

² Согласно методологии РОМИР, респондентам был задан открытый вопрос: «Кому из публичных личностей России Вы доверяете?». *Источник*: Российская молодежь больше всего доверяет Моргенштерну. Romir. 26.08.2021. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyskaya-molodej-bolshe-vsego-doveryaet-morgenshternu> (дата обращения: 11.11.2022).

рядом исторических, политических, экономических, религиозных и социокультурных факторов. Таким образом, доверие как социокультурный феномен является продуктом эволюции общественного развития [1]. Развитие междисциплинарного подхода к анализу феномена доверия в совокупности с эмпирическими исследованиями позволило зарубежным ученым выявить связь между уровнем доверия и культурной дистанцией, что особенно важно в межкультурной коммуникации [18; 19]. Так, Д.Ф. Терин обратил внимание на то, что «создаваемая культурой предрасположенность к доверию выступает основополагающей характеристикой личности, которая «формируется с раннего возраста в процессе социализации» [12: 91].

Проблема идейно-концептуальных разночтений в интерпретации доверия может проявляться в том, что оно тесно переплетается с системой идеалов, верований, ценностей, норм культурно-обусловленного паттерна мышления и восприятия членов конкретного общества. Авторам данной работы представляется значимым рассмотрение доверия как одного из действенных инструментов социокультурной интеграции, механизм которого может значительно снизить роль барьеров в коммуникациях. Но для того, чтобы этот механизм был «налажен» и эффективно работал, важно выработать подход к моделированию доверия. Для этого, прежде всего, необходимо прояснить, как современная молодежь (среди которой – представители разных этнических и национальных культур) воспринимает и трактует концепт доверия в контексте его роли в коммуникациях. Кроме того, в результате анализа научной литературы, авторы выявили недостаточную разработанность вопросов, связанных с изучением представлений и установок молодежи о доверии, в том числе – в контексте межкультурных коммуникаций. Между тем данные проблемы обладают высокой научно-практической значимостью, поскольку от их решения зависит эффективность социальных коммуникаций в контексте решения острых и противоречивых глобальных и региональных проблем.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования заключалась в анализе представлений о доверии обучающихся бакалавриата московских вузов в контексте социальных коммуникаций, в том числе межкультурных³. Проведенное исследование носит описательно-поисковый характер. Авторы не ставили целью проведение сравнительного анализа доверия в социальных группах, исследование было сфокусировано на типичной студенческой среде московских вузов. Эмпирическим методом выступило анкетирование обучающихся бакалавриата, проживающих в Московском регионе (Москва и Московская область, $n = 441$, декабрь 2021 г.). Все респонденты проходили обучение по очной форме в вузах г.Москвы

³ Под межкультурной коммуникацией в данном исследовании понимался вид коммуникации, при котором отправитель и получатель принадлежат к разным культурным группам, видообразующими признаками которого являются различие и дефицит интересубъективно разделяемых участниками коммуникаций ресурсов, возникающие в силу культурных различий. См.: Тюриков А.Г., Большунова А.А., Большунова С.А. и др. Вызов-ответ: межкультурные коммуникации в глобальном мире: монография / под ред. проф. А.Г. Тюрикова. М.: ИНФРА-М, 2022. 203 с.

(Финансовый университет, Московский физико-технический институт, Московский государственный гуманитарно-экономический университет и др.).

Выбор эмпирического объекта обусловлен региональной спецификой. В среде столичного студенчества широко представлено этническое и культурное разнообразие, к тому же данный регион является питательной средой для социальных инноваций и «центром притяжения» активной молодежи. Именно для такой среды вопросы доверия приобретают особую значимость в процессе социальных коммуникаций. Несмотря на то, что эмпирический объект данного исследования ограничен студентами московских вузов, мы полагаем, что его результаты могут быть применимы к анализу тенденций в других мегаполисных средах, обладающих схожими признаками.

Отбор респондентов осуществлялся по *стратифицированной случайной выборке*. При этом, поскольку в вузах присутствуют иностранные обучающиеся, выборка отображает многонациональный состав столичного студенчества. Наибольшую долю составляют респонденты, относящие себя к славянской группе (79,8%), с большим отрывом следуют тюркские народности (5,0%), армянские (4,1%), народы Северного Кавказа (3,4%). На оставшуюся долю приходится представители, идентифицирующие себя через другие этнические, народные и национальные группы – еврейскую, бурятскую, калмыцкую, таджикскую, киргизскую, молдавскую, а также некоторые евразийские группы, численность каждой из которых в отдельности не превышает 1%. Количество студентов из стран дальнего зарубежья оказалось менее 5% (Вьетнам, Сирия, Афганистан, Корея, Мадагаскар).

Для выявления социальных представлений о доверии использованы балльные шкалы, на основе которых построены индексы (индекс ассоциативности доверия с другими социально-философскими категориями). Также на основе балльных шкал построены индексы значимости личностных качеств и индексы значимости социальных факторов в формировании доверия. Методика расчета индексов описана в разделе с результатами исследования. Результаты обработаны и проанализированы в программе SPSS, включая проверку значений коэффициентов корреляции по Пирсону.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

В целях изучения субъективного представления студентов о доверии был задан вопрос: «Какое слово наиболее близко к понятию «доверие» в общении между людьми?». Использовалась 5-балльная шкала, включающая категории, сопряженные в современных теориях с доверием⁴ (категории и их оценка респондентами представлены в табл. 1). Для анализа «близости» предложенных категорий к термину «доверие» были рассчитаны индексы ассоциативности⁵. Наиболее близкими к доверию, по мнению студентов, являются

⁴ Данные характеристики предложены на основе анализа теорий доверия Ф. Фукуямы, Д.Ф. Терина и других авторов, работы которых упомянуты в концептуальной рамке исследования.

⁵ Индексы, упоминаемые в данном исследовании, рассчитаны по пятичленной шкале как сумма долей ответов респондентов, умноженных на следующие коэффициенты: 1 – очень близкое понятие ($k = 1$); 2 ($k = 0,75$); 3 ($k = 0,5$); 4 ($k = 0,25$); 5 – почти не относится к доверию ($k = 0$).

«благоволение», «открытость», «бескорыстие», «дружелюбие» и «чистосердечие», а наименее близким – «уважение».

При этом чувствительность данной шкалы оказалась недостаточной, чтобы сделать более надежные выводы о различиях в оценке категорий и индексах ассоциативности. Такой вывод можно сделать, исходя из распределения значений индекса – для всех категорий оно находится в диапазоне от 0,508 до 0,541. То же самое относится к другой шкале, оценивающей значимость респондентами личностных качеств, которые являются значимыми в воспроизводстве доверия. Для

этого также был использован балльный вопрос: «Какими личными качествами должен обладать человек, которому Вы стали бы доверять?». Аналогичным способом были рассчитаны индексы значимости каждого личностного качества. Наиболее высокие оценки получила совокупность качеств: «честность», «открытость», «искренность», «правдивость» (табл. 2).

В связи с тем, что отношения доверия могут зависеть от социальной дистанции между индивидами, интерес представляет оценка доверия в отношении различных групп по степени «близости» – родственников, друзей, однокурсников и коллег по работе.

Таблица 1

Ассоциация доверия с другими социально-философскими категориями
[Association of trust with other socio-philosophical categories]

Категории [Categories]	Балльная оценка близости категорий (1 – очень близкое понятие, 5 – почти не относится к доверию), % [Evaluation in points of proximity of categories (1 – very close concept, 5 – hardly related to trust), %]					Индекс ассоциативности [Association index]
	1	2	3	4	5	
Уважение [Respect]	24,9	18,4	16,3	15,9	24,5	0,508
Симпатия [Sympathy]	15,9	22,9	27,9	20,0	13,4	0,520
Надежность [Reliability]	37,0	9,1	10,9	9,3	33,8	0,516
Милость [Mercy]	16,6	24,3	24,7	18,4	16,1	0,518
Доброжелательство [Goodwill]	19,0	22,0	27,4	16,3	15,2	0,533
Благоволение [Favor]	17,5	20,4	33,6	16,3	12,2	0,537
Открытость [Openness]	27,9	17,5	19,7	11,3	23,6	0,537
Дружелюбие [Friendliness]	21,1	21,5	25,4	16,8	15,2	0,541
Бескорыстие [Unselfishness]	22,7	22,0	21,5	16,3	17,5	0,540
Чистосердечие [Ingenuousness]	24,0	22,0	18,4	15,4	20,2	0,536

Таблица 2

Оценка значимости личностных качеств в доверии
[Assessment of the significance of personal characteristics in trust]

Личностные качества [Personal characteristics]	Балльная оценка значимости (1 – самое необходимое качество, 5 – не влияет на доверие), % [Evaluation in points of proximity of categories (1 – the most necessary characteristic, 5 – this does not affect trust), %]					Индекс значимости личностного качества [Index of significance of a personal characteristic]
	1	2	3	4	5	
Честность [Honesty]	43,1	5,4	6,1	5,9	39,5	0,517
Открытость [Openness]	24,5	15,9	21,3	17,7	20,6	0,515
Искренность [Sincerity]	39,0	8,4	7,7	11,6	33,3	0,520
Правдивость [Truthfulness]	35,1	13,4	10,4	8,4	32,7	0,525
Порядочность [Decency]	24,5	17,2	18,6	17,9	21,8	0,512
Ответственность [Responsibility]	28,1	16,8	13,4	15,4	26,3	0,513
Благоразумие [Prudence]	17,5	21,5	22,4	21,1	17,5	0,501

Респондентам был задан вопрос «С кем из нижеперечисленных людей без доверия отношения – невозможны?» с множественным выбором ответа. Оценка значимости доверия в отношениях с друзьями и родственниками ожидаемо оказалась наиболее высокой (94,8 и 80,3%, соответственно). При этом студенты оценили необходимость доверия с товарищами по учебе или работе в 3,5 раза ниже, чем в отношениях с друзьями и родственниками: только 25,4% респондентов посчитали их необходимыми. При этом студенты допускают возможность «отношений без доверия» с представителями государственных органов, бизнеса, руководством (рис. 1).

Согласно исследовательскому замыслу, на доверие могут оказывать влияние социальные факторы, имеющие особое значение в межкультурных коммуникациях – принадлежность к одной этнической группе, исповедание общей религии, единство культурных ценностей и языка. Особую значимость эти факторы приобретают в повседневном общении, поскольку оно строится не на знаниях «формальных» критериев, присутствующих, к примеру, в деловой среде, а с большей опорой на социально-перцептивные компетенции. Респондентам было предложено дать оценку значимости выделенных факторов в построении доверительных отношений (рис. 2).

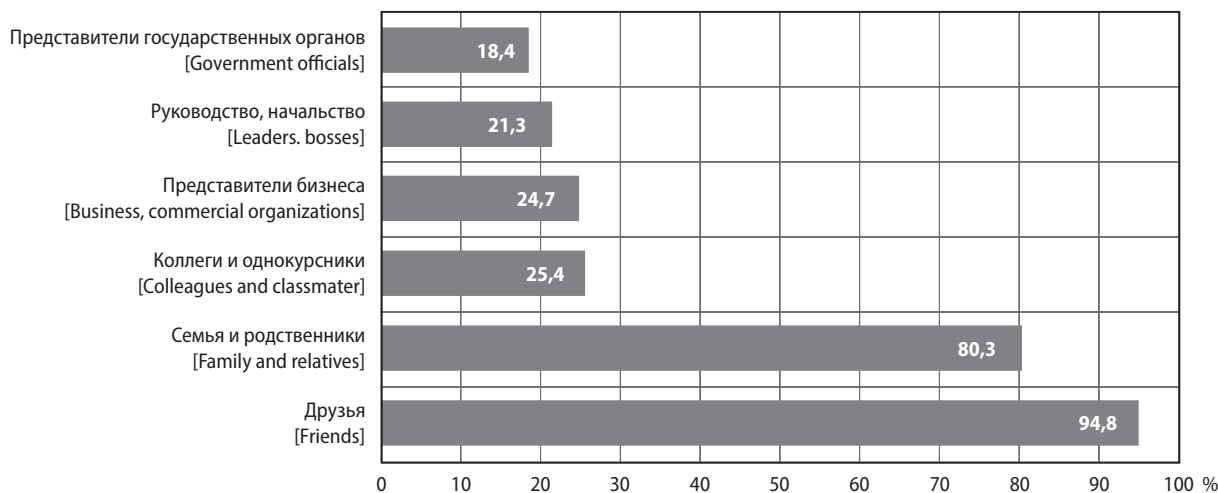

Рис. 1. Необходимость отношений доверия с различными группами

Fig. 1. The need for relationships of trust with different groups

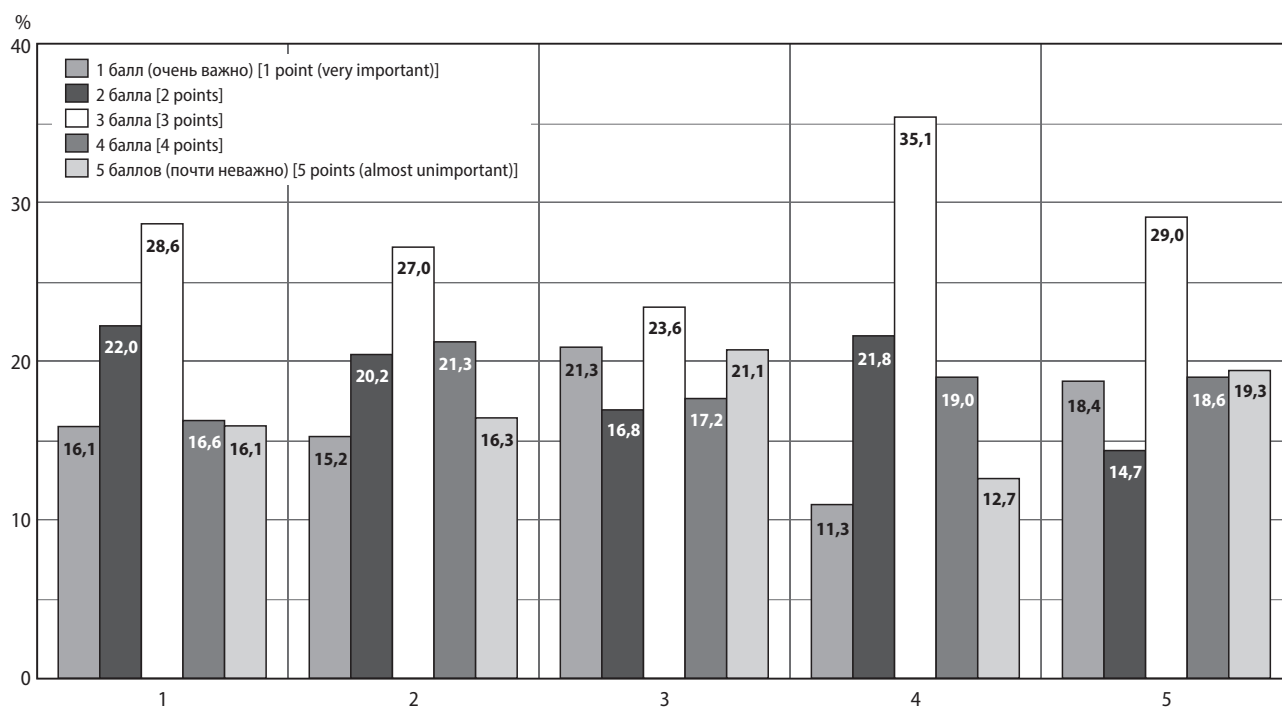

Рис. 2. Оценка значимости социальных факторов в формировании доверия (% по каждому фактору):

1 – общий язык (индекс 0,511); 2 – единство культурных ценностей (индекс 0,492); 3 – исповедание общей религии (индекс 0,500); 4 – совместная деятельность (учеба/работа) (индекс 0,499); 5 – принадлежность к единой этногруппе (индекс 0,496)

Fig. 2. Assessment of the importance of social factors in the formation of trust (% for each factor)

1 – common language (index 0,511); 2 – unity of cultural values (index 0,492); 3 – adherence to a common religion (index 0,500); 4 – joint activities (study/work) (index 0,499); 5 – involvement in the same ethnic group (index 0,496)

Наиболее значимым фактором в формировании доверия, по их мнению, является единство языка, хотя и другие факторы получили индексальную оценку от 0,492 до 0,511.

В разрезе межкультурных коммуникаций также интересен вопрос о дистанции доверия в зависимости от страновой принадлежности партнеров по коммуникации. Респондентам было предложено указать до трех социальных групп, с которыми отношения доверия выстраиваются с минимальной социальной дистанцией. Чуть более половины респондентов (50,8%) выбрали вариант ответа «не имеет значение».

Оставшиеся отметили минимальную дистанцию в отношениях с гражданами ЕАЭС и другими постсоветскими странами. Наиболее сложные с точки зрения построения коммуникаций для студентов оказались арабские страны (рис. 3). На наш взгляд, это обусловлено особенностями выборки исследования, представленной в подавляющем большинстве русскоговорящими студентами, чья социализация осуществлялась на постсоветском пространстве, унаследовавшем интегрирующий потенциал СССР, который, очевидно, образует общесмысловое коммуникативное пространство.

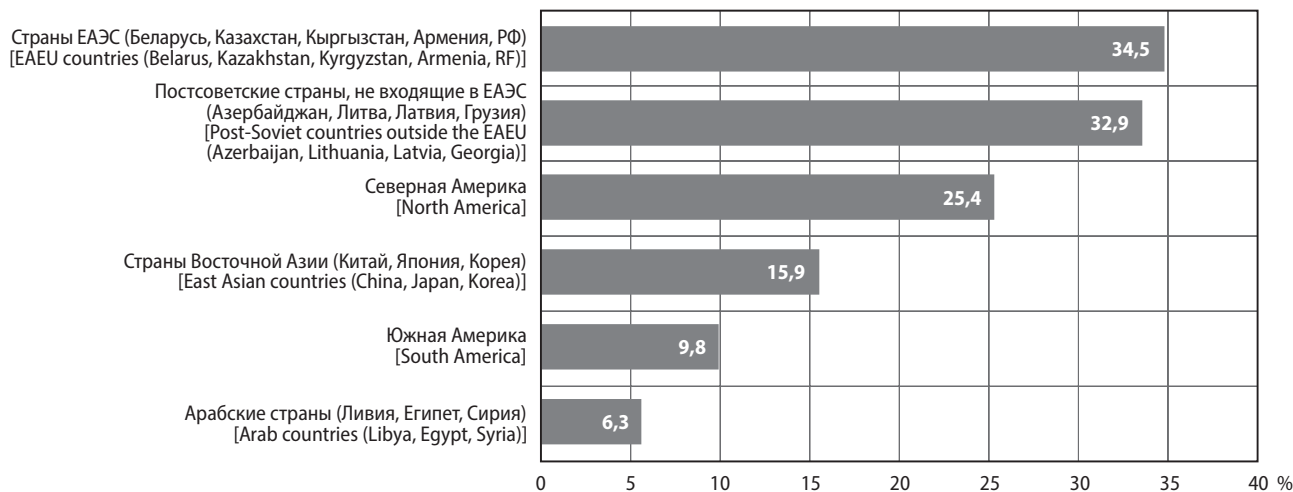

Рис. 3. Отношения доверия в страновом разрезе (в % от числа опрошенных)
Fig. 3. Trust relationships by country (in % of the number of respondents)

В задачи исследования также входила оценка респондентами возможных барьеров для формирования доверия в межкультурных коммуникациях (МКК) – языковых и внешнеполитических. Эмпирические данные были собраны до проведения специальной операции на Украине и обострения внешнеполитической обстановки, в связи с чем влияние политических конфликтов

на доверие к иностранным государствам, респонденты считали не столь значительным (рис. 4). Барьером для построения доверия в МКК, согласно оценкам респондентов, может выступать незнание языка. 41% респондентов отмечает, что отсутствие знаний невербальной коммуникации оказывает влияние на доверие с представителями иностранной культуры (рис. 5).

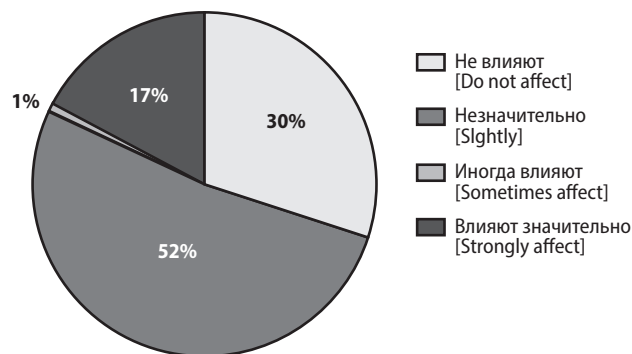

Рис. 4. Барьеры межкультурных коммуникаций: политические конфликты (ответы на вопрос: «Насколько сильно влияют политические конфликты между странами на уровень вашего доверия к иностранным государствам?»)

Fig. 4. Barriers to intercultural communication: political conflicts (answers on questions: “How much political conflicts between countries influence on the level of your trust in foreign countries?”)

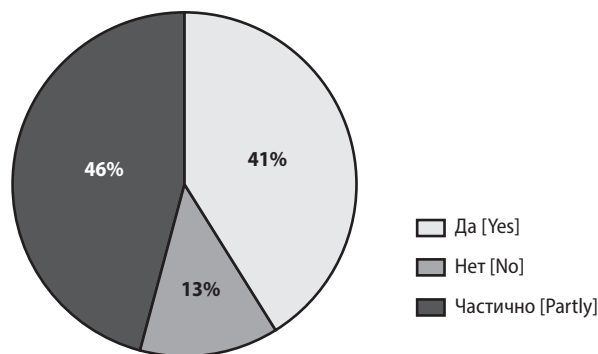

Рис. 5. Барьеры межкультурных коммуникаций: языковой барьер (ответы на вопрос: «Считаете ли вы, что знание языка невербальной коммуникации (жестов, мимики) может влиять на формирование доверия с представителем иностранной культуры?»)

Fig. 5. Barriers of intercultural communications: language barrier (answers on questions: “Do you think that knowledge of the language of non-verbal communication (gestures, facial expressions?)”)

Значимость языкового барьера выявлена при анализе ответов на открытый вопрос «Что, на Ваш взгляд, чаще всего мешает людям разных культур доверять друг другу?». На рис. 6 представлено облако тегов, составленное по высказываниям респондентов с помощью сервиса Wordcloud. Прежде всего, студенты упоминали «разный менталитет» и «культурные раз-

личия» – несовпадение ценностей, традиций, взглядов, а также стереотипы и предубеждения, воспроизводимые СМИ. Отдельно респонденты указывали на военные и политические конфликты, негативный опыт общения с представителями других культур – это указывает на осязаемость «культурных травм» в студенческой среде.

Рис. 6. Облако тегов по открытому вопросу
«Что, на ваш взгляд, чаще всего мешает людям разных культур доверять друг другу?»

Fig. 6. Tag cloud on the open question
“What, in your opinion, most often prevents people of different cultures from trusting each other?”

Одна из рабочих гипотез была связана с тем, что на доверие респондентов к иностранным государствам может оказывать влияние опыт взаимодействия с представителями других культур – частота посещения стран с иными национальными традициями, а также этноразнообразие близкого окружения респондентов. С этой целью были проверены значения коэффициентов корреляции по Пирсону между такими переменными, как субъективная оценка влияния политических конфликтов на уровень доверия к иностранным государствам (порядковая шкала) и «частотой посещения стран с иными национальными традициями» (порядковая шкала), а также «наличием представителей других этносов и культур в ближайшем окружении» (порядковая шкала). В обоих случаях значения коэффициента оказались статистически

незначимы (0,017 и 0,089, соответственно) и гипотеза не нашла своего подтверждения (проверка проведена в программе SPSS). Также не было обнаружено статистически значимых зависимостей между субъективной оценкой влияния политических конфликтов на уровень доверия к иностранным государствам и социально-демографическими характеристиками респондентов – полом, возрастом, направлением подготовки.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование демонстрирует сложность эмпирического изучения феномена доверия в студенческой среде. Так, ни один из индексов, позволяющих охарактеризовать ассоциативность доверия

с другими социально-философскими категориями, не приблизился по своему максимальному значению – единице. Это может означать как низкую чувствительность используемых шкал, так и неоднозначность представлений о доверии со стороны самих респондентов, которые затрудняются в его соотношении с другими категориями. Аналогичным образом выглядят индексы, характеризующие значение личностных качеств в построении доверительных отношений, а также социальных факторов, оказывающих влияние на доверие. Значение всех индексов лежит в границах от 0,49 до 0,55 – студенты не оценили высоко влияние предложенных качеств и факторов на доверие, остановившись на средних значениях.

Возможно, студенты не имеют четких представлений о доминирующих качествах, которые были бы наиболее значимы в воспроизводстве доверия. При этом доверие для них, прежде всего, незаменимо в ближнем окружении – с друзьями и родственниками. В некотором роде эти выводы соотносятся с концепцией П. Штомки, акцентирующей внимание на рисках «культуры цинизма», где границы представлений о доверии размываются, уступая место сомнениям. Приведем здесь один из комментариев, оставленных респондентом: «Доверие нарабатывается годами, поэтому я вовсе не доверяю никому, кроме родных». Однако для подтверждения данных выводов необходимы повторные исследования.

В межкультурных коммуникациях (МКК) студенты находят более легким выстраивание доверительных отношений с гражданами постсоветского пространства, с другой стороны – почти половина респондентов считает, что страновое происхождение в построении доверительных коммуникаций не так важно. При этом в вопросе определения барьеров доверия в МКК наиболее значимым оказался социокультурный барьер (разность менталитетов, норм, ценностей, наличие стереотипов и др.), а также языковой барьер. Это говорит о важности формирования целостного компетентного набора для обучающихся – усилении не только языковой, но и общекультурной готовности к взаимодействию с представителями различных культур.

На сегодняшний день значимым вызовом доверию к иностранным государствам и их гражданам являются политические конфликты. Еще до обострения конфликта с Украиной, студенты отмечали влияние политического фактора на доверие. Это прослеживается и в комментариях респондентов к открытому вопросу «Что, на ваш взгляд, чаще всего мешает людям разных культур доверять друг другу?»: «Политика стран, то, что людей настраивают друг против друга», «Национальная вражда, экстремизм некоторых наций, отсутствие национального уважения», «Предвзятость на основе мировых конфликтов», «Политическая пропаганда» и др. Вероятно, обострение политической ситуации приведет к дальнейшему формированию культурных травм, которые уже ощущают некоторые респонденты, указывавшие на последствие войн и политических разногласий в качестве барьера для доверительных отношений.

В заключение отметим, что, несмотря на то, что различия между культурами в процессе коммуникации могут привести к недопониманию, они также могут предоставить участникам ценную возможность учиться друг у друга, что может облегчить процесс построения доверительных отношений [17]. При этом субъект коммуникации постигает значения и смыслы концептов «чужой» культуры, проводя сравнительные характеристики со своей «родной» культурной средой. Наличие универсальных концептов культуры позволяет сконструировать общее идейно-смысловое поле, в котором будут достигнуты акты взаимопонимания. Только при достижении наибольшей степени взаимопонимания субъекты интеракции способны наладить конструктивный диалог. Таким образом, доверие предстает как социально-культурный механизм, обеспечивающий возможность для более эффективного взаимодействия субъектов. Именно доверие выступает тем ключевым фактором, который способен минимизировать риски в процессе международных взаимодействий. Процесс конструктивного сотрудничества на современном этапе предполагает поиск новых инновационных методик, а также селекцию коммуникативных практик, применение которых участниками интеракции помогли бы развивать и укреплять доверительные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшин С.В. Доверие как социокультурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Таганрог, 2012. 148 с.
2. Бобкова Е.М. Доверие как фактор целостности общества // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 70–75.
3. Борисова М.М. Социальные представления молодежи о доверии: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2018. 27 с.
4. Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования / под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. 382 с.
5. Гельфанова С.В., Лавров В.Н. Доверие как феномен культуры // ДелоРус. URL: <https://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=1896> (дата обращения: 30.05.2021).
6. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.
7. Кочетков П.Н. О различиях концептов «доверие» в русскоязычной и англоязычной картинах мира // Приволжский научный вестник. 2005. № 6-3 (46). С. 88–92.
8. Рыжова С.В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 72–94. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>

REFERENCES

1. Alyoshin S.V. Trust as a socio-cultural phenomenon: Dis. ... of Cand. Sci. (Philos.). Taganrog, 2012. 148 p.
2. Bobkova E.M. Trust as a factor of the integrity of society. *Sociological Research*. 2014. No. 10. Pp. 70–75. (In Rus.).
3. Borisova M.M. Social ideas of youth about trust: Dis. ... of Cand. Sci. (Psychol.). St. Petersburg, 2018. 27 p.
4. Trust as a fundamental problem of Russian higher education: Monograph. G.E. Zborovsky (ed.). Yekaterinburg: Humanities University, 2020. 382 p.
5. Gelfanova S.V., Lavrov V.N. Trust as a cultural phenomenon. *DeloRus*. (In Rus.) URL: <https://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=1896> (data of accesses: 30.05.2021).
6. Kozyreva P.M. Interpersonal trust in the context of the formation of social capital. *Sociological Research*. 2009. No. 1. Pp. 43–54. (In Rus.)
7. Kochetkov P.N. On the differences between the concepts of “trust” in the Russian-speaking and English-speaking pictures of the world. *Volga Scientific Bulletin*. 2005. No. 6-3 (46). Pp. 88–92. (In Rus.)
8. Ryzhova S.V. Trust and ethnic tolerance in the context of social change. *Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 1. Pp. 72–94. (In Rus.)

9. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–65. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>
10. Синавина Н.В. Доверие как концепт в контексте культурологического подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 1 (93). С. 26–31.
11. Столяр В.Ю. Доверие как феномен социально-экономической реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2008. 21 с.
12. Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 90–109.
13. Тен Ю.П. Доверие как фактор, способствующий преодолению кросс-культурных барьеров в международном бизнесе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 5. С. 261–270.
14. Тюриков А.Г., Проскурина А.С. Оценка эффективности межкультурной коммуникации как процесса обмена информационными ресурсами // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 2 (85). С. 58–68.
15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
16. Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // *Academy of Management Review*. 1998. No. 23. Pp. 601–620.
17. Li P. Intercultural trust and trust-building: The contexts and strategies of adaptive learning in acculturation // *Handbook of advances in trust research*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. Pp. 146–173.
18. Luo Y. Building trust in cross-cultural collaborations: Toward a contingency perspective // *Journal of Management*. 2002. No. 28 (5). Pp. 669–694.
19. Pudelko M., Li J. The Role of trust in cross-cultural management. *Handbook of contemporary cross-cultural management*. B. Szkudlarek, L. Romani, D.V. Caprar, J. Osland (eds.). London: SAGE, 2020.
9. Ryzhova S.V. Religiosity in the context of a culture of trust. *Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 3. Pp. 44–63. (In Rus.)
10. Sinyavina N.V. Trust as a concept in the context of a cultural approach. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2020. No. 1 (93). Pp. 26–31. (In Rus.)
11. Stolyar V.Yu. Trust as a phenomenon of socio-economic reality: Abstract of dis. ... of Cand. Sci. (Philos.). Tver, 2008. 21 p.
12. Terin D.F. The construction of political trust in Russia: The effectiveness and fairness of political institutions. *Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 2. Pp. 90–109. (In Rus.)
13. Ten Yu.P. Trust as a factor contributing to overcoming cross-cultural barriers in international business. *Proceedings of the South Western State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2021. No. 11. Pp. 261–270. (In Rus.)
14. Tyurikov A.G., Proskurina A.S. Evaluation of the effectiveness of intercultural communication as a process of exchange of information resources. *Search: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture*. 2021. No. 2 (85). Pp. 58–68. (In Rus.)
15. Fukuyama F. Trust: Social virtues and the path to prosperity. Moscow: AST; Ermak, 2004. 730 p.
16. Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. Understanding the influence of national culture on the development of trust. *Academy of Management Review*. 1998. No. 23. Pp. 601–620.
17. Li P. Intercultural trust and trust-building: The contexts and strategies of adaptive learning in acculturation // *Handbook of advances in trust research*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. Pp. 146–173.
18. Luo Y. Building trust in cross-cultural collaborations: Toward a contingency perspective. *Journal of Management*. 2002. No. 28 (5). Pp. 669–694.
19. Pudelko M., Li J. The Role of trust in cross-cultural management. *Handbook of contemporary cross-cultural management*. B. Szkudlarek, L. Romani, D.V. Caprar, J. Osland (eds.). London: SAGE, 2020.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 87,44%

Статья поступила в редакцию 10.01.2023, принята к публикации 16.02.2023
The article was received on 10.01.2023, accepted for publication 16.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воеводина Екатерина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент; доцент департамента социологии, главный научный сотрудник ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>; Researcher ID: N-5650-2019; E-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru

Тен Юлия Павловна, доктор философских наук; профессор департамента менеджмента и инноваций ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2387-6243>; SPIN-код: 3745-3928; Author ID: 604012; Scopus: 57210258334; E-mail: YPTen@fa.ru

Тюриков Александр Георгиевич, доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник департамента социологии ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; E-mail: t-ag2013@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Voevodina, Candidate of Sociology, Associate Professor; associate professor at the Department of Sociology, chief scientific officer of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>; Researcher ID: N-5650-2019; E-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru

Yulia P. Ten, Doctor of Philosophy; Professor at the Department of Management and Innovation of the Higher School of Management of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2387-6243>; SPIN-код: 3745-3928; Author ID: 604012; Scopus: 57210258334; E-mail: YPTen@fa.ru

Alexander G. Tyurikov, Doctor of Sociology, Professor; chief scientific officer at the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; E-mail: t-ag2013@yandex.ru

5.5.4

Международные отношения,
глобальные и региональные исследованияInternational Relations,
Global and Regional Studies

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-129-137

Влияние глобализации на формирование современной системы образования в контексте пятой технологической революции

Ф.Г. Ханин ©

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: khanin@mail.sir.edu

Аннотация. В статье анализируется изменение системы образования под влиянием глобальных процессов. Автор анализирует эволюция научных подходов к формированию и развитию глобальной системы школьного и высшего образования с учетом технологических, экономически и социальных изменений, продиктованных последствиями 4 промышленных революций и 5 перспективной технологической. Приводятся описание наиболее распространенных проблем современного массового образования и вероятных сценариев их устранения с точки зрения социально-политических изменений общества. В связи с этим цель, которую ставил перед собой автор выявить изменения в образовательном процессе в контексте глобальных процессов. В качестве выводов автор дает прогноз становления современной системы в сфере образования, полагая, что технологическое развитие вместе с глобализационными процессами дадут людям недостающий элемент для будущей синергии научного и теологического познания. В то же время, понимание исторической ретроспективы становления базовых гуманитарных ценностей, стремление к прогрессу, преодоление плена базовых потребностей и соединение рационального и духовного познания создадут основу строительства системы образования будущего. Изменение в политике, обращенной на образовательный процесс необходимо. Если образование не сможет реагировать на все вызовы и проблемы современного общества, то количество людей, оставшихся невостребованными в новых экономических и политических условиях, будет только расти.

Ключевые слова: глобализация, образование, технологическая революция, промышленные революции, социально-политические изменения общества, образовательная система

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ханин Ф.Г. Влияние глобализации на формирование современной системы образования в контексте пятой технологической революции // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 129–137. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-129-137

The Impact of Globalization on the Formation of the Modern Education System in the Context of the Fifth Technological Revolution

Ph.G. Khanin ©

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: khanin@mail.sir.edu

Abstract. The article analyzes the change in the education system under the influence of global processes. The author analyzes the evolution of scientific approaches to the formation and development of the global system of school and higher education, taking into account technological, economic and social changes dictated by the consequences of 4 industrial revolutions and 5 promising technological. The article describes the most common problems of modern mass education and possible scenarios for their elimination from the point of view of socio-political changes in society. In this regard, the author's goal was to identify changes in the educational process in the context of global processes. As a conclusion, the author gives a forecast of the formation of a modern system in the field of education, believing that technological development together with globalization processes will give people the missing element for the future synergy of scientific and theological knowledge. At the same time, understanding the historical retrospective of the formation of basic humanitarian values, striving for progress, overcoming the captivity of basic needs and combining rational and spiritual knowledge will create the basis for building the education system of the future. A change in the policy aimed at the educational process is necessary. If education cannot respond to all the challenges and problems of modern society, then the number of people left unclaimed in the new economic and political conditions will only grow.

Key words: globalization, education, technological revolution, industrial revolutions, socio-political changes in society, educational system

FOR CITATION: Khanin Ph.G. The Impact of Globalization on the Formation of the Modern Education System in the Context of the Fifth Technological Revolution. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 129–137. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-129-137

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Глобализация стала уже устоявшимся понятием в современных международных отношениях и конечно, не могла не затронуть сферу образования. Мы можем по-разному оценивать степень этого влияния – и как положительное и как отрицательное. По мнению западных исследователей «термин “глобализация” является относительно новым, и его значение или природа, концептуализация и влияние остаются по существу спорными в исследовательском сообществе в области образования. Во многих странах произошли преобразования в образовательной политике, практике и технологиях, с тем чтобы местные знания и навыки могли быть интегрированы с требованиями глобального рабочего места» [Omозusi, Okondu, Banjo, Kalejaiye, 2019]. Здесь возникает проблема – можем ли мы интерпретировать подобное влияние на развитие общества только с точки зрения плюсов или минусов, или многочисленные спорные вопросы приводят нас в сферу дебатов о том, что оказывает влияние на становление новой образовательной системы.

Что характеризует современный мир? В первую очередь мы можем говорить о неравенстве в международных отношениях. Проблема «Севера и Юга» несомненно касается и того инвестирования, которое то или иное общество может вложить в развитие молодого поколения. С другой стороны, создание глобального международного рынка создает новые возможности на рынке труда. И, наконец, нельзя не согласиться с исследователем Митры Абдолаххи, который считает, что: «наиболее значительным фактором эволюции стал быстрый прогресс в области информационных технологий. В связи с этим на этот раз наши интересы будут сосредоточены на классификации, обработке, анализе и создании данных, а не на простом доступе к ним» [Abdollahi, 2010]. По мнению ученого: «инвестиции в образовательные системы и развитие перехода к таким идеям, как децентрализация, креативность, централизация школ, а также применение технологий в школах – все это необходимо для того, чтобы не отстать от глобализации. Все те, кто отвечает за существующие системы образования, всесторонне рассматривают конкретные изменения и эволюции, чтобы разработать надежную программу для студентов, которая поможет им войти

Ханин Ф.Г.

в сложное и динамичное будущее, на которое будут влиять экономические, социальные, культурные и образовательные факторы» [Abdollahi, 2010].

Нельзя не отметить и влияние различных новых факторов, например, таких как пандемия COVID-19, которая, по мнению ученых Марсело и Каролы Суарес-Ороско, «остановила и обратила вспять прогресс в школьном обучении детей во всем мире. Для миллионов детей пандемия представляет собой длительную “катастрофическую образовательную катастрофу”, лишаящую их ежедневного ритуала посещения школы со всеми вытекающими последствиями: возможности обучения, общения с другими детьми, поиска поддержки у учителей, физического воспитания, доступа к медицинскому обслуживанию и питанию, а также различные другие основы, необходимые для социально-эмоционального, когнитивного и метакогнитивного роста, соответствующего уровню развития» [Suárez-Orozco, Suárez-Orozco, 2022].

ПРОБЛЕМА ОБРЕТЕНИЯ БАЛАНСА

Что же все-таки происходит с образованием на современном этапе? Предпримем попытку проанализировать ситуацию. Образование – одна из самых консервативных сфер общественной жизни человека. Естественный консерватизм существующей системы образования очевиден и легко объясним. Знания требуют времени для дистилляции, проверки и выверения. Реформы и резкие изменения существующей системы образования грозят прерыванием просветительской традиции и социальными потрясениями в будущем.

Даже в условиях глобализации представители классических университетов, академий и многовековых научных школ являются основой фундаментальных принципов существующей системы образования. Вся их деятельность направлена на сохранение традиций и условий, которые дали им самим добиться выдающихся результатов в своей академической среде. Их успех является подтверждением истинности и адекватности принципов устройства той системы, частью которой они являются, но и в то же время фактором, тормозящим ее развитие и сущностные изменения.

Существующая система образования всегда в кризисе. Это утверждение одинаково верно как для академий античности, так и для университетов космического века.

Проблема обретения баланса между стремлением к новому и сохранением достигнутого выражается в том, что изменения в системе образования не синхронизируются с изменениями в обществе. Массовые перемены всегда опаздывают, прорывные реформы опережают время и не могут масштабироваться.

Система образования то слишком элитарна и недоступна, то слишком массова и стандартизирована. В XXI в. человек очень долго учится, зачастую, чем больше мы учимся, тем меньше понимаем, чему и для чего. Достигнув желаемых дипломов и степеней, зачастую мы понимаем, что учились не тому и не там. А тому, что нам нужно, нас как раз никто и не учил.

Очевидно, что темп технологических изменений возрастает. Первая промышленная революция растянулась почти на два века и происходила в XVIII-XIX вв.

Предпосылки ее возникновения складывались в течение еще двух веков до этого и привели к аграрному перевороту в Европе, что высвободило колоссальные массы крестьян и снабдило зарождающиеся промышленные предприятия дешевой рабочей силой. Изобретение паровой машины Джеймсом Уаттом в 1778 г. стало катализатором экономических и социальных процессов, подстегнувших начало первой промышленной революции.

В свою очередь, открытие электромагнитной индукции Майклом Фарадеем в 1831 г. и технологии превращения жидкого чугуна в сталь путем химического окисления Генри Бессемером в 1856 г. стали предпосылками наступления второй промышленной революции.

Вторая промышленная революция развивалась уже значительно динамичнее, с конца XIX и до середины XX в. За каких-то 50–70 лет ее результаты перевернули мировую экономику и общественную жизнь, повлияли на жизни миллионов людей, привели к новым социальным потрясениям, включая Первую и Вторую мировые войны.

В дальнейшем завершение одной промышленной революции накладывалось и стимулировало начало следующей. Третья промышленная революция была спровоцирована возможностью использования ядерной энергии и массовой автоматизацией производства. В 1948 г. специалисты компании General Electric разработали автоматический электромеханический манипулятор. А компания IBM в апреле 1964 г. объявила о создании семейства компьютеров System 360 – первой серии масштабируемых компьютеров, используемых в массовом производстве.

Существенное увеличение продолжительности и качества жизни на планете [Roser, Ortiz-Ospina, Ritchie, 2019] стало прямым следствием внедрения достижений третьей промышленной революции.

Старт четвертой промышленной революции был запущен внедрением интернета в середине 80-х гг. XX в. и логично завершится его ожидаемым бесплатным повсеместным распространением к 2030 г. Социальными последствиями четвертой промышленной революции стала глобализация мирового экономического пространства с привнесенными в него уже забытыми проблемами, такими как пандемия, нелегальная миграция и деспотия как политическая реакция на активно глобализирующийся мир.

При всех трудностях и препятствиях процессы глобализации необратимы. Глобализация – это развитие социальных структур, основанных на примате защиты прав человека и безостановочном поиске и внедрении инновационных технологий.

ПЯТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Очевидно, что мы стоим на рубеже пятой промышленной революции. Которую, скорее всего, в будущем перестанут называть промышленной, а будут именовать технологической, потому что затронет она не только и не столько промышленность, как многие другие сферы экономики, политики и социальных отношений в глобальном мире.

Предпосылки наступления 5-й технологической революции уже созданы, и связаны они будут с массовой

роботизацией производства, повсеместным внедрением искусственного интеллекта и новым высвобождением сотен миллионов людей, занятых в традиционных профессиях.

А значит, впереди новые социальные потрясения, новая пассионарность сотен миллионов людей, появление новых и хорошо отмытых старых идеологий, пытающихся использовать социальную энергию для достижения личной власти тех, кто ее оседлает.

Совершив краткий экскурс в историю промышленных революций, мы видим, что каждая следующая волна промышленной (технологической) революции наступает быстрее предыдущей, подчеркивая тенденцию ускорения глобальной технологической эволюции человечества.

Помимо много другого, каждая промышленная революция приводила к существенным, а иногда революционным изменениям в традиционной системе образования. Так, в связи с обостряющейся конкуренцией между основными промышленными центрами в мире, наличие квалифицированных кадров способных к совершенствованию производства и созданию новых технологий стало таким же ценным ресурсом, как капитал или сырье. Потребность в инновационном подходе, а не только в механической передаче знания, подталкивала систему образования к большему вниманию к личности обучаемого и его индивидуальным особенностям.

Отличительной чертой появления нового общественного запроса к системе образования стало складывание системы передовых и периферийных образовательных кластеров, обострилась конкуренция внутри каждого из кластеров. Образование из обслуживающей дисциплины превратилось в системообразующую. Формирование конкурентоспособной системы среднего и высшего образования стало фактором инвестиционной привлекательности для стран и целых регионов мира. Подписание Болонской декларации европейскими странами в 1999 г. оформило тектонические сдвиги в подходе к развитию систем образования на национальном и наднациональном уровнях.

Тенденция дифференциации образования и реализации индивидуальной образовательной траектории получила свое дальнейшее развитие.

Цифровизация образования сделала его еще более доступным и мобильным. Активное развитие технологий онлайн-обучения упростило и сделало его более финансово доступным. В обучение и образование приходят миллионы новых игроков, генерируя новые вызовы классическим образовательным учреждениям и одновременно размывая существующие системы контроля качества получаемого образования. Формируется рынок образовательных услуг, чья капитализация сопоставима с другими перспективными рынками.

Меняется социальная психология процесса передачи и получения знания, навыков. Получение новой профессии становится не обязательно свидетельством профессионального кризиса, а, наоборот, стремлением поднять свои карьерные шансы. Дополнительное образование является системным требованием для дальнейшего успешного карьерного роста. А процесс образования и повышения квалификации приобретает практически непрерывный характер. Растет социаль-

ный статус педагога, наставника, тренера. Популярные коучи собирают аудитории и гонорары наравне с кино- и поп-звездами.

Крупный и средний бизнес больше не устраивает роль молчаливого получателя результатов существующих образовательных программ. Компании не только финансируют классические вузы, являясь существенным источником их дохода, но и создают свои программы, направления и даже открывают собственные корпоративные университеты.

Тектонические сдвиги в современной системе образования спровоцировали появление помимо преимуществ и целый ряд слабостей или уязвимостей. Поиск решения проблем и устранения слабости существующей системы образования и станет толчком для создания условий для перехода к новой перспективной системе образования, адекватной требованиям и вызовам 5-й технологической революции. Но, чтобы обозначить хотя бы вектор решения, надо точно сформулировать проблему.

Одним из достижений 4 промышленной революции в образовании стал массовый, практически всеобщий доступ к образовательной системе. В настоящее время за партами от детского сада до университета находится почти 2 млрд человек по всему миру [Roser, Ortiz-Ospina, 2016].

СТАНДАРТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Стандартизация и формирование универсальных подходов к обучению позволили за сравнительно короткий срок создать глобальную образовательную систему, в которую вовлечена одновременно $\frac{1}{4}$ населения и через которую проходит подавляющая часть жителей планеты.

Устойчивость данной системы является залогом накопления и передачи знания между поколениями, поддержания устойчивого развития и социальной стабильности.

Но, как это часто и происходит в социальных процессах, решение одной проблемы сотворило несколько новых. Столь впечатляющая массовость и обязательность образования стала причиной потери индивидуальности, избирательности и личной адаптивности. Система нацелена на средних по способностям и талантам обучаемых. Методики выявления и поддержки одаренных учеников фрагментарны и неэффективны.

Принципы и системы преподавания максимально стандартизируются. Современные учебные коллективы строятся по принципу языковой, возрастной и географической близости. Особенно остра эта проблема в среднем школьном образовании. Подавляющее количество учебных классов – это искусственно созданные коллективы детей одного года рождения, говорящие на одном языке и компактно проживающее в одном микрорайоне. В подобных коллективах дети находятся от 10 до 15 лет своей жизни. Социализация в рамках данных коллективов искусственна, часто травматична и практически не встречается в дальнейшей жизни человека.

В добавлении школа стала основным институтом передачи социальных функций общества и государства.

Ханин Ф.Г.

Хорошо, если это касается обучения правилам дорожного движения и воспитания вежливости, но во многих странах социальная функция перетекает в навязывание социальной, морально-этической и политической идеологии. Особенно активно это происходит в авторитарных и недемократических государствах.

Подобная система была оптимальна в рамках 3–4-й промышленной революции, решая проблемы передачи среднего уровня образования и первичной социализации. Но она не подходит для требований 5-й технологической революции.

Массовая система образования требует сотен миллионов педагогов. При этом право преподавания специалист получает уже после 4 лет педагогического вуза. При этом престиж и уровень оплаты труда педагога по-прежнему остаются меньше многих других менее ответственных профессий. В результате чего наиболее талантливые и эффективные люди сторонятся массовой и не особенно благодарной профессии преподавателя.

Массовые учебники и учебные пособия, издаваемые многомиллионными тиражами, лишены индивидуальности и интерактивности. Выбор учебной программы и конкретных учебников в большинстве своем не зависит ни от учеников и их родителей, ни от учителей и даже администраций школ, а навязывается государственной образовательной политикой, образовательными стандартами и универсальными рекомендациями.

Несмотря на то, что система элективных курсов или курсов по выборам не так давно стала внедряться практически во всех вузах и многих школах, она не дает необходимой гибкости для формирования индивидуальной образовательной траектории каждому ученику на всем протяжении образовательного процесса.

Того, что феноменально для расцвета индустриальной эпохи, устарело и категорически недостаточно для постиндустриального и информационного общества.

Регламентировано и стандартизировано практически все. Время и место учебы, одежда и внешний вид, количество и направленность изучаемых предметов, состав учеников в классе и состав учителей, в нем преподающий, продолжительность учебной программы, способы оценки успеваемости и многое, многое другое.

К первому классу начальной школы подавляющее большинство детей свободно владеют смартфонами и планшетами, легко адаптируются в разных цифровых средах, осваивают навигацию даже на языках, на которых не говорят, и жадно поглощают любой видеоконтент.

Контент, где все динамично, красочно и интерактивно, где можно моментально переключиться с одного потока на другой, если предыдущий фрагмент не удержал внимания или оказался плохо понятным. Каждое мгновение современный «цифровой ребенок» делает самостоятельный выбор: направо или налево, быстрее или медленнее, громче или тише, смотреть или слушать. Каждую секунду ребенок взаимодействует с цифровой средой и сублимирует в ней свою свободу, делая бесконечное число выборов и незамедлительно получая результат этого выбора.

Без сомнений, время пребывания ребенка в цифровой среде должно быть регулируемо, а содержание

цифрового контента, потребляемого ребенком, – подчинено родительскому контролю. Но цифровая судьба наших детей – это неумолимая реальность, и бороться с ней – это все равно, что пересаживаться на гужевые повозки, отказываясь от автомобильного транспорта, под предлогом того, что последний значительно более травматичен и опасен.

Проблема даже не в том, что клиповое сознание современных «цифровых детей» привыкает к видеоконтенту и ожидает его везде. В отличие от виртуальной реальности в школе у него значительно меньше пространства для выбора, меньше индивидуальной свободы – чего уж там, от него практически ничего не зависит.

Минимальное количество переменных, доступных для выбора школьника, существенно понижает его образовательную мотивацию, переключает его любознательный ум к поиску других менее формализованных источников познания окружающего мира, а иногда и внушает ему комплекс выученной беспомощности.

ЗНАЧЕНИЕ ДИПЛОМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Давайте внимательно посмотрим на биографии выдающихся молодых предпринимателей, «единорогов», чрезвычайно успешных людей, создавших компании и бизнес-проекты, изменившие мир. В описании судеб людей, на кого равняются современные молодые люди, мы с удивлением обнаружим, что очень многие из них бросали школы, сбежали из лучших престижных университетов, для того чтобы реализовывать свою мечту в гаражах, подвалах и чердаках. Однако нам стоит всерьез задуматься, чего не хватает в существующей системе образования современным Цукербергам, Брэнсонам и Деллам. И что было бы с гигантами Facebook, Virgin и Dell, если бы их основатели не бросили, то учебное заведение, где они учились, а прилежно дотянули бы до заветного для их социального окружения диплома.

Тем не менее, согласно исследованиям проекта Our World in Data, реализуемого Оксфордским университетом, среднее время, проводимое ребенком за учебной, в мире за последние 60 лет удвоилось. При этом по-прежнему прослеживаются страновая неравномерность, жесткая корреляция между благосостоянием и уровнем жизни в стране и продолжительностью среднего обучения детей и подростков. Так, лидером по продолжительности обучения является Германия со средним показателем 14,1 лет в 2017 г., а аутсайдером – Сенегал с показателем 3 года в том же 2017 г. [Rosser, Ortiz-Ospina, 2016].

Чем выше экономическое благосостояние, тем дольше средняя продолжительность обучения. А может, на самом деле наоборот: чем дольше средняя продолжительность обучения, тем выше экономическое благосостояние страны.

Очевидно, что задачей беднейших стран Африки и Азии по-прежнему является создание благоприятных экономических условий, для того чтобы дети в этих странах имели возможность проводить время за учебной как можно дольше, и поскорее приблизиться к сопоставимым показателям экономически развитых

стран Европы и Северной Америки. Это даже не социально-экономическая проблема – это гуманитарный вызов, притом не только для них, но и для всего человечества. Неравномерность доступа к возможностям и благам глобальной цивилизации может убить как глобальность, так и цивилизацию, легко вернув всех выживших в каменный век.

В то же время жители наиболее экономически развитых регионов мира сталкиваются с проблемой перегруженности образовательного процесса и его избыточной длительностью, когда школьники и студенты проводят за партой 15–20 лучших лет своей жизни. Срок обучения и его универсальность приводят к тому, что мы получаем уйму невостребованных и никогда не используемых в дальнейшем знаний. Одновременно не получая тех знаний и навыков, которые нам необходимы в разные этапы нашей личной и профессиональной жизни.

Объем обязательных знаний по мере появления новых научных открытий постоянно растет. Еще 30 лет назад квантовая физика была уделом физико-математических факультетов классических университетов, а сегодня ее изучают в старшей школе. Рост требований и объемов обязательного к передаче знания компенсируется ростом длительности обучения и трудозатратности его освоения.

Растет количество уроков в школе, академических часов в вузах, объемы домашних заданий и требований от учителей и профессоров. При этом недостатки обязательного образования компенсируются ростом объемов дополнительного (кружки, репетиторы, летние и зимние школы). Все это также влияет на общий объем и длительность учебного процесса.

Результатом становится повсеместное распространение психологических проблем у школьников и студентов, не справляющихся с постоянно возрастающей нагрузкой на них и требованиями социального окружения. Прокрастинация, суицидный перфекционизм, заниженная самооценка, немотивированная агрессия, буллинг, фобии и огромный стресс – вот далеко не полный список психологических проблем современного ученика. И с ними далеко не всегда справляются родители и штатные психологи, незаметно появившиеся практически во всех учебных заведениях.

За последние 60 лет средняя продолжительность обучения ученика удвоилась. Сколько нам предстоит учиться в ближайшем будущем? 20–30 лет? Где грань целесообразности в росте сроков продолжительности обучения, кем или чем она будет установлена? И, наконец, когда мы начнем ценить время наших детей и подростков? Ведь, как мы знаем, оно так быстротечно, даже если измеряется самыми точными часами.

Одна из главных проблем современной системы образования в современном мире – это негарантированность получаемого результата. Проведя от 10 до 18 лет в непрерывном обучении, ученик не знает, что станет его конечным результатом. Никто не несет ответственности за качество образования ученика, кроме него самого и его родителей, которые как раз меньше всего влияют на процесс обучения.

Оторванность учебного процесса от реального сектора экономики, где макроэкономическая ситуация

меняется в несколько раз быстрее, чем проходят переподготовку педагоги и переписываются учебные планы. Несмотря на то, что крупные корпорации активно спонсируют строительство библиотек и спортивных комплексов в кампусах классических университетов, их представители имеют очень ограниченное влияние на текущий учебный процесс. В лучшем случае это влияние распространяется на магистерские программы и стажировки тех студентов, кто нацелен на дальнейшую работу в этих компаниях.

Социальный заказ государства распространяется на обеспечение гарантированной занятости и контроль над уровнем безработицы в стране. Но даже эти проблемы решаются далеко не всегда эффективно. Что уж говорить о качестве жизни, благосостоянии или коэффициенте удовлетворенности вчерашних школьников и студентов.

В наиболее экономически развитых странах ОЭСР почти половина выпускников (47,5%) работает не по той специальности, которую получили в вузе [Hartmann, 2021]. При этом больше половины из них работает на рабочих местах, которые вообще не требуют наличия высшего образования.

Выбирая профессию, вы не можете быть уверены ни в чем. Ни в том, что найдете достойную работу по специальности, а она, в свою очередь, обеспечит вам достойное существование. Оканчивая даже самый престижный вуз, вы не получаете гарантий безупречного трудоустройства и головокружительной карьеры. А если вам повезло и все совпало: вы выбрали правильную профессию, которая максимально раскрывает ваш потенциал, стали профессионалом, нашли работу мечты, это никак не страхует вас от экономических кризисов или политических рисков, которые приведут вас к необходимости начинать все с начала.

Глубокая структурная неопределенность в эпоху глобализации – это не сбой системы и не ошибка в ней. Это среда, в которой проходит современная жизнь. Жизнь изменилась, и прошлый исторический или даже антропологический опыт все чаще уводит нас от понимания причин изменений, чем подсказывает варианты адаптации и приспособления.

Юваль Ной Харари в своем бестселлере «Краткая история человечества» писал: «Люди никогда не могли предсказать будущее с точностью. Но сегодня это труднее, чем когда-либо прежде, потому что мы больше не сможем быть уверенными ни в чем – в том числе в вещах, которые раньше казались неизменными и вечными» [Harari, 2015].

В связи с этим, молодое поколение следует снабдить более точными инструментами выживания в условиях «глубокой структурной неопределенности». И сделать это может только глубоко и кардинально реформированная система образования. Причем реформы надо осуществлять незамедлительно, решительно и в то же время с осторожностью. Активно внедряя инновации и сохраняя здание в целом, в котором мы вынуждены будем жить и ломать стены одновременно.

Универсального решения в эпоху глобализации не существует. Есть только гипотезы и теории, которые придется проверять, рисковать, оценивать результаты и, если потребуется, пробовать снова.

Ханин Ф.Г.

СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
С УЧЕТОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Какой оптимальный сценарий можно предложить с учетом анализа современной мировой ситуации?

Школа должна комбинировать очное и дистанционное обучение вне зависимости от эпидемиологической ситуации в мире. Причем педагоги должны обладать проверенными методиками обучения в обоих форматах. Ученик, семья и школа должны быть готовы к неоднократной смене учебного коллектива в течение школьной жизни ученика.

Школа должна играть роль универсального коворкинга. Располагать дорогостоящим современным оборудованием и инфраструктурой, мощными компьютерами и лабораториями, лингафонными кабинетами и профессиональными спортивными площадками. Обладать оптимальными рабочими пространствами для учеников и учителей. Быть центром тестирования и текущей проверки успеваемости для любого учебного коллектива.

Школа должна представлять собой не просто здание со спортивным и актовым залом, а ценностную общность ученических и преподавательских коллективов, классов. Причем состав этих коллективов формируется динамически и на конкурсной основе, отвечая и следуя за изменяющимися требованиями обучающихся и их родителей. Именно класс должен быть базовой единицей обучения, где школа и учебная программа подбираются для него в зависимости от направленности и инфраструктурных потребностей каждого класса.

Повсеместное внедрение искусственного интеллекта в школе решит проблему нехватки педагогических кадров в педагогических профессиях среднего уровня, даст возможность сделать учебные группы малочисленными, устранил многие проблемы психологической совместимости и латентных конфликтов.

Учителя должны быть максимально освобождены от бюрократии и отчетной волокиты. Контроль за их деятельностью должен осуществляться экспертным советом школы, школьным психологом и родительским комитетом. Все, что требует зубрежки и монотонности, должно передаваться нейронным сетям, отдельно адаптированным под нужды каждого конкретного класса.

Ведение учета, контроль успеваемости, проверку и ведение домашних заданий выполняет именно искусственный интеллект, программируемый учителями. Родители не должны делать работу школы. Сначала они полдня, ломая свой рабочий график, развозят детей по кружкам и репетиторам, тем самым компенсируя недостатки учебной программы школы, где музыка – это пение, а спорт – пионербол. А после всего это вместо общения с семьей и сверстниками дети вместе с родителями делают бесконечные домашние задания. Потому что учитель чего-то не объяснил, а ученик чего-то не услышал или не понял.

Искусственный интеллект через аудиопомощника наконец должен освободить родителей от выполнения и проверки домашних заданий ребенка. ИИ не устает и не выматывается на работе, он никогда не нервничает и не психует, когда твой ребенок чего-то не по-

нимает. Он говорит ласковым голосом мамы, твоего учителя или любимого артиста, он не зевал в классе, когда задавали что-то повторить, он точно знает правильный ответ задачки и помнит, что завтра контрольная. И единственное, что ему надо, – это бесперебойное электричество и Wi-Fi.

Искусственный интеллект, интегрированный в школьный учебный процесс, упрощает жизнь всем участникам образовательного процесса и помогает персонализировать обучение для каждого ученика.

Методика постановки и выполнения домашних заданий должна быть кардинально пересмотрена с учетом использования нейронной сети.

Каждый из перечисленных элементов образования будущего уже существует. Надо лишь объединить лучшие практики, направить инвестиционные потоки в образование и сделать качественный рост образовательной системы национальными и международными приоритетами развития.

Согласно данным Мирового банка, в 2019 г. средний уровень государственных расходов в мире на образование составил 3,7% мирового ВВП [Government Expenditure on education]. Цифры весьма красноречивы. Развитие глобальной системы образования по-прежнему не является приоритетом в нашей жизни. А ведь именно образование делает нашу жизнь такой, какая она есть. И если мы сталкиваемся с проблемами безопасности, изменения климата, бедности, неэффективного управления, деградации окружающей среды, на борьбу с которыми и идут основные государственные средства, все эти проблемы уходят корнями прежде всего в то, чему нас учили и учат в школе. Единственный способ решить глобальные проблемы, стоящие перед человечеством завтра, – это развивать систему воспитания и образования будущего человечества сегодня.

Беспомощность перед лицом глобальной пандемии, ренессанс тоталитарного сознания и шаткое балансирование на грани ядерной войны требуют от нас незамедлительных действий в переосмыслении наших подходов к образованию. Необходимо изменить саму философию нашего подхода к получению и передаче знаний – именно этого требует от нас 5-я технологическая революция, именно этого требуют от нас глобальные вызовы, перед которым стоит человечество.

Бен Нельсон, основатель онлайн-университета Минерва, призванного изменить традиционные подходы в образовании, сформулировал четыре универсальных принципа, чему надо учиться сегодня: «творческое мышление, критическое мышление; эффективная коммуникация и эффективная презентация». Принципы Бена Нельсона вряд ли научат вас пилотировать самолет или лечить язву желудка, но они точно помогут вам стать квалифицированным летчиком или врачом, если вы будете их использовать во время обучения авиационным или врачебным специальностям [Сазонова, Чубаров, 2020].

Проактивный подход к учебе, который должен прийти на смену пассивному, уже доказал эффективность в десятках онлайн-университетов и инновационных школ по всему миру. И успешный предприниматель-единорог Бен Нельсон, сформулировав свои принципы

и основав свой проект, только вынул первый камень в плотине будущих изменений в глобальной системе образования.

Даже если опустить в анализе экстремальные и катастрофические сценарии развития будущего глобального общества, согласно прогнозу экспертов компании «МакКинзи», «к 2030 году около 400 млн человек на планете, 14% занятых в настоящий момент людей, потеряют работу из-за того, что их функции будут выполнять роботизированные механизмы и искусственный интеллект» [The future of learning...].

Это означает, что 400 млн человек учились в своей жизни не так, не там и не тому и, им, скорее всего, придется сесть за парту снова, для того чтобы найти себе место в экономике, создаваемой под воздействием 5-й технологической революции. Это означает, что мы должны учить и учиться тому, что в ближайшее время не смогут делать ИИ или роботы. Чтобы не проиграть в конкуренции уже не только между собой, но и с результатами труда самых талантливых из нас.

Популярный коуч и тренер Грахам Браун-Мартин в своем докладе «Образование и 4-я промышленная революция» говорил: «Система образования, существующая сегодня, создана для индустриальной экономики, которая, безусловно, требует трансформации из системы, основанной на фактах и процедурах, в систему, которая активно применяет знания для совместного решения проблем. Будет, безусловно, не просто сдвинуть образовательную модель, уходящую корнями в XIX в. и воспринимающую образование как «доставку», а не как «дизайн» [Graham, 2018].

Но меняться, безусловно, придется, иначе количество пассионарной массы людей, оставшихся невостребованными в новых экономических условиях, будет только расти, а такого будущего никто не хочет ни для себя, ни для своих детей и внуков.

По словам исследователя С. Белковского «образование – это не просто и далеко не только некая иерархическая система подготовки кадров. Это перманентный пожизненный процесс, как утоление голода и жажды» [Белковский, 2022]. И для того, чтобы не умереть от голода или жажды, необходимо расширить ценностный фундамент современной системы образования. Надо набраться мужества, мудрости и, наконец, преодолеть конфликтность и разобщенность общенаучного и теологического познания, унаследованного нами от эпохи Просвещения. На самом деле И. Кант, А. Шопенгауэр, Вл.С. Соловьев и Н.А. Бердяев давно преодолели эту дихотомию и сформулировали философские принципы, снимающие противоречия между научным и религиозным подходом к познанию. Только основная часть человечества, как всегда, подтягивается к открытиям, сделанным ярчайшими своими представителями с существенной задержкой. И до сих пор продолжает жить под властью теорий и концепций, доказавших свою погрешность и ошибочность.

Главенство принципа исчерпаемости и ограниченности материальных ресурсов по-прежнему сдерживает духовное и технологическое развитие человека как вида. Несмотря на то, что каждый человек знает, что Вселенная и ее познание бесконечны. Заикливание на внутривидовой конкуренции мешает нам освободиться и реализовать свое видовое предназначение, насладиться гармонией нашего существования и окружающего нас мира.

Мощный технологический рывок и процессы глобализации последних десятилетий дают нам недостающий элемент для будущей синергии научного и теологического познания. Гуманистические ценности, стремление к прогрессу, преодоление плена базовых потребностей и соединение рационального и духовного познания создадут основу строительства системы образования будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белковский С. Образование эпохи Возвращения. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1fofipwS_N8 (дата обращения: 28.01.2023).
2. Сазонова Е., Чубаров В. Бен Нельсон: Важно студентам дать все на блюдецке, но без приборов // РБК. 14.10.2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f8608d79a7947ba98884139> (дата обращения: 30.01.2023).
3. Abdollahi M. Globalization and education // 21st century. 2010. No. 2 (8). Pp. 95–99.
4. Government Expenditure on education // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS> (дата обращения: 30.01.2023).
5. Graham B.-M. Education & the Fourth Industrial Revolution // YouTube. 14.12.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QM6FC1-hhFo&t=1681s> (дата обращения: 30.01.2023).
6. Harari Y.N. Sapiens: A brief history of humankind. Harper Collins Publisher, 2015. 464 p.
7. Hartmann C. Overqualified and underemployed: A somber snapshot of the labour market for young people // Intergenerational Foundation. 26.08.2021. URL: <https://www.if.org.uk/2021/08/26/overqualified-and-underemployed-a-sombre-snapshot-of-the-labour-market-for-young-people/> (дата обращения: 30.01.2023).
8. Omozusi M.O., Okondu E.O., Banjo O.O., Kalejaiye A.O. Globalization, education and national development // Scholarly

REFERENCE

1. Belkovsky S. The formation of the Return era. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1fofipwS_N8 (data of accesses: 28.01.2023).
2. Sazonova E., Chubarov V. Ben Nelson: It is important for students to give everything on a platter, but without appliances. RBC. 14.10.2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f8608d79a7947ba98884139> (data of accesses: 30.01.2023).
3. Abdollahi M. Globalization and education. 21st Century. 2010. No. 2 (8). Pp. 95–99.
4. Government Expenditure on education. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS> (data of accesses: 30.01.2023).
5. Graham B.-M. Education & the Fourth Industrial Revolution. YouTube. 14.12.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QM6FC1-hhFo&t=1681s> (data of accesses: 30.01.2023).
6. Harari Y.N. Sapiens: A brief history of humankind. Harper Collins Publisher, 2015. 464 p.
7. Hartmann C. Overqualified and underemployed: A somber snapshot of the labour market for young people. Intergenerational Foundation. 26.08.2021. URL: <https://www.if.org.uk/2021/08/26/overqualified-and-underemployed-a-sombre-snapshot-of-the-labour-market-for-young-people/> (data of accesses: 30.01.2023).
8. Omozusi M.O., Okondu E.O., Banjo O.O., Kalejaiye A.O. Globalization, education and national development. Scholarly

Ханин Ф.Г.

- Research Journal for Humanity Science & English Language; Peer Reviewed & Referred Journal. 2019. Vol. 7/34. Pp. 9080–9087.
9. *Roser M., Ortiz-Ospina E., Ritchie H.* Life expectancy. 2019. URL: <https://ourworldindata.org/life-expectancy> (дата обращения: 30.01.2023).
 10. *Roser M., Ortiz-Ospina E.* Global education. 2016. URL: <https://ourworldindata.org/global-education#attainment-by-level> (дата обращения: 30.01.2023).
 11. *Suárez-Orozco M., Suárez-Orozco C.* Education: A global compact for a time of crisis. New York: Columbia University Press, 2022. 424 p. ISBN: 978-0231204354.
 12. The future of learning and teaching: Big changes ahead // RMIT University. URL: <https://www.rmit.edu.au/study-with-us/education/discover-education/the-future-of-learning-and-teaching-big-changes-ahead-for-education> (дата обращения: 30.01.2023).
- Research Journal for Humanity Science & English Language; Peer Reviewed & Referred Journal. 2019. Vol. 7/34. Pp. 9080–9087.*
9. *Roser M., Ortiz-Ospina E., Ritchie H.* Life expectancy. 2019. URL: <https://ourworldindata.org/life-expectancy> (data of accesses: 30.01.2023).
 10. *Roser M., Ortiz-Ospina E.* Global education. 2016. URL: <https://ourworldindata.org/global-education#attainment-by-level> (data of accesses: 30.01.2023).
 11. *Suárez-Orozco M., Suárez-Orozco C.* Education: A global compact for a time of crisis. New York: Columbia University Press, 2022. 424 p. ISBN: 978-0231204354.
 12. The future of learning and teaching: Big changes ahead. RMIT University. URL: <https://www.rmit.edu.au/study-with-us/education/discover-education/the-future-of-learning-and-teaching-big-changes-ahead-for-education> (data of accesses: 30.01.2023).

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 92,92%

Р е ц е н з е н т: *Маркушина Н.А.*, доктор политических наук, доцент; профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Статья поступила в редакцию 01.02.2023, принята к публикации 12.02.2023

The article was received on 01.02.2023, accepted for publication 12.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ханин Филипп Григорьевич, кандидат педагогических наук, доцент, Почетный консул республики Фиджи в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: khanin@mail.sir.edu

ABOUT THE AUTHOR

Philip G. Khanin, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Fiji in St. Petersburg, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: khanin@mail.sir.edu

Изменения политики Российской Федерации в отношении международной террористической угрозы в начале XXI в.

Ю.Ю. Гутенёв ©

Институт востоковедения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: yuriygutenev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается подход Российской Федерации к отношению роста терроризма, влияющего на международные отношения за последние два десятилетия. В статье оценивается влияние этой угрозы на безопасность нашей страны, на международную обстановку, а также анализируются принимаемые руководством России решения по этому вопросу. Автором предпринята попытка рассмотреть и описать влияние Российской Федерации на происходящие внутри- и внешнеполитические события, связанные с терроризмом и религиозным экстремизмом, обозначенные Президентом Российской Федерации. Также уделено внимание причинам, меняющим этот подход к безопасности в Российской Федерации на протяжении последних двадцати лет. Рассматриваются причины разработки новых систем контрмер Россией, ее вступление в новую эпоху взаимоотношений с другими государствами, не смотря на их разногласия. В свою очередь автор хочет обратить внимание на вопросы для чего Россия вынуждена отвечать на вызовы и угрозы и постоянно совершенствовать свою законодательную базу и какие произошли изменения в области ее информационной безопасности? Анализируются официальные документы, резолюции Организации Объединенных Наций, источники и научные труды в контексте подхода по обеспечению безопасности от терроризма. В исследовании показано, что количество и качество угроз будет продолжать возрастать так как, террористические группировки набираются опыта и оттачивают свои навыки. Борьба с террором возможна лишь в долгосрочной перспективе при качественном международном сотрудничестве между государствами и в отсутствии двойных стандартов.

Ключевые слова: конфликт; политика; Россия; терроризм; религия; безопасность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гутенёв Ю.Ю. Изменения политики Российской Федерации в отношении международной террористической угрозы в начале XXI в. // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 138–144. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-138-144

Changes in the Policy of the Russian Federation in Relation to the International Terrorist Threat at the Beginning of the XXI Century

Yu.Yu. Gutenev ©

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

E-mail: yuriygutenev@yandex.ru

Abstract. The article examines the approach of the Russian Federation to the growth of terrorism affecting international relations over the past two decades. The article assesses the impact of this threat on the security of our country, on the international situation, and analyzes the decisions taken by the Russian leadership on this issue. The author attempts to consider and describe the influence of the Russian Federation on the ongoing domestic and foreign policy events related to terrorism and religious extremism, designated by the President of the Russian Federation. Attention is also paid to the reasons changing this approach to security in the Russian Federation over the past twenty years. The reasons for the development of new systems of countermeasures by Russia, its entry into a new era of relations with other states, despite their differences, are considered. In turn, the author wants to draw attention to such questions as: "Why is Russia forced to respond to challenges and threats and constantly improve its legislative framework and what changes have taken place in the field of its information security?". Official documents, United Nations resolutions, sources and scientific works are analyzed in the context of the approach to ensuring security against terrorism. The study shows that the number and quality of threats will continue to increase as terrorist groups gain experience and hone their skills. The fight against terror is possible only in the long term with high-quality international cooperation between States and in the absence of double standards.

Key words: conflict; politics; Russian Federation; terrorism; religion; security

FOR CITATION: Gutenev Yu.Yu. Changes in the Policy of the Russian Federation in Relation to the International Terrorist Threat at the Beginning of the XXI Century. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 138–144. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-138-144

К началу XXI в. у большинства государств сложилось свое отношение к терроризму, оформленное в их законодательной базе. Об этой проблеме уже слышало большинство населения, но сам феномен террора очень сложен и еще до конца не изучен. Осуществляемые терроризмом акты жестокости и насилия, нацеленность на массовость, создание атмосферы страха и напряженной ситуации в обществе влечет за собой реакцию самого общества и силовых структур государств. Однако в международном сообществе отсутствует единый подход к определению причин возникновения терроризма, имеют место двойные стандарты в отношении борьбы с террором. Что касается Российской Федерации, то, в свою очередь, на высшем политическом уровне был разработан ряд профилактических мер:

- создание общегосударственной системы противодействия терроризму, основанная на Конституции и других нормативно-правовых документах;
- устранение причин и усиление контроля над возможными противоправными действиями, которые ведут к укреплению террора;
- противодействие на идеологическом уровне;
- подготовка кадровой базы, которая станет обеспечивать профессиональное противодействие терроризму;

- защита уязвимых объектов [5];
- при необходимости ликвидация террористов;
- поощрение лиц, сотрудничающих с органами госбезопасности в борьбе с террором [13].

В настоящее время существует много версий возникновения современного радикального экстремизма. Одна из многих – это идеи ваххабизма, доставившие много проблем РФ, начиная с 1990-х гг.

На вопрос о происхождении радикального экстремизма, как на один из аспектов, дает ответ Т.П. Милославская в статье «Истоки радикального ислама» [15]. Исламская религия формировалась как государственная и «тоталитарная», она охватывала все стороны жизни каждого человека и общества в целом.

В XX в. основой для радикального исламизма явилась идеология «Братьев-мусульман» (террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ), основанная политическим деятелем и исламским проповедником Хасаном аль-Банной в 1928 г. Позже последователь «Братьев-мусульман» (террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ) Саид Кутб разработал свою концепцию экстремизма и изложил ее в работах «Под сенью ислама» и «Вехи на пути». В итоге одной из красных линий исламского экстремизма выкристаллизовалось такое

понятие как хакимия – высшая власть Аллаха над всем мирозданием. Вследствие этого все попытки изменения законов шариата считаются присвоением себе власти Аллаха. Такой подход отрицает любую форму правления кроме теократии. Это принципиально важное восприятие фундаменталистами данной политической теории «дает им право», как они считают, разделять общество на верных и неверных.

У экстремистов нет единой системы развития их методов террора. Если собрать все «доктрины развития» этих методов во что-то целостное, то можно выделить три этапа их «борьбы»: начальную, организационную и насильственную. На начальной стадии проходит религиозно-идеологическая обработка. На организационной стадии – введение адепта в организационную структуру, занятие физической подготовкой и отработка умения пользоваться различными видами вооружения. Собственно, насильственная стадия – реальное воплощение идей в «борьбу» за свои интересы, переходящую в террор.

Международный терроризм особенно усилился после «арабской весны». Резко обострилась ситуация в Сирии, Йемене, Ираке и появилась новая террористическая угроза – «Исламское государство» (ИГИЛ) (террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ), которая еще больше усложнила и без того напряженную ситуацию в регионе. В результате чего РФ и некоторые ближневосточные государства были вынуждены вступить в новую эпоху взаимоотношений, не смотря на разногласия в оценке ближневосточных проблем. Необходимость противостоять экстремистской угрозе сблизила Лигу арабских государств (ЛАГ) и Россию в общей борьбе против терроризма. Теперь эти отношения нельзя охарактеризовать, как «настороженное партнерство». Россия и страны ЛАГ заинтересованы вернуть регион в стабильное состояние. В результате этого международное партнерство между РФ и ЛАГ поднялось на более высокую ступень двустороннего сотрудничества. Однако притягательность идей ИГИЛ (террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ) для некоторых слоев населения до сих пор является более существенной, чем официальная пропаганда, разоблачающая эти экстремистские взгляды.

В последнее время утверждается в мире мнение о том, что силовыми методами с терроризмом нельзя покончить, необходимо использовать в борьбе с ним институты гражданского общества и широкое привлечение населения.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ЕЕ БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В НАЧАЛЕ XXI В.: В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Всплеск терроризма в Российской империи начался во второй половине XIX в. Ранее совершать широкомасштабные террористические действия было невозможно, так как человечество не стояло на столь высокой ступени научно-технического развития. Причиной возникновения этого явления в России является обострение внутренних социально-политических противоречий, а также желание экстремистов совершить социальную революцию. В этот период «расцвет» терроризма был в Европе и США, поэтому его воз-

никновение в Российской империи не было чем-то уникальным. После гражданской войны в России еще оставались недовольные советской властью, что давало почву для внутренних нестроений, и лишь в период с 1945 по 1953 г. все незаконные вооруженные формирования на территории СССР были ликвидированы, и население страны еще долгие годы проживало в относительной безопасности. Однако терроризм снова поднял голову в конце XX в., и оказал влияние на развитие внутривнутриполитической и социальной ситуации российского общества [1].

Существует множество версий мотивации у террористов, одну из них предложил Д.В. Ольшанский в книге «Психология терроризма». В каком бы свете не выставляли себя сами террористы – за этим стоит их психологическая ущербность и желание обладать властью над людьми. Условно можно выделить следующие мотивы, которыми руководствовались участники террористических актов:

- 1) власть над людьми;
- 2) меркантильный мотив;
- 3) генетический садизм;
- 4) идеологические мотивы;
- 5) желание изменить несовершенный мир;
- 6) привлекательность терроризма. Этот мотив подходит для определенного класса обеспеченных людей, для той молодежи, которая полностью обеспечена и ей хочется новизны;
- 7) бытовой мотив, т.е. эмоциональная товарищеская или родственная привязанность;
- 8) мотив самореализации.

Некоторые преступники страдают патологией к суициду и хотят погибнуть во время теракта, хотя большинство хочет уйти от ответственности и продолжить свою «яркую» жизнь [16].

Начиная с 2000-х гг. РФ вступила в новую стадию своего развития. Изменилась политическая карта мира. Общество шагнуло в XXI в. в технологическом рывке – возникли новые вызовы и угрозы. К этому периоду у России уже накопился достаточный опыт в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом, но и террор не стоял на месте и вместе с обществом сделал шаг вперед в своем развитии.

В связи со сложившейся обстановкой государство вынужденно отвечать на вызовы усовершенствованием своей законодательной базы. Были разработаны, основываясь на Конституции ряд документов: Концепция противодействия терроризму в РФ, Концепция национальной безопасности РФ, Доктрина информационной безопасности РФ, Стратегия национальной безопасности РФ, Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция), Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 г., и др. В течение последних двадцати лет некоторые из этих документов неоднократно изменялись и дорабатывались. Хорошим подспорьем для законодательной базы РФ стали резолюции ООН, касающиеся противодействия терроризму, которые она подписала и ратифицировала.

1. Резолюция 1373, принятая Советом Безопасности на его 4385-м заседании 28.09.2001, заявила о своем безоговорочном осуждении террористических нападений, которые были совершены 11.09.2001 в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия),

Гутенёв Ю.Ю.

и заявила о своей решимости предотвращать все подобные акты [19].

2. Резолюция 1617, принятая Советом Безопасности на его 5244-м заседании 29.07.2005. Совет Безопасности, вновь осудила терроризм во всех его формах и проявлениях [20].
3. Резолюция 1860, принятая Советом Безопасности на его 6063-м заседании 08.01.2009. Совет Безопасности, осудила все случаи насилия и жестокости, направленные против мирных жителей, и все акты терроризма [21].
4. Резолюция 1904, принятая Советом Безопасности на его 6247-м заседании 17.12.2009. Советом Безопасности, подчеркнула, что терроризм можно победить лишь путем применения устойчивого и всеобъемлющего подхода, включающего активное участие и сотрудничество всех государств и международных и региональных организаций [22].

Положительный факт – создание контртеррористического управления ООН согласно резолюции 71/291 от 15.06.2017. Данный специальный центр обеспечивает руководство в вопросах выполнения контртеррористических мандатов Генеральной Ассамблеей, повышает координацию и согласованность между участниками по антитеррористической программе, освещает контртеррористическую деятельность ООН [18].

Условно эволюцию развития подходов Российской Федерации в отношении безопасности можно разделить на три этапа.

Первый этап

Российская Федерация, интегрировавшись в начале XXI в. во внешнее мировое пространство, начала влиять на развитие общности интересов других государств по проблемам международной безопасности. Несмотря на дополнительные возможности, глобализацию мировой экономики, социально-экономический прогресс такая тенденция способствовала появлению новых опасностей: рост сепаратизма, военно-политическое соперничество региональных держав и развитие террора [9]. К основным внешним угрозам Российской Федерации можно отнести территориальные претензии и попытки вмешательства во внутригосударственные дела.

Во внутриполитической среде, с точки зрения безопасности, интересы России представлялись в нейтрализации терроризма и защиты своей государственности. Внутренние угрозы в основном состояли из противоправной деятельности различных экстремистских организаций, направленных на дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране [2].

В результате сложившейся ситуации руководство страны усилило систему правоохранительных органов, начало реагировать на исходящие угрозы из информационного поля, создало новые структуры по борьбе с террором, упреждающие правонарушения. Ее реализация началась осуществляться на основе общегосударственного комплекса контрмер по пресечению экстремистских видов преступной деятельности, которые начали приносить свои плоды [12].

В свою очередь укрепление международной безопасности рассматривалось РФ как важнейшая внешнеполитическая задача, нарушение которой способствовало дестабилизации как внутри России, так и в некоторых регионах планеты. Международное со-

трудничество РФ в области обеспечения информационной безопасности [6] также оказало положительное влияние на деятельность международного сообщества в однозначном ответе на вызовы террористических организаций. По сути, на данном этапе, была сформирована базовая государственная система противодействия терроризму. Также Российская Федерация начала активно выступать за дальнейшую разработку контрмер по усилению взаимодействий на международном уровне в этой области.

Второй этап

В связи с внешне- и внутривнутриполитическими изменениями вызовы со стороны террористических группировок стали более изощренными. Предыдущая система контрмер начала утрачивать свою актуальность, и перед РФ встал вопрос об ее усовершенствовании. Одной из таких новых мер стал утвержденный в 2006 г. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму». В котором следовало прямое указание о создании Национального антитеррористического комитета (НАК) для координации действий между ветвями власти, органами местного самоуправления по профилактике терроризма и ликвидации пост-террористических последствий в субъектах РФ [14]. Обобщенно задачи и права Национального антитеррористического комитета можно свести к следующим пунктам:

- 1) подготовка предложений президенту РФ по формированию государственной политики в области противодействия терроризму, а также совершенствованию законодательства РФ в этой области;
- 2) координация деятельности по противодействию терроризму между органами власти органами самоуправления и некоторыми организациями.
- 3) разработка контртеррористических мер и защита потенциальных объектов, представляющих интерес для террористов;
- 4) принятие решения, касающиеся организации, координации и оценке эффективности различных органов власти в данных вопросах;
- 5) право запрашивать любую информацию у соответствующих структур РФ, касающуюся террористической деятельности;
- 6) создание рабочих органов для изучения и решения вопросов по терроризму, а также привлечение к ним должностных лиц;
- 7) сотрудничество на международном уровне в области противодействия терроризму.

На внешнеполитической арене РФ продолжает опираться и на ст. 51 Устава ООН [27]. Данный регламент представляет собой одну из основ, служащих для применения самообороны в борьбе с мировым терроризмом. Такая внешнеполитическая национальная задача исходила из необходимости системного использования политико-правовых мер по защите своих граждан от террора на тот период [9].

Во втором десятилетии XXI в. все больше начали выходить на передний план более новые вызовы и угрозы, возросло их «качество» и расширилась география. Глубоко трансформируемая транснациональная организованная преступность устанавливала связи с террористическими и экстремистскими организациями. Реагируя на такие изменения, Россия выступала

за укрепление стратегической и региональной стабильности. В этих целях РФ предприняла все необходимые меры по отражению и предотвращению террористических нападений на себя и своих граждан.

Решение о принятии Концепции внешней политики РФ в 2013 г. было обосновано изменением политической обстановки в мире. Если проанализировать Концепцию внешней политики РФ 2000 г. и 2013 г., то видно, что содержание угроз трансформировалось. К предыдущим вызовам добавились: миграция нелегалов; проблемы коррупции; дефицит жизненно важных ресурсов; увеличение бедности в некоторых регионах планеты; угрозы информационной безопасности и др. В итоге акценты переместились из внутренней среды России на международный уровень [8].

В Концепции внешней политики РФ 2016 г. главным направлением в борьбе с терроризмом должна была стать международная антитеррористическая коалиция, основанная на правовой базе Устава ООН, нормах и принципах международного права, эффективном и системном взаимодействии государств. Признавая, что терроризм невозможно победить только силовыми мерами, Россия выступала за активное и эффективное использование в борьбе с ним научных и образовательных организаций, религиозных объединений, средств массовой информации, а также за блокирование каналов финансирования терроризма [10].

Из другого источника законодательной базы РФ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» следует, что Россия преодолела внутренний кризис конца XX века, и устояла перед напором международного терроризма [23]. Однако свое деструктивное воздействие, на национальную безопасность страны, продолжили оказывать различные группировки экстремистского толка.

В новом качестве проявилась международная террористическая организация «ИГ», претендующая на создание собственного государственного образования, и усиливающая свое влияние на территории от Ирака до Атлантического побережья. Уже с момента своего появления она начала угрожать РФ. Укрепление ее влияния в том числе было направлено на насильственное изменение конституционного строя РФ [24].

В результате вышеописанных угроз направлениями в обеспечении государственной безопасности стали:

- 1) усовершенствование нормативного правового регулирования и реорганизация структур федеральных органов власти;
- 2) комплексное оснащение современными образцами вооружения, военной и специальной техникой антитеррористических формирований, борющихся с распространением международного терроризма [3];
- 3) усовершенствование системы выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им.

В области информационной безопасности произошли структурные изменения. Появился регламент, улучшающий координацию между государствами-участниками по противодействию использованию информационного пространства экстремистами различного толка. По этому регламенту государства-участники должны были признать необходимость совместных и решительных действий. Выработать единые подходы и контрмеры по ограничению информационной деятельности террористических группировок или от-

дельных террористов, а также обмениваться опытом [7]. В другом документе «Военная доктрина Российской Федерации», которая подкрепляла «Конвенцию об обеспечении международной информационной безопасности» в информационной составляющей, особое внимание роли медиа. С усилением роли медийного пространства, оговаривалась возможность их влияния на внутреннюю ситуацию в РФ. В этом контексте они стали Российским шитом в противодействии террористической угрозе [4].

Третий этап

В нижеописанных нормативно правовых актах подведен итог развития законодательной базы РФ в сфере предупреждения терроризма за последние годы. В этих документах дана оценка, обобщенный опыт и стратегия реализации государственной политики по противодействию развивающейся террористической угрозы в РФ в последнее время. Это методологическое обеспечение не является окончательным и нуждается в постоянном обновлении, так как в период до 2030 г. в мире прогнозируется нестабильная политическая обстановка, увеличение масштабов терроризма и совершенствование его методов. Такие вызовы потребуют соответствующих действий от РФ [17]. В «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (разд. III и IV) Президент России обозначил основные направления государственной политики по противодействию экстремизму. Претворение данной стратегии в жизнь состоит из разработки законодательной базы, прогнозирования и мониторинга ситуации на предмет безопасности, создания системы дополнительной защиты СМИ и сети интернет и подготовки предложения по разработке новых документов стратегического планирования по противодействию экстремизму [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что количество и изолированность угроз продолжает возрастать. Международная практика показывает, что борьба с терроризмом будет достаточно эффективной лишь в долгосрочной перспективе при качественном международном сотрудничестве между государствами и без двойных стандартов.

Возвращаясь к внутреннему российскому вопросу, мы видим, что проводимый РФ курс, по обеспечению собственной безопасности, принес положительные результаты. Россия продемонстрировала возможность эффективной борьбы с терроризмом. Значительно снижен внутренний уровень террористической угрозы, после чего России стало легче противостоять оказываемому на ее давлении извне. Закрепленные за последнее время ценностные ориентиры позволили сформировать мировоззренческие основы российского общества и максимально оградить от международного экстремистского влияния российских граждан [25]. Расширился круг возможностей проведения внешней политики. Движение в таком направлении по борьбе с терроризмом способствует сохранению российской государственности, повышению внутренней безопасности и международного престижа Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая пол. XIX – нач. XX в.). 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2016. С. 59–65.
2. Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 706 21.04.2000.
3. Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 146 05.02.2010.
4. Военная доктрина Российской Федерации, ст. 13, п. «в». Утв. Указом Президента Российской Федерации № Пр-2976 25.12.2014.
5. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, ст. 18, ч. 2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 60/288 от 08.09.2006.
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Приказ Президента Российской Федерации № Пр-1895 от 09.09.2000.
7. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). 22.09.2011. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/191666 (дата обращения: 15.10.2021).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации. Поручение Президента Российской Федерации № Пр-251 от 12.02.2013.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации 15.07.2008. № Пр-1440.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 640 05.12.2016.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации. 28.06.2000 // Российская газета. 15.07.2008. № 133.
12. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 24 10.01.2000.
13. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009 // Российская газета. 20.10.2009. № 198.
14. Меры по противодействию терроризму. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 116 15.02.2006.
15. Милославская Т.П. Истоки радикального ислама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 2017. Вып. 35. С. 258–266.
16. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С. 83–86.
17. Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 327 20.07.2017.
18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 71/291. Принята Генеральной Ассамблеей ООН на семьдесят первой сессии 15.07.2017. П. 118 повестки дня.
19. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1373. Принята Советом Безопасности на 4385-м заседании 28.09.2001.
20. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1617. Принята Советом Безопасности на 5244-м заседании 29.07.2005.
21. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1860, ст. 5. Принята Советом Безопасности на 6063-м заседании 08.01.2009.
22. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1904. Принята Советом Безопасности на 6247-м заседании 17.12.2009.
23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 537 12.05.2009.
24. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 683 31.12.2015.
25. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 400 02.06.2021.

REFERENCES

1. Budnitsky O.V. Terrorism in the Russian liberation movement: Ideology, ethics, psychology (second gender XIX – beginning XX century). 2nd ed. Moscow, ROSSPEN, 2016. Pp. 59–65.
2. Military Doctrine of the Russian Federation. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 706 21.04.2000.
3. Military Doctrine of the Russian Federation. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 146 05.02.2010.
4. Military Doctrine of the Russian Federation, art. 13, item “b”. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. Pr-2976 25.12.2014.
5. The UN Global Counter-Terrorism Strategy, art. 18, part 2. Resolution of the UN General Assembly No. 60/288 dated 08.09.2006.
6. The Doctrine of Information Security of the Russian Federation. Order of the President of the Russian Federation No. Pr-1895 dated 09.09.2000.
7. Convention on Ensuring International Information Security (concept). 22.09.2011. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/191666 (data of accesses: 15.10.2021).
8. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. The Order of the President of the Russian Federation № Pr-251 dated 12.02.2013.
9. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. Approved the President of the Russian Federation. 15.07.2008. No. Pr-1440.
10. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 640 05.12.2016.
11. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. 28.06.2000. *Rossiyskaya Gazeta*. 15.07.2008. No. 133. (In Rus.)
12. The Concept of National Security of the Russian Federation. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 24 10.01.2000.
13. The Concept of Countering Terrorism in the Russian Federation. Approved the President of the Russian Federation. 05.10.2009. *Rossiyskaya Gazeta*. 20.10.2009. No. 198. (In Rus.)
14. Measures to Counter Terrorism. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 116 15.02.2006.
15. *Miloslavskaya T.P.* The origins of radical Islam. In: *South-East Asia: Actual problems of development*. Moscow: IV RAS, 2017. Issue 35. Pp. 258–266.
16. *Olshansky D.V.* Psychology of terrorism. St. Petersburg: Piter, 2002. Pp. 83–86.
17. Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period up to 2030. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 327 20.07.2017.
18. Resolution of the UN General Assembly No. 71/291. Adopted by the UN General Assembly at the seventy-first session 15.07.2017. Agenda item 118.
19. UN Security Council Resolution No. 1373. Adopted by the Security Council at the 4385th meeting 28.09.2001.
20. UN Security Council Resolution No. 1617. Adopted by the Security Council at the 5244th meeting. 29.07.2005.
21. UN Security Council Resolution No. 1860, art. 5. Adopted by the Security Council at the 6063rd meeting 08.01.2009.
22. UN Security Council Resolution No. 1904. Adopted by the Security Council at the 6247th meeting 17.12.2009.
23. The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 537 12.05.2009.
24. National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 683 31.12.2015.
25. National Security Strategy of the Russian Federation No. 400. Approved by decree of the President of the Russian Federation 02.06.2021.

26. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 344 01.06.2020.
27. Устав ООН. Гл. VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, ст. 51. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (дата обращения: 14.10.2021).
26. Strategy of Countering Extremism in the Russian Federation until 2025. Approved by decree of the President of the Russian Federation No. 344 01.06.2020.
27. UN Charter Chapter VII: Actions in relation to threats to peace, violations of peace and acts of aggression, art. 51. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (data of accesses: 14.10.2021).

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 82,84%

Рецензент: *Никонов С.Б.*, доктор политических наук, доцент; профессор кафедры международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

Статья поступила в редакцию 10.01.2023, принята к публикации 14.02.2023

The article was received on 10.01.2023, accepted for publication 14.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гутенёв Юрий Юрьевич, аспирант Института востоковедения РАН, Центр исследования общих проблем современного Востока. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6236-9792>; E-mail: yuriygutenev@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuriy Yu. Gutenev, postgraduate student at the Institute of Oriental Studies of the RAS, Centre for the Study of Common Problems of the Contemporary East. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6236-9792>; E-mail: yuriygutenev@yandex.ru

5.5.4

Международные отношения,
глобальные и региональные исследования
International Relations, Global and Regional Studies

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-145-154

Публичная дипломатия
транснациональных корпораций
на примере ШвецииН.Ю. Маркушина^a ©, Н.Л. Парфенёнок^b ©Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация^a E-mail: n.markushina@spbu.ru^b E-mail: n.parfenenok@spbu.ru

Аннотация. Роль корпораций в мировой политике продолжает возрастать: сегодня корпорации это не только акторы мировой политики, чья капитализация конкурирует с номинальным ВВП ведущих государств мира, но и набирающие все больший вес акторы публичной дипломатии. Целью данной статьи является теоретическое осмысление корпоративной публичной дипломатии и изучение форматов сотрудничества корпорации и государства во взаимном продвижении собственных брендов на примере кейс-стади шведских корпораций IKEA, VOLVO, H&M: анализируется использование корпорацией бренда страны-родины в собственном продвижении, а также продвижение национального ценностей Швеции и национального бренда Швеции через рекламу на зарубежную аудиторию. В статье проводится SWOT анализ корпоративной публичной дипломатии как для государства, так и для корпорации, что демонстрирует в том числе определенные угрозы для обеих сторон. В завершении статьи по итогу анализа как теоретической базы, так и практической деятельности корпораций дается определение корпоративной публичной дипломатии.

Ключевые слова: корпоративная публичная дипломатия, мягкая сила, национальный брендинг

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маркушина Н.Ю., Парфенёнок Н.Л. Публичная дипломатия транснациональных корпораций на примере Швеции // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 145–154. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-145-154

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-145-154

Public Diplomacy of Transnational Corporations
on the Example of SwedenN.Yu. Markushina^a ©, N.L. Parfenenok^b ©St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation^a E-mail: n.markushina@spbu.ru^b E-mail: n.parfenenok@spbu.ru

Abstract. The role of corporations in world politics continues to grow: today corporations are not only actors in world politics, whose capitalization competes with the nominal GDP of the world's leading states. Nowadays corporations are the actors of public diplomacy gaining more and more weight. The goal of this article is to consider the theory of corporate public diplomacy and to research the formats

of cooperation between the corporation and the state in the mutual promotion of their own brands on the example of the case study of the Swedish corporations IKEA, VOLVO, H&M: the article considers the use of the home country brand by the corporation in its own promotion, as well as the promotion of the national values of Sweden and the national brand of Sweden through advertising to a foreign audience. The article provides a SWOT analysis of corporate public diplomacy for both the state and the corporation, which demonstrates certain threats to both sides. As a conclusion a definition of corporate public diplomacy is given, based on the analysis of both the theoretical base and the practical operations of corporations.

Key words: corporate public diplomacy, soft power, national branding

FOR CITATION: Markushina N.Yu., Parfenenok N.L. Public Diplomacy of Transnational Corporations on the Example of Sweden. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 145–154. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-145-154

ВВЕДЕНИЕ

Роль транснациональных корпораций в мировой политике продолжает усиливаться, и целью данной статьи является определение корпоративной публичной дипломатии. В первом разделе данной статьи анализируется теоретическое осмысление роли корпораций в дипломатии начиная от статьи Ная 1974 г. до дискуссий на конференции Ассоциации международных исследований в Сан-Франциско в 2019 г., а также демонстрируется вес корпораций в мировой экономике путем сравнения номинального ВВП государств с капитализацией корпораций. Путем SWOT-анализа демонстрируются как возможности, так и угрозы, которые корпоративная публичная дипломатия несет как для корпорации, так и для государства.

Во втором разделе на примере IKEA, VOLVO и H&M как трех самых дорогих корпоративных брендов Швеции рассматривается рекламная компаний данный корпораций, основанная на национальном бренде Швеции. В то же время на практических примерах отмечается и продвижение национального бренда Швеции и шведских национальных ценностей. В третьем разделе рассматривается место стартапов в национальном бренде государства на примере Швеции. В завершении статьи дается определение корпоративной публичной дипломатии.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КОРПОРАЦИИ

Роль транснациональных корпораций в мировой политике традиционно является предметом особых дискуссий, которые активизировались после выхода статьи Джозефа Ная в 1974 г. [Най, 1974], а затем введения им понятия «мягкая сила» в 1980-х гг. Однако, как отмечает профессор МГИМО Марина Лебедева [Лебедева, 2013], очевидно качественное усиление политической составляющей деятельности транснациональных корпораций произошло на рубеже XX и XXI вв. Именно в 1990-х гг., как отмечается экспертом Университета Амстердама Мишель Вестерман-Беайло [Westermann-Behaylo, Rehbein, Fort, 2015: 387], корпорации достигли такого положения в мировой политике, которое позволяет им реализовывать стратегии корпоративной публичной дипломатии.

Классическим рассмотрением влияния транснациональных корпораций на мировую политику было исключительно экономическое и финансовое [Рис, 2002: 255], и это очевидно: вес транснациональных

корпораций в качестве акторов мировой политики наглядно демонстрируют цифры. В 2016 г. сайт Всемирного экономического форума отметил¹, что среди ТОП-10 экономических субъектов мира 9 государств и корпорация WALLMART. В ТОП-30 число корпораций уже достигает 10. Число сотрудников корпорации AMAZON² (1,62 миллиона человек) превышает население³ таких европейских государств, как Эстония, Кипр, Черногория, Мальта, Исландия.

На сегодняшний день, если объединить рейтинги номинального ВВП государств (данные⁴ всемирного банка за 2021 г.) и рыночной капитализации⁵ транснациональных корпораций, то можно увидеть, что в ТОП-15 уже три корпорации (табл. 1).

Таблица 1

	трлн \$ [Trillion \$]		трлн \$ [Trillion \$]
США [USA]	22,997	Apple	2,31
Китай [China]	17,734	Италия [Italy]	2,1
Япония [Japan]	4,937	Канада [Canada]	1,991
Германия [Germany]	4,223	Saudi Aramco	1,927
Великобритания [UK]	3,187	Microsoft	1,847
Индия [India]	3,173	Южная Корея [Republic of Korea]	1,799
Франция [France]	2,937	Россия [Russia]	1,776
		Бразилия [Brazil]	1,609

¹ How do the world's biggest companies compare to the biggest economies? // World economic forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/10/corporations-not-countries-dominate-the-list-of-the-world-s-biggest-economic-entities/> (дата обращения: 10.01.2023).

² Number of Amazon Employees // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1324557/quarterly-number-of-amazon-employees/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ World population prospects // UN department of economic and social relations. URL: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx) (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ GDP 2021 // WORLD BANK. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?most_recent_value_desc=true&year_high_desc=true (дата обращения: 10.01.2023).

⁵ Largest companies by Market Cap // Marketcap [Электронный ресурс] URL: <https://companiesmarketcap.com> (дата обращения: 10.01.2023).

Рыночная капитализация шведского бренда VOLVO (40,2 млрд долларов) превышает⁶ номинальный ВВП таких европейских государств, как Латвия (38,9 млрд долларов), Эстония (36,3 млрд долларов), Кипр (27,7 млрд долларов) и Исландия (25,5 млрд долларов).

В то же время, доцент ННГУ Алексей Белянцев подчеркивает [Белянцев, 2005: 128] возрастающую роль транснациональных корпораций в информационной сфере и, как следствие, их влияние на общественность государства, в которых данная организация ведет свою деятельность. В данном разделе рассматривается цель информационного воздействия транснациональных корпораций на общественность государств присутствия и ответ на вопрос, оказывает ли данная деятельность влияние на бренд государства, в котором данная транснациональная корпорация зародилась.

Следует отметить, что профессор парижского института политических исследований (SciencesPo) Вилфред Болевски прежде всего обозначает [Bolewski, 2019] обеспокоенность официальных государственных и дипломатических институтов стремлением транснациональных корпораций участвовать в проведении публичной дипломатии, ведь в таком случае данная деятельность перестает контролироваться государством и присутствует политические риски. Более того, на конференции Ассоциации международных исследований в Сан-Франциско экспертами отмечалось [White, 2018], что сами транснациональные компании также признают риски участия в проведении публичной дипломатии, а именно: недостаточное понимание корпорациями дипломатических практик, игнорирование социальных аспектов в пользу коммерческих, а также политические риски. Под политическими рисками, к примеру, корпорации из США отмечали пошатнувшийся в последние годы бренд США, и как следствие, возможные угрозы для корпорации, которая будет восприниматься как ретранслятор американских ценностей. Особо стоит рассмотреть кейс, который датский исследователь Кирстен Могенсен представила [Могенсен, 2017] в статье «От пиара до корпоративной публичной дипломатии». Могенсен описывает произошедшую в Мьянме ситуацию, когда общественность вынудила правительство остановить строительство плотины, инвестором которой выступала китайская корпорация China Power Investment: население Мьянмы было уверено, что китайцы стремятся нанести экологический урон их стране и не остановятся ни перед чем ради финансовой выгоды.

При всей сложности и рисках публичной дипломатии корпораций, очевидна и взаимовыгодная коллаборация государства и корпорации. Корпорация, используя бренд государства, выстраивает на нем свою рекламную кампанию: к примеру, японское качество для автоконцерна, швейцарская точность для производителя часов, итальянский стиль для модного дома и т.д. При этом, не всегда компания имеет юридическую регистрацию в стране, брендом которой она является амбассадором: так, на сегодняшний день штаб-квартира самого популярного шведского бренда

IKEA в Нидерландах, а владелец бренда водки номер один в мире Smirnoff⁷, зародившегося в Российской Империи еще в середине XIX в., британская корпорация Diageo (второе место в рейтинге брендов водки в мире занимает шведский производитель Absolut). Однако акцент на государстве означает и продвижение ценностей данного государства, соответственно, государство за счет корпорации получает продвижение своего бренда, а вместе с тем и своих ценностей. Британский совет отмечает⁸, что корпорации продвигая национальный бренд тем самым также создает конкурентные преимущества для привлечения инвестиций в страну.

Пример: корпорация Disney является ярким представителем амбассадоров американских ценностей. Кейт Гест в своей статье отмечает [Geist, 2009], что тот же диснеевский герой слоненок Дамбо, появившийся на экранах в сороковых на волне американского либерализма, является отражением таких важных социальных сюжетов как «американская мечта», межрасовые отношения, вопросы иммиграции. Особо важен простой английский язык: данный мультфильм получил широкое распространение среди изучающих английский язык иностранцев, которые помимо языка также получили и знакомство с американскими ценностями. Все последующие годы студия Disney оставалась верна своей роли «гида» в мире американских ценностей, а именно знакомила с основами государственного строя США, подчеркивала важность самодостаточности, индивидуализма, равноправия, стремления к финансовому благополучию и культуры потребления. На протяжении десятилетий продукция Disney успешно выполняла свою роль в публичной дипломатии. Пик популярности мультсериалов Disney на постсоветском пространстве пришелся на 1990-е гг., а в марте 2022 г. компания Disney прекращает⁹ свою деятельность. Следует отметить, что если бы компания и не приняла данное решение сама, ее деятельность была бы затруднительной в нынешних правовых реалиях России: так, в 2022 г. выходит мультфильм «Странный мир» с героем нетрадиционной сексуальной ориентации¹⁰. Компания Disney остается верной себе и по-прежнему выполняет роль рупора американских ценностей, однако в настоящее время релиз данного мультфильма невозможен согласно российскому законодательству, в частности закону о запрете¹¹ пропаганды ЛГБТ, бурно критикуемому мировым правозащитным сообществом,

⁶ Largest companies in Sweden // Market Cap. URL: <https://companiesmarketcap.com/sweden/largest-companies-in-sweden-by-market-cap/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷ The world most popular brand // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/bradjaphe/2020/08/23/the-worlds-most-popular-vodka-brands/?sh=494480f5283d> (дата обращения: 10.01.2023).

⁸ Culture means business: How international cultural relationships contribute to increased trade and competitiveness for the UK. British Council. URL: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/culture-means-business-report-v2.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

⁹ URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/458683-kompania-the-walt-disney-priostanavlivaet-vsudeatelnost-v-rossii> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁰ URL: <https://variety.com/2022/film/news/strange-world-gay-biracial-character-jaboukie-young-white-1235432785/> (дата обращения: 10.01.2023).

¹¹ Федеральный закон от 05.12.2022 N 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <https://rg.ru/documents/2022/12/08/fz479.html> (дата обращения: 10.01.2023).

к примеру¹² официальным сайтом Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИД. Этот кейс наглядно демонстрирует угрозу для корпорации в осуществлении публичной дипломатии.

Проведем SWOT-анализ корпоративной публичной дипломатии для государства (табл. 2).

Таблица 2

S (Strengths) [Сильные стороны]	W (Weaknesses) [Слабые стороны]
Продвижение бренда государства за счет корпорации [Promotion of the brand of the state at the expense of the corporation]	Непонимание корпорацией дипломатических практик [Corporation's lack of understanding of diplomatic practices]
O (Opportunities) [Возможности]	T (Threats) [Угрозы]
Информационные каналы, которые масштабируют продвижение бренда государства [Information channels that scale the state brand promotion]	Автономность стратегий корпоративной публичной дипломатии, релокация корпорации [Autonomy of corporate public diplomacy strategies, corporate relocation]

Проведем SWOT-анализ корпоративной публичной дипломатии для корпорации (табл. 3).

Таблица 3

S (Strengths) [Сильные стороны]	W (Weaknesses) [Слабые стороны]
Использование бренда государства для продвижения собственного бренда [Using the brand of the state to promote their own brand]	Издержки на подготовку персонала и проведение информационных кампаний [Costs of staff training and information campaigns]
O (Opportunities) [Возможности]	T (Threats) [Угрозы]
Информационные каналы, которые масштабируют продвижение бренда корпорации [Information channels that scale corporate brand promotion]	Издержки корпорации в связи с ухудшением имиджа страны [Costs to the corporation due to the deterioration of the country's image]

Для успешного взаимодействия корпоративной публичной дипломатии и традиционной публичной дипломатией государства, экспертами выделяются [Lee, 2015: 57] следующие условия:

- проведение консультаций государства и корпораций для полного взаимопонимания основных принципов публичной дипломатии, ее целей, а также национальных ценностей;
- рассмотрение государством корпораций как возможность создания новых форматов публичной дипломатии и использования новых инструментов, используя передовые маркетинговые корпоративные стратегии, а также отход от устаревших бюрократических моделей и форматов;

- вовлечение представителей корпораций в разработку государственных стратегий публичной дипломатии и постоянный диалог, направленный на выявление общих целей и реализации совместных действий для их достижения.

В тоже время и транснациональные корпорации должны понимать, что корпоративная публичная дипломатия для ее эффективной реализации требует от них выстраивания общих стратегий в том числе с конкурентами и представителями смежных отраслей. Рассчитывая на диалог с государственными институтами корпорации в свою очередь не должны игнорировать и диалог с другими негосударственными акторами начиная от некоммерческих организаций и заканчивая гражданским обществом, тем самым данная деятельность становится значительно более комплексной и затратной.

Эксперт Американского Университета Милс Кахлер отмечает [Kahler, 2018: 239], что корпорации должны принять, что корпоративная публичная дипломатия должны быть интегрирована в корпоративные процессы принятия решений на самом высоком уровне. И, конечно же, ключевым является понимания корпорациями того, что инвестиции в корпоративную публичную дипломатию необходимы, но это вклад в первую очередь для стабильного будущего на рынке для самой корпорации.

Резюмируя, можно сделать вывод, что **публичная дипломатия корпораций** – это процесс выстраивания маркетинговых кампаний корпорациями, построенный на использовании бренда государства, предполагающий одновременное продвижение брендов государства и корпорации.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ШВЕДСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

Экспертами отмечается [Кул, 2016], что роль негосударственных акторов в публичной дипломатии северных стран очень высока. Швеция наглядно демонстрирует, что тандем государства и корпорации, зародившейся в данном государстве, носит взаимовыгодный для взаимного продвижения характер. С одной стороны, корпорация использует в своем продвижении позитивные черты национального бренда государства: так Electrolux выстраивает [Романова, 2015: 108] свою рекламную кампанию на слогане «Швеция – сделано с умом», используя распространенный стереотип о рациональности шведов. Рекламная кампания¹³ автомобилей VOLVO XC90 и VOLVO S90 построена на демонстрации шведского видения того, что на сегодняшний день является критериями премиального продукта, а именно элегантность, минимализм и акцент на деталях.

С другой стороны, оказавшись в магазине мебели и товаров для дома IKEA покупатель имеет шанс ощутить себя в Швеции: экс-консул Швеции в Нью-Йорке Оле Вестберг в статье «Швеция за пределами IKEA» отметил [Wästberg, 2009], что «посещение IKEA означает посещение Швеции», а тот вклад, который IKEA вносит в имидж Швеции, превосходит все усилия государственных

¹² URL: https://www.unaids.org/en/resources/presscentre/pressreleaseandstatementarchive/2022/october/20221028_russia-LGBTQ-law (дата обращения: 10.01.2023).

¹³ URL: <https://www.volvocars.com/ru/v/cars/s90> (дата обращения: 10.01.2023).

Маркушина Н.Ю., Парфенёнок Н.Л.

институтов. Прежде всего это связано с тем, что брендбук всех магазинов IKEA построен в цветах национального флага, покупатели имеют возможность продегустировать шведскую кухню, а также приобрести книги о Швеции или же познакомиться с географией Швеции просто читая наименования товаров. Более того, Оле Вестберг подчеркивает, что корпоративная политика IKEA несет тот самый пул четырех ценностей, которые являются основополагающими для Шведского королевства:

- 1) инновационность, не ограничивающаяся лишь подходом в техническом плане, а, прежде всего, несущая отказ от устаревших форматов, которые ограничивают прогресс, и провозглашающая постоянное развитие, поиск новых возможностей и стремление к идеалу;
- 2) открытость как ментальная, так и физическая. Развитие невозможно без независимости мышления и открытости иным стилям и культурам, равно как и без возможности свободного перемещения и уничтожения любых барьеров на его пути;
- 3) уважение и забота о каждом человеке и его включение в полноценную жизнь независимо от его возможностей для достижения всех его потребностей;
- 4) аутентичность, проявляющаяся в естественности и отстаивании своих ценностей, построенная на неразрывной связи своих корней и памяти о прошлом с открытостью к переменам и готовностью следовать в будущее.

По данным аналитической службы STATISTA¹⁴, самыми дорогими шведскими брендами за 2022 г. стали IKEA (стоимость 17,4 млрд долларов США), VOLVO (стоимость 14,2 млрд долларов США), H&M (12,7 млрд долларов США). Данные корпорации, а именно их история и рекламная кампания, связанная с национальным брендом Швеции, рассмотрена подробнее в этой статье. Забавно, но де факто два самых дорогих шведских бренда на сегодняшний день не являются шведскими: так, штаб-квартира IKEA с 2012 г. расположена в Нидерландах, а VOLVO с 2010 г. принадлежит китайскому холдингу Geely. Особого упоминания в рейтинге занимает занявший четвертую строчку стриминговый сервис SPOTIFY, который является наглядным примером того, как вчерашний стартап, созданный друзьями в 2006 г., который на протяжении 12 лет был убыточным, стал корпорацией. В данной главе также будет рассмотрена связь стартап-индустрии Швеции с национальным брендом и публичной дипломатией. В топ-10 самых дорогих шведских брендов также вошли международная финансовая группа NORDEA, телекоммуникационная компания TELIA, девелоперская компания SKANSKA, энергетическая компания VATTENFALL, автоконцерн SCANIA и производитель телекоммуникационного оборудования ERICSSON. Стоимость каждого из перечисленных шведских брендов превышает три миллиарда долларов США.

КЕЙС-СТАДИ: ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТРЕХ ШВЕДСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Рассмотрим три кейса публичной дипломатии корпораций на примере трех шведских корпораций-лидеров рейтинга самых дорогих брендов Швеции.

¹⁴ URL: <https://www.statista.com/statistics/429515/most-valuable-swedish-brands/> (дата обращения: 10.01.2023).

Первое место в рейтинге шведских брендов занимает **ИКЕА**. Анализируя ИКЕА, прежде всего следует упомянуть создателя компании Ингвара Кампрада. Само название ИКЕА образовано [Парфенёнок, 2022: 13] из инициалов основателя, а также первых букв фермы и деревни, на которых он вырос Elmtaryd и Agunnaryd. Бизнес Ингвара начинался прежде всего с торговли спичками, ручками, елочными украшениями и прочей мелочью. В дальнейшем он приходит к продажам своей продукции через каталоги, которые послужили прообразом будущих каталогов ИКЕА, тираж которого превысит¹⁵ 200 млн экземпляров и будет издаваться более чем на 30 языках мира. В 17 лет Кампрад регистрирует компанию ИКЕА, однако потребовалось 15 лет, прежде чем был открыт первый мебельный магазин, а затем еще 5 лет, чтобы выйти на международный рынок и открыть первый магазин в Норвегии. По состоянию¹⁶ на 2021 г. ИКЕА это компаний представленная в 50 странах мира с общей численностью сотрудников превышающей 208000 человек и годовым оборотом более 40 млрд евро.

За свои годы ИКЕА внедрила целый ряд принципиально новых решений начиная с презентации мебели в интерьере прямо в магазине и заканчивая продажей разобранной мебели, которая подразумевала, что покупатель сам ее соберет дома. Именно ИКЕА сделала популярным скандинавский дизайн и подход к интерьеру популярным в полусотне стран присутствия бренда. Предлагая продукцию на любой кошелек, ИКЕА завоевала любовь покупателей своими гарантийными обязательства сроками, исчисляемыми десятилетиями. ИКЕА известна своей провокационными рекламными кампаниями, например реклама кроватей прошла¹⁷ под слоганом «Каждый десятый европеец сделан на кровати ИКЕА». После ухода в 2022 г. ИКЕА из России, на фасадах магазинов появился слоган¹⁸ «Есть вещи дороже вещей».

Хотя первый магазин ИКЕА был открыт в России лишь в 2000 г., Ингвар Кампрад посетил Советский Союз еще в 1960-х гг., а в 1970-х гг. ряд советских предприятий начал реализовывать заказы ИКЕА. В 1988 г. Кампрад договорился [Дальгрэн, 2010] о производстве и об открытии магазинов во всех городах-миллионниках. Однако сделка сорвалась, а последующий политический кризис в России отсрочил открытие первого магазина более чем на десятилетие. ИКЕА была одна из немногих компаний, которая не испугалась дефолта 1998 г., и в 2000 г. магазин ИКЕА Химки в Подмоскowie был открыт. В 2002 г. ИКЕА открыла завод в городе Тихвин Ленинградской области, а в 2003 г. – первый магазин в Санкт-Петербурге. На начало 2022 г. в России

¹⁵ URL: <https://www.rbc.ru/business/07/12/2020/5fce3d789a794700653f6226?ysclid=ldhtccu089501410138> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁶ URL: <https://www.ikea.com/fr/fr/this-is-ikea/about-us/ikea-faits-et-chiffres-2018-pubfd3597c1#:~:text=422%20magasins%20IKEA%20sur%20plus%20de%2050%20marchés/> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁷ URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoiy-biznes/368505-sindrom-ikea-politkorrektnost-izgonyaet-yumor-iz-reklamy?ysclid=ldhtq8pnn4864962978> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁸ URL: https://www.ikea.com/ru/ru/campaigns/homepositive-pub44cc29d0?sfmc_id=79842237&ysclid=ldllwz5svu245455923 (дата обращения: 10.01.2023).

работали 14 гипермаркетов ИКЕА в 11 городах и 12 магазинов-студий.

Посещение магазинов ИКЕА представляет из себя прежде всего знакомство со Швецией. Весь магазин оформлен в цветах шведского флага, наименования товаров носят имена географических объектов Скандинавии, сама продукция является демонстрацией достижения шведских дизайнеров, а их философия заключается в культуре грамотного потребления, минимализме и комфорте. Посещение ресторана ИКЕА знакомит покупателей с шведской кулинарией, и, прежде всего, шведскими фрикадельками (в том числе вегетарианскими), а также известными булочками с корицей. ИКЕА знакомит своих гостей с такой шведской традицией как фика – перерыв на кофе с выпечкой, которая является священной для любого шведа, а также философией лагом – образ жизни, в котором всего умеренно, оптимально, адекватно, достаточно, в самый раз: он и является эталоном для ИКЕА. Магазины ИКЕА устраивают праздники в честь Мидсомара (праздника середины лета) и дня святой Люсии в декабре.

В 2012 г. ИКЕА представила¹⁹ стратегию устойчивого развития «Да! – людям и планете». Согласно заявлению в презентации, ИКЕА синхронизировала свою стратегию устойчивого развития с целями в области устойчивого развития ООН до 2030 г. Разумеется, данная стратегия подразумевает внедрение ценностей, которые полностью согласуются с национальными ценностями Швеции и государственной публичной дипломатией. Кроме того, МИД Швеции всегда активно продвигал²⁰. Цели устойчивого развития ООН. Ежегодно компания проводит аудит соответствия заявленному плану. Данный план един для всех, компания требует следования ему от всех своих поставщиков и от своих франчайзи. Во главе стратегии баланс между социальным, экономическим и экологическим аспектами. Прежде всего ИКЕА обозначает три проблемы, с которыми она в меру своих сил собирается бороться: изменение климата, неэкологичное потребление, неравенство. ИКЕА бросает вызов данным глобальным проблемам, придерживаясь позиции, что лучшая стратегия – стать самой тем примером изменений к лучшему.

Первым аспектом стратегии является здоровая и экологичная жизнь дома. К 2030 г. ИКЕА намерена вдохновить культурой ответственного потребления более 1 миллиарда человек по всей планете. Компания ставит своей задачей продемонстрировать своему покупателю преимущества здорового и экологичного образа жизни, а также помочь своими решениями экономить электроэнергию и снижать количество отходов. ИКЕА отмечает, что предлагает лишь энергосберегающие технологии, а также отказывается от использования потенциально опасных материалов. В качестве задач по достижению стратегии ИКЕА обозначает информационную деятельность для вдохновения здоровым и экологичным образом жизни.

Вторым аспектом стратегии является забота о климате и циклическая модель. ИКЕА отмечает, что уже снизила количество отходов, весь хлопок, рыбу и морепродукты компания получает только из экологичных ресурсов. ИКЕА ставит перед собой амбициозные задачи по продлению срока службы товаров и материалов, значительное сокращение выборов углекислого газа в атмосферу, а также воспроизведение ресурсов, в том числе управление проектами по восстановлению вырубленных лесов, и, разумеется, активная информационная кампания по продвижению циклической модели среди своих покупателей.

Третьим аспектом является справедливое отношение и равные возможности. ИКЕА горда тем, что является инклюзивной компанией, и внедрила для своих поставщиков кодекс поведения, который является залогом защиты прав рабочих, гарантом благоприятных условий труда для всех, кто задействован в любых операционных процессах ИКЕА. Своей стратегической задачей ИКЕА обозначает информацию кампанию по продвижению равенства. ИКЕА отмечает, что готова задействовать для этого весь свой масштаб и имеющее влияние.

Второе место в рейтинге самых дорогих брендов шведских корпораций занимает VOLVO. Выпуск первого серийного автомобиля в 1927 г.²¹ означал не только фактический старт будущей транснациональной корпорации, которая оставалась самым популярным шведским брендом до появления ИКЕА, но и всего автопрома Швеции. В то время весь большая часть автопарка королевства составляли американские автомобили, которые были совсем не предназначены для столь извилистых дорог и сурового климата. Эти вызовы и стали ключевыми для основателей VOLVO, двух бывших однокурсников Ассара Габриэльсона и Густава Ларсона. Хотя первые автомобили VOLVO были скептически встречены даже на рынке Швеции, всего за несколько лет был сделан компания серьезно заявляет о себе по всей Европе, а в 1950-х гг. первая партия автомобилей прибывает в США. В 1957 г. VOLVO делает, пожалуй, самый главный вклад в мировую автоиндустрию. Шведский инженер Нильс Болин изобрел и внедрил трехточечные ремни безопасности, а затем VOLVO отказалась от патентных прав на данное изобретение. Подсчитано²², что каждые 6 минут этот подарок шведов всему человечеству спасает жизнь одному водителю или пассажиру автомобиля, а за всю историю использования ремня безопасности спасено более миллиона жизней. В 1970-х гг. по результатам²³ краш-тестов в США VOLVO признается эталонным по безопасности автомобилем. Первые поставки легковых и грузовых автомобилей и автобусов в Советский союз начались в 1970-е гг., а в 1993 г. в России открывается официальное представительство VOLVO. В 2003 г. в Зеленограде открывается первый завод по сборке грузовых автомобилей VOLVO в России, а в 2009 г. производство выходит

¹⁹ URL: <https://www.ikea.com/ru/ru/files/pdf/86/d6/86d66a7f/ikea-take-a-look-at-what-we-are-committed-to-accomplishing-today-and-our-goals-for-2030.pdf?ysclid=ldhpzw68yf975167092> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁰ URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/memberstates/sweden> (дата обращения: 10.01.2023).

²¹ URL: <https://www.volvogroup.com/en/about-us/history-and-r-d-milestones.html> (дата обращения: 10.01.2023).

²² URL: <https://ru.sweden.se/rabota-i-uchyoba/biznes-v-shvecii/10-shvedskih-izobretenij-izmenyayushih-mir> (дата обращения: 10.01.2023).

²³ URL: <https://www.volvogroup.com/en/about-us/history-and-r-d-milestones.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Маркушина Н.Ю., Парфенёнок Н.Л.

на новый уровень после открытия завода в Калуге. С 1999 г. VOLVO принадлежала американскому холдингу Ford, а в 2009 г. VOLVO был продан китайской корпорации Geely. Годовой оборот VOLVO по итогам 2021 г. составил 372 млрд шведских крон²⁴.

Корпоративная культура VOLVO всецело пересекается с базовыми шведскими национальными ценностями: официальный сайт VOLVO отмечает, что каждый сотрудник «усердно работает чтобы реально изменить ситуацию изнутри»²⁵, его голос слышат и все его идеи важны. Компания гордится, что сотрудники работают целыми династиями из поколения в поколение, и все более 100 000 сотрудников независимо от их пола, происхождения, предпочтений и убеждений одинаковы дороги для компании. Корпоративные ценности базируются на пяти принципах: успех клиента, доверие, энтузиазм, перемены, производительность. Вдохновленные опытом Ted talk сотрудники VOLVO делятся своим пониманием перечисленных принципов, и все видеоролики есть в открытом доступе для клиентов.

Для демонстрации продвижения национальных ценностей Швеции через коммерческую видеорекламу VOLVO, рассмотрим контент трех видео с участием шведского футболиста Златана Ибрагимовича. Прежде всего отмечается глубокое пересечение брендов VOLVO и бренда Швеции, вплоть до того, что в завершении ряда роликов динамично меняется текст СОЗДАНО VOLVO / СОЗДАНО ШВЕЦИЕЙ. В первом видеоролике²⁶ Златан, собираясь на матч в своей квартире в Мальмо, повествует, что это не его дом, он родом из иного места, хотя он и вырос в шведском пригороде, а его родители из Хорватии и Боснии. Ибрагимович отмечает, что у него не было многого, когда он рос, но у него был мятежный ум и большие мечты. Он хотел пойти дальше, чем кто-либо прежде, и он сделал это по-своему, хотя ему и пришлось работать усерднее чем кому-либо и где-либо. Перечисляя клубы, за которые он играл, Златан отмечает, что его успех заключается в том, что он знал чего хотел и чего ради он все делает, и, если дается шанс, его нельзя упускать. Завершается видео тем, что Златан призывает идти всегда своим путем, но никогда не забывать свои корни. Данный ролик на всем протяжении является презентацией шведских национальных ценностей, хотя формально и является рекламой VOLVO. Официальный комментарий VOLVO к ролику гласит о том, что «шведы мыслят иначе. Культура и климат заставили VOLVO думать больше не о лошадиных силах, а о людях. Ни один человек не должен погибнуть в автокатастрофе, потому что он нужен миру. Автомобили VOLVO будут работать на электроэнергии, так как это необходимо для будущего. Каждая деталь VOLVO разработана с заботой о людях. Начиная новую эру, VOLVO не забывает откуда компания родом. Сделано в Швеции». Второй ролик²⁷ с участием Злата-

на практически не содержит комментариев, но демонстрирует победу сборной Швеции по футболу, после которой он со своей семьей садятся в автомобиль VOLVO, его дочка задает вопрос о том, куда они едут, а Златан отвечает: «Домой». В ролике демонстрируется проезд по Эресуннскому мосту и приезд семьи в пригород Мальмо. Завершается ролик субтитрами: «Когда одна история заканчивается, другая начинается». Еще в одном ролике²⁸ Златан исполняет гимн Швеции во время зимнего купания в проруби в лесном озере. Видео сопровождается комментарием VOLVO о том, что именно суровая природа, непроходимые леса, великие расстояния, ледяные озера, темнота и снег вдохновляют и бросают вызов создать автомобиль, напоминая о том, что шведская природа – это наследие, которое и является источником силы.

VOLVO также не остается в стороне от целей устойчивого развития ООН. Главным вызовом для себя к 2040 г. компания ставит²⁹ исключить любое негативное влияние своих автомобилей на окружающую среду, уже к 2030 г. полностью перейдя к производству электромобилей. Однако данная стратегия более комплексна и подразумевает переработку отходов и повторном использовании материалов для производства.

Третье место в рейтинге самых дорогих шведских брендов занимает H&M. Основатель бренда Эрлинг Перссон, оказавшись в послевоенные годы в США, был впечатлен количеством магазинов одежды, продающих ее по демократичным ценам. По возвращению в Швецию, Перссон основал компанию по производству женской одежды, которую назвал Hennes (в переводе со шведского языка означает «её»). В 1952 г.³⁰, несмотря на серьезную конкуренцию со стороны универмагов, на тот момент Hennes открывает первый бутик. Через 12 лет первый магазин открывает в Норвегии, еще через 5 – в Дании. В 1968 г. партнером Перссона становится Мауриц Видфорс, компания получает название Hennes & Mauritz (привычное сегодня H&M), в ассортименте появляются мужские и детские товары, и начинается европейская экспансия. H&M выходит на Стокгольмскую биржу, а также начинает сотрудничать с знаменитостями для продвижения бренда. Так, лицами H&M становились Клаудия Шиффер, Синди Кроуфорд, Наоми Кемпбел. В 2000 г. первый магазин H&M открывается в Нью-Йорке. Особо стоит отметить уникальный опыт H&M в создании совместных коллекций с такими мэтрами мира моды как Роберто Кавалли и Карл Лагерфельд, а также с Мадонной. В России первый магазин H&M открылся в 2007 г., позднее были открыты бутики дочерних брендов: премиальной одежды COS и товаров для дома H&M home. Сегодня H&M это магазины в 22 странах мира, более 100 тысяч сотрудников и доход более 24 млрд долларов³¹.

К вопросам устойчивого развития H&M подходить со всей серьезностью: так, отчет по корпоративной

²⁴ URL: <https://www.reuters.com/markets/companies/VOLVb.ST/> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁵ URL: <https://www.volvogroup.com/en/about-us/company-values.html> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁶ URL: https://www.youtube.com/watch?v=D9BfzFZ14_E (дата обращения: 10.01.2023).

²⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q2YgFvm3pTg> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁸ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cbvdzQ7uVPC> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁹ URL: <https://www.volvocars.com/intl/v/sustainability/highlights> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁰ URL: <https://hmgroupp.com/about-us/> (дата обращения: 10.01.2023).

³¹ URL: <https://www.forbes.com/companies/hm-hennes-mauritz/?list=global2000/&sh=5e7e7f5727bc> (дата обращения: 10.01.2023).

деятельности в области устойчивого развития представляет из себя документ на 74 листах³². Отмечается, что напрямую Н&М влияет на решение 13 из 17 целей устойчивого развития, а именно: ликвидация нищеты, гендерное равенство, чистая вода, недорогостоящая и чистая энергия, достойная работа и экономический рост, индустриализация, уменьшение неравенства, ответственное потребление и производство, борьба с изменением климата, сохранение морских экосистем, сохранение экосистема суши, эффективные институты и партнерство в интересах устойчивого развития. При этом косвенное влияние оказывается и на оставшиеся 4 цели: ликвидация голода, здоровье и благополучие, качественное образование и устойчивые города. Стратегия Н&М состоит из трех базовых компонентов: лидерство, честность и равенство, экология. Под лидерством подразумевается отлаживание цепочек поставок, оптимизация производства, внедрение инноваций, увеличение срока службы товаров и масштабирование бизнес-модели. Второй компонент стратегии отмечает важность открытости бизнес-процессов, уважение прав человека и недопущение любых проявлений дискриминации, открытость для каждого и многообразие стилей. Н&М отмечает, что также как и любой другой модный бренд, он не имеет собственных фабрик, но компания делает все, чтобы гарантировать достойные условия труда на всех этапах начиная с хлопковых плантаций и конвейеров на производстве и до прилавков бутиков.

Успехи Н&М можно изложить и гораздо менее формальным языком: всего за один год объем пластиковой упаковки компания сократила на четверть³³, объем собранного текстиля для переработки исчисляется десятками тысяч тонн, абсолютно весь хлопок, который идет на создание продукции Н&М, производится исключительно из экологического сырья.

Оценивая устойчивость корпоративной публичной дипломатии, следует отметить, что в 2022 г. все три рассмотренные корпорации свернули деятельность в России: IKEA и Н&М закрыли все свои магазины, а VOLVO прекратила производство и продажу автомобилей. Корпорации прокомментировали свои решения следующим образом: IKEA заявила³⁴: «За последние несколько месяцев ситуация с бизнес-процессами и цепочками поставок по всему миру сильно ухудшилась. Ввиду этого мы не видим возможности возобновить продажи в обозримом будущем. Как следствие, группа компаний Inter IKEA и группа компаний Ingka приняли решение сократить масштаб бизнеса в России. Это трудное решение, но мы верим в то, что оно необходимо». VOLVO прокомментировала свое решение следующим образом³⁵: «Учитывая потенциальный риск, связанный с торговлей материалами с Россией, а также санкций, введенные США и ЕС, Volvo Cars не будет поставлять автомобили на российский рынок до дальнейшего уве-

домления». В Н&М отметили³⁶, что «после тщательного рассмотрения мы считаем невозможным, учитывая текущую ситуацию, продолжать наш бизнес в России». Это еще раз подтверждает те риски, которые несут корпорации, тесно связывая свои имена с брендом своей страны.

СТАРТАП ИНДУСТРИЯ КАК КОМПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДА

Четвертым по стоимости шведским брендом стал Spotify, стриминговый сервис, который еще совсем недавно был ярким представителем шведского стартап-сообщества, а сегодня уже является одной из наиболее известных и успешных шведских корпораций. Однако далеко не один Spotify вырос в «единорога» – компанию с капитализацией более одного миллиарда долларов: на душу населения по количеству единорогов Стокгольм сегодня уступает³⁷ только Кремниевой долине. Уортонская школа бизнеса назвала в 2015 г. Швецию фабрикой «единорогов»³⁸. Общее количество стартапов на шведскую столицу населением в один миллион человек составляет более 20 тысяч. Данные успехи результат проводимой в 1990-е гг. кампании шведского правительства по субсидированию приобретения персональных компьютеров, что заложило фундамент для IT-грамотности, а также благоприятного инвестиционного климата, развитой инфраструктуры и простоты ведения бизнеса в целом. Более того, резиденты шведских акселераторов в отличие от американских меньше рискуют получить эмоциональный срыв и выгорания, ведь работа 24/7 по шведским нормам не приветствуется, а в деловой среде царит уже упомянутый lagom, а именно баланс между работой и отдыхом. В 2016 г. в Министерстве предпринимательства и инноваций Швеции была создана позиция директора по стартапам, которую заняла Мария Волл.

В 2021 г. суммарная стоимость шведских «единорогов» превысила 61 миллиард долларов США³⁹. Среди наиболее известных можно упомянуть первый получивший широкое распространение сервис для бесплатных аудио и видеозвонков Skype, создатель легендарной игры Майнкрафт компания Mojang; компания Tessin, открывшая возможность обычным людям вкладываться в девелоперские проекты через онлайн-платформу и сервис DPOrganizer, автоматизировавший обработку персональных данных в полном соответствии с законодательством.

Особого упоминания заслуживают и стартап-хабы, которые предоставляют своим резидентам необходимый консалтинг и выводящие на венчурных инвесторов и бизнес-ангелов. Одним из примеров можно привести SUP46, объединивший под своей крышей более 250 шведских технологических стартапов.

³² URL: <https://hmgroupp.com/wp-content/uploads/2022/03/HM-Group-Sustainability-Disclosure-2021.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

³³ URL: <https://career.hm.com/kz-ru/sustainability/> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁴ URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/15/ikea/?ysclid=ldm8w6we8a679704249> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁵ URL: <https://tass.ru/ekonomika/13908117> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁶ URL: <https://www.rbc.ru/business/18/07/2022/62d507d59a7947e1e2814ae8> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁷ URL: <https://ru.sweden.se/rabota-i-uchyoba/biznes-v-shvecii/zhizneto-tozhe-startap> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁸ URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/how-stockholm-became-a-unicorn-factory/> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁹ URL: <https://www.forbes.ru/finansy/441145-rossia-vosla-v-trojku-stran-g20-bez-kompanij-edinorogov?ysclid=ldmamb35ck550199919> (дата обращения: 10.01.2023).

Маркушина Н.Ю., Парфенёнок Н.Л.

Следует отметить, что сайт SWEDEN.SE, финансируемый шведским правительством, в продвижении национального бренда делает особый акцент⁴⁰ на успехи Швеции в стартап-индустрии. В то же время, шведские стартапы активно используют свое шведское происхождение для продвижения собственного бренда, при этом продвигая инновационные успехи своей страны и ее ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль корпораций в мировой политике продолжает возрастать: данная статья показала, что среди 20 ведущих экономик мира уже три корпорации конкурируют объемом своей капитализации с номинальным ВВП ведущих государств мира. Анализ научной литературы продемонстрировал высокий интерес исследователей к роли корпораций в публичной дипломатии государств.

В первом разделе данной статьи были рассмотрены механизмы участия корпораций в публичной диплома-

тии, в ходе SWOT-анализа были рассмотрены как преимущества сотрудничества государства и корпорации, так и потенциальные угрозы. Во втором разделе были рассмотрены практические примеры корпоративной публичной дипломатии на примере IKEA, VOLVO и H&M. На основе анализа контента рекламных роликов VOLVO, направленных на зарубежные аудитории, было продемонстрировано продвижение национальных ценностей Швеции. В статье также было продемонстрировано место стартапов в национальном бренде Швеции.

В завершении необходимо еще раз отметить, что корпорация, используя бренд государства, выстраивает на нем свою рекламную кампанию. В то же время, акцент на государстве означает и продвижение ценностей данного государства, соответственно, государство за счет корпорации получает продвижение своего бренда, а вместе с тем и своих ценностей. Следовательно, **публичную дипломатию корпораций** можно определить как процесс выстраивания маркетинговых кампаний корпорациями, построенный на использовании бренда государства, предполагающий одновременное продвижение брендов государства и корпорации.

⁴⁰ URL: <https://ru.sweden.se/rabota-i-uchyoba/biznes-v-shvecii/zhizneto-tozhe-startap> (дата обращения: 10.01.2023).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белянцев А.Е.* Некоторые аспекты деятельности ТНК в глобальном информационном пространстве. ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Э.Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН, 2005.
2. *Дальгрэн Л.* Вопреки Абсурду или как я покорял Россию, а она меня. М.: Бизнес-букс, 2010
3. *Лебедева М.М.* Актеры современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28).
4. *Романова Т.П.* Коммерческое послание как семантический стержень рекламного слогана // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. науч. статей / под общ. ред. Е.Н. Лагузовой. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2008. С. 104.
5. *Bolewski W.* Diplomatic engagement with transnational corporations: A path to sustainable governance // *Int. J. Diplomacy and Economy*. 2019. Vol. 5. No. 1.
6. *Cull N.J., Clerc L., Glover N., Jordan P.* Histories of public diplomacy and nation branding in the Nordic and Baltic countries // *Place Branding and Public Diplomacy*. Boston, 2016.
7. *Geist K.* Walt Disney's dumbo as a reflection of American culture and American value // *学苑英語コミュニケーション紀要*. 2009. No. 822. Pp. 4–10.
8. *Mogensen K.* From Public Relations to Corporate Public Diplomacy // *Public Relations Review*. 2017. No. 43 (3). Pp. 605–614.
9. *Kahler M.* Global governance: Three futures // *International Studies Review*. 2018. Vol. 20. No. 2.
10. *Lee G., Ayhan K.* Why do we need non-state actors in public diplomacy? Theoretical discussion of relational, networked and collaborative public diplomacy // *Journal of International and Area Studies*. 2015. Vol. 22. No. 1.
11. *Nye J.S. Jr.* Multinational corporations in world politics // *Foreign Affairs*. 1974. Vol. 53. No. 1.
12. *Risse Th.* Transnational actors and world politics // *Handbook of international relations*. Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. L. et al.: Sage, 2002. Pp. 255–274.
13. *Westermann-Behaylo M.K., Rehbein K., Fort T.* Enhancing the concept of corporate diplomacy: Through commerce // *Academy of Management Perspectives*. 2015. No. 29 (4). Pp. 387–404.

REFERENCES

1. *Belyantsev A.E.* Some aspects of the activities of TNCs in the global information space. TNC in world politics and the world economy: Problems, trends, prospects. E.G. Solovyyov (ed.). Moscow: IMEMO RAN, 2005.
2. *Dalgrén L.* Contrary to the Absurd, or how I conquered Russia, and she conquered me. Moscow: Business Books, 2010.
3. *Lebedeva M.N.* Actors of modern world politics: Development trends. *Bulletin of MGIMO-University*. 2013. No. 1 (28). (In Rus.)
4. *Romanova T.P.* Commercial message as a semantic core of an advertising slogan. In: Semantics and functioning of language units in different types of speech: a collection of scientific articles. E.N. Laguzova (ed.). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 2008. P. 104.
5. *Bolewski W.* Diplomatic engagement with transnational corporations: A path to sustainable governance. *Int. J. Diplomacy and Economy*. 2019. Vol. 5. No. 1.
6. *Cull N.J., Clerc L., Glover N., Jordan P.* Histories of public diplomacy and nation branding in the Nordic and Baltic countries. In: *Place Branding and Public Diplomacy*. Boston, 2016.
7. *Geist K.* Walt Disney's dumbo as a reflection of American culture and American value. *学苑英語コミュニケーション紀要*. 2009. No. 822. Pp. 4–10.
8. *Mogensen K.* From Public Relations to Corporate Public Diplomacy. *Public Relations Review*. 2017. No. 43 (3). Pp. 605–614.
9. *Kahler M.* Global governance: Three futures. *International Studies Review*. 2018. Vol. 20. No. 2.
10. *Lee G., Ayhan K.* Why do we need non-state actors in public diplomacy? Theoretical discussion of relational, networked and collaborative public diplomacy. *Journal of International and Area Studies*. 2015. Vol. 22. No. 1.
11. *Nye J.S. Jr.* Multinational corporations in world politics. *Foreign Affairs*. 1974. Vol. 53. No. 1.
12. *Risse Th.* Transnational actors and world politics. In: *Handbook of international relations*. Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. L. et al.: Sage, 2002. Pp. 255–274.
13. *Westermann-Behaylo M.K., Rehbein K., Fort T.* Enhancing the concept of corporate diplomacy: Through commerce. *Academy of Management Perspectives*. 2015. No. 29 (4). Pp. 387–404.

14. *White C., Fitzpatrick K., Bier L.* C-suite perspectives in corporate diplomacy, international studies association. San Francisco, CA, 2018.
15. *Wästberg O.* Sweden, Beyond IKEA. 2019. URL: <https://wastberg.se/2009/07/sweden-beyond-ikea/> (дата обращения: 10.01.2023).
14. *White C., Fitzpatrick K., Bier L.* C-suite perspectives in corporate diplomacy, international studies association. San Francisco, CA, 2018.
15. *Wästberg O.* Sweden, Beyond IKEA. 2019. URL: <https://wastberg.se/2009/07/sweden-beyond-ikea/> (data of accesses: 10.01.2023).

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 86,03%

Статья поступила в редакцию 12.01.2023, принята к публикации 18.02.2023

The article was received on 12.01.2023, accepted for publication 18.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркушина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, доцент; профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. РИНЦ Author ID: 378393; E-mail: n.markushina@spbu.ru

Парфенёнок Николай Леонидович, ассистент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. РИНЦ Author ID: 1020781; E-mail: n.parfenenok@spbu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia Yu. Markushina, Doctor of Political Sciences, Associate Professor; Professor at the Department of World Politics of the Faculty of International Relation of the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. Author ID: 378393; E-mail: n.markushina@spbu.ru

Nikolay L. Parfenenok, assistant at the Department of European Studies of the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. Author ID: 1020781; E-mail: n.parfenenok@spbu.ru

5.5.4

Международные отношения,
глобальные и региональные исследования
International Relations, Global
and Regional Studies

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-155-162

Становление дипломатии Китая
и его особенностиЛю Сяо^а ©, Лю Чжаои^б ©Санкт-Петербургский государственный Университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация^а E-mail: 1298054443@qq.com^б E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

Аннотация. Авторы данного исследования ставят цель выделить особенности становления дипломатии Китая и формирование в современной внешней политики Китая. Авторы анализируют три периода становления дипломатии Китайской народной республики – «дипломатию мирного освобождения» (1921–1949), «дипломатию мирного сосуществования» (1949–1979) и «дипломатию мирного развития» (с 1979 по наше время). Выводы, к которым приходят авторы, свидетельствуют о том, что дипломатия Китая складывалась уникальным образом и несомненно отражала исторические изменения, которые происходили с государством. Все три этапа оказали важное влияние на формирование китайской дипломатии, внося свои нюансы в современное многообразие. Таким образом, среди важнейших направлений можно выделить – экономическую дипломатию, многостороннюю дипломатию, культурную дипломатию, сотрудничество и защита главных национальных интересов, то есть те основы, которые появились благодаря исторической трансформации государства. По мнению авторов, решение проблем и улучшение имиджа страны останутся важной характеристикой китайской дипломатии, особенно в ее связях с другими крупными державами. В сотрудничестве с другими крупными державами Китай, по-видимому, будет более активен в решении фундаментальных глобальных проблем на стратегическом уровне. Китай не стремится изменить международную систему, скорее, он намерен быть ответственным участником мировых дел. Поскольку идентичность Китая становится все более глобальной и региональной, нынешняя концепция многосторонности в общей дипломатической стратегии Китая может быть пересмотрена для реализации национальных интересов, решения сложных вопросов и обеспечения управления в эпоху нестабильности и турбулентности.

Ключевые слова: Китай, культурная политика, дипломатия Китая, концепции дипломатии Китая, внешняя политика Китая, особенности развития дипломатии, дипломатия мирного освобождения, дипломатия мирного сосуществования, дипломатию мирного развития

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лю Сяо, Лю Чжаои. Становление дипломатии Китая и его особенности // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 155–162. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-155-162

The Formation of China's Diplomacy and its Features

Liu Xiao^a ©, Liu Zhaoyi^b ©

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

^a E-mail: 1298054443@qq.com

^b E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

Abstract. The authors of this study aim to highlight the features of the formation of Chinese diplomacy and the formation of China's foreign policy in modern times. The authors analyze three periods of the formation of the diplomacy of the People's Republic of China – “diplomacy of peaceful liberation” (1921–1949), “diplomacy of peaceful coexistence” (1949–1979) and “diplomacy of peaceful development” (from 1979 to our time). The conclusions reached by the authors indicate that China's diplomacy developed in a unique way and undoubtedly reflected the historical changes that took place with the state. All three stages have had an important impact on the formation of Chinese diplomacy, bringing their own nuances to the modern diversity. Thus, among the most important areas can be distinguished – economic diplomacy, multilateral diplomacy, cultural diplomacy, cooperation and protection of the main national interests, that is, the foundations that emerged due to the historical transformation of the state. According to the authors, solving problems and improving the country's image will remain an important characteristic of Chinese diplomacy, especially in its relations with other major powers. In cooperation with other major powers, China is likely to be more active in solving fundamental global problems at the strategic level. China does not seek to change the international system, rather, it intends to be a responsible participant in world affairs. As China's identity becomes more global and regional, the current concept of multilateralism in China's overall diplomatic strategy may be revised to realize national interests, resolve complex issues and ensure governance in an era of instability and turbulence.

Key words: China, cultural policy, Chinese diplomacy, concepts of Chinese diplomacy, Chinese foreign policy, peculiarities of the development of diplomacy, diplomacy of peaceful liberation, diplomacy of peaceful coexistence, diplomacy of peaceful development

FOR CITATION: Liu Xiao, Liu Zhaoyi. The Formation of China's Diplomacy and its Features. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 155–162. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-155-162

В рамках развития и становления многополярного мира одним из важнейших полюсов сегодня, несомненно, является Китайская Народная республика. В настоящее время, благодаря растущему влиянию и участию на международной политической и экономической арене заметно выросла необходимость в понимании внешнеполитической деятельности Китая. Очевидно, что от этого зависит успех в построении сотрудничества с государством. В этом контексте необходимо выявить основные моменты эволюции концептуальных подходов в дипломатии страны для анализа особенностей современного развития внешнеполитической линии Китая.

Значимая роль Китая в мировой политике уже признанный фактор. Поэтому налаживание сотрудничества государства с другими странами, а также заинтересованность самих партнеров Китая в создании прочных связей несомненно вызывает необходимость в изучении инструментов современной дипломатии. По мнению исследователя Цземянь Ян: «международная система, зародившаяся на Западе, превратилась в систему, охватывающую весь мир. Страны, волей-неволей, в конце концов, оказываются вовлеченными в эту тенденцию. Таким образом, отношения Китая

с остальным миром в современной истории – это также его отношения с международной системой» [Yang, 2014]. Также автор выделяет пять основных изменений, которые коснулись Китая в процессе развития дипломатии: «от центральной страны в древней международной системе до полу-маргинальной страны в начале Нового времени, от страны, стремящейся к равенству в международном сообществе во время Первой и Второй мировых войн, до важного члена разлагающегося интернационала» [Там же].

Важно отметить, что эволюция дипломатии и ее особенности на современном этапе во многом была сформирована историей Китая, а также в некоторой степени попытками преодолеть трагедии прошлых лет. Можно говорить, что Китаю удавалось сохранять свою закрытость для западных государств примерно до времени «опиумных войн». Открытие государства для мира привело только к его зависимому положению. Пожалуй, мы можем связывать становление дипломатии Китая как самостоятельного актора именно с XX в. Поскольку среда, в которой формировалась дипломатия Китая, менялась в разные исторические периоды, вполне естественно, что китайская «мирная дипломатия» демонстрировала разные черты в разные периоды.

Лю Сяо, Лю Чжаоу

Китайские исследователи выделяют три периода: «дипломатию мирного освобождения» (1921–1949), «дипломатию мирного сосуществования» (1949–1979) и «дипломатию мирного развития» (с 1979 до настоящего времени). За это время дипломатия Китая перешла от пассивной позиции к более позитивной и активной. Государство разработало свой особый подход для роста международного влияния путем изменения своих дипломатических установок. С одной стороны, это означало, что Китай понимал необходимость адаптировать свою политику к происходящему в мире и внести свою лепту в создание здоровой и благоприятной международной политики. С другой стороны, мы можем говорить о неприятии действий Китая западными государствами, рост подозрительности к действиям государства на мировой арене, разработка теории «китайской угрозы» (особенно это характерно для США и Великобритании). Все это обозначило необходимость продолжать сохранять свои особенности и использовать этот опыт в дипломатии, поскольку достаточно велика опасность международных проблем, которые могут встать перед Китаем в обозримом будущем.

Поэтому и необходимо проанализировать дипломатические наработки, а также изменение представлений о дипломатии в Китае, и то, как они формировались. Исследователь Ингрид д'Хуг отмечает, что «Мао Цзэдун однажды сказал: “политическая власть вырастет из дула пистолета»» [d'Hooghe, 2015]. Тем не менее, нынешние лидеры Китая научились думать по-новому, и считают, что она в равной степени проистекает из мягких источников власти: древней культуры и ценностей страны, ослепительного шоу во время Олимпийских игр 2008 г. в Пекине, экономического успеха страны, или даже хорошо сшитого китайского платья [Там же].

ДИПЛОМАТИЯ МИРНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Посмотрим становление главных особенностей китайской дипломатии. Согласно исследователю Ван Цзюньтао: «в конце XIX – начале XX века ситуация осложнилась тем, что Китай не мог сопротивляться экономическому и военному давлению европейских государств, США и Японии и был вынужден подписать ряд неравноправных торговых договоров с Западными странами. Тогда начался развал Цинской Империи, и это повлекло за собой распространение негативного образа Китая за рубежом» [Цзюньтао, 2021: 71]. Китайские исследователи связывают изменения в дипломатии и начало ее первого этапа «дипломатии мирного освобождения» с созданием Коммунистической партии Китая. В этот период был установлен принцип национального самоопределения и возросла народная поддержка.

На первом этапе после своего основания Коммунистическая Партия Китая (КПК) стремилась к идеалу национального самоопределения. Для этого она прилагала целенаправленные усилия для создания благоприятной внешней среды и стремления к максимальной международной поддержке Китая, несмотря на в целом неблагоприятную международную обстановку в эпоху «войны и революции» [Yang, 2014]. Согласно мнению президента Китайского института междуна-

родных исследований (China Institute of International Studies, CIIS) Су Гэ – начало дипломатической работы Китая стартовало «в момент национального кризиса, который Китай пережил из-за японского вторжения. Заседание Центрального комитета Коммунистической партии Китая (КПК) в Ваяобао, состоявшееся в конце 1935 г., сформулировало политику создания национального единого фронта сопротивления японской агрессии. После начала войны в Тихом океане в 1941 г. Соединенные Штаты и Китай стали союзниками в военное время. В то время как правительство Гоминьдана (КМТ) придерживалось политики «стабилизации внутренней ситуации, прежде чем оказывать всестороннее сопротивление внешней агрессии», Центральный комитет КПК выступал за широкий «Тихоокеанский объединенный фронт против японского и фашистского вторжения»» [Ge, 2017].

ДИПЛОМАТИЯ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Второй период несколько трансформировал ситуацию. Тем не менее, «дипломатия мирного сосуществования» началась с того, что согласно Цземьянь Яну: «новый Китай в первые годы после обретения независимости оказался в затруднительной международной и внутренней обстановке. С конфигурацией биполярной конфронтации времен холодной войны в полную силу у Китая было мало возможностей для маневра. Да и внутри страны годы войны привели к повсеместному разрушению Китая и превратили строительство нового государства в трудноразрешимую задачу» [Yang, 2014].

Конечно, мы можем говорить, что в этот период на формирование дипломатии огромное влияние оказывают вопросы политики блоков, а также в целом и менталитет холодной войны. Так, российские исследователи Н.А. Богданова, Е.Г. Солнцева считают, что «появившаяся стратегия “держаться одной стороны” способствовала тому, что в 1949 году СССР стал первым государством, признавшим новый Китай и установившим с ним официальные дипломатические отношения» [Богданова, Солнцева, 2018а: 161]. Мао Дзедун писал в работе «О демократической диктатуре народа к 28-й годовщине основания Коммунистической партии Китая»: «Вне страны – объединиться с теми нациями мира, которые относятся к нам как к равным, и со всеми народами и вести совместную борьбу. Это значит: объединившись с Советским Союзом, со странами народной демократии, а также с пролетариатом и широкими народными массами других стран, образовать международный единый фронт» [Цзедун, 1949].

Но достаточно быстро (хотя в этот период большинство государств имели ограничения в своих дипломатических стратегиях), Коммунистическая партия Китая смогла увидеть перспективы развития именно мирной дипломатии и неизбежный исход холодной войны.

Согласно китайскому исследователю Ван Цзюньтао: «В период правления Мао Цзэдуна появился новый способ распространения китайского влияния – это оказание помощи странам третьего мира. В 60-е гг. XX в. правительственная делегация во главе с премьер-министром Китая Чжоу Эньлаем посетила ряд

государств Африки. Целью данного визита была пропаганда «восьми принципов», согласно которым предоставлялась поддержка без выдвигания каких-либо условий и на основе равенства» [Цзюньтао, 2021: 72]. В документе от 15 января 1964 г. «Восемь принципов китайского правительства в отношении экономической и технической помощи другим странам» хочется особо выделить четвертый пункт: «При оказании помощи другим странам цель китайского правительства состоит не в том, чтобы сделать страны-получатели помощи зависимыми от Китая, а в том, чтобы помочь им шаг за шагом встать на путь самообеспечения и независимого экономического развития» [13].

Вскоре именно Коммунистическая Партия Китая положила начало дипломатической философии «мирного сосуществования», выходящей за рамки менталитета холодной войны, или «Пяти принципов мирного сосуществования». Китай последовательно их придерживался, хотя и столкнулся с некоторыми трудностями на более позднем этапе.

Дипломатической целью КНР всегда было установление международных отношений, в которых все страны, независимо от размера и положения на мировой арене, обладают равными возможностями и равными позициями. Согласно исследованиям Су Ге: «В декабре 1953 года на встрече с посетившей Индию делегацией премьер-министр Чжоу Эньлай впервые выдвинул “Пять принципов мирного сосуществования”, а именно: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, и мирное сосуществование» [Ge, 2017]. А уже в следующем году, в апреле, правительства Китая и Индии договорились включить «Пять принципов» в коммюнике и Китайско-индийское соглашение о торговле и сношениях между Тибетским регионом Китая и Индией и приняли его в качестве руководства для отношений между двумя странами. В июне того же года, когда премьер Чжоу посетил Индию и Бирму, вышеуказанные принципы были изложены в совместном заявлении с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и Буром [Там же].

По мнению китайского дипломата Цуй Цимина: «Придерживаться пяти принципов мирного сосуществования – это замечательная традиция китайской культуры, которую наследовали китайские правительство и народ, это стратегический выбор, сделанный Китаем в соответствии с веяниями эпохи и коренными китайскими интересами» [Цимин, 2014]. Он полагает, что: «Китайская культура издревле представляет мир как гармоничное единство. Такие представления глубоко повлияли на мышление и поступки китайцев и стали важными ценностными представлениями, на основе которых они регулируют отношения между людьми, между человеком и природой, а также между странами» [Цимин, 2014]. Цуй Цимин подчеркивает, что «китайский народ издавна поддерживает такие идеи, как «поддержание гармонии при сохранении различий», «единство неба и человека» и «гармония – это наибольшая ценность», стремясь на основе гармонии сплотить семьи и соседей, а также по-доброму относиться к другим» [Там же].

ДИПЛОМАТИЯ МИРНОГО РАЗВИТИЯ

Третьему периоду «дипломатии мирного развития» предшествовали реформы, которые изменили не только внутреннюю политику и экономику Китая, но и его внешнюю стратегию. Одиннадцатый Центральный комитет Коммунистической партии Китая (КПК) провел свой третий пленум с 18 по 22 декабря 1978 г. Исследователи Австралийского национального Университета полагают, что именно «эта встреча восстановила старую идеологическую линию КПК «поиск истины на основе фактов». Она решила сместить акцент с политического движения на экономическое развитие. Это заложило основу для реформ и открытости» [9].

С именем Дэн Сяопина связана крупнейшая перестройка в сознании и направлении деятельности партии. Именно он в течение двух десятилетий защитником политики реформ и открытости Китая. В июле 1979 г. под влиянием Дэна центральное правительство решило создать «специальные экспортные зоны», позже названные особыми экономическими зонами (ОЭЗ), в Шэньчжэне, Чжухае и Шаньтоу в провинции Гуандун и Сямыне в провинции Фуцзянь. Это ознаменовало начало открытия Китая внешнему миру [Там же].

С момента введения политики реформ и открытости в 1978 г. китайское правительство упорно работало над поиском пути социалистической модернизации, который соответствовал бы условиям Китая и тенденциям времени и повлиял на становление новой дипломатии. Конечно, это был не простой путь, на пути которого было достаточно много трудностей. Тем не менее, это возможно и позволило стране разработать свое собственное направление во внешней политике.

Опираясь как на свой исторический опыт, так и на уроки современного развития государства, а также анализируя действия других стран, Китай углублял понимание законов, управляющих развитием человеческого общества, и способствовал самосовершенствованию и росту социалистической системы. В результате упорной борьбы китайскому народу удалось найти путь развития, соответствующий действительности Китая, путь социализма с китайскими особенностями [Ge, 2017].

После окончания холодной войны следующему поколению китайского руководства пришлось говорить о совершенно новой позиции Китая.

Конечно, в тот момент дипломатия Китая строилась не только на изучении истории. В 1990-х гг. Китай начал разрабатывать и формулировать «новую концепцию безопасности». Распад Советского Союза и окончание холодной войны изменили контекст китайского мышления в области безопасности [Carlyle, 2003]. По словам заместителя директора исследовательского департамента Китайского фонда международных и стратегических исследований Ву Байи: «начиная с 1993 года специалисты по планированию политики и ученые начали незаметно вносить изменения в стратегию безопасности страны. После многих лет работы появилась обновленная концепция безопасности» [Baiyi, 2010]. Эта концепция расширила определение безопасности, включив в него политические, оборонные, дипломатические и, прежде всего, экономические направления [Carlyle, 2003].

Лю Сяо, Лю Чжаою

Бу Байи полагал, что «то, к чему сейчас стремится Китай, – «это обеспечение устойчивого развития. Это изменение является знаковым. Поэтому характер его политики безопасности является адаптивным, а не конфронтационным. По сравнению с прошлой политикой нынешняя концепция означает два основных изменения. Впервые экономическая безопасность рассматривается как не менее важная, чем безопасность «высокой политики». Во-вторых, Китай фокусируется на взаимосвязи между внешними и внутренними вызовами безопасности» [Baiyi, 2010].

Драматические изменения в международной системе и иной взгляд на целый ряд вопросов, в том числе и экономический успех приводят государство к «идее возвышения Китая» на мировой арене. Хотя именно ввремя Дэн Сяопина, «согласно точке зрения китайских аналитиков, в основе национальной политики и стратегии КНР лежит принцип «никогда не стремиться к лидерству, никогда не конкурировать за господство и не стремиться к гегемонии» [Богданова, Солнцева, 20186].

Тем не менее, Китай в XXI в. сталкивается со смесью старых и новых вызовов, включая терроризм, мировые кризисы и предубеждения против политики государства. В этом контексте происходит появление самобытных черт в дипломатии Китая. Так, Дэн Сяопин сумел объединить даосизм, древнюю китайскую философию, в «даосскую дипломатию». Некоторые эксперты связывают появление этого направления в дипломатии как ответ на враждебную международную позицию после событий на площади Тяньаньмэнь, то есть «Инцидента 4 июня», когда в 1989 г. произошло жесткое подавление протестного движения. Согласно аналитику М. Шанину: «с точки зрения своих традиционных устоев Китай сделал очевидный выбор, сохранив гармонию в Среднем государстве. Цена этого может ужасать западное общество, но вряд ли впечатлит жителей страны, где защита отдельной жизни человека никогда прежде не рассматривалась как приоритетная задача. В конце концов, если продолжать размышлять в конфуцианской парадигме, то партия и лично Дэн не потеряли мандат Неба – а, наоборот, продолжили вести страну к экономическому процветанию, достигнув к 2014 г. первого места в мире по объему ВВП по ППС» [Шанин, 2019].

Все это говорило, что внешняя политика Китая будет продолжать меняться, а появление многомерной дипломатии, принятой страной, можно рассматривать как постоянную тему китайской внешней политики в XXI в. Многомерная дипломатия современного Китая пытается изучить истоки, руководящие принципы и последовательные результаты китайской дипломатии и философии. Так, «наряду с конфуцианством, доктрины даосизма и мохизма также подчеркивали «всеобщую любовь» и достоинства обсуждения и убеждения для решения проблем. Лао Цзы, древнекитайский философ, написавший основные тексты даосизма вместе с Чжуан Цзы, не принимал во внимание войны, а последний подчеркивал образованность и смирение» [Palit, 2013].

Говоря более подробно о религиозной составляющей этой многомерности, следует отметить, что в 2001 г. президент Китая Цзян Цзэминь впервые при-

знал, что «религия может выступать в качестве стабилизирующей силы в обществе и, как таковая, может быть мобилизована в качестве позитивной силы для национального развития» [Zhang, 2011]. По словам Цзюань Чжан: «в настоящее время считается, что религии играют позитивную роль в социальном развитии, представляя позитивные ценности и способствуя развитию гармоничного общества. Как религиозные элиты, так и государственные эшелоны заинтересованы в институционализации религии и религиозной деятельности. Китайское правительство за последние несколько лет инициировало целый ряд мероприятий в области религиозной дипломатии, и этот импульс сохраняется и сегодня». 10 января 2011 г. Ван Цзоань, директор Государственного бюро Китая по делам религий, сообщил СМИ, что «в этом году Китай будет активно участвовать в религиозных обменах со всем миром, чтобы продвигать китайское видение «религиозной гармонии» в мире. Гармония является основной концепцией конфуцианства, но заявление Вана указывает на то, что Китай без колебаний использовал бы другие религии для продвижения конфуцианского идеала» [Там же].

Государственное бюро по делам религий Китая спонсировало Международный форум по Даодэцзин (или Дао Течин, даосский канон) в Гонконге в 2007 г. Большинство участников было из материковой части Китая, Гонконга, Макао и Тайваня [Там же]. В январе 2011 г. Ван Цзоань, директор Государственного бюро Китая по делам религий, сообщил СМИ, что Китай поддерживает Второй международный форум по Даодэцзину и проведет международный семинар по даосизму и сохранению своей Святой земли, «чтобы продемонстрировать миру даосский идеализм в отношении мира и природы» [Там же]. Чтобы лучше адаптировать религию к культурной дипломатии, Ван еще в 2010 г. дал рекомендации о том, как улучшить и сам институт религии в государстве и его управление, для дальнейшей адаптации его к дипломатии. Он заявил: «усиление международного влияния китайской культуры перво-степенная тема для китайских даосов» [Там же]. По заявлению китайского правительства: «Цели китайской религиозной дипломатии включают содействие международному пониманию и принятию религиозной политики Китая, улучшение имиджа Китая, «построению гармоничного мира», и «построению гармоничного общества»» [Там же].

В качестве еще одного из направлений современного подхода к дипломатии Китая на современном этапе, можно выделить и вопросы, связанные с укреплением «мягкой силой» государства. В 2007 г. на 17-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая (КПК) Ху Цзиньтао (2007) официально выдвинул необходимость развивать эту идею для укрепления его основной конкурентной мощи в глобальном масштабе.

Также, все вышеперечисленное можно объединить в одно целое, которое Китай называет культурной дипломатией. Английский исследователь доктор Парам Синха Палит полагает, что: «понять поведение национальных государств никогда не было легко. Понять Китай особенно трудно, учитывая огромную пропасть с точки зрения языка (юй янь) и культуры (вэнь хуа). Пекин осознает эту трудность в общении с остальным

миром. Чтобы бороться с «гегемонией дискурса», воспринимаемой в Пекине как настойчивое усилие Запада спроецировать негативный образ страны и продвигать свои «западные ценности» для максимизации собственных интересов, Китай должен приступить к активной культурной дипломатии, используемой с древних времен для общения с остальным миром» [Palit, 2013].

Таким образом, культура Китая является необходимым элементом для трансформации негативных последствий стремительного развития Китая, которые вызывают недоверие к государству и его политики. Доктор Палита называет культуру «третьим столпом китайской дипломатии после экономики и политики, и 18-й Всекитайский съезд КПК в 2012 г. подтвердил ее актуальность, а в следующем году на Третьем пленарном заседании году была подтверждена ее важность. Культурная дипломатия и мягкая сила являются важными стратегиями китайского руководства в формировании благоприятного впечатления о Китае и обеспечении стратегических дивидендов посредством «добродетельной» политики взаимодействия» [Там же].

Согласно Палита: «использование культуры в качестве инструмента внешней политики в современной политике Китая представляет собой сочетание как академических усилий, так и подлинного стремления руководства открыть каналы коммуникации с международным сообществом» [Там же]. Китай стремится использовать знания и опыт различных культур и цивилизаций. Си Цзиньпин сказал, что «цивилизации станут только богаче и красочнее благодаря обмену и взаимному обучению» [Ge, 2017]. По мнению исследователя Сю Ге: «богатая и глубокая китайская культура наложила уникальный отпечаток на дипломатию Китая. Китайская дипломатия стремится поощрять всесторонние культурные обмены и контакты между людьми, а также укреплять межличностные связи, чтобы китайская мечта и мечты других народов могли подкреплять друг друга. Китайская культура придает большое значение самосовершенствованию внутри страны и инклюзивному подходу извне. Поступая таким образом, влияние мягкой силы Китая можно ощутить шаг за шагом» [Там же].

Все это говорит, что Китай является сегодня обладает достаточно стратегически амбициозной политикой, чем простой экспорт его богатого культурного наследия. Эволюция дипломатии Китая не могла не закрепить ее несколько особенностей, которые мы сейчас считаем отличительным трендом Китая. Исследователь Умезинва Перпетуал Пис выделяет четыре новые концепции для внешнеполитической ориентации Китая:

- 1) «новая безопасность и сотрудничество»;
- 2) «мирное развитие», означающее приверженность ненасилию;
- 3) «беспроектное» сотрудничество, отрицающее понимание с нулевой суммой международные дела;
- 4) построение «гармоничного мира», который способствует гармонии с разнообразием, разрешению конфликтов посредством диалога и демократизации мировых правительственных вопросов [Umezina, 2019].

Согласно мнению исследователя, также останется несколько важных традиций в дипломатии. Так, «директива Дэн Сяопина «не стремиться к лидерству» остается действенной в новой дипломатии Китая, поэтому будущая дипломатия Китая будет продолжать делать упор на управление кризисом, экономическую дипломатию, многостороннюю дипломатию, культурную дипломатию, сотрудничество и приспособление при защите главных национальных интересов. Решение проблем и управление кризисами останутся важной характеристикой китайской дипломатии. Между тем, в сотрудничестве с другими крупными державами Китай, по-видимому, будет более активен в решении фундаментальных глобальных проблем на стратегическом уровне» [Umezina, 2019].

Можно также обратить внимание, что китайское правительство неоднократно заявляло, что у Китая нет плана бросить вызов международной системе, и акцентировало внимание на важности того, чтобы быть «ответственным членом» всемирного общества [Там же].

Говоря о современном этапе развития китайской дипломатии, стоит отметить, что Китай не стремится изменить международную систему, скорее, он намерен быть ответственным участником мировых дел. Волне очевидно, что Китай по-прежнему будет уделять особое внимание экономической дипломатии. Хотя можно сказать уже более точно, что многосторонняя дипломатия возьмет на себя еще большую роль в будущей дипломатии Китая. Поскольку идентичность Китая становится все более глобальной и региональной, нынешняя концепция многосторонности в общей дипломатической стратегии Китая может быть пересмотрена для реализации национальных интересов, решения сложных вопросов и обеспечения управления в сложном мире [Там же].

ВЫВОДЫ

На сегодняшний день Китай укрепил свои позиции в мире и во многом это заслуга тех последовательных реформ, которые проводило государство. Нашли они отражения и в китайской дипломатии. Мы можем выделить несколько очень важных черт, которые и создают специфику современного Китая.

Во-первых, Китай очень четко понимает свое место в мире и свои амбиции. Это с одной стороны подчеркнутое не стремление к лидерству, с другой стороны уверенность в собственных силах и огромных возможностях.

Во-вторых, это акцент на многообразии используемых инструментов в дипломатии, который приносят свой несомненный дивиденд. К традиционной экономике и политике добавляется разнообразие культурных форм и «мягкой силы». То есть, уже имея определенный вес в мире, Китай хочет и вызывать к себе интерес по средствам своей истории, философии, спортивных достижений. В частности, например, конфуцианство, основанное на гармонии и мире в человеческих отношениях, станет частью политики мягкой силы Китая.

В-третьих, Китай уже не связан грузом политики холодной войны и государство является приверженцем мирных многосторонних отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XXI в. мы можем говорить, что основные инструменты китайской дипломатии сформированы. Китай использует огромный диапазон воздействия от экономики и политики до культуры и спорта. Все это диктуется в первую очередь неспокойной международной обстановкой и неоднозначным отношением к Китаю. Поэтому необходимо признать, все эти дипломатические попытки и разработки нуждаются в дальнейшем усилении, особенно в рамках распространяемой США и Великобританией теорией

«китайской угрозы». В этом контексте очень важно использовать новые возможности дипломатии. Очевидно, что чем больше становится рост китайской экономики и политического влияния, тем важнее становится применение разных форм. Так, учитывая все обстоятельства, культурная дипломатия станет одним из важнейших атрибутов китайской дипломатии и будет использована для уменьшения негативного результата от противодействия других государств. Можно уверенно говорить, что Китай будет продолжать развивать сотрудничество в мире и будет еще более активным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. Мао Цзэдун и формирование дипломатической стратегии «держаться одной стороны» // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 158–162.
2. Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. Особенности дипломатического курса Дэн Сяопина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 10–14.
3. Цзэдун М. О демократической диктатуре народа. К 28-й годовщине основания Коммунистической партии Китая (30 июня 1949 г.). URL: <http://library.maoism.ru/demdic.htm>
4. Цзюньтао В. Особенности публичной дипломатии Китайской Народной Республики (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2021. № 21 (44). С. 67–80.
5. Цимин Ц. Пять принципов мирного сосуществования сохраняют актуальность в XXI веке. 28.06.2014. URL: <https://www.belta.by/interview/view/pjat-printsipov-mirnogo-sosuschestvovaniija-sohranjajut-aktualnost-v-xxi-veke-4127?ysclid=lalc5miuhh479306650>
6. Шанин М. Поднебесная сотня. Зачем Китай расстрелял мирных демонстрантов и почему старается об этом забыть. 04.06.2019. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/06/04/tiananmen/?ysclid=ldfx5kt683978545109>
7. Baiyi W. The Chinese security concept and its historical evolution // Journal of Contemporary China. 2010. № 10 (27). Pp. 275–283. DOI: 10.1080/10670560124748.
8. Carlyle A.T. China's "New Security Concept" and Southeast Asia. 2003. Pp. 89–107. DOI: 10.22459/APS.05.2013.08. URL: <https://press.anu.edu.au/downloads/press/p239321/pdf/ch085.pdf>
9. China's 40 years of reform and development 1978–2018. R. Garnaut, Ligang Song, Cai Fang (eds.). Published by ANU Press The Australian National University Acton ACT 2601. Australia, 2018. 679 p.
10. d'Hooghe I. China's Public Diplomacy. Brill Nijhoff, 2014. 442 p.
11. Ge S. The great historic journey of Chinese diplomacy // China International Studies. December 15, 2017. URL: https://www.ciis.org.cn/english/ESEARCHPROJECTS/Articles/202007/t20200715_3607.html
12. Palit P.S. China's cultural diplomacy: Historical origin, modern methods and strategic outcomes // China Currents. 2013. No. 2. Vol. 12. A Center for Collaborative Research & Education on Greater China. URL: https://www.chinacenter.net/2014/china_currents/12-2/chinas-cultural-diplomacy-historical-origin-modern-methods-and-strategic-outcomes/
13. The Chinese government's eight principles for economic aid and technical assistance to other countries. January 15, 1964. Wilson Center. Digital Archive International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121560>
14. Umezina P.P. Future trends of China's diplomacy. 2019. URL: <https://modern diplomacy.eu/2019/10/17/future-trends-of-chinas-diplomacy/>
15. Yang J. China's diplomacy: Theory and practice. World Century Publishing Corporation, 2014. 557 p.

REFERENCES

1. Bogdanova N.A., Solntseva E.G. Mao Zedong and the formation of a diplomatic strategy "to stick to one side". *Modern Scientific Thought*. 2018. No. 6. Pp. 158–162. (In Rus.)
2. Bogdanova N.A., Solntseva E.G. Features of Deng Xiaoping's diplomatic course. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2018. No. 2. Pp. 10–14. (In Rus.)
3. Zedong M. About the democratic dictatorship of the people. On the 28th anniversary of the founding of the Communist Party of China (June 30, 1949). URL: <http://library.maoism.ru/demdic.htm>
4. Juntao V. Features of public diplomacy of the People's Republic of China (historical aspect). *Russia in the Global World*. 2021. No. 21 (44). Pp. 67–80. (In Rus.)
5. Tsimin Ts. The five principles of peaceful coexistence remain relevant in the XXI century. 28.06.2014. URL: <https://www.belta.by/interview/view/pjat-printsipov-mirnogo-sosuschestvovaniija-sohranjajut-aktualnost-v-xxi-veke-4127?ysclid=lalc5miuhh479306650>
6. Shanin M. Celestial Hundred. Why China shot peaceful demonstrators and why it tries to forget about it. 04.06.2019. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/06/04/tiananmen/?ysclid=ldfx5kt683978545109>
7. Baiyi W. The Chinese security concept and its historical evolution. *Journal of Contemporary China*. 2010. № 10 (27). Pp. 275–283. DOI: 10.1080/10670560124748.
8. Carlyle A.T. China's "New Security Concept" and Southeast Asia. 2003. Pp. 89–107. DOI: 10.22459/APS.05.2013.08. URL: <https://press.anu.edu.au/downloads/press/p239321/pdf/ch085.pdf>
9. China's 40 years of reform and development 1978–2018. R. Garnaut, Ligang Song, Cai Fang (eds.). Published by ANU Press The Australian National University Acton ACT 2601. Australia, 2018. 679 p.
10. d'Hooghe I. China's Public Diplomacy. Brill Nijhoff, 2014. 442 p.
11. Ge S. The great historic journey of Chinese diplomacy. *China International Studies*. December 15, 2017. URL: https://www.ciis.org.cn/english/ESEARCHPROJECTS/Articles/202007/t20200715_3607.html
12. Palit P.S. China's cultural diplomacy: Historical origin, modern methods and strategic outcomes. *China Currents*. 2013. No. 2. Vol. 12. A Center for Collaborative Research & Education on Greater China. URL: https://www.chinacenter.net/2014/china_currents/12-2/chinas-cultural-diplomacy-historical-origin-modern-methods-and-strategic-outcomes/
13. The Chinese government's eight principles for economic aid and technical assistance to other countries. January 15, 1964. Wilson Center. Digital Archive International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121560>
14. Umezina P.P. Future trends of China's diplomacy. 2019. URL: <https://modern diplomacy.eu/2019/10/17/future-trends-of-chinas-diplomacy/>
15. Yang J. China's diplomacy: Theory and practice. World Century Publishing Corporation, 2014. 557 p.

16. *Zhang J.* China's faith diplomacy: Initiatives and vulnerabilities. In: *Essays on faith diplomacy*. N. Leight (ed.). 2011. 88 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/258510066_China's_faith_diplomacy_Initiatives_and_vulnerabilities

16. *Zhang J.* China's faith diplomacy: Initiatives and vulnerabilities. In: *Essays on faith diplomacy*. N. Leight (ed.). 2011. 88 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/258510066_China's_faith_diplomacy_Initiatives_and_vulnerabilities

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 71,44%

Р е ц е н з е н т: *Маркушина Н.А.*, доктор политических наук, доцент; профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Статья поступила в редакцию 15.01.2023, принята к публикации 18.02.2023

The article was received on 15.01.2023, accepted for publication 18.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лю Сяо, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: 1298054443@qq.com

Лю Чжаоюи, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Liu Xiao, postgraduate student at the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: 1298054443@qq.com

Liu Zhaoyi, postgraduate student at the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

Transformation and Development: The Key Code to Understand the Chinese Modernization Road

Chu Defeng

Shanghai University of Political Science and Law,
Shanghai, China

E-mail: chdfeng1208@163.com

Abstract. The Chinese modernization road means that the Communist Party of China faces up to the special starting point of semi-colonial and semi-feudal modernization and the unequal pattern of the world modernization system. It is based on China's actual conditions and follows the strategic thinking of "putting people's livelihood first", "development is of paramount importance" and "transformation and development". The results of optimizing and innovating the linear modernization model of capitalism and the structural modernization model of developing countries concentrate the practical process of the Communist Party of China uniting and leading the Chinese people to successfully realize the social transformation and development, which is a highly condense and theoretical summary of the successful experience of the social transformation and development of contemporary China. Transformation and development has not only ontological significance, but also methodological significance for the Chinese modernization road, which is the key code to understand the Chinese modernization road.

Key words: Chinese modernization road, transformation and development, key codes

Acknowledgments. National Social Science Foundation project "Research on Promoting the Construction of Civic Morality in the New Era through Innovative Institutional Arrangement" (Project No. 20BKS111).

FOR CITATION: Chu Defeng. Transformation and Development: The Key Code to Understand the Chinese Modernization Road. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 163–171. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-163-171

INTRODUCTION

In 2016, General Secretary Xi Jinping pointed out at the National Science and Technology Innovation Conference, the Congress of Academicians of the two Chambers, and the Ninth National Congress of China Association for Science and Technology: "In the 18th century, major inventions such as the steam engine appeared, marking the first industrial revolution and the beginning of the modernization of human society. Some countries have seized the rare opportunity of the scientific and technological revolution and achieved rapid growth in economic strength, scientific and technological strength, national defense strength and overall national strength" [1]. Driven by the Industrial Revolution, these countries took the lead in realizing the capitalist modernization. While promoting the transformation of human society from agricultural civilization to modern industrial

civilization, they also accelerated the process of "the transformation of history to world history", and later developing countries were inevitably involved in the flood of world modernization. Modernization, which represents the development of human civilization, has become an "inevitable trend and objective historical process of the development of human society" [2]. However, due to differences in history, culture, basic national conditions and historical missions, different countries have chosen different modernization paths and achieved different results. Based on China's realities, the Communist Party of China has united and led the Chinese people in successfully opening up a modernization path different from that of the West, that is, the Chinese modernization path. It has not only created the "two miracles" of rapid economic development and long-term social stability, but also made remarkable achievements in China's socialist modernization drive. "The Chinese nation has achieved

a great leap from standing up, getting rich to becoming strong, and the great rejuvenation of the Chinese nation has presented unprecedented bright prospects” [3: 421], “China has caught up with the time in great strides” [4], and “has expanded the path of modernization for developing countries, It provides a new choice for those countries and nations who wish to accelerate their development while maintaining their independence” [3: 8–9]. As a successful model of modernization in developing countries, the Chinese modernization road has aroused wide attention and heated discussion in academic circles at home and abroad. In the author’s opinion, the road of Chinese modernization embodies the practical process of the Communist Party of China uniting and leading the Chinese people to successfully realize social transformation and development, which is a highly condense and theoretical summary of the successful experience of contemporary Chinese social transformation and development. Therefore, the transformation and development has not only ontological significance, but also methodological significance for the Chinese modernization road, which is the key code to understand the Chinese modernization road.

TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT: THE INEVITABLE CHOICE OF THE CHINESE MODERNIZATION ROAD

Modernization bears on national development and the destiny of the nation. Realizing modernization is the dream pursued by every country and nation. It is the only option for developing countries to catch up with the time and avoid being marginalized. As a socialist and developing country with the largest population in the world, it is of great significance for China to achieve modernization. From the road map of the world modernization model, there are two main frames of reference for what kind of modernization road China should take: one is the endogenous linear modernization of Western capitalism, the other is the exogenous structural modernization of developing countries. As for the former, the capitalist modernization, objectively speaking, it has made great achievements. Just as Marx, the great revolutionary mentor, said: “The productive forces created by the bourgeoisie in its less than one hundred years of class rule are more and greater than all the productive forces created by all generations in the past” [5], but the modernization of western capitalism follows the logic of capital appreciation and expansion, and cannot break the paradox created by itself that “the increment of the world of things is proportional to the depreciation of the world of people” [6]. For the latter, the modernization of developing countries, because most of them passively obey the modernization of capitalism, they have to bear the result of being marginalized by the capitalist market system, such as having to become the raw material base of capitalist modernization, and having to bear the unequal losses caused by the low-price competition among raw material exporting countries or marginalized countries [7], etc. The nature and purpose of the Communist Party of China determine that the fundamental purpose of China’s modernization

exploration is to achieve national prosperity, rejuvenation and people’s happiness. Therefore, neither the endogenous linear modernization of Western capitalism nor the exogenous structural modernization of developing countries clearly conforms to the original aspiration and mission of the Communist Party of China (CPC) to “seek happiness for the Chinese people and rejuvenation for the Chinese nation”, nor the original intention and value pursuit of human modernization.

Furthermore, China, which is in the tide of world modernization, can neither follow the path of linear modernization of Western capitalism nor the path of structural modernization of other developing countries. This means that there is not only no template for China’s modernization exploration to be copied directly, but also no relevant experience for reference. They should not only face the pressure brought by the rules of the game of Western and Chinese capitalist modernization in the world modernization system and the temptation of the so-called rapid development mode of capitalist modernization, but also reflect on the experience and lessons that developing countries passively obeying capitalist modernization are increasingly marginalized or semi-marginalized by the world modernization system. We will effectively resolve the imbalance in the modernization structure of developing countries.

Therefore, the primary problem of China’s modernization exploration is to effectively solve the optimization problem of these two different modernization paradigms. The quality of the optimization model depends on the organic combination of learning and innovation. Both learning and innovation are based on the understanding, interpretation and evaluation of the starting point of modernization. In other words, China’s modernization requires a good choice of starting point. If the starting point is well chosen, the model will be more sustainable. In this regard, the Communist Party of China faces the special starting point of modernization, which is semi-colonial and semi-feudal, and deeply realizes that China’s modernization is not only a problem of agricultural industrialization, but also how to deal with “poverty”, correct the imbalance of economic and social development, and get rid of or overcome the unevenness of the international economic and political order. Therefore, the fundamental problem to be solved in China’s socialist modernization is to promote the transformation and development of contemporary Chinese society. It is under the guidance of this scientific understanding that the Communist Party of China firmly believes that “development is of paramount importance” [8] and adheres to the principle of “using the vision, thinking and methods of development to solve difficulties and problems in advance” [9]. It has successfully created a modernization road that conforms to China’s reality, has Chinese characteristics and conforms to the law of socialist development, that is, the Chinese modernization road of transformation and development. In a word, development is more important than transformation, that is to say, “to promote social transformation through development, and realize a higher form of development in social transformation”, which is the inevitable choice of the road of Chinese modernization.

Chu Defeng

**“BEIJING CONSENSUS”
AND DEVELOPMENT PHILOSOPHY:
A THEORETICAL EXPLANATION
OF THE CHINESE MODERNIZATION ROAD
OF TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT**

As the current academic circle on the transformation of the development of the Chinese modernization road is very rich, it is difficult to enumerate one by one, so this paper only takes “Beijing Consensus” and development philosophy as examples. “Beijing Consensus” represented by China and “Washington Consensus” represented by some Latin American countries are closely related. Due to the prescription of linear modernization of developed capitalism, the latter rarely succeeds. Its significance mainly lies in reflection and reference, which is the basic consensus of the current academic circle. The former is based on Joshua Cooper Reimer’s profound discussion on “Beijing Consensus”, such as the three elements of good development mode: reform and innovation, liberation and development of productivity, reform and innovation and integration with the world economy, independent and peaceful development of countries and accumulation of national strength, or the three theorems of social physics of “Beijing Consensus”: Reform and innovation, rather than copying “Washington Consensus”, pursuing balanced economic and social development, independent and peaceful rise on the road of sustainable development [10], are very insightful. Although Mr. Joshua Cooper Ramo emphasizes that “Beijing Consensus” led China to gradually develop from a poverty control country to a “new industrialization” and to a modern country, on the contrary, some Latin American countries from a poverty control country to “Washington Consensus”, according to the path of growth economics, not only failed to achieve the goal of a modern country, instead, they hover in the cycle of peripheral or semi-peripheral states. But Mr. Ramo reveals a problem that must not be ignored in the pursuit of modernization in the latter-day countries: The development of modernization in the world system cannot ignore the structural factors, and the world system composed of the first, second, third world and super powers has “congenital” “inequality” in the modernization of the third world, namely the developing countries. Both “Beijing Consensus” and “Washington Consensus” are embedded in the unequal structure of the world system, at the edge, semi-edge or the place order in the center of the structure. The path of “Beijing Consensus”: poverty control – development – new industrialization – modernization, from the periphery to the center; The path of “Washington Consensus”: poverty control – growth – industrialization – modernization dilemma, hovering in a marginal or semi-marginal state [7].

The mission of development philosophy is to examine and reflect on the causes of the problems of the previous outlook on development, such as “growth without development, development without progress, economic revitalization without social harmony”, and discuss the value concept and policy orientation of future all-round development. Therefore, from the theoretical perspective of development philosophy, transformation and development first involves values and methodology.

For China’s modernization, the nature and purpose of the Communist Party of China determine that China’s transformation and development must achieve three basic goals: growth and development, development and progress, economic revitalization and social progress. China’s exploration and practice of modernization, which started in semi-colonial and semi-feudal China, faced two major challenges at the same time, namely transformation and development. We not only needed to realize the transformation and upgrading of agricultural economy to industrial economy, but also needed to adhere to the people-centered and effective poverty control. We should not only achieve economic revitalization, but also spread the fruits of economic revitalization to the people so as to achieve common prosperity and promote social progress and development in China. Therefore, the transformation and development of contemporary China is to realize the coexistence of transformation and development and poverty alleviation and development, which is fundamentally different from the poverty alleviation and growth of Latin American countries. In order to achieve the goal of transforming development, China’s modernization needs to ensure two sustainability, namely sustainable economic development and sustainable political stability. In this sense, reform, development and stability are indispensable. In fact, one of the secrets of the reason why the Chinese modernization road of transformation and development can achieve remarkable achievements lies in the fact that the Communist Party of China has explored the enlightenment of development philosophy in the Chinese modernization, firmly grasped the practical logic that the modernization of developing countries must follow, namely “not only the transformation but also the development”, and clarified the direction and significance for China’s modernization practice.

**FROM THE “TWO-IN-ONE” TO THE “FIVE-IN-ONE”:
THE HISTORICAL EVOLUTION
OF THE CHINESE MODERNIZATION ROAD
OF TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT**

China’s dream of modernization began in modern times, but it took more than 40 years for Chinese modernization to be successfully explored or achieved great success. Generally speaking, modernization is marked by industrialization, urbanization and welfare, but from the diachronic point of view, the development course of the transformation and development of the Chinese modernization road is the process of “five-in-one” coordinated development. Of course, the five-sphere coordinated development has also experienced an evolutionary process of innovation and exploration and recognition, that is, from the “construction of socialist material civilization and spiritual civilization” and “two-in-one” to the trinity of “socialist economic construction, political construction and cultural construction”. To “socialist economic construction, political construction, cultural construction, social construction” “four-in-one”, and then to “socialist economic construction, political construction, cultural construction, social construction and ecological civilization construction” “five-in-one” understanding and practice.

From the perspective of synchronicity, the transformation and development of the Chinese modernization road, first of all, needs to face the double challenges brought by the inequality of the starting point of modernization and the inequality of the world modernization system structure: Vertically, it is an extremely difficult task to face the challenge of semi-colonial and semi-feudal poverty as the starting point, and to lift over a billion people out of poverty. There is no successful experience for reference, so we can only “cross the river by feeling the stones”, investigate and study, and move forward step by step [11]. Horizontally, it should face the pressure of the unequal pattern in the modern system of the world and the challenge of the welfare trap of modern western society “under the compression of time and space”. It should not only strengthen and respond to the welfare demands of people’s livelihood, but also avoid the “middle income trap”. In the face of dual challenges, the Chinese modernization road of transformation and development, based on national conditions, adheres to the principle of seeking truth from facts, independence, self-reliance and hard work, adheres to the principle that “development is the first priority of the Party in governing and rejuvenating the country” [12], and consistently solves problems one by one according to the priority order of problems by means of development, and promotes the co-transformation of transformation and development. To achieve economic revitalization and social harmony.

From the general point of view, the evolution or generation of the Chinese modernization road of transformation and development has experienced such a process of development evolution: economically, from the planned economy to the socialist market economy with Chinese characteristics; Politically, from the control type of government to the service type of government; Culturally, from revolutionary culture to governing culture; Socially, from social management to people’s livelihood society; In terms of ecological environment, from resource-based to ecological civilization.

CONCLUDING REMARKS

In conclusion, the key to the great success of the Chinese modernization road lies in the correct choice of the modernization road of transformation and development by the Communist Party of China. This correct choice is not the result of the preference of the ruling Communist Party of China, but rather the fact that the Communist Party of China faced up to the special starting point of semi-colonial and semi-feudal modernization and the unequal pattern of the world’s

modernization system. Proceeding from China’s actual conditions, it adhered to the strategic thinking of “putting people’s livelihood first”, “development is the absolute principle” and “transformation and development”. The result of optimizing and innovating the linear modernization model of capitalism and the structural modernization model of developing countries. From the perspective of transformation and development, the interpretation of the Chinese modernization road is not only beneficial to deepen the understanding and cognition of the essential connotation of the Chinese modernization road, enhance the theoretical confidence and road confidence of the comprehensive promotion of the Chinese modernization road, but also beneficial to reveal the successful experience of the Chinese modernization road, and provide reference and inspiration for other developing countries to choose the modernization road.

REFERENCES

1. *Xi Jinping*. Striving to build a world power in science and technology. Speech at the National Science and Technology Innovation Conference, the Congress of Academicians of the Two Chambers, and the Ninth National Congress of the China Association for Science and Technology. Beijing: People’s Publishing House, 2016. Pp. 3–4.
2. *Lu Mingchuan*. The generative logic and world significance of Chinese-style modernization road. *Administrative Forum*. 2021. No. 4.
3. *Xi Jinping*. The governance of China: Monograph. Vol. 3. Beijing: Foreign Languages Press, 2020.
4. *Xi Jinping*. Speech at the Conference celebrating the 100th anniversary of the Founding of the Communist Party of China. Beijing: People’s Publishing House, 2021. P. 5.
5. The collected works of Marx and Engels. Vol. 2. Beijing: People’s Publishing House, 2009. P. 36.
6. The collected works of Marx and Engels. Vol. 1. Beijing: People’s Publishing House, 2012. P. 51.
7. *Yang Junyi*. Introduction to contemporary social philosophy – historical materialism and its transformation and development: Monograph. Shanghai: Shanghai University Press, 2014. Pp. 2–5.
8. *Xi Jinping*. The governance: Monograph. Vol. 2. Beijing: Foreign Languages Press, 2017. P. 384.
9. Anthology of important documents since the 17th National Congress of the CPC (Middle). Beijing: Central Academic Press, 2011. P. 849.
10. *Reimer J.C.* China and globalization: Washington consensus or Beijing consensus. Zai Huangping, Cui Zhiyuan (eds.). Beijing: Social Sciences Academic Press, 2005. Pp. 46–57.
11. Selected documents of the Central Committee of the Communist Party of China (October 1949 – May 1966). Vol. 44. Beijing: People’s Publishing House, 2013. P. 55.
12. A selection of important documents in the 30 years of reform and opening up. Part 3. Beijing: Central Academic Press, 2008. P. 1536.

Keywords: *Xu Junfeng*, Professor; Dean of the School of Marxism of the Shanghai University of Political Science and Law

The article was received on 14.01.2023, accepted for publication 12.02.2023

ABOUT THE AUTHOR

Chu Defeng, Doctor of Law; member of China Society of Dialectical Materialism; associate professor at the School of Marxism of the Shanghai University of Political Science and Law; postgraduate tutor; Deputy Secretary

Трансформационное развитие: ключевой код для понимания китайского пути модернизации

Чу Дэфэн

Шанхайский политико-юридический университет,
Шанхай, Китай

E-mail: chdfeng1208@163.com

Аннотация. Путь китайской модернизации – это особая исходная точка модернизации Коммунистической партии Китая для полукolonиального и полуфеодального строя и конфигурации неравенства мировой системы модернизации. Исходя из реальной ситуации в стране, следует твердо придерживаться стратегического мышления совместного изменения: «Народное благосостояние – прежде всего», «развитие – непреложный закон», а также трансформация и развитие. Это концентрирует практический процесс Коммунистической партии Китая, объединяющей и ведущей китайский народ к успешной реализации социальных преобразований и развития. Это является очень кратким и теоретическим обобщением успешного опыта современных китайских социальных преобразований и развития. Трансформационное развитие для китайского пути модернизации имеет не только онтологическое значение, но и методологическое значение, и это ключевой код для понимания китайского пути модернизации.

Ключевые слова: китайский путь модернизации, трансформационное развитие, ключевой код

Благодарности. Рядовой проект Государственного фонда социальных наук «Исследование инновационных институциональных механизмов для регуляции и продвижения создания гражданской нравственности в Новую эпоху» (проект № 20BKS111).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чу Дэфэн. Трансформационное развитие: ключевой код для понимания китайского пути модернизации // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 163–171. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-163-171

ВВЕДЕНИЕ

В 2016 г. на Национальной конференции по инновациям в области науки и технологий, конференции академиков Китайской академии наук и девятом Национальном конгрессе Китайской ассоциации науки и технологий генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил: «Основные изобретения, такие как паровой двигатель, появились в XVIII в., что привело к первой промышленной революции и положило начало процессу модернизации человеческого общества. Некоторые государства воспользовались редкой возможностью научно-технической революции и добились быстрого роста экономической, научно-технической мощи и мощи государственной обороны, а также быстрого повышения общей государственной мощи» [1]. Движимые промышленной революцией, эти страны взяли на себя инициативу в осуществлении капиталистической модернизации. Наряду с содействием превращению человеческого общества из сельскохозяйственной цивилизации в современную индустриальную цивилизацию, также ускорился процесс «перехода от истории к всемирной истории», и развивающиеся страны неизбежно оказались втянутыми в поток мировой модернизации. Символизирующая развитие человеческой цивилизации модернизация стала «неизбежной тенденцией и объективным историческим процессом

развития человеческого общества» [2]. Однако в силу разницы в истории и культуре, базовых национальных условий и исторических миссий, разные страны избрали разные пути модернизации и добились совершенно различных результатов. Основываясь на государственной специфике, Коммунистическая партия Китая объединила и привела китайский народ к успешному продвижению пути модернизации, отличного от Запада, то есть китайского пути модернизации, который не только создал «два чуда», – быстрое экономическое развитие и долгосрочную социальную стабильность, но и поспособствовал социализму в Китае. Стремление к модернизации привело к всемирно известным достижениям. нация показала беспрецедентно блестящие перспективы» [3: 421], «Китай добился больших успехов, чтобы догнать эпоху» [4], а также «расширил пути модернизации для развивающихся стран, и предоставил новый выбор для тех стран и народов мира, пожелавших ускорить развитие и сохранить собственную независимость» [3: 8–9]. Как успешная модель модернизации в развивающихся странах, путь китайской модернизации привлек широкое внимание и вызвал бурные дискуссии в академических кругах в Китае и за рубежом. С точки зрения автора, путь китайской модернизации представляет собой сжатый практический процесс Коммунистической партии Китая, объединяющий и ведущий китайский народ к социальным

преобразованиям и развитию, а также представляет собой очень краткое и теоретическое обобщение успешного опыта современных китайских социальных преобразований и развития. Следовательно, трансформационное развитие для китайского пути модернизации имеет не только онтологическое значение, но и методологическое значение, и это ключевой код для понимания китайского пути модернизации.

ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: НЕИЗБЕЖНЫЙ ВЫБОР КИТАЙСКОГО ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Дело модернизации связано с государственным развитием и национальной судьбой. Осуществление модернизации – это мечта, к которой стремится каждая страна и нация, и это единственный выбор для развивающихся стран – идти в ногу со временем и избежать маргинализации. Для Китая как развивающегося государства и социалистической страны с самым большим населением в мире, осуществление модернизации имеет чрезвычайно важное значение. В дорожной карте мировой модели модернизации есть две основные точки отсчета того, какой путь модернизации должен выбрать Китай: одна – это эндогенная «линейная модернизация» западного капитализма, а другая – экзогенная «структурной модернизация» развивающихся стран. Что касается первой, т. е. капиталистической модернизации, то, объективно говоря, достигнутые ею успехи огромны, как сказал великий вождь революции Маркс: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [5]. Однако модернизация западного капитализма следует логике приумножения и расширения капитала и не может разрешить созданный ею же парадокс, согласно которому «удорожание мира вещей прямо пропорционально обесцениванию мира людей» [6]. Что касается второго, то есть модернизации развивающихся стран, то поскольку большинство из них пассивно подчиняется модернизации капитализма, они не могут не принять на себя последствия «маргинализации» капиталистической рыночной системы. Например, такая страна не может не стать сырьевой базой капиталистической модернизации и должна нести неравные потери, вызванные низкоценовой конкуренцией между странами-экспортерами сырья или маргинализированными странами» [7] и т.д. Сущность и цели Коммунистической партии Китая определяют, что основной целью модернизации Китая является достижение государственного процветания, национального возрождения и народного счастья. Следовательно, как первое, то есть эндогенная «линейная модернизация» западного капитализма, так и второе, а именно экзогенной «структурная модернизация» развивающихся стран, очевидно, не соответствуют первоначальным намерениям и миссии Коммунистической партии Китая в стремлении к «счастью для китайского народа и возрождению китайской нации», а также не соответствуют первоначальным намерениям и ценностным стремлениям к модернизации всего человечества.

Более того, находящийся на волне мировой модернизации Китай никак не может идти ни по пути «линейной модернизации» западного капитализма, ни по пути «структурной модернизации» других развивающихся стран. Это значит, что китайские исследования модернизации не только не располагают шаблоном для непосредственного копирования, но и не имеет соответствующего опыта для заимствования. Эти исследования должны не только столкнуться с давлением, оказываемым «правилами игры» западной капиталистической модернизации в мировой системе модернизации, и с искушением так называемой «модели быстрого развития» капиталистической модернизации, но также и переосмыслить опыт и уроки развивающихся стран, которые пассивно подчиняются капиталистической модернизации и все более подвергаются маргинализации или полумаргинализации со стороны мировой системой модернизации, чтобы эффективно разрешить несбалансированные противоречия в модернизационной структуре развивающихся стран.

Ввиду этого, основная проблема исследования модернизации в Китае состоит в эффективном решении проблем оптимизации этих двух разных парадигм модернизации. Качество модели оптимизации зависит от органичного сочетания обучения и инноваций. Будь то обучение или инновация, их предпосылки и основы лежат в понимании, интерпретации и оценке отправной точки модернизации. Иными словами, для модернизации Китая сначала необходимо выбрать хорошую исходную точку, и если она будет выбрана правильно, то устойчивость модели будет высокой. В связи с этим в исследовании модернизации Коммунистическая партия Китая столкнулась с особой исходной точкой полукOLONIALной и полупфеодальной модернизации и глубоко осознала, что модернизация Китая – это не только проблема сельскохозяйственной индустриализации, но и методы управления «бедностью» и правительным экономическим и социальным развитием, дисбалансами в международном экономическом и политическом порядке, а также избавления или преодоления неравенства в международном экономическом и политическом порядке.

Таким образом, фундаментальная проблема, которую необходимо решить в ходе социалистической модернизации Китая, состоит в содействии преобразованию и развитию современного китайского общества. Руководствуясь этим научным пониманием, Коммунистическая партия Китая твердо верит, что «развитие – это непреложный закон» [8], и настаивает на «использовании видения развития, мышления развития и методики развития для решения текущих трудностей и проблем» [9]. Она успешно создала путь модернизации, соответствующий китайским реалиям, имеющий китайскую специфику и соответствующий закону социалистического развития, то есть модернизационный путь трансформации и преобразования в китайском стиле. Одним словом, необходимы как трансформация, так и развитие, то есть «содействие социальной трансформации через развитие и реализация более высокой формы развития в процессе социальной трансформации» – это неизбежный выбор китайского пути модернизации.

Чу Дэфэн

«ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС»
И ФИЛОСОФИЯ РАЗВИТИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ
КИТАЙСКОГО ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ
ТРАНСФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Вследствие чрезвычайного обилия современных теоретических интерпретаций китайского пути модернизации трансформационного развития в академических кругах, перечислить их все очень сложно, поэтому в данной статье в качестве примеров приводятся только «Пекинский консенсус» и философия развития. «Пекинский консенсус», представленный Китаем, тесно связан с «Вашингтонским консенсусом», представленным некоторыми странами Латинской Америки. Поскольку последний применяет рецепт линейной модернизации развитого капитализма, редко кому позволивший добиться успеха, то его значение в основном предназначено для пересмотра и заимствования. В этом сходятся мнения нынешних академических кругов. Первый же основан на обсуждении господином Джошуа Купером Рамо «Пекинского консенсуса», в частности трех элементов «хорошей модели развития»: Реформы и инновации для освобождения и развития производительности, реформы и инновации для интеграции в мировую экономику, а также независимое и мирное развитие государства для накопления мощи страны. Еще, как пример к «Пекинскому консенсусу», три теоремы социальной физики: реформы и инновации вместо копирования «Вашингтонского консенсуса», прохождение по пути устойчивого развития, стремление к сбалансированному экономическому и социальному развитию, а также независимое, самостоятельное и мирное возвышение [10], что уже видно невооруженным взглядом. Хотя господин Джошуа Купер Рамо подчеркивал, что «Пекинский консенсус» привел Китай к постепенному развитию от страны, которая «управляет бедностью», до модернизированной страны, которая располагает «промышленностью нового типа». И напротив, некоторые латиноамериканские страны прошли путь от государств, «управляющих бедностью», до «Вашингтонского консенсуса», и в соответствии с путем экономики роста, вместо того, чтобы реализовать цель модернизации государства, они забуксовали в ряду маргинальных или полупериферийных стран. Однако господин Рамо раскрыл проблемы, которые нельзя игнорировать в стремлении к модернизации в развивающихся странах: Нельзя игнорировать «структурные» факторы развития модернизации в мировой системе. Что касается отправной точки модернизации, мировая система, состоит из первого, второго, третьего мира и сверхдержав. В третьем мире, то есть в развивающихся странах, модернизация таит в себе изначальное неравенство. Как «Пекинский консенсус», так и «Вашингтонский консенсус», все они встроены в мировую систему и структуру неравенства и находятся в рейтинге маргинального, полупериферийного или структурного центра. Путь «Пекинского консенсуса»: управления бедностью – развитие – индустриализация нового типа – модернизация, от периферии к центру; путь «Вашингтонского консенсуса»: управление бедностью – развитие – индустриализация – трудная ситуация модернизации, пробуксовка в пограничном или полумаргинальном состоянии [7].

Миссия философии развития состоит в том, чтобы исследовать и размышлять о причинах таких проблем, как «рост без развития, развитие без прогресса, экономическое оживление без социальной гармонии» и т.д., а также обсуждать ценностную концепцию и политическую ориентацию всестороннего развития в будущем. Поэтому, с теоретической точки зрения «философии развития», проблема трансформационного развития в первую очередь связана с ценностями и методологией. Что касается модернизации Китая, то характер и основные цели Коммунистической партии Китая определяют, что трансформационное развитие Китая должно достигнуть трех основных целей: рост, за которым следует развитие, развитие, за которым следует прогресс, и экономическое оживление, за которым следует социальный прогресс. Начиная с исследования и практики модернизации в полукOLONIALном и полуфеодальном Китае, в то же время можно столкнуться с двумя основными проблемами «трансформационного развития». Необходимо не только осуществить трансформацию и модернизацию сельскохозяйственной экономики в индустриальную экономику, но и придерживаться ориентированного на человека эффективного управления бедностью; Необходимо не только достигнуть экономического возрождения, но и сделать так, чтобы принести людям пользу от результатов экономического возрождения для достижения общего процветания, тем самым способствуя прогрессу и развитию китайского общества. Поэтому трансформационное развитие в нынешнем Китае заключается в осуществлении совместных изменений «трансформационного развития» и «развития борьбы с бедностью», что принципиально отличается от «роста борьбы с бедностью» в латиноамериканских странах. Однако, если китайская модернизация направлена на достижение данной цели трансформационного развития, необходимо обеспечить «две устойчивости», то есть устойчивость экономического развития и устойчивость политической стабильности. В этом смысле никак не обойтись без трех составляющих – реформы, развитие и стабильность. На самом деле, один из секретов того, почему трансформационное развитие китайского пути модернизации могут привести к всемирно известным достижениям, заключается в том, что КПК распознала в запуске китайской модернизации философию развития, твердо усвоив практическую логику, которой должны следовать развивающиеся страны в модернизации «трансформационного развития», что проясняет направление и смысл для практики китайской модернизации.

ОТ «ДВУХ В ОДНОМ» К «ПЯТИ В ОДНОМ»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
КИТАЙСКОГО ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ
ТРАНСФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Мечта Китая о модернизации зародилась в современную эпоху, но успешные исследования или большой успех китайской модернизации имели место в последние 40 лет. Говоря в общем, модернизация характеризуется индустриализацией, урбанизацией и благосостоянием, однако с диахронической точки зрения процесс развития китайского пути модернизации трансформационного развития представляет собой

процесс скоординированного развития «пять в одном». Конечно, согласованное развитие «пяти в одном» также претерпело эволюционный процесс инноваций, исследования и понимания, то есть от «двух в одном»: «социалистической материальной цивилизации и духовного цивилизационного строительства» к «трем в одном»: «социалистическому хозяйственному строительству, политическому строительству, культурному строительству»; далее к «четырем в одном»: «социалистическому хозяйственному строительству, политическому строительству, культурному строительству, общественному строительству»; а затем и к познанию и практике экологично-культурного строительства «пяти в одном»: «социалистическому хозяйственному строительству, политическому строительству, культурное строительство, общественному строительству и экологическому строительству».

С точки зрения синхронности, трансформационное развитие китайского пути модернизации в первую очередь должны столкнуться с двойным вызовом, вызванным неравенством исходной точки модернизации и неравенством мировой системы модернизации: в вертикальном направлении предстоит столкнуться таким вызовом как бедностью как исходной точкой для полуколониального и полуфеодалного общества. Вывести из состояния бедности более миллиарда человек – это чрезвычайно сложная задача, и здесь нет никакого успешного опыта, который можно было бы позаимствовать. Можно лишь двигаться вперед на ощупь, исследуя и изучая путь, и продвигаться постепенно, шаг за шагом [11]; по горизонтали же предстоит столкнуться с давлением конфигурации неравенства модели в системе мировой модернизации и вызовом «ловушки благосостояния» современного западного общества, сжимающейся «во времени и пространстве». То есть, необходимо укреплять благосостояния людей и реагировать на требования народа, а также избегать «ловушки среднего дохода». Перед лицом двойных вызовов китайский путь модернизации трансформационного развития будет опираться на национальную специфику нашего государства и придерживаться истинных реалий, независимости и самостоятельности, уверенности в своих силах и упорном труде, настаивая на том, что «развитие – это высший приоритет партийного управления и процветания страны» [12], сохраняя при этом последовательность. С помощью методов развития следует решать проблемы одну за другой в соответствии с приоритетом проблемы, продвигать совместное изменение «трансформационного развития» и осуществлять экономическое возрождение и социальную гармонию.

С общей точки зрения, прогресс или зарождение китайского пути модернизации трансформационного развития прошла через подобный процесс эволюционирования: экономически – переход от плановой экономики к рыночной экономике социализма с китайской спецификой; политически – переход от надзирающего правительства к обслуживающему. С точки зрения культуры – переход от революционной культуры к культуре управления государством, в общественном плане – переход от социального управления к об-

ществу народного благосостояния, и с точки зрения экологии – переход от ресурсной модели к экологической культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, из вышеприведенного анализа можно уяснить, что ключ к огромным успехам китайского пути модернизации заключается в правильном выборе Коммунистической партией Китая пути модернизации «трансформационного развития». Этот верный выбор является результатом предпочтений КПК не как правящей партии, а КПК, которая стоит лицом к лицу перед особой исходной точкой для модернизации полуколониального и полуфеодалного общества, а также конфигурации неравенства мировой системы модернизации. Исходя из реальной ситуации в стране, следует твердо придерживаться стратегического мышления совместного изменения: «Народное благосостояние – прежде всего», «развитие – непреложный закон», а также «трансформация и развитие». Тем самым можно достигнуть инновационных результатов оптимизации модели линейной модернизации капитализма и модели структурной модернизации развивающихся стран. С точки зрения трансформационного развития, интерпретация китайского пути модернизации полезна не только в целях углубления понимания и осознания сущности и содержания китайского пути модернизации, но также и для повышения уровня собственной уверенности в теории и путях всестороннего продвижения китайской модернизации. Помимо этого, также полезно раскрыть успешный опыт китайского пути модернизации и предоставить другим развивающимся странам опыт для заимствования и наглядные примеры для выбора пути модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Си Цзиньпин. Борьба за создание мировой научно-технической державы. Выступления на Государственной конференции по инновациям в области науки и технологий, Конференции академиков Китайской академии наук и Девятом всекитайском съезде представителей Китайской ассоциации науки и технологий. Пекин: Народное издательство, 2016. С. 3–4.
2. Лу Минчунань. Логика зарождения и мировое значение китайского пути модернизации // Административный форум. 2021. № 4.
3. Си Цзиньпин. Об управлении государственными делами: монография. Т. 3. Пекин: Изд-во иностранных языков, 2020.
4. Си Цзиньпин. Выступление по случаю празднования 100-летия основания КПК. Пекин: Народное издательство, 2021. С. 5.
5. Собрание сочинений Маркса и Энгельса. Т. 2. Пекин: Народное издательство, 2009. С. 36.
6. Собрание сочинений Маркса и Энгельса. Т. 1. Пекин: Народное издательство, 2012. С. 51.
7. Ян Цзюнь. Введение в современную социальную философию – Исторический материализм и трансформационное развитие: монография. Шанхай: Изд-во Шанхайского университета, 2014. С. 2–5.
8. Си Цзиньпин. Об управлении государственными делами: монография. Т. 2. Пекин: Изд-во иностранных языков, 2017. С. 384.

Чу Дэфэн

9. Избранные важные документы со времени XVII съезда КПК. Ч. 2. Пекин: Центральное издательство партийной литературы, 2011. С. 849.
10. *Рамо Дж.К.* Китай и глобализация: Вашингтонский консенсус или Пекинский консенсус / Цзай Хуанпин, Цуй Чжиюань (глав. ред.). Пекин: Издательство литературы по социальным наукам, 2005. С. 46–57.
11. Сборник документов ЦК КПК (октябрь 1949 г. – май 1966 г.). Т. 44. Пекин: Народное издательство, 2013. С. 55.
12. Избранные важные документы за тридцать лет реформ и открытости. Ч. 3. Пекин: Центральное издательство партийной литературы, 2008. С. 1536.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 83,45%

Р е ц е н з е н т: Сюй Цзюньфэн, профессор; декан Школы марксизма при Шанхайском политико-юридическом университете

Статья поступила в редакцию 14.01.2023, принята к публикации 12.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чу Дэфэн, доктор юридических наук, доцент; член совета Китайской ассоциации исследований диалектического материализма; старший преподаватель, заместитель секретаря Школы марксизма при Шанхайском политико-юридическом университете

Правила рецензирования авторских экземпляров статей, поступающих в издательский дом «Юр-ВАК» (в редакцию журнала «Социально-политические науки»). Права и обязанности авторов. Требования к публикациям. Порядок предоставления материалов на публикацию

О ЖУРНАЛЕ

Журнал входит в «Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Решение Президиума ВАК Минобрнауки России по следующим специальностям:

- 5.5.0 – Политические науки**
- 5.7.0 – Философские науки**
- 5.4.0 – Социологические науки**
- 12.00.00 – Юридические науки**

Журнал востребован как в Российской Федерации, так и за рубежом, о чем свидетельствует география подписки на журнал. Журнал зарегистрирован в следующих базах данных: научная электронная библиотека E-LIBRARY.RU, ULRICHS WEB/GLOBAL SERIALS DIRECTORY, EAST VIEW, ИВИС, ЭБС (издательство «ЛАНЬ»). Также статьи журнала представлены в открытом доступе для обеспечения максимального цитирования в Google-Scholar, OCLC The world's libraries Connected, EBSCO Research Databases, RePEc, OpenAire, BASE Bielefeld Academic Search Engine.

Каждый выпуск журнала содержит не менее 250 стр., и включает не менее 50 научных статей от аспирантов до маститых докторов наук. Подписаться на журнал можно:

1. По каталогу агентства Почта России: индекс ПП613 «Социально-политические науки». <https://podpiska.pochta.ru/>
2. Альтернативная подписка и курьерская доставка – Агентство «Урал-Пресс». Телефон в Москве: 8 (495) 789-86-36.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

Публикация статей в журнале осуществляется при условии заключения Автором лицензионного договора, условия и порядок заключения которого изложены в публичной оферте. Статьи и подписанный договор оферты следует направлять в электронном виде в Редакцию по E-mail: urvak@urvak.ru Телефон редакции: +7 (495) 932-47-09, +7(916)577-94-06

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), и соблюдает Кодекс этики научных публикаций Некоммерческого партнерства «Комитет по этике научных публикаций».

Рукописи принимаются лишь при условии, что в настоящее время они не рассматриваются для публикации в другом издании, не размещались в Интернете и не были опубликованы ранее, ответственность за достоверность этой информации несет автор.

Авторы гарантируют, что их рукописи являются оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.

Авторы должны уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.

Авторы должны четко указать все источники, используемые в их тексте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статьях, цитат, юридических документов, а также не должны наносить урон чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц.

Авторы должны сообщать о любых ошибках, которые они обнаружат в своей рукописи после публикации.

КОМПЛЕКТНОСТЬ РУКОПИСИ

1. В начале статьи указывается номер специальности (обязательно).
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Фамилия, имя, отчество (полностью) автора, должность, ученое звание, ученая степень, место работы (все данные об авторах приводятся на русском и английском языках), электронный адрес, телефон.
4. Аннотация на русском языке и английском языках.

Аннотация должна быть **четко структурированной** и отражать следующие аспекты содержания статьи (не более 100 слов в каждом разделе):

Задача – причины/цели написания исследовательской работы. Обязательны ссылки на иностранных авторов, работающих над исследуемой задачей.

Модель – методология (как это было выполнено / область исследования).

Выводы – обсуждение/результаты.

Рамки исследования/возможность последующего использования результатов научной работы (если применимо) – исключения/следующие шаги

Практическое значение (если применимо) – применение на практике/что дальше?

[NEW] Социальные последствия (если применимо) – влияние на общество/политику

Оригинальность/ценность – кто сможет извлечь пользу из этой работы и что в ней нового? Для кого предназначена работа.

5. 4–6 ключевых слов на русском и английском языках (до 100 знаков с пробелами). Используйте релевантные и известные ключевые слова. Ключевые слова должны отражать суть работы, научную новизну.
6. Текст статьи в редакторе Word.
7. Список используемых литературных источников в едином формате, установленном ГОСТ Р 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.82–2001; фамилии авторов в алфавитном порядке. Количество цитируемых публикаций не должно превышать 15 источников.
8. Заполненная публичная оферта Издательства, размещенная на сайте: <http://www.urvak.ru/upload/oferta-rus.pdf>
9. Отчет системы **Антиплагиат** www.antiplagiat.ru в расширенной версии в формате pdf и текстом проверяемой статьи.
 - Рекомендуемая версия программы – система Антиплагиат.Вуз (модули поиска: Интернет (Антиплагиат), **Коллекция eLIBRARY.ru**, Диссертации и авторефераты РГБ, Университетская библиотека онлайн, Модуль поиска переводных заимствований, Модуль поиска ЭБС «Лань», Модуль поиска ЭБС «Айбукс», Кольцо вузов, Модуль поиска ЭБС БиблиоРоссика, Цитирования).
 - Если воспользоваться бесплатной версией программы Антиплагиат, установленной в ВУЗе, невозможно, то принимается отчет программы www.antiplagiat.ru в платной версии с модулями проверки: Интернет (Антиплагиат), **Коллекция eLIBRARY.ru**, Диссертации и авторефераты РГБ.
 - Статьи рассматриваются с показателем оригинальности от 80%.
10. Объем публикуемых материалов **неограничен**, шрифт 14, интервал 1,5.
11. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.
12. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном варианте по электронной почте на адрес редакции urvak@urvak.ru или непосредственно на электронном носителе, так и в печатном виде.

Библиографические ссылки к статьям авторы оформляют по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». В библиографических ссылках используют сокращения отдельных слов и словосочетаний по ГОСТ 7.11–2004 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках» и ГОСТ 7.12–93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила».

Рекомендуем авторам использовать Гарвардский стиль (*Harvard Style – именная – временная система (name-date system)*): после цитируемой фразы или ссылки на мнение автора в скобках указываются фамилия автора цитируемой работы и год ее публикации, а в списке литературы источники даются в алфавитном порядке) с тем, чтобы информация корректнее отображалась в международных базах данных.

Все журналы Издательского дома «Юр-ВАК» предоставляются в полнотекстовом виде в базе ведущего мирового агрегатора научной периодики EBSCO Pub-lishing на платформе EBSCOhost.

Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках – указываются **фамилия автора** (без инициалов), **год**. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, указывают номер страницы: [Иванов, 2010: 60]

В списке литературы:

Иванов И.И. Название статьи // Название журнала. год. Т. номер тома. № номер. С. страницы.

Если ссылка содержит сведения о нескольких работах, они разделяются знаком точка с запятой:

[Иванов, Сидоров, Латышев, Год; Петров, Год]

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Издательский дом «Юр-ВАК» осуществляет обязательное двойное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журналов, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей.

Срок рецензирования – **20 рабочих дней**.

Все статьи проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержательным требованиям и требованиям к оформлению библиографических ссылок;
- заявленным научным направлениям журналов;
- проверяются системой Антиплагиат в полной платной версии на сайте www.antiplagiat.ru, данные об оригинальности статей печатаются в журналах после текста работы;
- к публикации принимаются тексты, оригинальность которых составляет не менее 80%.

Если в ходе обязательной независимой редакционной проверки будут обнаружены факты некорректного обхода системы проверки Антиплагиат, в публикации будет отказано.

После успешного прохождения первичного отбора статьи направляются **на обязательное внешнее рецензирование**. Рецензенту направляется для рассмотрения статья автора и отчет программы Антиплагиат www.antiplagiat.ru.

Решение о публикации или отклонении поступающих в журнал материалов принимается редакционной коллегией в соответствии с положением о рецензировании. Подробные правила рецензирования изложены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» <http://www.urvak.ru/review/>

В своем отзыве на статью рецензент:

- 1) оценивает соответствие статьи тематике журнала;
- 2) проводит оценку уровня научной работы представленной рукописи;
- 3) оригинальные результаты / выводы, полученные в работе;
- 4) наличие ошибочных утверждений;
- 5) отсутствие заимствований;

- 6) актуальность и значимость представленной статьи;
- 7) наличие ссылок на работы других авторов, в том числе и зарубежных исследователей, работающих по данной тематике;
- 8) определяет качество оформления работы;
- 9) соответствие заглавия и аннотации основному содержанию работы;
- 10) наличие сформулированной во введении цели работы;
- 11) адекватность и обоснованность основных выводов работы;
- 12) требуются ли орфографические правки в тексте;
- 13) дает одно из следующих заключений по работе в целом:
 - статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-ВАК»;

- статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-ВАК» после доработки текста автором;
- статью необходимо качественно переработать и рассмотреть вопрос о ее публикации после нового рецензирования.

Отрицательная рецензия оформляется на отдельной странице для отправки авторам с подписью рецензента и главного редактора.

Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция не выплачивает авторам денежные вознаграждения за предоставленные для публикации материалы